

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии *New York Times*

КАРЕН УАЙТ

*Незнакомцы
на Монтегю-стрит*

«Замечательная
история».
Fresh Fiction

TRADD STREET. КНИГА 3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Незнакомцы
на Монтегю-стрит*

«Замечательная
история».
Fresh Fiction

TRADD STREET. КНИГА 3

Карен Уайт

Незнакомцы на Монтегю-стрит

Глава 1

Ночную тьму спящего дома пронзил телефонный звонок. Резкий и настойчивый, он вырвал меня из странного сна, в котором неким образом присутствовала я, Джек, лопата и что-то темное и волнистое, спрятанное под черной землей. Но как только Джек открыл рот, чтобы что-то сказать, раздался этот самый телефонный звонок. Я рывком приподнялась в кровати и сбросила на пол Генерала Ли. Пёс раздраженно тьякнул. Я потянулась к телефону, спросонья позабыв, что шнур выдернут из розетки. Я уже поднесла трубку к уху, как вдруг почувствовала затылком знакомое покалывание.

Мелани.

Я прислушалась, пытаюсь понять слова, хотя на самом деле их было трудно назвать словами – скорее невнятные звуки, едва различимые среди потрескивания статического электричества, которые слышала только я.

– Бабушка?!

Мелани, снова услышала я. Звук был мягкий и мелодичный. Я не почувствовала страха, хотя, полагаю, телефонный звонок от мертвых встревожил бы большинство людей. Но я уже привыкла.

– Бабушка? – снова спросила я, услышав лишь стаккато помех. Я закрыла глаза, как когда-то меня учила мать, и, сосредоточившись на звуке, попыталась мысленно воссоздать слова.

Не бойся.

Я закатила глаза, изо всех сил пытаюсь побороть нетерпение и в очередной раз удивляясь тому, почему призраки не могут просто прийти и сказать то, что хотели. Моя жизнь была похожа на длинный фильм категории «В», где я, как одинокий зритель, кричала, обращаясь к экрану: «Просто скажи ей уже!»

Стараясь не обращать внимания на лапу Генерала Ли, пытавшегося привлечь мое внимание, я сосредоточилась заново – крепко закрыла глаза и напрягла слух.

Не бойся. И ради разнообразия слушай свое сердце.

Я тотчас вытаращила глаза – во сне Джек говорил мне то же самое. В трубке прозвучал сигнал отбоя, и я поспешила вернуть ее на место.

Генерал Ли скулил и прижимал лапу к моей ночной рубашке. Я посмотрела на этот маленький черно-белый меховой шарик, вопреки моему желанию доставшийся мне в наследство вместе с экономкой миссис Хулихан и «антикварным» домом на Трэдд-стрит, где я сейчас живу. Тот самый дом, который буквально рушился у меня под ногами и с угрожающей скоростью высасывал деньги с моего банковского счета.

Я наклонилась, чтобы поднять обиженного отсутствием хозяйского внимания пса, но тот вырвался из моей хватки и вместо этого подбежал к туалетному столику, где начал скрести лапой одну из бронзовых ручек ящика, отчего та с лязгом ударялась о полированное красное дерево.

– Что? – спросила я, следуя за ним, как будто на самом деле ожидала ответа. Генерал Ли был лишь самую малость менее общительным, чем те призраки, с которыми я разговаривала с самого раннего детства, когда я еще не умела хранить эти «навыки» при себе.

В свете уличного фонаря я прошла через всю комнату к комоду и уже собиралась повторить свой вопрос, когда увидела на комодке что-то похожее на бумажник, лежавший между моим ночным кремом La Mer и сложенным в несколько раз листом с таблицей требующих моего внимания дел – я пользуюсь ею каждый день, чтобы точно распределять свое время, а иногда и время других людей.

Включив маленькую хрустальную лампу, я несколько раз моргнула, чтобы глаза привыкли к свету. Поскольку я убеждена, что очки меня старят, они были спрятаны в ящик прикроватного столика, так что мне пришлось прищуриться, чтобы лучше разглядеть странный предмет. Я уставилась на него, абсолютно точно помня, что, когда леглась спать, его там не было. Это определенно был бумажник, причем знакомый. Взяв его в руки, я открыла его и ничуть не удивилась, увидев, что с водительского удостоверения, выданного в Южной Каролине, на меня смотрит знакомое лицо.

Джек Тренхольм, рост шесть футов два дюйма, вес сто восемьдесят пять фунтов, черные волосы, голубые глаза. Заглянув в отделение для купюр и увидев там две банкноты по двадцать и одну в десять долларов, я с отвращением закрыла бумажник. Приличной фотографии на водительских правах нет ни у кого. Моя собственная напоминает нечеткий снимок Снежного Человека. Но фото Джека, конечно же, было ничуть не хуже рекламного, вроде тех, что смотрят на вас с

задней обложки его книг. Как автор исторических романов-бестселлеров о загадочных преступлениях прошлого, он просто не имел права выглядеть как модель журнала GQ. Это раздражало и немного нервировало меня.

Я сердито посмотрела на Генерала Ли.

– Как это попало сюда? – Более подходящим вопросом было бы «почему?», но я давно узнала, что со мной вечно происходили необычные вещи, и всегда по какой-то странной причине, но никогда по причине, которую можно было бы легко объяснить. Кроме того, я разговаривала с псом, и тонкости моего вопроса наверняка были ему недоступны.

Я задумчиво потерла пальцами мягкую кожу. Джека я не видела около двух недель – с того катастрофического дня, когда на крыльце моего дома появилась до этого неизвестная девочка-подросток и назвала его «папа». Я с радостью отступила, чтобы не мешать Джеку, его родителям и подружке (моей очень далекой кузине Ребекке Эджертон) решить эту маленькую проблему. С меня хватало моих собственных проблем, наименьшей из которых была диагностика трещин фундамента моего дряхлого исторического особняка. Плюс моя неспособность игнорировать непреодолимую тягу к Джеку Тренхольму.

Я посмотрела на часы на прикроватной тумбочке – интересно, не слишком ли рано звонить Джеку в пять пятнадцать утра? – как вдруг раздался звонок в дверь. Мы с Генералом Ли переглянулись, и мне показалось, что песик нахмурился, но, возможно, меня подвело плохое зрение. Я быстро сунула ноги в тапочки, накинула поверх ночной рубашки халат и сунула в карман халата бумажник. Взяв собаку на руки, я спустилась по лестнице в прихожую, искренне надеясь, что мой посетитель будет живым существом.

Фонари у входной двери оставались включенными, освещая веранду моего дома и позволяя легко распознать в узкие окна по обе стороны двери знакомую фигуру незваного гостя. Набрав код для снятия сигнализации – А-Б-Б-А, по названию моей любимой поп-группы, – я отодвинула засов и открыла дверь.

– Джек, – спокойно сказала я, хотя, если честно, в эти мгновения мое сердце выделявало кульбиты и сальто. – Надеюсь, у тебя имеется

по-настоящему веская причина разбудить меня, раз ты явился посреди ночи на мой порог?

Джек улыбнулся своей коронной улыбкой, которой с самого детства привык сражать наповал легионы женщин.

– Просто, Мелли, я увидел в твоём окне свет и понял, что ты не спишь. Чем ты занималась? Развешивала вещи в шкафу в алфавитном порядке имен дизайнеров?

Пока я натужно пыталась придумать ответ, который не включал бы в себя тот прискорбный факт, что я уже это сделала, я заметила, как его взгляд скользнул от моих тапочек до высокой горловины моей ночной рубашки, выглядывающей из моего просторного и очень толстого халата. Несмотря на позднюю весну, я была одета по-зимнему, так как по натуре я мерзлячка.

Я хмуро посмотрела на его брюки цвета хаки, мокасины без носков и белую рубашку с закатанными рукавами. Мне бросились в глаза его взлохмаченные волосы, щетина на щеках и круги под глазами, которые, к сожалению, нисколько не умаляли его дьявольской привлекательности.

Прежде чем я успела что-то сказать, он уже отпустил шпильку в мой адрес:

– Что-то не припомню, чтобы я видел этот наряд в каталоге Victoria's Secret. Это что-то новенькое?

– Что тебе нужно, Джек? У меня есть куда более важные дела, чем стоять возле входной двери и трепаться с тобой.

Его улыбка чуть померкла, но я все равно это заметила. Он оглянулся на затемненное место на веранде и снова повернулся ко мне. Теперь его улыбка напоминала гримасу. По моему позвоночнику пробежала первая дрожь тревоги.

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

Уфф. У меня отлегло от сердца. Я скрестила на груди руки. Очевидно, это какая-то шутка. Не в привычках Джека просить об одолжении. Его обычная стратегия была иной – обаять жертву, чтобы та ни за что не поняла, что она делает именно то, что ему нужно.

– Надеюсь, для этого мне не нужно ложиться на спину? Или ты просто напоишь меня, чтобы потом шантажировать? – Технически он не совершал ни того, ни другого, но мне нравилось делать вид, что эти два случая произошли по его вине.

Вместо язвительного комментария, который я ожидала услышать, Джек нахмурился и покачал головой. Я слишком поздно поняла, что он на веранде не один – из тени позади него вышла юная девушка, с которой я до этого встречалась всего один раз. Джек, который стоял, прислонившись к дверному косяку, выпрямился, давая ей возможность шагнуть мимо него в прихожую. Почти так же, как и ее отец, она окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног, только придиричвее, и при этом шумно жевала жевательную резинку.

– Красивые тапочки. – Она выпустила большой пурпурный пузырь жвачки, а затем снова втянула его в рот.

Я посмотрела на свои ноги. Эти тапочки мне подарила моя лучшая подруга Софи Уоллен, специалист по истории Чарльстона и его памятникам архитектуры, преподаватель местного колледжа, и они мне очень понравились. Я постоянно убеждала себя, что это потому, что в них тепло ногам, а не потому, что они были похожи на Генерала Ли, потому что я на самом деле не собачница. Особенно в данный момент, когда у меня на глазах мой неверный пес норовил пристроиться у ног девушки и тыкался носом ей в коленку.

Шагнув вслед за девушкой в прихожую, Джек закрыл за собой дверь. Мне тотчас бросились в глаза напряженные морщины вокруг его рта, хотя было видно, что он силится удержать улыбку на месте.

– Мелани, у меня не было возможности официально представить тебя в прошлый раз, когда мы были здесь, поэтому я бы хотел, чтобы ты познакомилась с Эммалин Амелией Петтигрю. Эммалин, познакомься с моей... моим...

Он умолк, как будто не зная, кем представить меня, и я была не в праве винить его в этом.

– Другом, – закончила я, ощутив странную необходимость прийти ему на выручку. Было ясно как божий день, что рядом с этой юной особой Джек чувствует себя совершенно не в своей тарелке.

– Мелани Миддлтон, – добавила я и протянула руку, потому что не смогла придумать ничего другого.

Девушка шагнула ближе и встала под люстрой. Теперь я смогла рассмотреть ее лучше. Несмотря на жирную черную подводку для глаз, ярко-красную помаду, коротенькую джинсовую юбку и высокие розовые кеды «Конверс», было видно, что она еще совсем юная – лет тринадцати или четырнадцати. Эта особа также была обладательницей

красивых черных волнистых волос и пронзительно-голубых глаз, не оставлявших сомнений в ее родстве с Джеком.

Проигнорировав мою протянутую руку, она щелкнула жвачкой и выдула еще один пузырь.

– Нола, – сказала она. – Мое настоящее имя – Нола.

Я опустила руку и посмотрела на Джека.

– Мы только что получили из Калифорнии ее свидетельство о рождении, и, похоже, ее официальное имя Эммалин Амелия. Очевидно, она просто привыкла к прозвищу.

Нола тут же скрестила на груди руки. На ее лице появилось нечто среднее между улыбкой и ухмылкой. Я тотчас напряглась: за этим явно что-то последует.

– Мама всегда называла меня Нола, потому что я была зачата в Новом Орлеане, штат Луизиана, когда она и этот парень напились в стельку.

Джек заговорил сквозь стиснутые зубы, а у меня мелькнула мысль, что, по идее, эта сцена должна доставлять мне куда большее удовольствие, нежели я испытывала в эти минуты.

– Как я уже сказал, ее зовут Эммалин Амелия, и последние тринадцать с половиной лет она жила со своей матерью в Лос-Анджелесе.

Я вопросительно посмотрела на него. За этими словами скрывалась целая история, которой он рано или поздно должен поделиться со мной. Но не сейчас. Девушка едва заметно вздрогнула. Костяшки ее пальцев, сжимавших ремни потрепанного рюкзака, побелели. Было в ее дерзости, в ее бравате что-то такое, что казалось неправдоподобным. Нечто печальное, одинокое, напуганное. Нечто такое, что напомнило мне брошенного ребенка, каким когда-то была я сама.

Я плохо разбиралась в девочках-подростках, хотя когда-то была такой же, но я знала: дать ей сейчас новое имя – не слишком хорошая идея. Я также знала, что стоящая передо мной девушка не Эммалин и не Амелия.

Выразительно посмотрев на Джека, мол, лучше молчи, я сказала:

– Приятно познакомиться, Нола. Мне кажется, что это имя тебе идет.

– Значит, ты спишь с ним? – спросила девушка, с торжествующим взглядом, предназначенным ее отцу.

– Абсолютно нет, – сказала я одновременно с Джеком, заявившим:

– Но попытки были.

Нола закатила глаза:

– Я сказала ему, что подумаю, оставаться мне тут или нет, если между вами что-то есть или типа того.

Или типа того. Я не вполне поняла, что значит эта последняя часть фразы, но я точно знала: что бы мы с Джеком ни делали, это нельзя отнести к категории «что-то есть».

– Ты хочешь, чтобы она пожила у меня? – спросила я и резко посмотрела на Джека.

– Да. Это услуга, о которой я собирался тебя попросить.

– А как же Ребекка? – спросила я, ощутив приступ головокружения. У меня и без того довольно плотный график дел. Вряд ли в моей таблице найдется свободная клеточка для чего-то еще, тем более для явно проблемного подростка.

Прислонившись к моему чиппендейловскому секретеру, Нола издала звук, как будто ее вот-вот вырвет. От толчка стоявшая на секретере статуэтка дрезденского фарфора слегка качнулась, но, к счастью, все же осталась на месте.

– Я тебя умоляю. А то я сейчас блевану. Я точно придушу эту сладкую розовую фифу, а мне не катит загреметь в тюрьжку для несовершеннолетних.

Я подняла брови, хотя и была совершенно согласна с ее оценкой Ребекки. Сделав над собой усилие и старясь говорить спокойно, я посмотрела на Джека:

– А в доме твоих родителей?

– Они уже ужали свое пространство до квартиры с одной спальней. Они могли бы хоть сегодня выставить ее на продажу и купить новый дом, чтобы у Эммы... Нолы... была своя комната, но я не хочу, чтобы они это делали. Кроме того, нам, ну, вроде как сейчас что-то нужно.

– И она не может жить у тебя, потому что?..

Джек стиснул зубы.

– Потому что... – Он пожал плечами – либо потому, что не смог придумать убедительный ответ, либо потому, что не хотел, чтобы Нола его услышала.

– Потому что я ему не нужна. Он никогда меня не хотел, – подала голос Нола.

Вытянув руки в примирительном жесте, Джек шагнул к ней.

– Неправда, Нола. Я тебе уже говорил. Не знаю, почему ты отказываешься меня слушать.

– Это ты не желаешь ничего слушать, – почти выкрикнула Нола. Лицо ее покраснело под слоем косметики, и это было нечто большее, нежели обычная обида или злость. Мне внезапно подумалось: я ведь ничего не знаю об обстоятельствах, которые привели ее к Джеку. Что-то ранило Нолу гораздо глубже, чем она была готова признать, и даже для меня было очевидно, что Джек не имеет об этом ни малейшего понятия.

Я почувствовала, что моя шея стала слегка липкой.

– Может, всякий раз, когда у вас двоих будет спор, я могу быть вашим посредником? Кем-то вроде рефери. И даже время от времени навещать вас.

Я с надеждой улыбнулась им.

Две пары одинаковых голубых глаз посмотрели на меня с выражением презрения. Под их взглядом я тотчас ощутила себя очень маленькой и бессердечной. Какой-то части меня было даже приятно наблюдать за их спаррингом, как то частенько бывает между нормальным отцом и дочерью-подростком. Я никогда не «бодалась» с моими родителями, но лишь потому, что у меня никогда не было такой возможности. Моя мать оставила меня, когда мне было шесть лет, отец же обычно бывал слишком пьян, чтобы обращать на меня внимание. Хотя мои отношения с обоими родителями значительно улучшились за последний год, я по-прежнему ощущала внутри себя огромную пустоту, зиявшую в годы моего взросления. Не то чтобы мне хотелось вернуться в юность. В конце концов, мне тридцать девять лет. Слишком стара, чтобы иметь дело с подростковой тревогой. Или быть не замужем, но это уже совсем другое дело.

– Но она даже не знает меня, – сказала я, хватаясь за свою последнюю соломинку.

Взгляд Нола был настолько жгучим, что я ожидала увидеть, как от моего махрового халата поднимаются клубы дыма.

– Лучше здесь, чем оставаться с ним, – Нола вздернула подбородок, указывая на Джека. – Или жить на улице. – Судя по ее взгляду, второй

вариант был лишь чуть хуже, чем жизнь под одной крышей со мной.

Джек прикоснулся к моей руке и задействовал против меня всю силу своего мощного обаяния, начав с пронзительного взгляда очень, очень голубых глаз.

– Мы здесь в этот безбожный час потому, что цапались до полуночи, пока я не запросил перемирие, чтобы хоть немного поспать. Вот тогда-то я и застукал ее за попыткой улизнуть. Я усадил ее рядом со мной на диван в гостиной, и тут мне в голову пришла мысль, что ты, возможно, не спишь, – он покачал головой. – Пожалуйста, Мелли, – добавил он, назвав меня уменьшительным именем, которое я терпеть не могу, хотя и он, и моя мать обожают им пользоваться. Мать – потому что это мое детское имя, Джек – потому что ему нравится дразнить меня. – Это ненадолго, – продолжил он, – до тех пор, пока мы не разрулим дела, но, живя под одной крышей, мы вряд ли это сделаем.

– А как же школа? – спросила я, в последней попытке избежать катастрофы. – Разве она не должна ходить в школу по месту жительства?

Нола закатила глаза:

– Школа – отстой.

Джек явно хотел что-то ей сказать, но, похоже, передумал.

– Я уже получил ее оценки, она – отличница, – сказал он вместо этого. – Чтобы закончить этот учебный год, я попробую определить ее в группу домашнего обучения. Тем временем моя мать попытается определить ее в Эшли-Холл, ее *alma mater*, да и твоей матери тоже. Надеюсь, совместными усилиями они добьются для нее места в новом учебном году.

Я знала, как выглядят девушки из школы Эшли-Холл – гладко зачесанные волосы, клюшка для лякросса, румяное личико, – и хоть убей не могла представить себе, что Нола в ее возрасте впишется в этот образ. Но я прикусила язык. Какое мне до всего этого дело?

– В общем, у Нолы в запасе целое лето, – с надеждой в голосе добавил Джек, – чтобы привыкнуть к Чарльстону.

Я посмотрела на них обоих, они в свою очередь выжидающе смотрели на меня. Джек – с надеждой в глазах, Нола – исподлобья. Меня так и подмывало выкрикнуть короткое «нет». У меня есть моя собственная жизнь, без оков в виде мужа или детей или иных обязанностей, которые не включают в себя выполнение моей квоты

продаж для «Бюро недвижимости Гендерсона». Или дальнейшую реставрацию моего красивого, но вечно высасывающего из меня деньги дома. Но стоило мне посмотреть на Нолу, как я вновь увидела испуганного, брошенного взрослыми ребенка, который, за исключением предательской дрожи, изо всех сил старается храбриться и дерзить. К сожалению для нас обеих, я видела не только ее дрожь. Я видела в ней себя.

– Хорошо, – осторожно сказала я, желая положить конец страданиям Нола и не провоцировать ее дальнейшую неприязнь ко мне. – Она может пожить здесь некоторое время. В гостевой комнате на кровати есть чистые простыни и чистые полотенца в ванной. Я позабочусь о том, чтобы Нола, пока она будет жить у меня, чувствовала себя как дома.

Я вопросительно посмотрела на Джека в надежде на то, что он не только назовет конкретный период времени, но и окажет мне моральную поддержку.

Но нет, в его глазах читалось лишь огромное облегчение. Учитывая эмоциональную травму, которую он причинил мне в прошлом году, мне, по идее, полагалось злорадствовать. Вместо этого мне стало жаль и его, и Нолу: их отношения напомнили мне отношения между мной и моим отцом до недавнего времени, когда он наконец бросил пить.

– Спасибо, – сказал Джек. Мне не оставалось ничего другого, как улыбнуться.

Джек подошел к двери и открыл ее.

– Я знаю, Нола не хочет об этом забыть.

С этими словами потянулся за чем-то на веранде и втащил в дом выдавший виды черный гитарный футляр, потертый и поцарапанный, почти сплошь залепленный наклейками. Большую часть надписей на них уже было невозможно прочесть. Наверху, рядом с одной из защелок, виднелся маленький белый прямоугольник с выцветшими черными словами «Я люблю N’awlins. НОЛА».

Джек поставил футляр возле столика в фойе. Я на пару секунд уставилась на эту штуковину и второй раз за ночь ощутила кожей затылка знакомое покалывание. Я оглянулась по сторонам, ожидая увидеть... что-то. Температура, похоже, упала на несколько градусов, и я увидела, как Нола потеряла руки, как будто они озябли. А затем я услышала что-то вроде едва слышной музыки. Я взглянула на Джека и

Нолу, проверяя, слышат ли они ее тоже, но эти двое усердно старались придумать, как им попроситься без физического контакта.

Я напрягла слух, чтобы лучше услышать, но мелодия звучала так тихо, что мое ухо с трудом улавливало ее. Исполнялась она на акустической гитаре, красивая, бередящая сердце мелодия.

– Итак, Нола, – сказал Джек. – У тебя есть номер моего мобильного. Звони мне, если тебе что-то понадобится. Что угодно, – подчеркнул он.

Она кивнула, упрямо выставив вперед подбородок – точно так же, как Джек, когда тот бывает расстроен, но старается не подавать виду.

Я повернулась к Ноле:

– Мне надо коротко поговорить с твоим отцом. Может, пойдешь в свою комнату? Наверх по лестнице и налево. Третья дверь справа, ванная комната рядом. Чувствуй себя как дома, я скоро к тебе приду.

Нола со вздохом взяла гитару и закинула на плечо свой выдавший виды рюкзак. Молния на нем частично разошлась, и наружу высунулась мордочка старенького плюшевого мишки. Вот это сюрприз! Эта игрушка рассказала мне о Ноле больше, чем ее агрессивная косметика и вызывающее поведение. Это также напомнило мне, что ей всего тринадцать лет и она очень одинока. Ну, почти. Генерал Ли, подлый предатель, с радостью увязался за ней, не имея ничего против, что его ведет за собой незнакомка.

– Нола! – окликнула ее я, когда она начала подниматься по лестнице. – Мне рано утром надо на работу, но я скажу домработнице, миссис Хулихан, чтобы она присмотрела за тобой и дала тебе все, что понадобится. Я велю ей приготовить тебе завтрак, ты только скажи мне, чего ты хочешь, и я обещаю, что ты это получишь.

Она обернулась и угрюмо ответила:

– Я не люблю просыпаться раньше полудня, и я признаю только веганскую и органическую еду. – Не дожидаясь ответа, она отвернулась и нарочито медленно, едва переставляя ноги, зашагала вверх по лестнице.

Я снова посмотрела на Джека и увидела в его глазах хитринку.

– Учитывая, как ты привыкла налегать на выпечку и животный белок, Мелли, это может быть для тебя проблемой. Наверно, мне следовало предупредить тебя...

– Подозреваю, что не только об этом. – Я сложила на груди руки. – Тебе явно есть что мне сказать. Начнем с того, где сейчас ее мать.

Он быстро посмотрел на верхнюю площадку лестницы, и лицо его посерьезнело.

– Она умерла.

Слова Джека меня не удивили. Думаю, я знала это с первого момента, как только увидела Нолу. Но мое вечное стремление подальше прятать мое шестое чувство порой делало меня чрезвычайно тупой.

Он взял меня за руки и притянул ближе к двери.

– Возможно, Нола подслушивает, – тихо добавил он, – поэтому я не хочу говорить об этом сейчас. Давай встретимся в восемь часов в кофейне «Фаст энд Френч». Выпьем кофе, и я все тебе расскажу.

– За тобой и вправду должок, – вздохнула я.

– Я знаю, – тихо сказал он и, не отрывая рук от моих, продолжал смотреть на меня. В какой-то момент я даже подумала, что он собрался меня поцеловать, и даже решила, что, в принципе, я не против. Увы, время для подобных нежностей давно прошло, похороненное слишком глубоко под слоем всевозможных причин, почему мы с Джеком не подходим друг другу, не говоря уже о том, что у него была девушка, а теперь и дочь-подросток.

Он убрал руки.

– Это ведь не был «почти поцелуй», не так ли?

– Нет, – слишком поспешно подтвердила я.

– Отлично. Потому что я уже потерял счет, – сказал он, имея в виду свою досадную привычку напоминать мне всякий раз, что он меня почти поцеловал. Впрочем, все это было давным-давно. Джек шагнул на веранду. – Тогда увидимся в восемь.

– Я буду там, – пообещала я, прежде чем закрыть и запереть за ним дверь, и вновь включила сигнализацию. Я уже собралась выключить свет и вернуться наверх, когда снова услышала музыку, такую тихую, еле слышную, что я даже усомнилась, слышу ли я ее вообще. Я поймала себя на том, что, как антенну, поворачиваю голову, чтобы уловить слабый сигнал.

Когда я поднялась на лестничную площадку и направилась в комнату Нолы, мне показалось, что звук стал громче. А еще я застала там Генерала Ли, спящего перед закрытой дверью. Я подняла было

руку, чтобы постучать, но та сама застыла в воздухе. Я прислушалась. Музыка стихла, и до моего слуха с другой стороны двери донесся плач. Я опустила руку, затем тихо отступила назад и, не выключив свет в коридоре, направилась в свою комнату. Плотнo закрывать дверь я не стала. Сбросив с себя халат, я начала готовиться к работе, и все это время мне не давал покоя вопрос, сколько призраков эта потерянная, одинокая девочка принесла в мою жизнь.

Глава 2

Я закончила сочинять записку для миссис Хулихан, чтобы та знала: наверху спит девочка-подросток, которой, когда она проснется около полудня, нужно приготовить на завтрак что-нибудь веганское. Я надеялась улизнуть из дома до прихода экономки, потому что была уверена: вопросов будет гораздо больше, чем у меня найдется ответов. Я оставила под дверью Нолы свою визитную карточку и записку с просьбой позвонить мне, как только она встанет, чтобы мы могли придумать, чем нам заняться в остальные часы дня. Надеюсь, мой завтрак с Джеком даст ответ хотя бы на этот вопрос.

Почесав Генерала Ли за ухом, я угостила его вкусняшкой, не в силах вынести несчастный взгляд, который пес бросал на меня всякий раз, когда я оставляла его дома. Закрыв за собой дверь кухни, я услышала доносившиеся из сада голоса. Я на миг застыла на месте, как всегда, когда слышу в моем доме голоса, вспоминая призраков, которые населяли его, когда я только переехала сюда. Большинство из них исчезли, но несколько остались, тихие и ненавязчивые. Но мы как будто заключили негласный уговор: каждый живет своей жизнью и не мешает другим.

Осторожно шагая по мощеной дорожке, которую отец проложил для меня в ходе восстановления сада, я проследовала по ней вдоль стороны дома до сада. Здесь голоса смешивались с журчанием фонтана в виде писающего мальчика. Я застыла на месте, не зная, что мне делать – нахмуриться или расхохотаться.

Софи, ни разу не кандидат на обложку журнала, разве что «National Geographic», была одета в нечто вроде длинной юбки, скроенной из пары джинсов большого размера, разорванных, а затем на манер стеганого одеяла заново сшитых заплатками. Чудо-юбку дополняли майка-варенка и вечные «биркенстоки». Ногти на ногах разноцветные, а темные непокорные кудри с великим трудом удерживала на месте ядовито-зеленая резинка. Ее экзотический облик резко контрастировал со стоящим рядом с ней человеком в простой клетчатой рубашке и джинсах. Это был мой водопроводчик Рич Кобильт. Тяжелый пояс с инструментами низко съехал ему на бедра, а вместе с поясом съехали и

джинсы, открывая взгляду его спину чуть ниже, чем мне бы того хотелось. Оба смотрели на кирпичный фундамент моего дома и сокрушенно качали головами. Черт, если Софи, эксперт в области исторической реставрации, глядя на мой старый-престарый дом, качает головой, значит, дело швах.

– Доброе утро! – крикнула я с несколько наигранным воодушевлением и направилась к ним. Как назло, шпилька моей туфельки застряла между двумя каменными плитами. Погрузившись до упора в мягкую траву, она засасывала мою туфлю в грязь. Мне тотчас подумалось, что ведь и этот дом делал то же самое с моей жизнью.

– Доброе утро, – ответили эти двое в унисон, примерно так же, как гробовщик приветствует своего клиента.

– Что не так на этот раз? – спросила я, остановившись перед Софи, и проследила за ее взглядом. Тот, как и следовало ожидать, был устремлен на довольно большую кривую трещину, проходившую через кирпичи от земли до первого этажа. – Я в курсе трещин фундамента. Пожалуйста, скажи мне, что это не что-то более серьезное.

Рич и Софи переглянулись, после чего сантехник повернулся ко мне.

– Вообще-то, мисс Миддлтон, – сказал он, – не считая урагана, для такого старого дома, как этот, ничто не может быть серьезней треснувшего фундамента. Этот же из рук вон плох.

Я медленно кивнула, мысленно услышав знакомый звончек кассового аппарата.

– И насколько же?

– Вообще-то... – Он как будто вытащил слово. – Похоже, ваш курс акций полетел к чертям. Не знаю почему, кроме того что дом старый. Возможно, корни вон того старого дуба тянутся слишком далеко. Гадать можно сколько угодно. Эта стена вполне может обрушиться, а поскольку это несущая стена...

При чем тут «курс акций»? Не иначе как мои глаза остекленели, потому что Софи прервала поток его словоизвержений:

– Рич пытается сказать, Мелани, что если ничего не предпринимать, то со временем станет только хуже. А работенка предстоит немалая – поднять дом с существующего фундамента и построить новый. Это единственный способ исправить ситуацию.

Я стояла, моргая под яркими лучами утреннего солнца. Моя мечта обосноваться наконец в собственном доме и возобновить мою обычную, размеренную жизнь, внезапно показалась мне столь же нелепой, как если бы я напялила на себя один из нарядов Софи. Я повернулась к Ричу:

– Разве вы не сантехник?

– Да, мэм, сантехник. А также сертифицированный специалист по ремонту фундаментов и вместе с сыном Брайаном являюсь совладельцем фирмы «Хард Рок Фаундейшенз». Мы даем пожизненную гарантию качественного выполнения работ, и наша фирма включена в реестр «Бюро лучшего бизнеса». Спросите у доктора Уоллен. Она обращалась к нам по поводу многих своих реставрационных проектов и даст нам рекомендацию.

Способность к сопротивлению оставила мое тело до самой последней клеточки.

– Во сколько это мне обойдется? – спросила я, но тут же поспешила поднять руку: – Нет-нет, не говорите мне. Я позвоню вам позже, чтобы обсудить все подробно, и только после того, как выпью бокал вина. – Или два. – Просто скажите рабочим, чтобы они не начинали работу раньше шести часов утра. Не хочу, чтобы меня будили. – Я тотчас вспомнила про Нолу и ее странную привычку спать до обеда, но ничего не сказала. Она у меня ненадолго, поэтому какая разница. – Софи, просто сообщите моему отцу, чтобы он выписал чеки.

Мой отец был распорядителем имущества, которое я унаследовала, и отвечал за все расходы, связанные с реставрацией дома. Я мысленно прикинула, во сколько мне обойдется детонатор и тротил.

– Вообще-то... – начала Софи, после того как они с Ричем опять переглянулись.

– Видите ли, мисс Миддлтон, доктор Уоллен пытается сказать, что, пока мы тут будем работать, дом будет непригоден для жилья. Вам придется на время куда-то переехать отсюда.

Черт, а не броситься ли мне на траву и не забиться в истерику, махая кулаками и лягаясь? Впрочем, нет, это отняло бы гораздо больше сил, чем те, которые у меня есть.

– И надолго? – спросила я, стараясь, чтобы моя улыбка не превратилась в свирепый оскал. – Я лишь недавно вернулась сюда после того, как все половицы были подняты и уложены заново. И я

только что забрала всю мебель из хранилища. – Я вскинула руки ладонями вверх: – А что подумает Генерал Ли, когда его снова выставят из дома?

Прежде чем ответить, Софи в упор посмотрела на меня.

– Я уверена, – изрекла она, – что вы с Генералом Ли отлично устроитесь в доме вашей матери. И я думаю, три месяца – это максимум. В зависимости от погоды, конечно.

Я несколько раз открыла и закрыла рот, чувствуя себя выброшенной на берег рыбой. Отказавшись от попыток что-либо сказать, я просто кивнула, развернулась на заляпанном грязью каблуке и чуть не столкнулась нос к носу с Нолой. Первое, что я заметила, – это то, что на ней была та же одежда, что и накануне вечером, и эта одежда выглядела так, словно она в ней спала. Во-вторых, она выглядела не слишком счастливой.

– Что за черт? – рявкнула она на меня, уперев кулаки в бедра. – Зачем вы открыли мое окно, как будто здесь жарница в тысячу градусов? И почему моя гитара лежала со мной на кровати? Что, черт возьми, вы вообще делали в моей комнате?

Прежде чем я успела даже пискнуть, вперед вышла Софи.

– Ты, должно быть, Нола, – сказала она, протягивая ей руку. – Я – Софи Уоллен, подруга Мелани. Кстати, мне жутко нравится твой лак для ногтей... черный лак, которым я пользуюсь, не имеет такого блеска.

Спустя мгновение Нола подняла руку и дала Софи пожать ее несколько раз. Ее глаза скользнули по наряду Софи, смерив ее оценивающим взглядом с головы до пят. Я напряглась, готовая в любую секунду грудью встать на защиту моей лучшей подруги, независимо от того, соглашусь я с оценкой Нолы или нет.

– Классная юбка, – сказала она, причем даже без тени сарказма. – Моя мама сшила мне такую же, но мне пришлось оставить ее в Калифорнии, потому что она не влезла в мой рюкзак.

Покосившись на сантехника (он же специалист по фундаментам), я решила, что его испуганный взгляд – точная копия моего собственного.

Нола с вызовом сложила на груди руки:

– Как вы узнали, кто я такая?

Я ждала, что Софи ответит, поскольку собиралась задать тот же самый вопрос.

Софи просияла улыбкой, отточенной годами преподавания в колледже. Улыбка эта вынуждала студентов видеть в ней, несмотря на ее малый рост, строгого, авторитетного препода.

– О, милая, – по-южному протяжно ответила она, хотя на самом деле родилась и выросла далеко к северу от линии Мэйсон-Диксон^[1], – мы с твоим папой хорошие друзья и постоянно общаемся. Это я предложила привезти тебя сюда, когда он упомянул, что тебе не очень комфортно жить у него.

Я в упор посмотрела на Софи, давая понять, что у нас с ней еще состоится разговор на эту тему.

– Да, здесь не намного лучше, – заметила Нола, смерив меня колючим взглядом. – Я не привыкла вставать ни свет ни заря. В смысле, что за гребан...

Прежде чем она успела договорить последнее слово, я попыталась отвести ее назад по тропинке в дом, на кухню.

– Мне кажется, я слышала машину миссис Хулихан. Почему бы нам не позавтракать? После еды ты сразу почувствуешь себя бодрее, вот увидишь.

Нола даже не сдвинулась с места.

– Верно. Я уже проверила вашу кухню. Прорва мяса умерщвленных животных и горы пончиков с высоким содержанием глютена. Брр, гадость! Кто только ест такое дерьмо? Думаю, мой папаша просто хочет, чтобы я протянула ноги от голода.

Бросив на меня выразительный взгляд, чтобы я не ляпнула лишнего, Софи взяла Нолу за руку.

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Мне самой не верится, что она ест все это. Почему бы тебе не подняться наверх и не переодеться? А потом я отвезу тебя в мое любимое место и мы там позавтракаем. У них потрясные кексы из тофу и яйца без яиц. Тебе точно понравится.

Наблюдая, как Софи ведет Нолу обратно в дом, я подавила дрожь.

– Привези ее ко мне на работу, когда закончишь, хорошо?

Не оборачиваясь, Софи изобразила одобрение, показав мне большой палец. Они уже исчезли за углом дома, но тут я услышала, как Нола спросила:

– Но кто же тогда открыл у меня окна?

Ответ Софи отчетливо донесся до меня через весь сад:

– Это старый дом, милая. Здесь случаются вещи, которые обычно нигде больше не происходят.

Зная, что у Рича во время работы в доме было несколько «случаев», я избегала смотреть на него. Я просто не собиралась туда входить. Вместо этого, помахав на прощание рукой, я зашагала по дорожке.

– Спасибо, Рич. Просто дайте мне знать, когда будете готовы начать работу, чтобы я могла освободить дом. В очередной раз. Вы знаете, как связаться со мной.

Я зашагала к своей машине, стоящей в старом каретном сарае позади дома, превращенном теперь в гараж. Закрыв за собой дверь, я, прежде чем завести двигатель, долго сидела в моем авто, в очередной раз удивляясь тому, как моя некогда размеренная жизнь слетела с рельсов, словно поезд во время урагана, без моего ведома и согласия.

* * *

Когда я ровно в пять минут девятого подошла к двери кофейни «Фаст энд Френч» на Брод-стрит, там уже собралась небольшая толпа. Я пунктуальна до безобразия и считаю себя опоздавшей, если не прихожу в нужное место за десять минут до назначенного времени. Мне очень хотелось надеяться, что остаток моего дня не будет таким же.

Я посмотрела на толпу, не надеясь увидеть в ней Джека – этот лентяй не привык вставать рано. Скорее всего, уйдя от меня рано утром, он вновь завалился спать. А если он уже здесь, то лишь потому, что дело, которое он хотел обсудить мной, было для него крайне важно.

Мой телефон пискнул, оповещая меня, что пришла эсэмэска. Как оказалась, от Джека. Он сообщал, что сидит у стойки бара в задней комнате. Рассыпаясь в извинениях, я растолкала людей, чтобы подобраться к двери. Стараясь не нервничать, я прошла мимо девушки-метрдотеля и села рядом с Джеком, перед которым на стойке уже лежали два меню.

Кофейня «Фаст энд Френч», известная туристам как Gaulart et Maliclet, была моим личным фаворитом. Обожаю его слегка вычурный интерьер с фресками и другими произведениями искусства, которые украшают собой почти каждую поверхность. Не говоря уже про несовместимое на первый взгляд сочетание современного искусства и

классической резьбы камина и карнизов. Но дабы не быть обвиненной в любви в старинной архитектуре, я всегда оставляю это скромное наблюдение при себе.

– Доброе утро, – осторожно сказала я. – Ты спал на улице после того, как ушел от меня, ожидая, когда они откроются? – У Джека на лице темнела щетина, но одежда была чистой и отглаженной, и от него слегка пахло мылом. Но я все равно не удержалась от подколки. За исключением этого утра, я ни разу не видела, чтобы Джек встал с постели раньше десяти часов. Или оставался в ней, но это была еще одна тема, которую я предпочла не поднимать.

– Доброе утро, – бодро произнес он, и на его щеках появились две очаровательные ямочки. – И нет, я не спал на улице. Просто не хотел опаздывать, зная, как сильно это тебя раздражает. – Его ямочки сделались еще глубже.

Молодая бойкая официантка возникла перед нами по другую сторону барной стойки:

– Вы готовы сделать заказ?

– Два шоколадных круассана и капучино с двойными сливками, пожалуйста, – сказала я, не глядя в меню.

– Это для вас двоих? – уточнила она, глядя на Джека и широко улыбаясь. Я бы не удивилась, запиши она свой номер телефона на бумажке и сунь ее ему в карман. Такое случалось не раз.

Джек прочистил горло:

– Вообще-то, это все для нее. Я буду только кофе. Черный, пожалуйста.

Подняв брови, девица записала наш заказ и забрала у нас меню. Я пожалала плечами. Из всех черт, унаследованных по линии маминой семьи Приоло, активный метаболизм был большим плюсом. В моих глазах это было что-то вроде компенсации за другую, куда более малоприятную вещь – способность общаться с мертвыми людьми.

– Одним прекрасным утром ты проснешься толстой, Мелли, и поделом тебе будет.

Я всегда была выше и стройнее девушек моего возраста, и ничто не изменилось за последние тридцать девять лет. Несмотря на отсутствие бюста, я гордилась своей способностью есть все, что хочу, и при этом влезать в брюки.

Я фыркнула, снимая с чашки капучино передо мной ложку сливок.

– Ты будешь первым, кому я сообщу, когда это произойдет, Джек, – сказала я и зажмурила глаза, наслаждаясь сладостью на моем языке.

– Итак, как все прошло после того, как я ушел? – спросил Джек, когда официантка налила в его чашку кофе.

– Как и следовало ожидать. В конце концов, ее только что сбагрили в чужой дом. Когда, после того как ты улизнул от меня, я подошла к двери ее комнаты, чтобы спросить, не нужно ли ей что-нибудь, то услышала, что она ревет. Я не стала заходить. Я хорошо помню себя в ее возрасте. И я поняла, что ее лучше не трогать. Можно сделать только хуже.

Джек задумчиво кивнул:

– Вот почему я решил, что будет лучше оставить ее у тебя. Я бы как ни в чем не бывало вошел к ней и спросил, что случилось.

– Потому что ты мужчина. – Я сделала глоток кофе. – Тем не менее я считаю, что твой богатый опыт общения с женщинами должен был тебя чему-то научить.

– Ей только тринадцать, Мелли. И она моя дочь. Поверь мне, когда мне было тринадцать лет, девочки моего возраста были существами с другой планеты. Мне кажется, с тех пор ничего не изменилось.

Сделав еще один глоток, я исподтишка бросила на него взгляд. Что-то подсказывало мне, что и в тринадцать лет он был таким же красавчиком, как и в нынешние тридцать пять.

– Тебе потребовалась профессиональная помощь?

Джек кивнул:

– Да. Мы ходили к детскому психологу, и тот сказал мне, что Эммал... Нола удивительно хорошо приспособлена к жизни, учитывая то, через что она прошла, и лучшее, что я могу сделать сейчас, – это включить ее в мою жизнь. – Он фыркнул. – Мы даже не можем жить под одной крышей, поэтому я не уверен, что у меня это получится.

– Ты что-нибудь придумашь, – сказала я, ободряюще похлопав его по руке. Впрочем, от моей уверенности ничего не осталось, стоило мне вспомнить растерянную тринадцатилетнюю девочку, которую он бросил на моем пороге.

Нам наконец принесли заказ. Официантка поставила на стойку между нами мои круассаны и добавила еще одну вилку. Я придвинула тарелку к себе вместе с обеими вилками и положила в рот первый кусочек.

– Тебе лучше начать с самого начала, – сказала я, прожевав и проглотив его. – Например, кем была мать Нолы и почему я никогда не слышала о ней или ее дочери.

Джек начал задумчиво чертить пальцем по стойке круги.

– Все не так, как ты думаешь, Мелли. Я встречался с Бонни Петтигрю, матерью Нолы, на последнем курсе колледжа. Она была из Коламбуса, штат Джорджия... такая милая девушка-южанка. Не скажу, что она была любовью всей моей жизни, но нам было хорошо вместе. Весело. Мы с ней постоянно смешили друг друга. В Университете Южной Каролины я был начинающим квотербеком, но ты, я догадываюсь, это уже и сама знаешь.

Я сделала непроницаемое лицо. Не хотелось признаваться, что я искала информацию о нем в Гугле. Джек несколько секунд в упор смотрел на меня, ожидая, что я вот-вот расколюсь, но, когда этого не произошло, продолжил:

– Бонни была чирлидершей, так что это тоже было кое-что общее. Нам как бы полагалось встречаться, ну, ты понимаешь?

Я кивнула, хотя и не понимала. Мои четыре года в колледже Южной Каролины были в первую очередь посвящены учебе, нежели общественной работе. Я могла по пальцам пересчитать, сколько раз я студенткой была на футболе. Плюс еще три пальца на те три свидания, которые у меня там были.

– А еще Бонни была довольно музыкальной, – между тем продолжил Джек. – Она все время сочиняла песни и исполняла их для меня на гитаре. У нее это здорово получалось. Честное слово. Ей хотелось сочинять музыку, и сразу после окончания колледжа она хотела отправиться в Калифорнию. Говорила, что, дескать, это лучшее место для занятий творчеством и что тамошняя природа будет ее вдохновлять. В общем, между нами существовал негласный уговор, что мы расстанемся, и я не особенно парился по этому поводу.

– А потом была поездка в Новый Орлеан на праздник Марди-Гра, – сказала я, не в силах скрыть сарказм.

– Она самая, – даже не моргнув глазом, согласился он. – Мы отлично провели время. Тогда я не был запойным алкоголиком, но, похоже, к тому все шло. Мы часто устраивали вечеринки. Много пили.

– И, видимо, не предохранялись.

Джек подал знак официантке принести ему еще кофе.

– Видимо, нет. Я был молод и очень наивен. А может, даже глуп, потому что мне даже не приходило в голову, что Бонни могла забеременеть. Она вообще ничего мне не сказала. Помню лишь, что примерно за месяц до выпуска она призналась, что решила бросить учебу, что ей не нужен диплом, чтобы заниматься тем, что ей больше всего нравится, и вообще, она переезжает в Калифорнию. Она даже словом не обмолвилась, что беременна.

– А после того, как родила, она больше не связывалась с тобой?

Джек покачал головой:

– Ни разу. Я тоже понятия не имел, как связаться с ней... да и вообще, это никогда не входило в наши планы. Но один раз я все же написал ее матери в Коламбус... ее отец умер, когда она была маленькой, и мать была ее единственным близким человеком. Впрочем, они с Бонни никогда не были духовно близки, так что ее мать смогла мне сказать лишь то, что Бонни перебралась в Калифорнию и с тех пор от нее не было никаких вестей. Все это, конечно, было очень печально, но я решил, что Бонни всегда поступает так, как ей хочется.

– Значит, ты забыл о ней?

– Я этого не говорил. Я просто стал жить дальше, – сказал он, глядя на меня в упор. – Но я никогда не забывал ее.

Я вонзила вилку в остатки круассана на тарелке.

– Как ты думаешь, почему она не рассказала тебе о ребенке?

Прежде чем ответить, Джек долго смотрел на свою чашку.

– Потому что она знала, что я бы предложил пожениться и вместе воспитывать ребенка. Вот только Бонни никогда бы не согласилась на это. Она была бы несчастна, застрянь навечно в Южной Каролине. Это значило бы поставить крест на всех ее мечтах и замыслах. Вероятно, она решила, что, если она хочет воплотить их в жизнь, ей лучше остаться матерью-одиночкой.

Как ни странно, у меня отлегло от души. Тот Джек, которого я знала, хотя и был не без недостатков, никогда бы не отказался от собственного ребенка. Я осушила вторую чашку, держа ее перед лицом чуть дольше, чем было необходимо, чтобы он не смог прочесть мои мысли. А читать их он умел очень даже хорошо.

– Так что же случилось с Бонни? – спросила я, поставив чашку на стол.

Джек сделал знак официантке, чтобы та принесла еще кофе, и я сделала то же самое.

– Она покончила с собой.

Я подавилась последними крошками. Если честно, я не ожидала услышать такое.

– Преднамеренно?

– Похоже, что да. Во всяком случае, так говорится в отчете коронера. Передозировка наркотиков, хотя из того, что я узнал от полицейского детектива, которому поручили расследование, передоз был для нее привычным делом. За последние два года она, по крайней мере, трижды попадала в больницу, проглотив целый букет наркотиков.

– Бедная Нола, – вырвалось у меня. Я вспомнила ее лицо, когда впервые увидела ее, лицо, говорившее о потере, горе и о чем-то еще, что в тот момент не имело имени. Теперь я поняла, что это было: точно такое лицо смотрело на меня из зеркала в течение долгих лет одиночества. – Кто же присматривал за ней, когда ее мать лечилась?

– Насколько я могу судить, никто. У Бонни была длинная вереница сожителей, и последний из них, Рик, или как его там, был с ней около двух лет. Но я думаю, что Нола сама заботилась о себе. Похоже, не в ее характере просить о помощи.

– Верно, не в ее, – я кивнула в знак моего полного согласия с ним. – Она вполне самостоятельная. – Я сглотнула. – И все-таки как же она нашла тебя?

– Бонни оставила ей конверт... ну такой... из серии «открыть только в случае моей смерти», и там было мое имя, название магазина моих родителей на Кинг-стрит и билет в один конец на автобус «Грейхаунд» до Чарльстона.

Я удивленно подняла брови:

– Она одна проехала на автобусе через всю страну? Вот это храбрость! Да, она выглядит старше, но ведь ей всего тринадцать... ну и ну, – я покачала головой.

– Она пряталась в доме подруги, а затем, чтобы не попасться на глаза работникам социальной службы, даже спала одну ночь на скамейке в парке, прежде чем решила, что ей стоит найти меня. – Джек старался говорить спокойно, но по его голосу я поняла: рассказ этот дается ему нелегко.

– Почему она сначала не позвонила тебе, чтобы сообщить, что придет?

Джек оттолкнул свою пустую чашку.

– Нола не очень разговорчива и молчит о многих вещах, особенно о смерти матери, но она на все сто уверена в одном: Бонни вбила ей в голову, что я был в курсе ее беременности, но отрекся от них обеих. – Он посмотрел на потолок и заморгал. Все, что я могла сделать, чтобы успокоить его, – это пожать ему руку. Через мгновение он продолжил: – Думаю, она делала это для того, чтобы у Нолы не возникало соблазна ее бросить. И из того небольшого, что я сумел выудить из Нолы, я понял, что, когда Бонни воздерживалась от наркотиков, у них были хорошие отношения. Бонни даже научила Нолу играть на гитаре, и они иногда играли вместе на улице. Правда, мне свои таланты она не спешит демонстрировать. Она протащила эту расстроенную гитару через всю Америку, но почему-то отказывается играть на ней.

Я вспомнила, как после того, как моя мать, знаменитая оперная дива, бросила нас с отцом, у меня появилось отвращение к оперной музыке.

– Ей нужно время, – сказала я, надеясь, что Ноле потребуется меньше тридцати трех лет, которые потребовались мне, и то только потому, что моя мать еще жива и объяснила мне, что была вынуждена оставить меня ради спасения моей жизни. Но Бонни больше нет, и ее причины навсегда останутся загадкой.

– Я знаю. Вот почему мне пришлось привести ее к тебе. Софи сказала, что ты поймешь. – Он с виноватым видом улыбнулся мне. – Сколько бы раз я ни говорил Ноле, что понятия не имел о ее существовании, пока не увидел ее на твоём крыльце, она мне не верит. И мы не сможем наладить отношения, пока она не поверит – чего никогда не случится, если мы будем жить под одной крышей и постоянно сталкиваться лбами.

Я нахмурилась:

– Есть только одна проблема. Я рада, что она останется жить у меня, сколько бы времени это ни заняло, но меня вновь выставляют из дома.

Джек удивленно выгнул бровь.

– Софи и сантехник болтали об этом сегодня утром, но все это сводится к трещине в фундаменте. Я еще не спросила мать, но, похоже, мне придется переехать к ней месяца на три. Я уверена, она будет рада принять и Нолу, но мне нужно спросить у нее разрешения. Время от времени у нее возникает желание обзавестись внуком или внучкой, так что, возможно, внучка ее лучшей подруги, живущая с ней под одной крышей, на некоторое время ее излечит от такой фантазии.

– Или навсегда отобьет, – хмуро сказал Джек. – Подростки не для слабонервных.

– Какое счастье, что мы с матерью не такие.

Официантка принесла наши счета, и я заметила, как она прищурилась, пытаясь разглядеть на левой руке Джека обручальное кольцо. Заметив, что я смотрю на нее, она смерила меня самодовольным взглядом. Джек сунул руку в один карман джинсов, затем в другой.

– Странно. Мой бумажник пропал.

Я невозмутимо полезла в сумочку и вытащила бумажник, который Генерал Ли нашел на моем комодe. Я оставила его на столе в холле и утром захватила с собой по дороге на работу.

– Твой?

Он взял его у меня и открыл.

– Определенно мой. Где ты его нашла?

– В моей спальне.

Джек нахмурился:

– Не хочу изображать дурачка, но, если бы мой бумажник был в твоей спальне, разве я тоже не был бы там? И поверь мне, я бы это запомнил.

Я шлепнула его по руке:

– Понятия не имею. Все, что я знаю, так это что прямо перед тем, как его нашла, мне кто-то позвонил, хотя телефон был отключен. Уверена, что это как-то связано между собой.

– Снова твоя бабушка?

Джек был одним из немногих, кто знал о моем шестом чувстве. Хотя в течение большей части моего детства и взрослой жизни я тщательно скрывала от всех этот секрет, постепенно мать убедила меня, что его следует воспринимать как дар, а не как проклятие. Но очень постепенно.

Я кивнула.

– Она что-нибудь сказала?

Я подумала о ее словах – *ради разнообразия слушай свое сердце* – и поняла: Джеку об этом говорить не стоит. Если он узнает, то позже найдет способ смутить меня или даже подкупить.

– Нет, – ответила я. – Сам знаешь, обычно это звучит неясно.

– Да, но мы с тобой знаем, что нет такой вещи, как совпадение. Если мой бумажник оказался в твоей комнате из-за нее, значит, она что-то хочет тебе рассказать обо мне.

Чувствуя, что краснею, я покопалась в собственном бумажнике.

– Может быть. Что-то вроде совета «только не открывай дверь». Зря я не прислушалась. – Я улыбнулась ему, но Джек не смотрел на меня. Его взгляд был устремлен внутрь пустого кошелька.

– У меня было пятьдесят долларов. Есть идеи, что могло с ними случиться?

Я покачала головой:

– Когда я прошлой ночью нашла бумажник, деньги в нем были. Я больше не проверяла его содержимое до того, как сунуть его в мою сумочку и приехать сюда.

Наши взгляды встретились, и мы друг друга поняли.

– Не спеши с выводами, Джек, – сказал я. – Вот увидишь, этому есть логическое объяснение. Возможно, они выпали и все еще лежат на столе. Я спрошу у миссис Хулихан, как только вернусь домой. Просто ничего не делай, пока я тебе не позвоню, хорошо?

Он недовольно поджал губы, но тотчас расслабился.

– Хорошо. Но только чтобы ты позвонила мне, как только все выяснишь.

– Обещаю. – Я встала и взяла его счет. – Я угощаю. В следующий раз платишь ты.

– Приглашаешь меня на новое свидание? Весьма любезно с твоей стороны, Мелли.

Не успела я ответить, как зазвонил его мобильник, но, когда Джек посмотрел на номер, он нахмурился и сбросил звонок.

– Налоговый инспектор? – спросила я, толкнув дверь.

– Вообще-то, это Ребекка, – ответил он, выходя следом за мной из кафе.

Меня так и подмывало спросить, почему он не ответил на ее звонок, но я сдержалась. Вдруг он еще подумает, что мне не все равно.

– Я должна сказать тебе одну вещь, Джек, – произнесла я, надевая солнцезащитные очки.

Он сложил на груди руки и в своей коронной манере улыбнулся одним уголком рта.

– Я уже знаю, Мелли. Ты считаешь, что я крутой чувак. Скажи лучше что-нибудь такое, чего я не знаю.

На этот раз я уступила искушению закатить глаза.

– Нола пришла не одна, если ты понимаешь, о чем я.

Джек напрягся. Лицо его посерьезнело.

– Бонни?

– Понятия не имею. Кто бы это ни был, но он прошлой ночью сунул гитару в кровать Нола и открыл окно в ее спальне. Все, что я знаю, это была не я и не Генерал Ли.

– Ты сказала Ноле?

Я отрицательно покачала головой:

– Ей и без того довольно трудно приспособливаться к новой жизни, так что, по-моему, сейчас этого лучше не делать – или вообще никогда. В лучшем случае это ее напугает, в худшем она больше никогда не поверит ни единому моему слову. Что может быть проблемой, если ты считаешься с моей помощью завоевать ее доверие.

– Верно. Тогда мы просто сыграем на слух.

– Хорошо. – Я нащупала в сумочке ключи от машины. – Послушай, может, ты дашь ей пару дней, а затем заглянешь к нам в пятницу вечером на ужин? Можно обойтись готовой едой. Купим гамбургеры, хот-доги, капустный салат – что-то в этом роде. Софи и Нола этим утром, похоже, нашли общий язык, поэтому я приглашу Софи и Чэда. В большой компании тебе будет проще найти с Нолой общий язык, – я вопросительно посмотрела на него. – Ей сейчас нелегко, Джек. Да, возможно, она трудный подросток, но мы все должны дать ей время освоиться на новом месте.

К моему великому удивлению, Джек притянул меня к себе и крепко обнял. Я примерно минуту пыталась понять, куда мне деть руки, а затем позволила им лечь на его широкие плечи.

– Спасибо, Мелли. Я знал, что ты тот человек, кто мне нужен.

Я похлопала его по спине, не зная, извлечет ли он на свет божий это ужасное слово «друг». Но мне все равно было приятно, что он обнимает меня. В конце концов я первая отстранилась от него, хотя бы потому, что объятия эти слишком хорошо напомнили мне о том, от чего я добровольно отказалась.

– Всегда пожалуйста. Я рада, что могу помочь тебе. – Прочистив горло от чего-то такого, чему у меня не нашлось названия, я добавила: – Надеюсь, за это я смогу рассчитывать на ответную любезность в будущем.

Лицо Джека прояснилось:

– Это приглашение, Мелли?

Посмотрев на небо и покачав головой, я повернулась и зашагала по Брод-стрит.

– Пора взрослеть, Джек, – бросила я ему через плечо.

Его смех сопровождал меня до тех пор, пока я не свернула за угол на Кинг-стрит.

Глава 3

Мы с Нолой стояли на Кинг-стрит рядом с антикварным магазином Тренхольмов. Находиться в окружении старинной мебели мне нравится не больше, чем бывать в больницах или на кладбищах. Потерянным душам слишком легко найти меня там. Я посмотрела на наше с ней отражение в большой зеркальной витрине: я в своем строгом темно-синем костюме от «Дольче и Габбана» и лодочках и Нола, одетая как протеже Софи, в поношенных кедах «Конверс», полосатых легинсах и коротком платье с цветочным принтом. И там, прямо за левым ее плечом, было лицо женщины. Правда, оно исчезло почти сразу, как только я его увидела. Исчезло так быстро, что на миг мне показалось, что это лишь игра воображения, если не считать ауры печали, которая пронизывала воздух и давила мне на грудь.

Глубоко вздохнув, я открыла дверь, впуская Нолу первой, а затем следом за ней вошла в магазин сама. Родители Джека стали владельцами «Антиквариатом Тренхольма» еще до его рождения. В наши дни магазин был известен не только всему Чарльстону, но уважаем во всем мире за высокое качество обслуживания и редкую антикварную мебель и предметы искусства. Даже в детстве я восхищалась их магазином, но только с тротуара, любуясь тем, что было выставлено в его больших витринах. Как бы то ни было, войдя, я тотчас услышала шелест старых юбок и еле слышное перешептывание голосов, пока я стояла, ожидая, когда мои глаза привыкнут к темному интерьеру.

– Мелани, Нола. Какой приятный сюрприз! – как всегда безукоризненно одетая, в костюме кремового цвета от «Сент-Джона», Амелия, мать Джека, вышла к нам из задней части магазина, где она ставила в массивную вазу сине-белого майсенского фарфора букет из дельфиниума и наперстянки. Она казалась такой же нежной и изящной, как и фарфор, но я знала: впечатление это обманчиво. Любой, кто воспитывал Джека Тренхольма и сумел остаться в живых, должен быть скроен из куда более прочного материала.

Окутав нас облачком «Шанель № 5», она поцеловала меня в обе щеки и повернулась к Ноле. Та, чтобы избежать объятий или любого

физического контакта, демонстративно сложила на груди руки. Амелия на миг растерялась, но быстро пришла в себя.

– Вчера я прошлась по магазинам на Кинг-стрит и увидела в витрине одну вещь, перед которой не смогла устоять. Надеюсь, тебе она понравится. – С этими словами она быстро подошла к стоящему в углу итальянскому секретеру с инкрустированной столешницей и что-то с него сняла.

Увидев сумку для покупок «Палм-авеню», я внутренне съежилась. Я люблю магазины «Палм-авеню»: что плохого в розовых и зеленых принтах от «Лилли Пулитцер»? Но я, хоть ты тресни, не могла представить себе Нолу в хлопчатобумажной рубашке поло или в любом цвете из разряда пастельных.

– Твой папа сказал, что в пятницу у мисс Миддлтон будет обед, – между тем продолжила Амелия, – и я подумала, вдруг тебе захочется нарядиться во что-то новое? Мне пришлось угадать твой размер, и, как мне кажется, я не ошиблась – все-таки я профессионал в шопинге. – Она рассмеялась, и я, к своему удивлению, услышала в ее голосе нервозность. – Надеюсь, тебе понравится.

С этими словами она величественным жестом вручила Ноле пакет, словно королева, дарующая рыцарское звание.

Взяв его у нее из рук, Нола хмуро заглянула в глубины пастельных тонов. Я тотчас поняла: необходимо мое немедленное вмешательство.

– Дай его мне, – сказала я, беря пакет. – Я оставлю его у двери, чтобы мы не забыли его, когда будем уходить. – Поставив пакет у двери, я вернулась с улыбкой от уха до уха, чтобы только никто не заметил, что я стиснула зубы.

Нола между тем повернулась, чтобы рассмотреть старинное зеркало в резной раме. Вокруг ее отражения в нем тотчас начал клубиться густой туман, хотя в магазине, кроме нас, никого не было. Я посмотрела на Нолу и Амелию: интересно, заметили они или нет? Уфф, кажется, не заметили, пронесло. Шепчущие голоса вокруг меня зазвучали как будто громче. Я услышала свое имя, произнесенное несколько раз разными голосами. Как я научилась делать еще в детстве, чтобы заглушить эти звуки и дать духам понять, что я не хочу общаться с ними, я начала тихо напевать себе под нос.

Поняв, что Амелия и Нола уставились на меня, я умолкла. Нола нахмурилась:

– Это что, какая-то музыка?

Я удостоила ее взглядом, который обычно предназначался риелторам, сделавшим мне невыгодное встречное предложение.

– Конечно. «Фернандо» был одним из самых популярных синглов группы «АББА».

Нола фыркнула:

– «АББА»? Это те чуваки, что написали музыку для отстойного мюзикла *Mamma Mia*? Ты что, состоишь в их фан-клубе или что-то в этом роде?

От необходимости ответить меня избавила Амелия:

– Не хочешь посмотреть магазин, Нола? Нам с мисс Миддлтон нужно кое о чем поговорить. Обещаю, это не займет много времени и после этого мы пойдем пообедать. Любишь пиццу?

Я взяла Амелию за руку и оттащила обратно к секретеру.

– Только если та сделана из травы и на вкус как картон.

Амелия бросила на меня недоуменный взгляд.

– Объясню позже, – сказала я, когда мы сели за ее стол. Порывшись в сумочке, я вытащила распечатку с таблицей: вся моя домашняя мебель, каждая комната – отдельная строчка или колонка. Так, например, в колонках был указан приблизительный год изготовления каждого предмета и его стоимость. В особой колонке были добавлены мои мысли о каждой вещи – например, понравилась она мне или нет. Не знаю, что подвигло меня добавить эту последнюю колонку, – наверно то, что без нее моя таблица была бы неполной. Я разложила распечатку на столе и развернула, чтобы Амелии было лучше видно.

– Софи сказала, что, прежде чем начнутся работы над фундаментом, было бы неплохо освободить дом от вещей. Я подумала, что я могла бы либо сдать все на хранение, либо вы с Софи могли бы найти несколько домашних музеев, которые согласились бы разместить у себя дома на короткое время целую комнату. Но дом нужно освободить как можно скорее.

Надев очки для чтения, Амелия уткнулась носом в мою таблицу.

– Что это? – спросила она, указывая на заголовок одной из колонок.

– Это количество времени, которое потребуется, чтобы вынести мебель, исходя из веса конкретной вещи и количества людей, которые понадобятся, чтобы спустить ее вниз и занести вверх по лестнице.

Она пристально посмотрела на меня поверх очков, но спустя пару мгновений вновь вернулась к моей таблице. Наманикюренный ноготь ее указательного пальца скользнул к другой колонке:

– А это что?

Я прищурилась, так как не захватила с собой очки, и тотчас смутилась.

– Ничего особенного. Мои личные мысли о каждом предмете мебели.

– Это случайно не имя Джека? – спросила она, поправляя на носу очки. – Шрифт такой мелкий – подозреваю, ты пыталась уместить надпись в одной строчке. Тут что-то написано про дедушкины часы в гостиной.

Я, все так же щурясь, посмотрела на указанное место в моей таблице и попыталась сделать вид, будто сама не могу прочесть примечание в ней.

– Я почти уверена, что это имя Джека, – сказала Амелия, поворачивая ко мне таблицу. – Более того, я уверена, что это так. Я права?

Загнанная в угол, я кивнула:

– Там написано: «Напоминает мне о Джеке». Именно в этих часах мы нашли алмазы конфедератов.

Амелия с легкой улыбкой посмотрела на меня.

– Понятно, – сказала она, и я испугалась, что она и в самом деле все поняла.

Мы просмотрели весь список до конца, и, когда закончили, я поняла, что Нола нигде не видно. Я резко встала, испугавшись, что она могла уйти. Но нет, вон она, в дальнем углу выставочного зала. Она стояла ко мне спиной, как будто замороженная тем, что разглядывала. Я подошла и встала рядом с ней, Амелия встала позади меня.

– Я временно поставила его здесь, в углу, пока не придумала, где он будет лучше всего смотреться, – сказала Амелия. – Джон считает, что его следует поставить на главную витрину.

Нола сделала шаг назад, и я увидела просто гигантский кукольный домик. Он стоял на полу, но его крыша была выше головы Нола. Это был викторианский особняк с кружевом лепных украшений,

причудливыми ставнями и высокой круглой башенкой в одном углу дома, увенчанной мансардной крышей.

– Красиво, не правда ли? – спросила Амелия, встав рядом с Нолой.

Нола лишь пожала плечами, словно ей было все равно, хотя ее взгляд был прикован к дому. Мой тоже, но, как мне кажется, по другой причине. Казалось, будто края дома подрагивали, словно поверхность шоссе в знойный полдень, и, когда я шагнула ближе, чтобы лучше их разглядеть, мое лицо как будто обдало жаром.

– Мы думаем, – между тем продолжила Амелия, – что этому домику около семидесяти лет, хотя я не до конца в этом уверена. Я все еще пытаюсь установить его происхождение, в чем Джек постоянно мне помогает. Я купила этот домик здесь, в Чарльстоне, но у него было много владельцев. Почему-то люди не слишком долго держали его у себя.

Я посмотрела на домик: его края продолжали подрагивать, воздух вокруг него нагрелся и сделался удушающим. Я отпрянула назад.

– Значит, вы еще не выяснили, кто его первоначальные владельцы?

Амелия покачала головой:

– Пока нет. Знаю лишь, что у самых последних владельцев он оставался меньше года и они пожелали побыстрее его продать. Они отдали его за такую низкую цену, что меня так и тянет отправить им дополнительный чек.

Я покосилась на Нолу. Та водила указательным пальцем по изящной резьбе балюстрады парадного крыльца. Меня обдало жаром уже оттого, что я смотрела на нее, тогда как она даже не вздрогнула.

– У тебя в детстве был такой кукольный домик? – спросила я Нолу, пытаюсь вывести ее из транса, в котором она, как мне показалось, пребывала. Размытые края домика теперь потемнели, как будто вечерние сумерки окутали их темнотой. Я хотела было схватить ее за руку и оттащить назад, но не решилась. Ведь иначе мне пришлось бы объяснять свой поступок.

Подведенные глаза Нолы встретились с моими, и она опустила руку.

– Нет, – ответила она, как отрезала. Амелия посмотрела на меня, и я поняла, что она тоже это заметила. Нола отвернулась от кукольного домика и сложила на груди руки. – Это просто дурацкая детская

игрушка. Я рада, что моя мать никогда не тратила деньги на подобные глупости.

Слова Нолы хлестнули Амелию, как струи холодного дождя. Она как будто обмякла под их весом. Она наверняка подумала про все те годы, когда ее внучка росла без нее, без той любви, которой она осыпала бы единственного ребенка Джека. Впрочем, ей хватило мужества улыбнуться:

– Пожалуй, ты права, Нола. Думаю, этот кукольный домик потому так часто перепродавали, что он успевал быстро наскучить маленьким девочкам, тем более что он занимал в их спальнях так много места.

Я снова посмотрела на кукольный домик – его перила и скобы уже почернели – и поняла, независимо от того, верила или нет Амелия в то, что говорила, она ошибалась: очевидно, имелась иная веская причина, почему маленькие девочки не хотели, чтобы кукольный домик оставался в их спальнях.

Мое внимание привлек шорох длинных юбок. Подняв глаза, я увидела женщину в платье в стиле ампир с высокой линией талии и пышными рукавами, сидевшую за туалетным столиком восемнадцатого века, с мраморной столешницей и трехстворчатым зеркалом. Зеленый цвет ее платья портило лишь красное пятно на лифе. Поймав на себе мой взгляд, женщина встала и направилась ко мне. Я поспешила отвернуться.

– Давайте перенесем ланч на другой раз, Амелия. Я только что вспомнила об одной встрече, – сказала я, и, взяв Нолу за руку, потащила ее к двери. – Большое спасибо за вашу помощь. Увидимся с вами и Джоном на барбекю. – Я на мгновение остановилась и, повернувшись к ней, увидела, что женщина в зеленом платье снова идет ко мне. Да и голоса теперь звучали все громче и громче. – Заходите к нам в любое время, чтобы увидеть Нолу. Мы будем всегда вам рады.

Амелия благодарно улыбнулась мне.

– Я знаю. – Она повернулась к внучке: – Надеюсь, ты не возражаешь. Я хочу, чтобы мы с тобой познакомились ближе. – Амелия шагнула вперед, явно желая обнять Нолу, но та поспешила отвернуться, сделав вид, будто этого не заметила.

Увидев у двери сумку с покупками, я сунула ее Ноле в руки.

– Амелия, спасибо за подарок. Уверена, что Ноле он понравится.

Я открыла для Нолы дверь, и та уже шагнула в нее, как вдруг остановилась и повернулась к Амелии.

– Спасибо, – медленно сказала она. – За ваш подарок.

И, коротко улыбнувшись, юркнула в дверь.

Амелия расцвела.

– Не за что, – запоздало сказала она, но Нола уже шагнула к витрине и, прижавшись лбом к стеклу, вновь уставилась на кукольный домик, делая вид, что ее внимание приковано к чему-то другому.

Я зашагала по Кинг-стрит в сторону рынка; Нола последовала за мной. До моей следующей встречи у меня оставалось почти два часа, и, хотя я бы предпочла провести утренние часы, сверяя записи в моем «БлекБерри» с двумя другими ежедневниками, которые я держала на всякий случай, я решила, что разговор с Нолой назрел.

Я повернулась к ней:

– У меня есть немного времени, и я решила показать тебе Чарльстон. Если ты не против прогуляться, мы пойдем на рынок под открытым небом. В это время года там полно туристов, но есть и кое-какие интересные местные продавцы и вещи ручной работы. Вдруг тебе что-то понравится.

Нола пожала плечами, и я восприняла это как «да». Мы пошли дальше, мимо витрин небольших бутиков и сетевых магазинов, расположенных на Кинг-стрит. Правда, я упрямо смотрела прямо перед собой. Не хотела, чтобы меня отвлекали соблазнительные товары. Тем более что у меня имелась причина для этой долгой прогулки с Нолой.

Хотя на улице было лишь около семидесяти пяти градусов^[2], влажность зашкаливала за девяносто процентов, и я вскоре почувствовала, как моя юбка начинает липнуть к ногам. Посмотрев на Нолу, я заметила на ее верхней губе бисеринки пота. Ее густой макияж уже потек. Я полезла в сумочку и, вытащив аккуратно сложенную салфетку, протянула ей. Нола на миг недовольно уставилась на нее, но затем взяла ее и промокнула щеки.

– Гребаная жарница, – сказала она.

Я не стала напоминать ей, что настоящее лето еще впереди или что для здешнего климата на ней слишком много одежды. Не стала я комментировать и ее выбор слов. Это можно будет сделать и позже. Вместо этого я сказала:

– Я знаю, что ты взяла деньги из бумажника своего отца.

Ее походка не дрогнула. Она даже не смотрела на меня, но я заметила, как развернулись ее плечи, как будто она готовилась к нападению.

– И что?

По крайней мере, она не стала ничего отрицать. Но меня не напрасно воспитывал отец-военный. Несмотря на его борьбу с алкоголем, он воспитывал меня в строгом военном духе, который жив во мне до сих пор.

– Это называется воровство. Есть две вещи, которые я не потерплю, это воровство и ложь. Не делай этого больше никогда. Ты меня поняла?

Нола ничего не сказала, и когда я остановилась, остановилась и она.

– Ты меня поняла? – снова спросила я.

Она встретилась со мной взглядом, чего я никак не ожидала, и ответила:

– Да. Поняла. – В ее словах все еще звучал вызов, но также и некое облегчение. – Деньги у меня под подушкой. Я их верну.

Мне показалось, что она хотела добавить что-то еще, но нет.

– Хорошо, – сказала я, и мы пошли дальше. – Я рада, что мы понимаем друг друга.

Я знала, что разговор еще не закончен, как и то, что я сама была не готова его продолжать. И если я хотела понять причину, почему она взяла деньги, похоже, мне придется подождать. За этим крылось нечто большее, чем обычное воровство. Я поняла это, когда она встретилась со мной взглядом и сказала правду. В тот момент она до боли напомнила мне меня в юности, и я просто не могла не дать ей второй шанс.

Наконец мы с ней дошли до знаменитого чарльстонского рынка под открытым небом, что простирался между Митинг-стрит и Ист-Бэй. Здесь под тентами и навесами тянулись бесконечные столы, заваленные товарами для толп туристов в пестрых футболках. Ядреный дух лошадиного пота и навоза из ближайших конюшен, где стояли конные экипажи для туристов, смешивался в воздухе с ароматами готовящейся пищи, напоминая новых соседей, которые пытаются поближе узнать друг друга.

Поговаривали, что в свое время на этом рынке с аукциона продавали рабов, но, вообще-то, это была просто байка, рассчитанная на туристов. На самом деле в конце восемнадцатого века эта земля была отведена под продовольственный рынок, и, хотя ассортимент товаров с годами менялся, назначение рынка не изменилось. Но я старалась по возможности избегать это место, потому что, был тут невольничий рынок или нет, оно буквально кишело призраками чарльстонцев как далекого прошлого, так и недавнего настоящего.

Мы медленно проталкивались сквозь толпы людей, пока Нола не остановилась у прилавка с традиционными корзинами из так называемой сладкой травы. В кресле за столом сидела женщина, чья черная кожа была обожжена солнцем до цвета угля, и на старинный манер, передаваемый поколениями женщин в ее семье, плела корзину. Рядом с ней сидела женщина средних лет, внимательно наблюдавшая за покупателями. Нола взяла крошечную корзинку, чуть больше моей ладони, и подняла ее, чтобы лучше рассмотреть причудливо сплетенные стебли сладкой травы. Корзинка была сделана столь искусно, что начало и конец каждого стебля исчезали в бесшовном переплетении.

Я улыбнулась обеим женщинам и повернулась к Ноле:

– Красиво, не правда ли? Эти корзины – часть исторического наследия местной этнической группы гулла, потомков рабов, привезенных из Западной Африки. Доктор Уоллен даже возит своих студентов на остров Эдисто, чтобы те узнали, как их делают. По ее словам, между изготовлением этих корзин и восстановлением старых домов в городе существует прямая связь. Я понятия не имею, что она имеет в виду, но я действительно обожаю эти корзинки.

Нола неохотно положила корзинку, чтобы пойти дальше. В очередной раз обратив внимание на жуткое состояние ее рюкзака и потертую резину кроссовок «Конверс», я вполне резонно предположила, что у нее мало денег. Движимая импульсивным порывом, поскольку я редко что-либо делаю без предварительного планирования, я взяла корзинку и протянула ее женщине помоложе:

– Сколько это стоит?

– Семьдесят пять долларов, – ответила та, вставая. – Ручная работа.

Цена была высока. Нола даже негромко ахнула, из чего я поняла, что она тоже так думает. Но я решила, что любой ребенок, которому

хватило храбрости сесть в автобус и проехать из конца в конец через всю страну, чтобы жить с незнакомыми людьми, нуждается в чем-то таком, что он может назвать своим.

– Я беру, – сказала я, вытаскивая из сумочки бумажник. Женщина быстро отбила чек и положила корзинку в простой белый бумажный пакет, который протянула Ноле.

Но та сложила руки на груди, прижимая к себе пакет с одеждой из «Палм-авеню».

– Это не мое, – запротестовала она.

– Я купила ее для тебя, – сказал я, беря у нее пакет и вложив ей в руки другой, с корзинкой. – Добро пожаловать в Южную Каролину. Кроме того, – добавила я, отводя ее от прилавка, – я заставлю твоего отца вернуть мне деньги.

Я подмигнула ей и, удостоившись в ответ скупой улыбки, зашагала дальше.

Мы миновали прилавки с украшениями из бисера, домашней парфюмерией, венками из прутьев и сушеной болотной травы и вручную расфасованными пакетиками с цукатами из pekanового ореха с арахисовой посыпкой. Как неисправимая любительница всего сладкого, я купила один пакетик и протянула его Ноле. Та покачала головой:

– Спасибо, не надо. Там внутри наверняка настоящие яйца и куча сахара.

Я откусила арахисовую посыпку, смакуя на языке ее сладость.

– А вот я очень на это надеюсь.

– И как только ты можешь загрязнять этой гадостью свой организм? – спросила Нола с нескрываемым отвращением, когда я проглотила еще один кусочек.

– Очень легко, спасибо, – с улыбкой ответила я.

Между тем Нола остановилась у прилавка с резными фигурками животных. Я же решила задать следующий вопрос.

– Почему ты взяла деньги из кошелька? – осторожно спросила я.

Она взяла фигурку спящего кота и поднесла ближе к глазам, чтобы лучше рассмотреть.

– Мне нужно было кое-что купить.

– Ты же знаешь, что всегда можешь попросить денег у отца, верно? Не говори ему, что я так сказала, но, по-моему, он довольно разумный

и справедливый человек. Даже если и не сразу, но он прислушается.

Нола продолжала рассматривать кошку – вертела ее так и этак, гладила пальцами темное дерево.

– Знаю. – Избегая смотреть мне в глаза, она осторожно вернула кошку на стол. – Проблема не в этом.

Я недоуменно нахмурилась, пока не увидела на ее щеках пунцовые пятна.

– А-а, – сказала я, не зная, как продолжить. – Тебе нужны были... женские штуки?

Она коротко кивнула и пожала плечами. Взяв ее за локоть, я осторожно отвела ее от стола.

– Думаю, он бы понял, Нола. Он не такой невежественный, как ты думаешь.

Мои слова вызвали на ее губах очередную, едва заметную улыбку. Тем не менее она так и не решилась посмотреть мне в глаза, лишь повернулась и зашагала в направлении, откуда мы шли. Я поплелась за ней следом.

– Он твой отец, Нола, – не унималась я. – Даже если тебе неловко просить у него денег, это лучше, чем воровать.

Она застыла на месте так внезапно, что я едва не налетела на нее.

Ее рука, сжимавшая оба пакета, стала почти белой.

– У моей матери никогда не было денег на такие вещи, поэтому раз в месяц я ездила на автобусе в соседний город и воровала там все, что нам было нужно. Мне казалось, что на этот раз будет лучше, если я заплачу за покупку.

Она повернулась и зашагала дальше.

Смысл ее слов дошел до меня не сразу, а когда дошел, она уже ушла вперед и я была вынуждена ковылять на высоких каблуках, догоняя ее.

– Послушай, Нола. Пойдем в аптеку и купим все, что тебе нужно, хорошо? Даже макияж. Но не проси меня купить тебе черную подводку для глаз. У тебя такие красивые голубые глаза, но их никто не увидит, если ты будешь старательно обводить их.

Она прищурилась и надула губы. Я уже научилась воспринимать эту гримасу как вызов и перебила ее, прежде чем она успела мне возразить.

– Ты можешь оставить красную помаду, если хочешь. Главное, избавься от черного карандаша для глаз. – Вопрос красной помады и нескольких сережек в ухе я мудро решила отложить на потом.

Когда она заговорила, выражение ее лица не изменилось:

– Если ты не пытаешься заарканить Джека, то почему ты так добра ко мне?

Ее вопрос наводил на самые разные мысли – например, почему она называет отца по имени и откуда у такой малолетки столь обширные познания о поведении взрослых?

Я глубоко вздохнула и смело посмотрела ей в глаза:

– Потому что ты напоминаешь мне одного человека, которого я когда-то знала. – Прежде чем она успела спросить, кого именно, я зашагала дальше. – Пойдем. Магазин недалеко отсюда.

Она пожала плечами и зашагала рядом со мной. Мы молча шли несколько кварталов, прежде чем она заговорила снова:

– Мелли?

Я даже не удивилась, что она не только назвала меня по имени, но и использовала его уменьшительную форму. Куда важнее было то, что она впервые обратилась ко мне напрямую.

– Да? – ответила я, продолжая смотреть прямо перед собой.

– Спасибо.

– Не за что, – сказала я, не давая губам расплыться в широкой улыбке. Когда же я обернулась, чтобы посмотреть на нее, то поймала в витрине магазина, мимо которого мы проходили, не только наши с ней отражения, но и явственный образ третьей женщины, идущей за нами следом. Застыв на месте, я обернулась – и ничего не увидела.

Глава 4

Не успела я закончить обсуждать с миссис Хулихан меню для вечернего барбекю, включавшее в себя бургеры с начинкой из тофу и запеченные бобы без бекона, которые следовало подать на отдельном столе, чтобы ничего не подозревающие гости их случайно не съели, когда в заднюю дверь кухни раздался стук.

Я встала и вместе с порывом горячего воздуха впустила мою мать. Несмотря на жару, на ней не было и бисеринки пота и она источала аромат цветов. Она напоминала мне более утонченную версию Долли Партон – те же самые завидные телесные формы, – но только брюнетки. Не будь я, кроме фигуры, точной ее копией почти во всех отношениях, включая нашу способность общаться с ушедшими в мир иной, я бы точно сдала тест на ДНК.

Она расцеловала меня в обе щеки, и в этот миг я заметила в ее волосах желтую розу.

– Красивый цветок, – сказала я, закрыв дверь, и повела ее за собой. Миссис Хулихан зорко оберегала свои владения, и, когда приступала к работе, путаться у нее под ногами было себе дороже. Генерал Ли остался лежать на подстилке в углу, умильно глядя на мою экономку в надежде получить лишний кусочек.

– Спасибо. Утренний подарок от твоего отца из его сада.

Я не стала спрашивать у нее, что мой отец делал у нее дома ранним утром, я действительно не хотела это знать. Хотя они были разведены и уже более тридцати лет жили порознь, их робкий новый роман мог бы показаться очаровательным, если бы не тот факт, что они были моими родителями.

– Ты ожидаешь на чай женщин из Исторического общества? Или кого-то еще? – спросила моя мать, следуя за мной в гостиную.

Я села на диван, а моя мать – напротив меня в кресло в стиле королевы Анны.

– Нет, почему ты спрашиваешь? – Я начала наливать нам кофе. Миссис Хулихан заранее принесла в гостиную поднос с кофейником, пока я, сидя за столом моей бабушки, занималась документами. Кстати, Амелия нашла этот стол на аукционе, и моя мать отдала его

мне. Как же приятно было сидеть за ним, перебирать почту или оплачивать счета, ощущая рядом присутствие моей любимой бабушки! Впрочем, ее вечные телефонные звонки никогда не давали мне почувствовать, что мы с ней далеки друг от друга.

Прежде чем ответить, мать критическим взглядом окинула мои шпильки, белое льняное платье и бабушкин жемчуг.

– Ты собралась в этом на барбекю?

Я вручила ей чашку черного кофе на блюде. Затем, положив в свою чашку кусочка сахара, я наполнила ее ароматным напитком, не забыв при этом оставить достаточно места для сливок.

– А что не так с моим нарядом? Подол ведь, кажется, не болтается?

Она закрыла глаза и покачала головой:

– Разве у тебя нет, скажем, пары обтягивающих джинсов или что-то в этом роде? Что-то такое, в чем ты выглядела бы моложе и... чуть сексуальнее?

Я попыталась сделать вид, что не заметила, что моя мать произнесла слово «сексуальнее», более того, что оно было адресовано мне. Внезапно дом содрогнулся, как будто от удара, затем последовали два хлопка дверью и гул воды, бегущей по старым трубам.

Я слегка повысила голос, чтобы она меня услышала:

– Зачем мне выглядеть сексуальнее на заднем дворе моего дома?

Брови матери поползли вверх.

– Что такое? – Я и вправду понятия не имела, к чему она клонит.

– Разве Джек не придет сегодня вечером?

Я притворилась, будто мой пульс не пропустил удар при упоминании его имени.

– Конечно, будет. Эта вечеринка устраивается для его дочери. Но какое это имеет отношение к тому, в чем я там буду?

Она вновь закрыла глаза, словно вызывая божественное вмешательство.

– Мелли, дорогая, говорю тебе: Джек будет только рад увидеть тебя в симпатичных джинсах. Особенно если он приведет на барбекю Ребекку.

Моя рука с кофейной чашкой замерла на полпути ко рту. Я даже разглядела легкую рябь на поверхности кофе, вызванную доносящимся сверху грохотом. Осторожно поставив чашку на блюде, я откинулась на спинку дивана.

– Мама, если ты не заметила, Джек встречается с Ребеккой. Не со мной.

– Да, но, как поется в песне, «люби ту, с кем ты сейчас». Если хочешь знать мое мнение, она – его второй выбор, поэтому что ты слишком заиклена на работе и отказываешься замечать, что вы двое просто созданы друг для друга. Честное слово, Мелли. Пора ради разнообразия прислушаться к своему сердцу.

Я пристально посмотрела на нее:

– Ты разговаривала с бабушкой?

– Нет, почему ты спрашиваешь?..

– Потому что она позвонила на этой неделе и сказала мне то же самое. – Я решила не упоминать, что как раз перед тем, как зазвонил телефон, мне снился Джек.

– Отлично. Тогда, может быть, ты прислушаешься.

– Мама, ты знаешь не хуже меня: мы с Джеком просто не можем быть долго вместе, иначе один из нас убьет другого. – Стук наверху напомнил мне еще об одной причине. Прежде чем она успела возразить, я продолжила: – Я попросила тебя сегодня утром прийти ко мне, потому что у меня к тебе просьба. – При этих словах я вкрадчиво улыбнулась ей. – Я должна примерно на три месяца, пока ремонтируется фундамент моего дома, куда-то переехать, и я подумала, что, может, тыпустишь меня пожить у тебя.

Судя по ее лицу, она искренне обрадовалась.

– Милая, ты же знаешь, тебе даже не нужно спрашивать. Мы с твоим отцом будем только рады, чтобы ты пожила у нас.

Не став заострять внимания на словах «мы с отцом», я перешла прямо к следующей части просьбы:

– Правда, я не одна. Надеюсь, это не будет проблемой.

– Нет, конечно. Можешь взять с собой твоего очаровательного Генерала Ли. Он – часть семьи.

Я продолжала улыбаться. Между тем шум наверху усилился. Дверь ванной, а за ней дверь спальни шумно распахнулись, затем с грохотом захлопнулись.

– Что это, Мелли?

Моя улыбка как будто застыла. Правда, удивительно, что при этом я не клацнула зубами. Три дня под одной крышей с девочкой-подростком породили у меня ощущение, будто меня переехал грузовик

и оставил валяться посередине дороги. Мы уже перешли этап общения вежливых незнакомцев и теперь проверяли границы, как будто пробовали булавкой на прочность воздушный шарик.

– Это Эммалин Амелия Петтигрю. Но ее обычно называют Нолой, она дочь Джека.

Левая бровь матери поползла вверх на манер киношной Скарлетт О'Хара:

– Понятно. Амелия рассказывала мне о ней. И она живет у тебя, потому что...

– Потому что они с Джеком по-прежнему продолжают бодаться. Похоже, мать Нолы сказала ей, что Джек бросил их, и она ей поверила. – Я исподтишка покосилась в сторону, в фойе, опасаясь, что Нола подкрадется и все услышит. – Я все расскажу тебе позже. Но пока Нола со мной, и куда иду я, туда и она. – Я оживилась. – К тому же ты всегда говоришь о том, что тебе жаль, что ты не была со мной в мои подростковые годы. Теперь у тебя будет такой шанс.

Моя мать промокнула уголки рта льняной салфеткой и встала.

– Мы с тобой имели дело со злыми духами и мстительными призраками. И уж точно справимся с одной девочкой-подростком.

В следующий миг двери со стуком распахнулись снова и раздался звук включенного фена. Я быстро вышла в фойе и подняла голову на лестничную площадку.

– Ты там осторожнее с пробками! – крикнула я. – На всякий случай выруби стереосистему...

Свет один раз мигнул, а затем и вообще погас – к счастью, вместе с грохотом стереосистемы. Хотя я только что купила ее для Нолы, у меня была надежда, что она больше не подлежит ремонту.

– Дерьмо! Что за...

– Нола! – я крикнула в ответ. – У нас тут гости!

Моей матери следует воздать должное: она даже не вздрогнула. Вместо этого она шагнула мимо меня и встала на нижнюю ступеньку лестницы.

– Нола? Привет! Это миссис Миддлтон, мать Мелани. Я с нетерпением жду, когда мы с тобой познакомимся, но только когда ты будешь в лучшем настроении. А пока, будь добра, спустись вниз, чтобы Мелани показала тебе, как заменить предохранитель. Что-то подсказывает мне, что этот навык тебе еще понадобится.

С довольной улыбкой она вернулась в фойе – как раз в тот момент, когда миссис Хулихан высунула голову из кухонной двери.

– Кто-то выбил пробки, и у меня пропало электричество. Вам помочь с новыми?

– Спасибо, – сказала я, – но мы справимся сами.

– Главное, сделайте это побыстрее, – сказала старая экономка. – Иначе я не успею запечь бобы.

Я снова посмотрела на мать, но ее взгляд был прикован к чему-то за моей спиной. Я обернулась. Странно, кто-то прислонил футляр гитары моей гостыи к балясине лестницы. Я могла поклясться, что раньше его там не было.

– Что это?

Я заметила на футляре наклейку с надписью N'awlins, но мне все было ясно и без этого.

– Раньше это была гитара Бонни, матери Нолы, но теперь по наследству перешла ей. Хотя, по словам Джека, она не сыграет ни одной ноты.

Мать нахмурила брови, и между ними образовались две морщинки.

– Тогда что она делает здесь?

– Мы с Нолой задаем тот же самый вопрос. Иногда она просыпается с гитарой в своей постели, в других случаях инструмент просто появляется в случайных местах по всему дому, как будто выставляет себя напоказ.

– Может, Бонни пытается тебе что-то сказать?

– Может быть, – сказала я, избегая смотреть ей в глаза. – Я не пыталась связаться с ней, поэтому не уверена, но да, это очень даже вероятно. – В отличие от моей матери, я предпочитала не трогать спящих духов. Не в моих привычках будить их и просить выйти на свет. В детстве я постоянно терпела насмешки за мой особый «дар» и всю мою взрослую жизнь пыталась его скрывать. И сейчас, в тридцать девять лет, я не видела причин менять мой образ жизни. Изменить его – значит превратить мою жизнь в хаос.

Наши взгляды встретились, и, похоже, мать все поняла.

– Ты еще не сказала ей, верно?

Я вздохнула:

– О том, что ее мать, возможно, все еще здесь или о моей способности говорить с мертвыми? – Я отрицательно покачала

головой: – Не думаю, что она готова это услышать. У нее и так полно проблем с доверием. Сомневаюсь, что она поверит мне, если я ей скажу: «Привет, Нола. Я наяву вижу мертвых людей!»

– Пожалуй, ты права, но в конечном итоге тебе все равно придется ей сказать. И тебе нужно найти способ поговорить с Бонни – или кто бы это ни был – и выяснить, почему она все еще здесь. – Моя мать шагнула к гитарному футляру. – Давай я положу на него руку, если ты думаешь, что это поможет.

Я схватила ее за руку, удерживая на месте. Мать обладала редкой способностью общаться с духами, касаясь связанных с ними предметов, правда, порой с катастрофическими последствиями. В моих глазах ее вмешательство было крайней мерой.

– Вряд ли в этом есть необходимость. Наверно, Бонни просто бродит где-то поблизости, желая убедиться, что с Нолой на новом месте все в порядке. Давай лучше подождем и посмотрим, что будет дальше.

Мать пронзительно посмотрела на меня – подозреваю, этот взгляд все матери приобретают во время родов. Внутренне вздрогнув, я постаралась не рухнуть с моих шпилек от «Валентино».

– После барбекю сегодня вечером я еду к Кэролайн Лейн. Ее сестра умерла прошлой осенью, оставив кое-какие незавершенные дела, которые миссис Лейн хотела бы уладить, чтобы ее сестра могла упокоиться с миром. Если хочешь, поехали со мной.

– Мама, пожалуйста. Ты же знаешь, я чувствую себя в такие минуты как цирковой тюлень. И что подумают мои клиенты, если узнают? Меня перестанут воспринимать всерьез.

Сверху раздался пронзительный визг, за которым последовали быстрые шаги, и дверь распахнулась.

Снова.

– Хватит трогать мою долбаную гитару! Куда вы дели ее на этот раз?

Мне жуть как не хотелось кричать в собственном доме, и я подошла к первой ступеньке лестницы.

– Я отдам ее тебе после того, как ты сможешь мне заменить пробки.

Вместо ответа я услышала, как со стуком захлопнулась дверь.

– Кто-то должен поговорить с ней о ее лексиконе.

– Знаю, мама. Но пока рано это делать... она еще не отошла от травмы прошлого месяца. Мы с этим разберемся.

Я направилась с матерью к входной двери. На пороге она остановилась.

– Мне нужно выполнить несколько поручений, да и у тебя наверняка есть свои дела, так что заезжай за мной в час дня, договорились?

Услышав ее слова, я нахмурилась:

– Зачем?

– Чтобы купить тебе хорошие джинсы. Возьми с собой Нолу. Амелия сказала мне, что купила ей кое-что из одежды в «Палм-авеню», но не нужно быть экстрасенсом, чтобы догадаться, что Нола не наденет большую часть этих покупок. Мы можем вернуть то, что не подойдет, и, надеюсь, найдем что-то другое, с чем мы все согласимся. Амелия поймет.

Спорить бесполезно.

– Как скажешь, – ответила я и тотчас невольно поежилась, поймав себя на том, что начинаю говорить совсем как Нола, хотя с момента нашего знакомства прошло всего три дня. Интересно, после трех месяцев жизни с ней под одной крышей буду я проклинать пристрастия Софи в одежде или восхищаться ими? При этой мысли я вздрогнула.

– Замечательно. Договорились. Увидимся в час дня.

Мать поцеловала меня в обе щеки и, цокая каблуками по черно-белой мраморной плитке, прошла через веранду на выход.

* * *

С горшком настоящих запеченных бобов в руках я направлялась к одному из накрытых в саду столиков, когда позади меня кто-то негромко свистнул. Я обернулась. Джек развалился в кресле с банкой безалкогольного пива, стоявшей на столе перед ним. Повернувшись к нему спиной, я поставила горшок и принялась расставлять цветы, которые отец принес по этому случаю.

– Что? Никогда не видел раньше печеных бобов?

Джек покачал головой:

– Только не в придачу к такой прекрасной паре джинсов, это точно.

Впрочем, его лицо мгновенно посерьезнело, как только позади меня открылась кухонная дверь и в сад шагнула Ребекка Эджертон – этакое видение в розовом: розовые шорты, розовый свитер в тон и розовая лента на светлых волосах. За ее спиной стояла мятежная Нола.

Джек встал и робко улыбнулся дочери и Ребекке, явно не зная, стоит ли ему опоясывать чресла. Я пару секунд смотрела на Нолу, пытаюсь примирить увиденное с тем, что уже знала о ней. На ней были кроссовки «Конверс» с зелеными неоновыми шнурками и такие же ядовито-зеленые носки, доходившие почти до середины голени на ее длинных, тощих ногах. Выше располагалась джинсовая юбка, которую я узнала из нашей дневной поездки по магазинам, но с драным краем, которого, я была уверена, не было, когда ее покупали. Ее новая белоснежная блузка от «Лилли Пулитцер» выглядела так, как будто ее ошибочно принял за стену в метро какой-нибудь граффити-художник со склонностью к пацификам. Ради разнообразия подводка для глаз была на сей раз менее жирной, чего нельзя было сказать о красной губной помаде. Но главной фишкой этого ансамбля была розовая лента на голове, удивительно похожая на ленту Ребекки. Она удерживала ее темные волосы, подчеркивая правильные черты лица и его неприветливое выражение.

Софи, занятая тем, что выкладывала на поднос свои безвкусные, без яйца и сахара, лимонные батончики, обернулась на нее и в ужасе прошептала:

– Только не это!

Нола встала перед отцом и, сложив на груди руки, одарила его колючим взглядом. Ребекка обняла Джека за талию.

– Разве она не прелесть? Розовый действительно ее цвет – ты согласен?

– Просто прелесть, – ответил Джек, избегая поцелуя Ребекки, для чего подставил ей вместо губ щеку. – Это твой подарок?

Нола удостоила его взглядом в духе «ты самый забывчивый чувак на планете». Я внутренне напряглась, приготовясь к худшему, но тут к нам подошла Софи.

– Привет, Нола. Ты должна попробовать мои лимонные батончики. Они полностью веганские и очень вкусные, если ты позволишь мне похвалить себя. – С этими словами она нежно обняла Нолу за плечи. Когда же они проходили мимо меня, я услышала, как она шепнула ей

на ухо: – Как только она отвернется, можешь выбросить эту штуку в фонтан.

Лицо Нолы озарилось искренней улыбкой. Я приготовилась одними губами сказать Софи «спасибо», когда увидела на плече Нолы ее левую руку. Вернее, маленький сверкающий бриллиант на ее безымянном пальце, если говорить конкретно.

– Софи? Что это за кольцо? – Мой вопрос прозвучал гораздо громче, чем мне хотелось. Все разговоры тотчас смолкли.

Чэд, коллега Софи по колледжу Чарльстона и, как я привыкла думать, ее «платонический сосед», который в данный момент бросал теннисный мяч Генералу Ли, мгновенно обернулся и посмотрел широко раскрытыми, невинными глазами. Значит, не такой и платонический, решила я.

Софи спрятала руки за спиной, но, увы, слишком поздно. Моя мать бросилась мимо меня вперед и протянула руки к Софи:

– Дай мне взглянуть, дай мне взглянуть!

– Вы помолвлены? – спросила я, удивленная и слегка обиженная, что она не призналась мне раньше. Я считала Софи Уоллен своей лучшей подругой и поэтому ожидала, что у нее не будет от меня никаких секретов.

Виновато посмотрев на меня, она подняла левую руку, чтобы показать маме круглый бриллиант в старинной платиновой оправе. Кольцо смотрелось чуть более старомодно, чем, как мне казалось, предпочла бы сама Софи, но все равно было прекрасным. Оно ярко переливалось. И, главное, было абсолютно неожиданным. Я была ужасно рада за нее – да-да, была. Вот только я никак не могла смириться с тем фактом, что отныне это будут Софи и Чэд, а не только Софи и я.

Чэд подошел к своей невесте. Все остальные сгрудились вокруг счастливой пары, оттеснив меня назад. Стоя за чужими спинами, я слушала его рассказ о том, как он сделал ей предложение, когда они вместе проверяли кладки яиц морских черепах на острове Пальм.

– Они как будто созданы друг для друга, – раздался рядом со мной чей-то голос.

Вздрагнув, я подняла глаза и увидела смуглое, красивое лицо Марка Лонго. Мы с ним недолго встречались год назад, пока я не узнала, что он лгал мне, рассчитывая получить доступ к алмазам

конфедератов, спрятанным в унаследованном мною доме на Трэдд-стрит. Хотя он после этого извинился передо мной и даже попытался наладить отношения – чему, без сомнения, способствовал удар в челюсть со стороны Джека, – я сомневалась, что смогу снова ему доверять, независимо от того, насколько искренним он казался. Не помогало и то, что Джек его терпеть не мог и при первой же возможности не забывал напомнить Марку об этом. Впрочем, чувство это было взаимным.

– Марк, – сказала я, подставляя для поцелуя щеку. – Рада тебя видеть. – Я пристально посмотрела на него, не зная, как спросить, что он здесь забыл. Его точно не было в моем коротком списке приглашенных.

– Меня пригласила твоя мать, – ответил он, как будто прочел мои мысли. – Сказала, что, мол, здесь будет слишком много женщин и я нужен ей для ровного счета.

Я посмотрела на мою мать. Та тотчас сделала вид, будто не замечает меня или Марка, и вместо этого притворилась, будто внимательно слушает, как Софи и Чэд делятся своими идеями относительно свадебных торжеств. Я уловила слова «босиком» и «конопля», но меня отвлекла рука Марка, которая в данный момент крепко сжимала мою.

– Как тебе эта идея? Нравится?

Поняв, что Марк обращается ко мне, я посмотрела на него:

– Извини, что ты сказал?

– Я сказал, что собираюсь устроить вечеринку в моем пляжном домике, чтобы отпраздновать День штата Каролина. Я надеялся, что ты придешь и выступишь в роли хозяйки.

– Я почти уверен, что она будет занята в этот вечер, – вмешался в наш разговор Джек, шагнув из-за моей спины. – Тем более что это ее день рождения. – Он широко улыбнулся и протянул Марку руку: – Мэтью, верно?

К моему удивлению, Марк ответил крепким рукопожатием.

– А, знаменитый Джек Тренхольм! Как всегда, очень приятно.

Сбитая с толку его приветливыми словами, я пристально посмотрела на Марка. Почему-то он напомнил мне кота, стоящего рядом с пустой миской из-под сметаны.

– О, спасибо, Мэтт. Не скажу, что я чувствую то же самое, тем не менее я тронут. – Джек окинул взглядом безупречно сшитые рубашку и брюки Марка, его темно-коричневые итальянские мокасины. – Заглянул по дороге в оперу? Не хотелось бы, чтобы ты из-за нас опоздал.

– Вообще-то, нет. Я здесь надолго. Меня пригласила миссис Миддлтон, хотя мне хотелось бы думать, что мы с Мелани старые друзья и мне не требуется приглашения. – Вместо того чтобы попытаться хоть как-то разрядить ситуацию, он сжал мою руку. Скажу честно: я была несказанно рада, когда он наконец ее отпустил.

– Так когда же выйдет следующий международный бестселлер, Джек? Или это тщательно охраняемый секрет? – спросил Марк.

И вновь я не смогла разгадать, что у него на уме. Обычно я чувствовала, что мне пора встать между Марком и Джеком и предотвратить драку, но сегодня Марк, похоже, был искренне заинтересован услышать его ответ. Вряд ли он мог знать, что для Джека это болезненная тема. Хотя первоначально его редактор и агент были в восторге от книги о спрятанных бриллиантах конфедератов и таинственном исчезновении бывшего жителя моего дома на Трэдд-стрит, они внезапно перестали отвечать на его телефонные звонки.

– Спасибо, что спросил, Мэтт. Но я не любитель смешивать бизнес с отдыхом, поэтому я избавлю Мелани от скучных деталей и вместо этого провожу ее к Ноле, которая спрашивает, веганский этот пирог или нет и можно ли ей взять кусочек.

Джек потянул меня за руку, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Я помахала рукой и краем глаза заметила, что к Марку шагает Ребекка и ее взгляд устремлен на меня и Джека.

– Напомни мне, что я должен поговорить с твоей матерью, – шепнул Джек мне на ухо. – Здесь моя дочь, и я не хочу, чтобы она подвергалась воздействию таких низших биологических форм.

Мы оба обернулись на Нолу. Та стояла между Софи и Чэдом. Розовая повязка на голове была давно сброшена, скорее всего, в фонтан позади нее. Софи и Чэд были в одинаковых стеганых жилетах, волосы заплетены в косичку, на шее по несколько сплетенных из конопли ожерелий. Не зная я эту троицу, наткнувшись я случайно на них в темном переулке, я бы поспешила перейти в другую сторону.

– Отлично тебя понимаю, – сказала я, но на сей раз Джек, похоже, не уловил мой сарказм.

Я обвела взглядом нашу небольшую компанию.

– Кстати, а где твои родители? Они сказали, что будут здесь.

Джек не сразу понял, что мой вопрос адресован ему.

– Не знаю, – ответил он, пожимая плечами. – Уверен, они уже в пути. Моя мать упомянула о каком-то подарке для Нола. Может, они задержались из-за него.

По моей спине пробежал холодок, как будто к ней прикоснулись чьи-то ледяные пальцы. Несмотря на жару, я вздрогнула. И тотчас посмотрел на Джека – хотела проверить, заметил он или нет, но его хмурый взгляд был устремлен на Ребекку и Марка. Последний поднял голову и, увидев нас, вновь улыбнулся фальшивой улыбкой. Джек мгновенно напрягся.

– Мелани? – раздался у меня за спиной голос Софи.

Я с улыбкой повернулась к ней.

– Поздравляю с помолвкой, – сказала я, стараясь не выдать лед в моем голосе. – Так когда ты собиралась рассказать мне? После рождения третьего ребенка?

– Послушай, Мелани, честное слово, извини. Просто я не знала, как ты это воспримешь. Я все время пыталась придумать, как мне тебе рассказать, но тут меня, как назло, застукали с этим кольцом.

– Тогда зачем было его надевать?

– А почему нет? – пискнула Нола. В считанные дни она превратилась в новый придаток Софи. Теперь эти двое даже носили одинаковые косички.

– Потому что, – объяснила я, – лучшие подруги сначала рассказывают друг дружке.

Нола посмотрела на небо, словно ждала, что оттуда ей поступит совет, как ей обращаться с невероятно глупыми взрослыми.

– Да, но, скорее всего, она опасалась говорить тебе, что собирается замуж, зная, сколько тебе лет, что ты до сих пор не замужем и у тебя даже нет парня.

Мне хватило ума мысленно отколоть от моих губ лед.

– Спасибо, Нола, за это наблюдение. К твоему сведению, мне всего тридцать девять. Мне еще рано в дом престарелых.

Нола взвизгнула и прикрыла руками рот:

– О, МОЙ БОГ! Я не знала, что ты такая старая! Практически ходячий труп.

Не сумев найти ответ, который бы не предполагал физических действий с моей стороны, я резко обернулась и столкнулась с матерью.

– Мелли, вот тебя-то я и ищу! Как ты смотришь на то, чтобы нам отпраздновать твой сороковой день рождения здесь? Твой сад – идеальное место для приема гостей, а твой отец сказал, что мог бы начать работу над планом в самое ближайшее время.

Я была готова сквозь землю провалиться. В глазах внезапно защипало. Не знаю, то ли из-за слов Нолы, которая, кстати, была недалеко от истины, то ли из-за того, что моя мать сговорила с Софи, Нолой и, похоже, со всем остальным миром, чтобы я почувствовала себя вечно одинокой старой девой. Я хотела сказать ей, что это ее вина, что это она, бросив меня, сделала из меня старую деву. Но я опасалась, что стоит мне открыть рот, как я разревусь.

Внезапно мое внимание привлек какой-то шум у садовой калитки. Я обернулась и с удивлением увидела, что по кирпичной дорожке медленно приближаются двое мужчин в шляпах с надписью «Антикварный магазин Тренхольмов» и форменных рубашках. И не с пустыми руками, а тащат поддон с чем-то высоким и громоздким, упрятым под стеганый брезент.

За ними, широко улыбаясь, шествовали родители Джека, Амелия и Джон Тренхольм. Я шагнула им навстречу и поцеловала каждого в щеку.

– Ого! Даже не представляю, что это может быть.

Слова застряли у меня в горле, стоило мне ощутить запах расплавленной смолы и пепла. Края брезента как будто расплавились и превратились в длинные резиновые пальцы. На моих глазах мужчины опустили поддон на землю и медленно стащили брезент. *Не надо!* – крикнул кто-то. Увы, этот крик раздался в моей голове, и его никто больше не слышал. Я открыла была рот, чтобы сказать «Стойте!», но опоздала.словно в некоем странном бурлеске, брезент дюйм за дюймом соскальзывал вниз, обнажив башню кукольного дома.

– Какая красота, – прошептала Софи рядом со мной, но я едва слышала ее, пытаясь не задохнуться от зловония горячей смолы.

– Этот дом кажется мне знакомым, – продолжила она. – Похоже, это уменьшенная копия какого-то настоящего дома.

Амелия покачала головой:

– Понятия не имею. У него было много владельцев, так что, скорее всего, он даже не родом из Чарльстона. Думаю, это можно выяснить. Джек – мастер исторических изысканий.

Все обступили кукольный домик, чтобы полюбоваться им, но, увидев, что к нему идут Джек и Нола, отошли назад. Было видно, что Нола изо всех сил пытается сделать вид, будто ей наплевать, что в нежном возрасте тринадцати лет ей подарили ее первый кукольный домик или что вообще это один из немногих подарков, какие она получала за всю свою жизнь. Но я видела ее глаза, и это были глаза той, что не ждала от жизни ничего хорошего, но вдруг узнала, что хорошее все же возможно.

Почувствовав на себе взгляд матери, я повернула голову. Ее глаза были задумчиво прищурены, и я поняла: как и я, она ощутила в вечернем воздухе едкий запах гари. Она шагнула вперед и, прежде чем я успела ее остановить, протянула руку к завитку карниза. Воздух мгновенно пронзил крик.

Глава 5

Стоя в дверях комнаты Нолы, я наблюдала за тем, как она аккуратно разворачивает из старой газеты игрушечные фигурки и одну за другой ставит их на веранду кукольного домика. Там были игрушечные отец, мать, старший брат и младшая сестра. Все светловолосые и голубоглазые, за исключением дочери, чьи каштановые волосы падали ей на спину, а очки в проволочной оправе скрывали темно-карие глаза. Была даже лохматая собака, помесь золотистого ретривера и овчарки. Все человеческие фигурки были вырезаны из дерева и наряжены в костюмы викторианской эпохи. Их взгляды были пусты. Я очень надеялась, что голоса, которые услышала сразу после того, как моя мать упала в обморок, – явление временное.

– Ты точно хочешь, чтобы кукольный домик стоял в твоей спальне? – спросила я Нолу, вспомнив едкий запах гари и реакцию матери, когда та коснулась его. Она даже упала в обморок прямо в моем саду, и я была вынуждена сказать всем, что у нее резко понизился уровень сахара в крови. Мой отец немедленно отвез ее домой, но, перед тем как уйти, она шепнула мне, что видела лишь яркую вспышку белого света.

Нола в упор посмотрела на меня и закатила глаза:

– Не хочу обижать Амелию. Она очень милая, хотя и старая. – Она осторожно придвинула собаку ближе к мальчику, и у меня возникло странное ощущение, что именно там ей самое место. – В том смысле, это как же надо отстать от жизни, чтобы подарить подростку кукольный домик?

Я заметила, что она назвала всех по имени, как будто нарочно избегая таких слов, как «отец» или «бабушка».

Не уверенная в том, что кукольный домик должен стоять в ее спальне, особенно ночью, пока Нола спит, я продолжила гнуть свою линию:

– Но если хочешь, чтобы он стоял в гостиной, у меня не будет с этим проблем, да и твоя бабушка тоже не будет против. Без него у тебя в комнате будет больше места. Я подумала, что, может, лучше устроить

здесь небольшой музыкальный уголок, с креслом для игры на гитаре. Чтобы тебе было где хранить твои ноты и гитару твоей матери.

Взгляд, которым она одарила меня, был даже менее враждебным, чем я ожидала. Скорее подавленным, как будто она заранее репетировала этот разговор, чтобы скрыть свои истинные чувства.

– Я не люблю играть на гитаре. Я просто храню это дерьмо, потому что это была ее вещь.

Над грудой нот, которые Нола сложила рядом с кроватью, вороша страницы, пронесся холодный ветерок.

– Кондиционер, – быстро сказала я в ответ на ее недоуменный взгляд. Решетка кондиционера была прямо над моей головой, и в настоящий момент из нее ничего не дуло. Я надеялась, что Нола этого не заметит.

Мне показалось, что я уловила в кукольном домике некое движение, но, когда я повернулась, чтобы посмотреть, что это было, меня встретили пять пустых остекленевших взглядов. Я потеряла руки, чувствуя, что озябла.

– Ладно, скажи мне, если передумаешь.

– Посмотрим, – ответила она и, шагнув к открытой задней части домика, начала расставлять миниатюрную мебель.

– Не засиживайся допоздна. – Не дожидаясь ответа, я вышла из комнаты, не уверенная в том, к кому или чему мне не хочется поворачиваться спиной, и зашагала вниз по лестнице. Джек сидел в фойе на чиппендейловском стуле, но, когда я открыла рот, чтобы поздороваться, он приложил палец к губам и жестом пригласил меня следом за собой на переднюю веранду. Мучимая любопытством, я последовала за ним и, включив внешнее освещение, чтобы разогнать сумерки, села в одно из плетеных кресел-качалок. Джек прислонился к перилам крыльца и небрежно скрестил ноги. Однако его каменное лицо и напряженные плечи противоречили этой расслабленной позе.

– Где Ребекка?

– Я хотел поговорить с тобой, но Ребекке нужно было домой, поэтому ее отвез Марк.

В тусклом свете сумерек я пристально смотрела на него. Интересно, от того, что он только что сказал, ему стало так же неловко, как и мне? Впрочем, судя по его задумчивому лицу, его мысли были где-то далеко, в другом месте.

– Я хотел поговорить с тобой о Ноле, – сказал он, откашлявшись, – но не хотел, чтобы она подслушала.

– Разумно, – согласилась я. – Хотя в данный момент она увлечена своей новой игрушкой.

– Верно, – кивнул он. – О чем только думала моя мать? Не знаю, как ты, но, по-моему, в этом кукольном домике есть что-то жуткое.

Я вопросительно подняла брови, но ничего не сказала, хотя про себя задалась вопросом: неужели сигналы, которые посылает кукольный домик, настолько сильны, что даже такой непробиваемый человек, как Джек, их уловил.

Положив обе ладони на перила, он наклонился ко мне:

– Есть ли что-то такое, что я должен знать про этот кукольный домик?

Я пожала плечами, не зная точно, что ему ответить.

– Не знаю. Пока. Скажу честно, я не в восторге от того, что он стоит в комнате Нолы, но она настояла. Но я буду следить... – Я на миг умолкла. – Кстати, а как выглядела Бонни?

Джек наклонил голову:

– Высокая и стройная, как Нола. Но волосы были длиннее, и она всегда носила их распущенными. Она обожала свободную одежду, почти как Софи, правда, не такую безвкусную. – Он грустно улыбнулся. – Почему ты спрашиваешь?

– Я сказала тебе, что, по-моему, Нола пришла не одна – и твое описание Бонни совпадает с внешностью женщины, которую я видела несколько раз. А поскольку гитара Бонни продолжает попадать в постель Нолы или в другие странные места, я просто хотела убедиться, что это ее рук дело. – Я пожала плечами: – Возможно, духи кукольного домика составят Бонни компанию.

Джек пристально посмотрел на меня:

– Разве такое возможно? Ты хочешь сказать, призраки заводят друзей?

– Понятия не имею. Я стараюсь не проводить в их обществе слишком много времени. Большинство призраков, которых я знаю, одиночки.

Джек опустил голову и посмотрел на черно-белую плитку веранды.

– Разве Бонни... сказала тебе что-нибудь?

Я покачала головой:

– Пока нет. Она довольно робкая. Но, как я уже сказала, она продолжает двигать по комнате свою гитару, отчего Нола злится на меня, так как думает, что это делаю я, и несколько минут назад она шуршала нотами. Может, она просто хочет, чтобы Нола училась играть на гитаре?

Вдыхая доносящийся из сада аромат олеандра, я пытливо посмотрела на Джека. Этот запах всегда напоминал мне о нем, вероятно, потому, что, как и этот красивый, дурманящий цветок, Джек раздражал и, возможно даже, угрожал моему благополучию. Его волосы все еще были темными, плечи широкими, талия узкой. В свои тридцать пять он был просто неприлично красив. Интересно, как он выглядел в свою бытность квотербеком колледжа?

– Расскажи мне больше о Бонни, чтобы я могла связаться с ней. Имела ли она успех в качестве автора песен? Она хоть раз выходила замуж? Такого рода вещи.

Его лицо тотчас приняло несчастное выражение, как будто я только что сказала ему, что Зубной Феи не существует.

– Понятия не имею. Даже не верится, что я ничего не знал о ее жизни после того, как мы расстались. Или что у меня была дочь. По идее, мне полагалось это знать.

Я сцепила руки, чтобы не протянуть их к нему. Это была опасная территория. Откуда мне знать, выйду ли из путешествия по ней целой и невредимой. Да и вообще, утешать его теперь – забота Ребекки.

– Не кори себя, Джек. Бонни не хотела, чтобы ты знал. Вот почему она солгала о тебе Ноле. Она задалась целью порвать со своим прошлым и, похоже, преуспела в этом.

Джек потер ладонями лицо.

– Нола что-нибудь рассказала тебе? Про мать? Про свое детство?

Я покачала головой:

– Ничего. Я пыталась ее разговорить, но, скажем так, подростки не лучшие собеседники. Особенно те, кому кажется, будто их сослали на враждебную территорию. – Я в упор посмотрела на него: – Сколь безумно это ни звучало бы, думаю, твоя мать поступила правильно, подарив Ноле этот кукольный домик. Я обратила внимание, что при виде его ее лицо впервые смягчилось. Стало детским. Ведь у тринадцатилетней девочки оно такое взрослое. Будем надеяться, что это начало.

Джек посмотрел на меня тем взглядом, который я про себя называла «взглядом Джека», и я даже зябко поежилась. Обычно, когда Джек Тренхольм чего-то хотел, он добивался своего даже у самых упрямых и несговорчивых. Это был лишь вопрос времени.

– Что такое? – спросила я, проводя языком по зубам – вдруг между ними застряла еда.

– Нола ведет дневник?

– Понятия не имею, – осторожно ответила я. – Почему ты спрашиваешь?

– Я просто подумал, что, если она и дальше будет молчать, возможно, нам есть смысл попытаться найти ее дневник и прочесть ее собственные слова о том, что происходит в ее голове. Там наверняка найдется что-то и о Бонни...

Я покачала головой, не давая ему договорить:

– Только не это. Даже если она ведет дневник, он не предназначен ни для твоих глаз, ни для моих. И ни для кого-то еще, кроме самой Нола. – Я вспомнила свой собственный дневник, который вела, будучи подростком. Я была бы готова сквозь землю провалиться, если бы кто-нибудь его прочел, правда, по весьма необычным причинам. Мой дневник в подростковые годы (и даже позже, если быть до конца честной) представлял собой исключительно списки того, что я надевала каждый день, чтобы быть уверенной, что я не использую один и тот же наряд в течение некоторого времени. Я была настолько безнадежной и жалкой, что в моем дневнике не было ни единой строчки о том, что я влюбилась в кого-то из мальчиков или что я ненавижу моих родителей.

По крайней мере, Джеку хватило совести смутиться.

– Да, ты права. Но на то я и мужчина, не так ли? И не привык смотреть на вещи под разными углами, прежде чем говорить.

Я прочистила горло:

– Знаешь, Джек, для человека с таким большим донжуанским списком, как у тебя, ты проявляешь столь странное невежество в отношении юных представительниц женского пола.

По его лицу расползлась хитрая улыбка.

– Скажи это Мэри Бет Мэйбэнк, которая сидела передо мной на уроках математики в седьмом классе.

Я вопросительно выгнула бровь. Джек пожал плечами:

– Она рано созрела. Я за пять секунд умел расстегнуть на ней лифчик прямо через свитер. Что делало меня настоящим героем в глазах других мальчишек. Она же бывала вынуждена встать и пойти в женский туалет, чтобы вновь его застегнуть.

– Это другое. Нола твоя дочь. Представь, что какой-то подросток делает то же самое с ней.

Джек мгновенно преобразился, его было не узнать. Если честно, я даже испугалась.

– Я бы убил его.

– Именно. Для тебя, Джек, это неизведанная территория. Вообще-то для нас обоих. Но у меня, по крайней мере, есть смутные воспоминания о том, что я когда-то была подростком, так что, возможно, мне чуть полегче. Из того, что я помню о том, что было в моей голове в ее возрасте, могу дать тебе один-единственный совет: наберись терпения и продолжай попытки достучаться до нее. И не слишком расстраивайся, когда она будет тебя отвергать. Она придет к тебе, как только поймет, что здесь она в безопасности, что у нее есть семья, которая любит ее, даже несмотря на ее дурацкую одежду и все такое прочее. – Я не стала комментировать внезапную заботу Джека о дочери. Это было так неожиданно и так трогательно. Даже слишком.

– Тем не менее, – сказал он, выпрямляясь, – я постараюсь узнать о Бонни как можно больше. Вдруг обнаружится что-то такое, что может помочь мне найти с Нолой общий язык. Ничего другого у меня нет, но надо же с чего-то начинать.

Я едва не сказала ему, что быть заботливым отцом – это очень даже неплохо для начала, уж кому как не мне это знать, и что фактически он уже им стал, но тут у меня зазвонил телефон. Достав его из кармана, я посмотрела на номер.

– Мать, – пояснила я Джеку, поднося телефон к уху. – Алло?

– Твой отец спит, и я подумала, что сейчас самое время поговорить с тобой про этот кукольный домик.

Мой отец, всю свою жизнь не веривший ни в каких ночных барабашек, недавно увидел своего первого призрака, давно умершего гессенского солдата, который несколько столетий проживал в доме моей матери. И хотя он по-прежнему отрицал их существование, объясняя, что, мол, это лишь игра света и тени или моего собственного

воображения, его заявления звучали далеко не столь безапелляционно, как раньше.

– А что с ним не так? Ты сказала, что видела лишь ослепительно-белую вспышку.

– Сначала да, – сказала мать, помолчав. – Но потом...

– Что – потом? – уточнила я.

– За этим светом что-то было. Что-то... зловещее. Но кто-то, или что-то, загородил меня, не давая мне увидеть, что именно. Возможно, пытаюсь защитить меня или их, не знаю. В любом случае не ставь его в комнату Нолы, пока мы не выясним, что это такое.

Я нахмурилась:

– Боюсь, мы опоздали. – Я посмотрела на Джека. Его лицо тоже было серьезным.

Я слышала, как мать дышит в телефон.

– Тогда будь очень, очень осторожна. Следи за Нолой и ее поведением. Дай мне знать, если заметишь за ней какие-то странности или если вдруг она станет слишком упрямой.

– Мам, ты серьезно? Можно подумать, я узнаю отличия!

– Ничего. В течение недели вы переедете ко мне, и я тоже смогу наблюдать за ней. Или даже предложу поставить эту вещь на первом этаже.

– Удачи тебе. Когда ей чего-то хочется, ее не переубедить. В этом отношении она вся в отца, – я покосилась на Джека. Тот ответил мне хмурым взглядом.

– Как бы то ни было, не своди с нее глаз и дай мне знать, когда мне вас ожидать.

– Наверно, не раньше чем через неделю. Мы с Амелией все еще пытаемся согласовать, куда нам деть крупную мебель. Впрочем, для этого мне не обязательно быть здесь. Так что я...

Мои слова прервал приглушенный крик. Не успела я сказать матери, что перезвоню ей, как Джек одним прыжком влетел в дом и бегом бросился вверх по лестнице. Я влетела в комнату Нолы следом за ним и на миг застыла на месте, чтобы понять то, что предстало моему взгляду.

Генерал Ли, обычно скорее похожий на плюшевого мишку, чем на волка, скалил зубы и рычал на кукольный домик, рядом с которым,

сердито на него глядя, стояла Нола. Я не сомневалась: будь у нее такая возможность, она бы тоже скалилась и рычала.

– Что произошло? – требовательно спросил Джек. Его голос звучал гораздо спокойнее, чем могло показаться, глядя на нас обоих.

Волосы Нола были мокрыми. Капли воды стекали на ковер и деревянный пол, но я не стала делать ей замечания по этому поводу.

– Я пошла принять душ, а когда вернулась, пес, должно быть, возился с моим кукольным домиком, потому что все фигурки переставлены. И смотри – голова сломана. – Она протянула дрожащую ладонь, на которой лежала фигурка мальчика. Голова его была вывернута под странным углом.

Генерал Ли заскулил, и я наклонилась, чтобы поднять его. Но стоило мне сделать шаг в сторону кукольного домика, как он вырвался у меня из рук и пулей вылетел из комнаты. Мы с Джеком недоуменно переглянулись, а затем оба повернулись, чтобы взглянуть на кукольный домик.

Вся кукольная семья, за исключением мальчика и собаки, столпилась в высоком окне башни, словно пытаюсь увидеть что-то снаружи. Я сглотнула комок.

– Где собака? – спросила я.

– Здесь, – ногтем ноги, выкрашенным черным лаком, Нола постучала по полу перед кукольным домом. Голова игрушечной собаки треснула пополам, тело едва виднелось из-под кровати, как будто кто-то забросил его туда с большой силой.

– А где был мальчик?

– Здесь же. – Нола побагровела от злости. – Убери своего гребаного пса из моей комнаты, хорошо? Иначе он переломает тут все.

Я не сомневалась, что Генерал Ли проигнорирует любой запрет, равно как и в том, что пес не имеет никакого отношения к перестановке фигур в кукольном домике – и не только потому, что собачьи лапы плохо приспособлены к такого рода манипуляциям. К счастью, Нола либо была не в курсе собачьей анатомии, либо слишком расстроилась из-за сломанных фигурок, чтобы об этом подумать.

– Послушай, – сказала я как можно спокойнее, что стоило мне немалых усилий, – у меня внизу есть суперклей. Вот увидишь, мы склеим их, так что никто не заметит даже трещинки. – Я протянула Ноле руку.

Презрительно фыркнув, та сунула фигурку мальчика в мою руку.

– Ладно. Но теперь я буду запираю дверь. Знаю, это твой дом и все такое прочее, но мне не нравится, когда ты и твоя собака трогаешь мои вещи.

Я взглянула на кровать и только сейчас заметила на подушках гитару Бонни.

– Я запомню это, – ответила я и попятилась из комнаты.

– С тобой здесь все будет в порядке? – спросил Джек. – Ты ведь знаешь, что всегда можешь вернуться ко мне.

– Верно. Это решило бы все. – Голос Нола в равной мере дышал страхом и сарказмом.

– Просто проверка. У тебя есть мой номер, если я тебе понадобится. Звони в любое время.

Я ждала в коридоре, пока Джек закрывал дверь.

– Что это было? – тихо спросил он, когда мы направились к лестнице.

– Не знаю. Моя мать тоже. Может, дело даже не в нем. Я с детства много читала на тему духов и тому подобного – просто чтобы убедиться, что я не чокнутая и что у других людей был точно такой же опыт, как и у меня. В любом случае, Нола в том эмоциональном, бурлящем гормонами возрасте, когда они привлекают к себе энергию, где бы ни находились. – Мы вошли в фойе, и я остановилась, повернувшись лицом к нему: – Но есть еще одна вещь, которую ты мог бы исследовать, изучая прошлое Бонни.

Джек вопросительно поднял брови.

– Происхождение кукольного домика. Так, на всякий случай.

– На всякий случай чего? – медленно уточнил он.

– Чтобы узнать, что именно пришло сюда вместе с кукольным домом, кроме мебели и кукол.

Наши взгляды на мгновение встретились. Но затем я отвернулась и повела его к входной двери.

– А если что-то и вправду пришло? – спросил он.

Я на секунду задумалась.

– Мы могли бы его отдать. Ребекке.

– Почему Ребекке? – удивленно переспросил Джек.

– Потому что духи всего один раз взглянут на розовое гнездышко, которое она называет своей спальней, и тотчас, сломя голову и

расталкивая друг друга, наперегонки помчатся вон.

Я видела, что Джек пытается не засмеяться.

– Спокойной ночи, Мелли.

– Спокойной ночи, Джек.

Я закрыла за ним дверь и лишь потом поняла, что так и не напомнила ему, чтобы он не называл меня Мелли.

Глава 6

Второй раз менее чем за год я с набитыми чемоданами стояла на пороге дома моей матери – с той разницей, что на этот раз я пришла не одна, а с непокорным подростком. Я почти ждала этой минуты, хотя бы потому, что теперь у меня будет союзник в войне против угрюмой враждебности, которую я испытывала на своей шкуре почти каждый час. Я знала: это в основном потому, что вещи в комнате Нола отказывались знать свое место, она же считала, что это все мои происки. Не знаю почему, но мне было легче принять вину, чем сказать ей правду.

Нола, разинув рот, посмотрела на квадратный кирпичный георгианский дом с двухъярусным портиком. Несмотря на позднюю весну, сад поражал калейдоскопом красок и ароматов, а новая решетчатая беседка – подарок моего отца – была сплошь в бутонах вьющейся розы. Моя мать выросла в этом доме, а я первые шесть лет жизни навещала здесь мою бабушку. Наверно, именно поэтому я сама никогда не замечала его величия и не задумывалась о том, каким чопорным он может показаться постороннему человеку, не знавшему его домашнего тепла и любви. Или его призраков.

– Ни фиги себе! Вот это да! – воскликнула Нола.

Я сердито посмотрела на нее, вспомнив то, что однажды сказала мне мать, когда я была еще достаточно юной, чтобы прислушиваться к мнению взрослых. Тогда я повторила слова, сказанные моим отцом, когда он решил, что я не слышу. Я до сих пор ощущала вкус мыла «Дайал» на моем языке.

– Нецензурная лексика не для женщин, – тихо сказала я. – И если моя мать услышит от тебя что-то в этом роде, она заставит тебя вымыть рот с мылом.

Нола вытаращила глаза, как мне показалось, испуганно, поэтому я воспользовался возможностью и добавила:

– И я не стану ей мешать.

Нола отпрянула от меня, из чего я сделала вывод, что мои слова произвели впечатление. С другой стороны, я была в ужасе, оттого что уподобилась собственной матери, так что эта небольшая победа

особой радости мне не принесла. При звуке приближающихся шагов мы обе повернулись к двери.

– Мелли, Нола! – певуче произнесла моя мать, распахивая дверь и впуская нас в фойе дома на Легар-стрит. Она по очереди обняла каждую из нас, окутав шелестом шелка и облаком духом «Шанель № 5». Когда-то я ненавидела этот парфюм – он всегда напоминал мне мать, бросившую меня, когда мне было всего шесть лет. Но теперь он постепенно начал мне нравиться, наряду с моим растущим интересом к опере и обменом обувью. Эти новые отношения «мать – дочь» были похожи на переезд в другую часть света, где никто не говорит на вашем языке. Добавьте в этот микс Нолу, и все станет гораздо пикантнее.

– Привет, мам. Еще раз спасибо за то, что позволила нам пожить у тебя.

– Не говори глупости, Мелли. Ты моя дочь, поэтому считай мой дом своим. И ты тоже, Нола. Я даже заказала ключи для вас обеих, чтобы вы могли приходить и уходить, когда вам вздумается. Миссис Хулихан уже устроилась на кухне с Генералом Ли, так что все будет как дома.

– Что?! Эта псина тоже здесь? – простонала Нола.

Еще недавно я бы с ней согласилась. Переезжая вместе с моим отцом с одной военной базы на другую, я не могла даже заикнуться, чтобы нам завести домашнее животное, даже если бы очень захотела. Но потом я унаследовала от покойного мистера Вандерхорста Генерала Ли и с тех пор стала владелицей домашнего питомца, если меня можно так назвать. Скорее я была для него компаньоном, делящим с ним мягкую кровать, источником еды и угощений и теплых коленей. Не желая демонстрировать слабость, я подумала, что неплохо научилась прятать свою растущую привязанность к этому милому существу.

Я хмуро посмотрела на Нолу – что в последнее время делала постоянно – и решила, что, если не следить за собой, этак недолго заработать морщины.

– Если ты скажешь хотя бы еще одну гадость о моей собаке, ты мигом вернешься к отцу. – Подняв мои чемоданы, я решительно направилась к лестнице. – Я предполагаю, мне отведена моя старая комната?

Воцарилось короткое молчание. Нола и моя мать смотрели друг друга. Наконец мои последние слова дошли до матери.

– Да, дорогая, – ответила она. – А комната Нолы напротив твоей. К счастью, ванная комната отреставрирована, но боюсь, что за спальню еще не брались. Я была слишком занята остальной частью дома и не ожидала, что у меня так скоро появится гостья. – Разговаривая с Нолой, она зашагала к лестнице. – Полковник Миддлтон будет здесь с минуты на минуту и занесет остальные вещи. А ты пока, если хочешь, возьми лишь рюкзак и гитару.

Я тем временем сгибалась под тяжестью моих собственных чемоданов. Интересно, почему она не сказала об этом мне?

Между тем она продолжала говорить с Нолой:

– Матрас новый и простыни чистые, так что тебе наверняка понравится.

– Главное, чтобы там нашлось место для моего кукольного домика, – ответила Нола.

Я повернулась и посмотрела на мать. Джек и Чэд должны были привезти кукольный домик чуть позже, и я надеялась, что к тому времени, когда он прибудет, мы с матерью сумеем убедить Нолу поставить его где-нибудь еще, но не в ее комнате.

Я, пошатываясь, вошла в свою спальню и, бросив чемоданы, присоединилась к Ноле и матери. Как и все остальные комнаты в доме, спальня Нолы была большой и просторной, с высокими окнами и потолком, лепными карнизами и медальонами. А вот в том, что касалось дизайна ее интерьера, этой комнате не хватало утонченного вкуса моей матери и Амелии. К сожалению, предыдущие владельцы дома – миллионеры из Техаса, торговавшие металлоломом, – оставили повсюду свой отпечаток. Мне постоянно вспоминалась строчка из Макбета о том, что нужен весь океан Нептуна, чтобы отмыть все чисто-начисто. Разглядывая цветовую гамму комнаты, лично я сомневалась, что всего океана будет достаточно.

Все четыре стены от пола до потолка были оклеены черными фольгированными обоями с нарисованными вручную гигантскими оранжевыми ромашками – явные потуги воссоздать альтернативную реальность наркотического улёта. Красивый паркетный пол закрывал розоватый велюровый ковер, но не настолько, чтобы полностью замаскировать наклейки с фиолетовыми точками, наугад разбросанные

по деревянным доскам, напоминая рвоту леопарда того же цвета. С каждого окна свисали длинные нити миниатюрных помпонов совершенно немислимых цветов, такие шторы космической эры. При виде всего этого у меня свело живот.

– Круто! – воскликнула Нола, ставя в угол гитару и рюкзак. Из раскрытой молнии виднелась мордочка плюшевого мишки. Мне тотчас стало жаль его глаза – у них не было век, чтобы скрыть этот кошмар. – А вы говорили, что здесь еще не было ремонта!

– Э-э-э... не совсем, – пролепетала моя мать. – Это постарались предыдущие владельцы.

– Супер! Вам повезло. Не вижу смысла тут что-то менять.

Мы с матерью снова переглянулись. Я была готова поклясться, что ее испуганное лицо – копия моего.

– Нам приятно, что тебе нравится, – выдавила я из себя.

Подойдя в дальний конец комнаты, мать распахнула дверь.

– У тебя тут собственная ванная комната.

Сунув голову в недавно отреставрированную ванную, Нола окинула взглядом со вкусом подобранные нейтральные оттенки, черно-белый мрамор, неброский узор на стенах.

– Эх, жаль, что они заодно не сделали ремонт и здесь.

Я стояла посреди комнаты рядом с большой кроватью, которую моя мать накрыла простым белым покрывалом, которое она нашла на чердаке. Я смотрела на ее белое пространство, как пассажир автомобиля порой смотрит на неподвижный горизонт, чтобы побороть тошноту. В комнате были только кровать, туалетный столик, комод и низкая тумбочка, на которую моя мать планировала поставить небольшой телевизор с плоским экраном. Мебель была взята с чердака, привезена из моего дома и антикварного магазина Тренхольмов. Глядя на нее, я подумала, что мы зря не впихнули сюда больше вещей. Потому что сейчас в любой из четырех углов комнаты можно было запросто поставить большой кукольный домик.

– Мне нравится, что здесь так просторно, мама. Много воздуха, свободного места. Я бы не стала больше ничего добавлять.

Я с надеждой улыбнулась Ноле, когда та вышла из ванной.

– Только кукольный домик, – сказала она, топая по комнате в армейских берцах. Лично я не назвала бы их обязательным модным аксессуаром к полосатым легинсам и короткой юбке с оборками, тем

более для выхода в таком виде на публику. – Он встанет здесь идеально, – сказала она, указывая угол слева от изголовья. – Ты согласна, Мелли?

В этот момент я судорожно пыталась придумать причину, почему кукольному домику здесь не место, и потому никак не отреагировала на это жуткое имя.

– Вообще-то, Нола, – сказала моя мать, – мы подумали, что пустая комната в конце коридора будет для него идеальным местом. Там его можно поставить не у стенки, а посередине комнаты, чтобы он был виден со всех сторон. Я даже могу найти большой стол и поставить его так, чтобы он был более или менее на уровне глаз. Как ты думаешь?

Нола упрямо вскинула подбородок, чем напомнила мне ее отца, когда тот что-то вбивал себе в голову. И я поняла: у нас не больше надежды переубедить ее, чем попытаться уломать архитектурный совет разрешить мне покрасить мой дом на Трэдд-стрит в фиолетовый цвет.

– А по-моему, он отлично встанет в этом углу. – Она подошла к кровати, встала на маленькую скамеечку рядом с ней и плюхнулась на покрывало. – Может, у вас тут найдется другое покрывало, поярче, в стиле этой комнаты. Если, конечно, это не слишком дорого.

Я попыталась придумать тактичный способ сказать ей, что если ей хочется найти что-то в стиле этой комнаты, то для этого ей придется нырнуть в мусорный бак за благотворительным магазином «Гудвилл», куда бросали те вещи, которые невозможно продать. Как будто прочитав мои мысли, мать строго посмотрела на меня – мол, лучше молчи. И я промолчала.

Тем более что в дверь позвонили.

– Должно быть, это твоя бабушка, – сказала мать, обращаясь к Ноле. – Мы оставим тебя здесь. Можешь привести себя в порядок, потому что скоро мы поедем на ланч. Мы должны быть в кафе «Алуэтт» ровно в двенадцать, так что в твоём распоряжении примерно полчаса.

Нола насупила брови:

– Мы что, снова куда-то едем?

– Мы хотели, чтобы ты познакомилась с Олстон Равенель и ее матерью Сесили. Они твои родственницы, хотя и дальние, со стороны твоей бабушки.

Мать взялась подробно излагать генеалогическое древо Нолы, как то обычно делают все чарльстонцы, пока взгляд Нолы не остекленел.

Заметив это, мать прервала свой урок генеалогии.

– В любом случае, вы с Олстон одного возраста. Обе осенью пойдете в восьмой класс. Олстон уже записалась в Эшли-Холл, alma mater твоей бабушки – и моей тоже, – и мы подумали, что до твоего вступительного собеседования неплохо бы узнать об этой школе побольше.

– Вступительного собеседования?

В голосе Нолы промелькнула паника. Я машинально шагнула к ней. В юности со мной бывало то же самое всякий раз, когда отец объявлял мне, что его переводят на другую военную базу.

– Разве Амелия тебе еще не сказала?

– Вроде бы да, – Нола пожала плечами и тихо добавила: – Мне казалось, что меня к тому времени здесь не будет.

Я напряглась:

– И где, по-твоему, ты можешь быть?

Она снова пожала плечами, избегая смотреть мне в глаза.

– Где угодно, только не здесь.

Я видела, как моя мать открыла было рот, но лишь покачала головой.

– Что заставило тебя передумать? – спросила я, вновь поворачиваясь к Ноле.

– Миссис Хулихан делает хорошие гамбургеры с тофу, – пробормотала Нола, глядя в пол.

Я прикусила изнутри щеку.

– Ловлю тебя на слове. – Я поймала себя на том, что так крепко стиснула руки, что ногти впились в мякоть ладоней. А все потому, что я судорожно пыталась найти правильные слова, которые бы сказали ей, что я все понимаю, и при этом не звучали бы слишком эмоционально. К этому моменту я уже знала: не в привычках Нолы руководствоваться эмоциями при принятии любого решения. Меня постоянно грызла мысль о том, что она пережила за свои тринадцать лет, чтобы стать такой. По крайней мере, у меня в качестве оправдания имелись тридцать три года, прожитые без матери.

Я помню, как смотрела музыкальную передачу на MTV, когда пришел мастер, чтобы установить видеоманитон. Это был живой

концерт, где дети, подняв руки, бросались в толпу, полагая, что кто-нибудь непременно их поймает. Я смотрела на них, затаив дыхание, едва ли не кожей ощущая опасность и одновременно чувствуя себя всеми брошенной, зная, что мне никогда не испытать такой уверенности, тем более в подростковом возрасте.

– Наверно, ты чувствуешь себя так, будто ты прыгаешь в толпу на концерте Slipshod, не зная точно, где приземлишься или кто тебя поймает, – со вздохом сказала я.

Она подняла на меня глаза. Взгляд ее оставался хмурым, но в нем вновь промелькнул огонек, и я поняла, что попала в цель.

– Группа называется Slipknot, Мелли. Но все равно попытка зачтена.

– Пойдем, – моя мать взяла меня за локоть. – Нехорошо заставлять Амелию ждать. Спускайся, когда будешь готова, Нола.

Двадцать минут спустя в гостиной мы втроем дружно повернули головы, услышав на лестнице топот ног, а потом с одинаково вытянутыми лицами уставились на Нолу, которая предстала перед нами в том же прикиде, что и раньше, – то есть в армейских берцах и юбке с оборками.

Амелия быстро встала и обняла ее.

– У тебя есть чувство стиля, моя дорогая, причем такое, какое может оценить даже твоя старая бабушка. – С этими словами она повернулась к нам. Они стояли рядом – пожилая элегантная дама в трикотажном костюме от «Сент-Джона» и лодочках от «Феррагамо» и красивая девочка-подросток, одетая как будто с помойки. Меня так и подмывало подпрыгнуть и стукнуться с Амелией ладонями за то, что та нашла правильные слова.

Мы с матерью встали и взяли наши сумочки. Я открыла входную дверь, выпуская нас всех на улицу.

– Надеюсь, в этом дурацком кафе будет еда, которую я могу съесть, – сказала Нола.

Амелия даже бровью не повела.

– «Алуэтт» славится своим органическим и веганским меню. Почему, по-твоему, я его выбрала?

Еще один балл тебе, Амелия, подумала я, закрывая за собой дверь, а вслух сказала:

– Надеюсь, что у них будет еда для всех нас.

Моя мать посмотрела на меня так, словно напомнила мне про хорошие манеры. В ответ я лишь закатила глаза, бросила в сумочку ключи и последовала за ними к машине Амелии.

Я села с Нолой на заднее сиденье «Линкольна», Амелия и моя мать – впереди. До этого мне ни разу не доводилось ездить в машине с Амелией Тренхольм. Вскоре мне стало понятно, откуда у Джека эта привычка летать на бешеных скоростях по узким, запруженным туристами улицам. Я левой рукой судорожно вцепилась в ручку двери, а правой уперлась в подголовник водительского сиденья перед собой.

Нола смотрела в окно, очевидно, забыв обо всем, кроме собственных мыслей. Моя мать, похоже, ничего не замечала. Они с Амелией продолжали болтать, как будто гонки в духе «Формулы-1» по улицам Чарльстона были для них обеих обычным делом. Радиостанция, передававшая старые шлягеры, была установлена на самую низкую громкость. Мне показалось, будто я узнала песню, звучавшую в тот момент, но слышно было плохо, и утверждать наверняка я не могла. В надежде, что музыка отвлечет меня от мыслей о том, что я, похоже, лечу навстречу верной смерти в автомобиле, за рулем которого сидит женщина, за которой я никогда раньше не замечала суицидальных склонностей, я похлопала мать по плечу:

– Можешь сделать чуть громче, пожалуйста?

Не прерывая их с Амелией разговора, мать дотянулась до ручки радиоприемника и увеличила громкость. Узнав знакомые аккорды «аббовской» песни *The Winner Takes It All*, я блаженно откинулась на кремовую кожаную обивку и, закрыв глаза, принялась мурлыкать себе под нос строчки про убитого горем любовника, который отчаянно выпытывает у бывшей подружки, целует ли новый любовник ее так, как когда-то целовала его она. Внезапно поймав себя на том, что я слишком громко распелась, я открыла глаза и обнаружила, что Нола пристально смотрит на меня такими же, как у Джека, голубыми глазами.

– Ты знаешь, кто поет эту песню? – спросила она.

– Конечно. Это «АББА», – самодовольно ответила я.

– Круто. Продолжай в том же духе. – Она откинулась на спинку сиденья и сделала вид, что сует в рот пальцы. – Мало того что мне пришлось слушать эту твою гребаную «АББУ», так теперь и тебя. –

Она наклонилась вперед и похлопала Амелию по плечу: – Можете переключить на другую станцию, пожалуйста? Кажется, меня тошнит.

Не прерывая разговора, Амелия переключила канал на альтернативную рок-станцию, где исполнялся недавний хит новой и перспективной звезды Джимми Гордона. Его манера исполнения была скорее похожа на блюз, чем на рок, но его голос источал мед, и на него было довольно приятно смотреть. Песня «Я только начинаю» была печальной и мелодичной. Она легко могла получить эфирное время на большинстве традиционных радиостанций.

Я повернулась к Ноле, чтобы спросить, что она думает об этой песне, но запнулась в середине предложения. Она была бледней, чем обычно, а ее пальцы, словно когти, впились в ее ноги через полосатые легинсы.

– Тебе плохо? – испуганно спросила я. Вдруг она сказала правду про то, что ее тошнит?

– Смените радиостанцию, – сдавленно прошептала она, однако достаточно громко, чтобы обе женщины на переднем сиденье ее услышали. Моя мать повернула голову, чтобы спросить, в чем дело, но, увидев лицо Нолы, протянула руку и нажала кнопку.

– Что не так? – спросила она.

Нола откинулась на спинку сиденья. Ее лицо было каменным.

– Ненавижу эту песню. Ненавижу Джимми Гордона.

– А по-моему, он не так уж и плох. Лично мне он нравится... – начала было я.

– Я видела его, – решительно оборвала меня Нола. – И мне он не нравится.

Ледяной тон ее голоса, должно быть, привлек внимание Амелии.

– Кто такой Джимми Гордон? – спросила она, глядя на нас в зеркало заднего вида. Нола посмотрела в окно. Ее плечи изогнулись идеальной буквой «С», давая понять, что разговор окончен.

– Очевидно, он не входит в число любимых звезд Нолы, – сказала я. – Может, обойдемся без радио? В любом случае, мы почти приехали.

Хмуро посмотрев на меня, мать без лишних вопросов выключила радио. Интересно, подумала я, была бы она так же чутка и со мной в этом возрасте? Или, чтобы преодолеть пропасть между матерью и дочерью, были нужны долгие годы, когда ее не было в моей жизни? Если у меня когда-нибудь будут дети – что весьма сомнительно,

учитывая, что мне тридцать девять лет, а я все еще не замужем, – я решила, что, когда им стукнет десять, я подброшу их ей на порог и заберу снова, когда им будет двадцать.

Амелия нашла парковку в подземном гараже на Митинг-стрит, после чего мы прошли пару кварталов до Рейд-стрит к кафе «Алуэтт». В его кораллового цвета стенах царила непринужденная и очень приятная атмосфера. Здесь были старинная барная стойка и квадратный проход позади нее, который вел прямо в кухню, где несколько поваров усердно готовили обеденные блюда. Над проходом висела черная доска, на которой мелом были написаны специальные предложения дня, а также слова «Холистическая еда для души» и «Мы рады веганам». Несмотря на это предупреждение, список специальных блюд включал свежие местные жареные креветки. Добавьте к этому щекочущие нос ароматы готовящейся пищи, и станет понятно, почему у меня тотчас же потекли слюнки. На барной стойке стояли три большие стеклянные емкости, наполненные чем-то похожим на печенье с шоколадной крошкой. Органическое или нет, оно выглядело жутко аппетитным, и я знала, что уеду отсюда, по крайней мере, с двумя, чтобы продержаться до обеда.

Обернувшись, я увидела, что мать и Амелия поздоровались с высокой стройной белокурой женщиной в модном темно-синем брючном костюме и с шарфиком от Hermes вокруг шеи и с ее более молодой версией, стоящей в дверях. Моя мать жестом поманила нас с Нолой. Не знаю почему, но я обняла Нолу за плечи и повела ее вперед. Пожав руку Сесили и Олстон Равенель, я представила им Нолу, для чего осторожно подтолкнула ее вперед. Заметив, как мать и дочь взглядом оценили ботинки Нолы и ее наряд, я машинально сжала кулаки.

Сесили улыбнулась и протянула Ноле руку:

– Ты вылитый портрет своего отца, но ты наверняка уже это слышала.

Я внимательно посмотрела на нее, пытаюсь определить ее возраст – скорее всего, на несколько лет моложе меня. Интересно, встречалась ли она с Джеком? Похоже, большая часть женского населения Чарльстона в тот или иной момент имела с ним отношения. Мои ногти больно впились в мякоть ладоней, но я заставила себя разжать кулаки.

– Твоя бабушка и миссис Миддлтон так много рассказывали о тебе, что я не могу дождаться, чтобы узнать тебя лучше. – Ее улыбка была теплой, слова искренними, и я расслабилась. Сесили была либо истинной чарльстонской леди, умевшей держать при себе негативные мысли, либо она и впрямь с нетерпением ждала знакомства с Нолой. Или же у нее когда-то был роман с Джеком и у нее остались приятные воспоминания. Я мысленным шлепком заставила себя выкинуть эту мысль из головы.

Нола с настороженной улыбкой ответила на рукопожатие Сесили.

– Приятно познакомиться.

Удивленно посмотрев на нее, я поймала себя на том, что затаив дыхание жду, что ответит Нола. Очевидно, ее мать не забыла свои южные корни, независимо от того, насколько она от них отделилась.

Сесили между тем протянула руку за спину и, схватив за локоть белокурую девочку, вытащила ее вперед.

– А это моя дочь Олстон, которая, как ты наверняка уже знаешь, этой осенью будет учиться в восьмом классе в школе Эшли-Холл.

Олстон протянула изящную, ухоженную руку с жемчужным браслетом на запястье.

– Привет, – сказала она так тихо, что я была вынуждена податься вперед, чтобы ее услышать. – Приятно познакомиться.

Как и в случае Сесили, в ее словах не было никакого подтекста. У меня на глазах Нола взяла руку Олстон и пожала ее.

– Взаимно, – робко произнесла она, словно опасаясь, что Олстон сейчас вытащит что-нибудь из своей сумки иогреет ее по голове.

Олстон убрала ее руку.

– Мне нравятся твои ботинки, – тихо сказала она, и я мгновенно поняла об Олстон Равенель две вещи: она была очень стеснительной и очень доброй. Или, несмотря на дорогой костюм, у нее был отвратительный вкус в одежде.

– Спасибо, – сказала Нола, окинув глазами юбку, блузку и бледно-желтый кардиган Олстон, накинутый на плечи. Даже лента на ее голове была украшена принтом от «Лилли Пулитцер». Я уже собралась поздравить себя с удачным знакомством, как вдруг Нола наклонилась вперед:

– Что это за имя, Олстон?

Я затаила дыхание, ожидая, что та скажет. Похоже, Олстон искренне удивилась, как будто ей никто ни разу не задавал этот вопрос. И я поняла, что в Чарльстоне, где все знают это имя, наверно, так и было.

– Это фамилия с отцовской стороны, – просто ответила Олстон. – Его прапрабабушка была Олстон, и, наверно, он хочет, чтобы все это знали. А Нола? Это тоже фамилия?

Нола ухмыльнулась. Я в самый последний момент одернула себя, чтобы не зажать ей рот.

– Нет. Это прозвище. Это означает Новый Орлеан, Луизиана.

Отлично, подумала я. Все, пора закругляться. Тем более что старшие женщины уже направлялись к нашему столику – очень хотелось надеяться, что еще вне пределов слышимости.

– Меня там зачали родители, – добавила Нола.

Сесили была явно шокирована, а вот Олстон откинула голову назад и издала вполне мальчишеский смешок.

– Это самый большой прикол, какой я слышала в моей жизни, – сказала она.

Мы направились к нашему столику, обе девушки шли следом за мной.

– Как хорошо, что меня зовут Олстон, – шепнула Ноле ее новая знакомая, – потому что в противном случае меня назвали бы «под балдахин».

Нола громко рассмеялась. В ее сторону тотчас повернулись головы, но мне было все равно. Я впервые услышала ее смех, и я не могла дожидаться, чтобы рассказать об этом Джеку. Сев в кресло, я почувствовала затылком знакомое покалывание. Чуть повернув голову, так, чтобы никто не заметил, я бросила взгляд в окно. В кафе заглядывала какая-то женщина с грустным лицом, в длинной юбке и футболке, светлые волосы распущены и расчесаны на прямой пробор в стиле хиппи семидесятых. Она казалась такой живой, что я было подумала, что она настоящая. Но затем кто-то прошел по тротуару прямо сквозь нее, и она исчезла, оставив после себя лишь чувство отчаяния.

Я повернулась к столику и увидела, что Нола пристально следит за мной, и, пока мы ели, меня мучил вопрос, почувствовала ли она то же самое.

Глава 7

Балансируя портфелем и своим обычным завтраком – латте с двойными взбитыми сливками и пакетом пончиков с шоколадом, – я пятясь вошла во входную дверь «Бюро недвижимости Гендерсона». Я работаю в этой фирме уже более десяти лет в качестве риелтора, специализирующегося на исторической недвижимости Чарльстона. Правда, сама я придерживаюсь твердого мнения, что старые дома – это не что иное, как орудия высасывания денег, такие черные дыры посреди огромных участков земли, обычно населенные таким количеством духов и привидений, чтобы человек не смыкал глаз всю ночь. При условии, что вам не повезло и вы родились со способностью их слышать.

Но я хорошо делала свое дело. Благодаря моей работе я оплачивала счета и носила дорогие туфли, так что жаловаться было грех. Одна беда – когда духам мертвых надоедало, что я игнорирую их, они считали своим долгом привлечь к себе мое внимание.

Я осторожно проследовала через фойе, стараясь дойти до моего кабинета в дальней части офиса, ничего не пролив, как вдруг замерла на месте. Я медленно прошла назад и остановилась перед стойкой, за которой, с тех самых пор как я только пришла работать к Гендерсону, восседала бесстрашная Нэнси Флаэрти, наш администратор и профессионал по части гольфа. Здесь все было посвящено гольфу: пресс-папье в виде мяча для гольфа, коврик для мыши в виде площадки для гольфа Университета Сент-Эндрюс, скрепки в форме буквы «Т», но никаких признаков Нэнси. Вместо этого перед столом на ярко-оранжевом коврике для йоги сидела симпатичная женщина лет пятидесяти-шестидесяти с белоснежными волосами и сияющими голубыми глазами. Она сидела в крайне неудобной позе, скрестив ноги и положив ступни на бедра и словно в молитве сложив руки.

– Намасте, – сказала она с таким сильным южным акцентом, что я даже не сразу поняла, что она сказала.

– Доброе утро, – нерешительно ответила я. – Где Нэнси?

Женщина встала из своей позы и выпрямилась во весь рост, который, как оказалось, едва превышал пять футов.

– Привет! – сказала она, предлагая свою унизанную кольцами руку. – Я Шарлин Роуз, подруга Нэнси. Вчера мы с ней играли в гольф, и я случайно ударила ее по голове неудачным броском. Врачи говорят, что, как только ей снимут швы, с ней все будет в порядке.

– Швы? Это что-то серьезное?

– Всего три шва, и я сказала, что оплачу любую пластическую операцию, если у нее на лбу останется шрам. Но с ней все в порядке. Я на неделю поселила ее в спа-отеле «Чарльстон-Плейс», чтобы она смогла восстановиться.

– Отлично, – сказала я, пристально глядя на женщину. – Мы с вами раньше не встречались? – спросила я, все еще задаваясь вопросом, почему она сидела в приемной на коврике для йоги.

Шарлин просияла улыбкой:

– Я однажды снялась в кино с Деми Мур. Вообще-то я была статисткой, но у меня была роль со словами. К сожалению, эти сцены вырезали, но меня можно увидеть в массовке в самом конце. Возможно, именно там вы меня могли видеть.

– Может быть, – сказала я, ожидая услышать пространное объяснение, как ее занесло на съемки фильма и зачем ей на полу коврик для йоги.

Взгляд Шарлин остановился на моем латте с горкой сливок и пакетом для выпечки с жирными пятнами на дне.

– Вы, должно быть, Мелани Миддлтон.

– Она самая, – призналась я, а про себя подумала, что если Нэнси нашла в себе силы подготовить Шарлин ко встрече со мной, то с ней наверняка все в порядке.

Шарлин нахмурилась:

– Это вредная пища.

Я уже было закатила глаза, но вовремя одернула себя:

– Почему вы здесь? И почему занимаетесь йогой в приемной?

Ослепительная, как лампочка, улыбка Шарлин не потускнела ни на один ватт.

– Люблю встать пораньше, чтобы сделать упражнения, тем более что Нэнси пообещала мне, что раньше девяти сюда никто не придет, кроме вас, и что вы вряд ли станете возражать. – Шарлин похлопала по телефону, который, как я заметила, был сдвинут на самый край стола: – Я всегда могу дотянуться до него.

Меня так и подмывало топнуть ногой.

– Но почему вы здесь?

– Ой, мне следовало сказать это в самом начале. Я здесь вместо Нэнси, пока ее нет. Она знала, что я идеально подхожу для этой работы. Она постоянно мне про вас всех рассказывает, и у меня такое чувство, будто мы знакомы долгие годы. Кстати, не волнуйтесь, меня не нужно ничему учить. Нэнси уже рассказала мне все, а я быстро учусь. Кроме того, номер Нэнси стоит у меня на скоростном наборе, на тот случай, если у меня возникнут проблемы.

– Что ж, приятно было познакомиться, – медленно сказала я и повернулась, чтобы пойти в свой кабинет. – Кстати, я не люблю...

– ...чтобы вас беспокоили до девяти часов, потому что вам нужно время, чтобы распланировать рабочий день и ваши ежедневники, хотя я не могу понять, зачем человеку нужно их сразу несколько. И я с радостью могу забирать ваш завтрак по дороге каждое утро. Может быть, что-то более здоровое. Да, сейчас у вас хорошая фигура, но, учитывая, что вы едите и ваш возраст, это не может продолжаться вечно.

Я стиснула зубы и зашагала быстрее, хотя, если честно, я бы плеснула в нее моим горячим латте.

Я запивала последний пончик, когда на моем столе загудел мобильник. Посмотрев на экран, я увидела имя Джека и номер его мобильного телефона. Чтобы не было соблазна ответить, я перевернула телефон. Мне нужно отделить себя от него. Ведь стоит поговорить с ним с утра, как это гарантия того, что он весь день не будет выходить у меня из головы. Перезвоню ему сразу после двенадцати – и мое утро будет свободным от мыслей о Джеке.

Только я взялась заполнять электронную таблицу дел на сегодняшний день – всех моих встреч с клиентами и походов в туалет, – как на углу моего рабочего стола зазвонил телефон. Я нажала кнопку громкой связи:

– Да, Шарлин?

– Джек Тренхольм на первой линии.

Я стиснула зубы:

– Я думала, вы в курсе, что я не отвечаю на звонки до девяти.

– Но ведь это Джек. Нэнси сказала, что вы всегда отвечаете на его звонки.

Только не заводись, сказала я себе и сделала глубокий вдох.

– Она ошибается. Я вообще не хочу с ним разговаривать, тем более когда я...

Я подняла голову и увидела Джека. Разговаривая по мобильному телефону, он стоял в дверях моего кабинета.

– Спасибо, Шарлин, – сказал он. – Можете разъединить линию. Кстати, я сказал, как вам идет голубой цвет?

Я тоже нажала кнопку отключения. Джек сунул свой телефон в задний карман. Сегодня он выглядел лучше, чем в прошлый раз, когда я его видела. Интересно, это потому, что ему больше не нужно ежедневно портить себе нервы, общаясь с дочерью-подростком? И все же было в его глазах нечто такое, что шло вразрез с его обычной самоуверенностью.

Откинувшись на спинку стула, я скинула очки для чтения со стола в верхний ящик. Вряд ли я вынесу хотя бы один намек на мой возраст.

– Привет, Джек. Рада тебя видеть, как всегда.

Не спросив разрешения, он шагнул внутрь и уселся на одно из двух удобных кресел, предназначенных для клиентов.

– Взаимно. Хотя, если честно, мне немного обидно, что ты отказывалась брать трубку.

– Извини. Но у некоторых из нас есть настоящая работа, которая требует, чтобы ее выполняли. – Я пристально посмотрела на него. От моего взгляда ничто не ускользнуло – и щетина на подбородке, и влажные волосы, и слегка помятый вид, в котором, что удивительно, была своя привлекательность. – Кстати, странно видеть тебя бодрствующим в столь ранний час.

– Может, я вообще не ложился спать. – Он слегка приподнял брови. Где-то в самом низу моего живота что-то шевельнулось, что я приписала слишком большому количеству поглощенного сахара.

Я стойко выдержала его взгляд.

– Тебе наверняка что-то нужно, если ты здесь, а не в постели.

Он ответил не сразу, как бы давая понять, что мои слова «постель» и «ты» в одном предложении не остались незамеченными.

– Я еду в аэропорт, но решил заглянуть сюда и показать тебе кое-что.

– Мне казалось, твои личные взгляды интересны в первую очередь психологам.

Ответом мне стал недоуменный взгляд. Не говоря ни слова, Джек наклонился к рюкзаку, который он ранее поставил на пол рядом с собой. Расстегнув верхнюю молнию, он полез внутрь и достал небольшой предмет, который затем положил на середину моего стола. Я посмотрела на миниатюрный предмет мебели, выполненный столь мастерски, что казалось, будто он неким чудодейственным образом сжался до миниатюрных размеров.

– Это что? – спросила я, положив подбородок на стол, чтобы лучше его рассмотреть.

– Когда мы с Чэдом перевозили кукольный домик к твоей матери, я заметил этот миниатюрный буфет в столовой. Он показался мне очень знакомым. Я взял его, чтобы показать матери, и оказался прав.

– В чем именно?

Он указал на ромбовидные инкрустации на двухъярусном шкафчике, сделанном из красного дерева:

– Этот дизайн характерен для краснодеревщика Роберта Уокера. Родом он был из Шотландии и держал здесь, в Чарльстоне, магазин. Его мебель сейчас очень редкая и ценится высоко. В магазине моей матери несколько лет назад был очень похожий шкаф.

Я откинулась на спинку стула.

– И что из этого следует?..

– То, что, если наше предположение верно, кукольный домик и его содержимое – это копии реального дома. В таком случае дом этот был, скорее всего, в Чарльстоне и, возможно, стоит до сих пор. Это должно помочь нам найти первоначальных владельцев и узнать, изображен ли кто-то из них в виде игрушечных фигурок.

– Но тебе с этим не повезло и ты их не нашел?

– Признаюсь, я не слишком в этом преуспел. Проследив все продажи домика, я на данный момент выяснил лишь одно: он почти все время путешествовал по Югу и провел год в одном доме в Бостоне. Такое впечатление, что он не пришелся по душе ни одному владельцу. Самый долгий срок, какой он провел на одном месте, это полтора года.

Я на миг задумалась, вспомнив фигурки мальчика и сломанной собаки. В принципе я уже догадывалась, почему никто не хотел долго держать этот кукольный домик у себя.

– Но если дом, чьей копией он является, до сих пор здесь, почему я или Софи все еще не узнаём его? Ведь мы с ней знаем практически

каждый исторический дом в Чарльстоне, по крайней мере снаружи. Но не этот.

– Но если предположить, что его снесли до того, как Общество охраны памятников старины впилося зубами в старые дома, его вполне могли перестроить. За эти годы владельцы внесли изменения, чтобы дом казался более современным. Мы видели дома в стиле древнегреческого возрождения, переделанные в викторианские, и наоборот, в зависимости от моды. Вдруг наш дом спрятан за георгианским фасадом? Откуда нам знать? – Он придвинул игрушечный шкаф ко мне. – Я возвращаю его тебе, чтобы ты могла вернуть его на место, прежде чем Нола хватится его.

– Разумно, – сказала я. – И, коль речь зашла о Ноле, на этой неделе я узнала кое-что интересное. Мы ехали в машине, и по радио зазвучал новый хит Джимми Гордона «Я только начинаю». Нола жутко расстроилась. Даже заставила нас сменить радиостанцию. Сказала, что встречала его и он ей не понравился.

Джек откинулся на спинку стула:

– Она сказала что-нибудь еще? Например, где она его встречала?

– Вообще-то, нет. Просто ясно дала понять, что это не та тема, которую ей хотелось бы развивать.

Джек побарабанил пальцами по столу:

– Нам с ней нужно больше времени проводить вместе. Может, пока я буду в отъезде, ты придумаешь, что отец и дочь могли бы сделать вместе. Главное, чтобы это было весело.

Вряд ли с моей стороны имело смысл напоминать ему, что у меня совершенно нет опыта по части такого рода вещей. Мой детский опыт сводился к тому, что я старалась удержать отца от выпивки или, по крайней мере, добивалась того, чтобы он не напивался у всех на виду.

Джек продолжал смотреть на меня, но было понятно, что на самом деле его взгляд устремлен куда-то в пространство. Думал ли он о Бонни?

– А я пока займусь Джимми Гордоном, – произнес он в конце концов. – Вдруг они с Нолой встречались через Бонни, ведь она писала песни. Думаю, это имеет смысл. В любом случае, стоит проверить. В данный момент пригодится все, что поможет достучаться до Нолы, ведь ничто другое не работает.

Его голос был полон разочарования. Вопреки обычаю, мне стало его жаль.

– И надолго ты уезжаешь? – поинтересовалась я.

В его глазах вспыхнул огонек. Передо мной вновь был старый Джек.

– Почему спрашиваешь? Будешь скучать по мне?

Я вздохнула. От моего сочувствия не осталось и следа.

– Нет. Просто хотела узнать, должна я спросить у твоей матери насчет этого игрушечного шкафа. Если ты куда-то собрался, чтобы развлечься, я не уверена, что ты не забудешь ей позвонить.

Он поставил локти на подлокотники кресла и сложил домиком ладони перед собой.

– Я лечу в Нью-Йорк, и вовсе не для развлечений. Если только ты не согласишься составить мне компанию.

И вновь в области моего живота что-то шевельнулось. Я тотчас сделала мысленную отметку не добавлять в следующий раз в мое латте двойную порцию сливок.

– Если не ошибаюсь, я сказала, что некоторым из нас приходится иногда работать. Плюс у меня дома подросток. – Выразительно посмотрев на Джека, я села прямо и разложила перед собой ежедневники, давая понять, что готова вернуться к работе и в мои планы не входит все бросить и лететь с ним в Нью-Йорк. Что, кстати, внезапно показалось мне не такой уж плохой идеей. – К тому же вряд ли Ребекке понравится, если мы с тобой вместе отправимся в путешествие.

Он пристально посмотрел на меня:

– Разве я что-то сказал о романтическом путешествии, Мелли? Я лишь намекнул, что тебе не помешает развеяться, и поездка в Нью-Йорк вместе со мной была бы отличным способом это сделать. Мне и в голову не могло прийти, что ты подумаешь, что мы будем жить в одном номере плюс все прочее, что к этому прилагается.

Его логика была отнюдь не без изъянов, но я была слишком смущена, ведь именно это я и подумала, и этот поганец это прекрасно знал. Не отводя глаз, я протянула к телефону руку и нажала кнопку стойки администратора:

– Вы не могли бы соединить меня с кем-нибудь? С кем угодно. Это не имеет значения.

Джек ухмыльнулся и встал.

– Не волнуйся. Я ухожу. Я уже говорил с Нолой, поэтому она знает, где я и как меня найти. И я ценю, что ты согласилась присмотреть за ней. – Он закинул рюкзак на плечо. – Просто дай мне знать, если моя мать что-то найдет.

Мои мысленные терзания по поводу язвительной фразы, которую следовало бы бросить вдогонку Джеку, прервал голос моего начальника:

– Мелани? Это вы? Не знал, что в мои обязанности входит соединять вас с кем-то.

Я застыла на месте, уставившись на телефон. Черт, похоже, я нажала не ту кнопку.

– Извините, Дейв, я ошиблась, – сказала я как можно подобострастнее и подняла голову. Джек уже вышел, но его смех пронесся по коридору и влетел в мою открытую дверь.

* * *

Я узнала новый белый «Приус» Софи, стоявший перед домом моей матери на Легар-стрит. Сама Софи сидела на кованой железной скамейке в розарии моей бабушки, вытянув перед собой левую руку. Она как будто ловила своим новым кольцом солнечные лучи. При виде этой картины меня внезапно пронзила боль... Нет, это была не ревность. Я это точно знала, потому что была по-настоящему рада за нее и Чэда и отказывалась понять, почему они так долго тянули с этим делом. Ведь они буквально созданы друг для друга. Не желая заниматься изучением собственных чувств – вдруг окажется, что их причина кроется в упущенных возможностях и неумолимом ходе времени, – я ускорила шаг.

– Привет, Софи. У нас с тобой назначена встреча? Не помню, чтобы она была в моих ежедневниках.

Она быстро положила руку на колени и покачала головой. Ее буйные непокорные кудри удерживали на месте несколько разноцветных заколок.

– Нет. Просто проезжала мимо и решила зайти посмотреть, дома ли ты. Твои родители сказали, что я могу подождать. Они отправились в SNOB на ужин, а затем в кино и велели мне сказать, что тебе не стоит их ждать.

– А Нола?

– У бабушки с дедушкой. Те были приглашены на ужин к Равенелям на остров Салливан, а их внучка Олстон пригласила Нолу. Они привезут ее обратно, но только поздно. Я понятия не имею, кто эти люди, просто повторяю то, что сказала мне твоя мать. Мол, она бы предупредила тебя сама, но ей некогда тебе звонить, потому что она уже опаздывает на свидание. – Софи вытаращила глаза: – Не знала, что женщине лет шестидесяти может пойти платье с глубоким вырезом, но твоя мать в этом смысле – исключение.

Мне было неприятно думать о том, как моя мать наряжается для мужчины – тем более для моего отца, – и я поспешила сменить тему:

– Могу я посидеть с тобой?

Софи подвинулась, и я уселась рядом с ней, а портфель поставила на землю.

– Так зачем ты хотела меня видеть?

Она подняла левую руку. Бриллиант на ее пальце мгновенно заиграл на солнце искрами света.

– Ради этого.

– А-а-а! – улыбнулась я. – Прекрасное кольцо.

– Это Амелия помогла Чэду выбрать его. Ты же знаешь, как он заиклен на вторичной переработке, и он подумал, лучше купить что-то, что уже было в употреблении, нежели новую вещь. – Софи вновь посмотрела на кольцо. Оно явно было старинным – платиновое, с замысловатым узором вокруг круглого бриллианта. Сейчас такие не делают. – Наверно, оно красивое только потому, что оно мое. К сожалению, я не слишком хорошо разбираюсь в таких вещах, чтобы понять, так это или нет.

Я попыталась сохранить невозмутимое лицо.

– Да, я заметила, – ответила я и, взяв ее руку, повертела кольцо в солнечных лучах. – Но оно действительно прекрасно. Чэд и Амелия постарались на славу.

Софи положила вторую руку на мою и легонько ее сжала.

– Извини, что не сказала тебе раньше. Честное слово, я хотела, чтобы ты узнала первой. Но такие вещи... часто выходят из-под контроля.

– Понимаю. Я не обижаюсь... больше не обижаюсь.

Софи откинулась назад и испытующе посмотрела на меня:

– В самом деле? Я спрашиваю потому, что у тебя по-прежнему обиженный рот.

– Что-что?

– Ну, ты знаешь, его кончики ползут вниз, когда у тебя неожиданный посетитель, которого нет в твоей электронной таблице, или если какая-то задача отнимает у тебя больше времени, чем должна, и все, что за этим следует, летит кувырком. Или когда ты видишь Джека и Ребекку вместе.

Я постаралась придать лицу нейтральное выражение.

– Понятия не имею, о чем ты. Но я рада за тебя и Чэда. Я знала, что вы созданы друг для друга, как только его увидела. В том смысле, что вы оба веганы и ему нравится, как ты одеваешься. Поверь мне, второго такого, как он, просто нет.

Софи шутливо толкнула меня локтем в бок:

– Знаю. – Она вновь посерьезнела. – Я рада, что с тобой все в порядке, потому что я хотела спросить тебя, согласишься ли ты быть подружкой невесты?

На глаза мне навернулись предательские слезы. Я моргнула и заставила себя принять строгий вид.

– Это от многого зависит.

– От чего же? – насторожилась Софи.

– От того, кто выбирает платья для подружек невесты.

Софи тотчас откинула голову назад и расхохоталась.

– О боже, Мелани. Ты меня напугала. Как будто это имеет значение.

– Я серьезно. Я не надену марлю, никаких хламид с «вареными» разводами, никакого бисера. И определенно никакой конопли.

Софи крепко обняла меня.

– Ты самая лучшая, Мелани. Вот увидишь, мы обязательно найдем что-то, что понравится нам обеим. Но предупреждаю заранее: это будет на открытом воздухе, чтобы все могли ходить босиком.

Я медленно кивнула, чтобы не сказать, что я думаю об этой идее на самом деле. В конце концов, это свадьба Софи, и если она хочет, чтобы я прошла по проходу церкви босиком, то пусть так и будет. И если я когда-нибудь выйду замуж, я отплачу ей тем, что заставлю надеть тафту и кринолин и зачесать волосы в аккуратный шиньон.

– Конечно. Как пожелаешь. Это твоя свадьба. Дай мне знать, если тебе понадобится помощь. Я мастер по части планирования мероприятий.

Она сделала большие глаза. Ей потребовалась пара секунд, чтобы придумать ответ.

– Спасибо, Мелани. Буду иметь в виду. Хотя я не думаю, что мне нужно что-то планировать. Это будет маленькая свадьба – только семья и друзья. Но я обязательно сообщу тебе, если нам понадобятся электронные таблицы.

Я похлопала ее по колену и встала.

– Давай.

Я посмотрела на пустой дом. Еще недавно я обожала мое уединенное существование: приходить и уходить, когда вздумается, наслаждаться тишиной и уединением пустого дома. Теперь это казалось... просто одиночеством. Я посмотрела на Софи:

– Не хочешь посмотреть со мной «Лузеров»? Я посмотрела несколько серий вместе с Нолой, потому что она меня заставила. И надо сказать, это оказалось заразительно.

Софи тоже встала.

– Спасибо, но Чэд готовит сегодня вечером веганскую лазанью. Если хочешь, присоединяйся к нам, хотя потом ты наверняка вернешься домой голодная и совершишь набег на кладовку миссис Хулихан.

– Это точно. Но ничего страшного. Генерал Ли наверняка составит мне компанию.

Софи импульсивно обняла меня:

– Спасибо, что согласилась быть подружкой невесты. Ты ведь знаешь, я бы сделала то же самое для тебя.

– Все, можешь дышать свободно, – сказала я, разжимая объятия, и направилась к парадному крыльцу под внушительным двухъярусным портиком.

– А я обещаю никому не говорить, что ты смотришь сериал «Лузеры». Думаю, это оттолкнуло бы больше потенциальных клиентов, если бы они узнали, что ты видишь мертвецов, – сказала мне вслед Софи, и я угадала в голосе улыбку.

Я улыбнулась ей вслед, глядя, как она идет к своей машине, вероятно, уже предвкушая романтический вечер с Чэдом и веганской

лазаньей. Я едва не окликнула ее, чтобы сказать, что я передумала, но вовремя остановилась. Они были помолвлены и вряд ли бы обрадовались третьему лишнему, даже если бы попытались уверить меня в обратном.

Войдя в фойе, я вдохнула запах старого дома, который успела полюбить, а также запах самшита и лимонного масла. Эти ароматы наверняка приятно щекотали ноздри многим поколениям моей семьи, жившим в этом доме до меня. Они больше не напоминали мне про тревожный звук высасываемых из окон и дымоходов денег. Недавно я поймала себя на том, что вместо этого они нашептывали мне о том, как же мне на самом деле повезло. Но я вряд ли когда-нибудь признаюсь в этом вслух.

Скинув с ног туфли на каблуках и аккуратно поставив их на ступеньки, чтобы отнести наверх, когда я туда пойду, я поставила свой портфель рядом с секретером моей бабушки в гостиной. Я была уже на полпути к кухне, когда услышала странное поскуливание, а затем – царапание. Я замерла на месте, не зная, послышалось ли мне или нет. Но звуки повторились снова. Генерал Ли.

Перепрыгивая через ступеньки, я босиком бросилась вверх по лестнице. Ноги сами несли меня в направлении спальни Нолы. Я обнаружила пса перед закрытой дверью, его пышный хвост – обычно завитком задранный над его спиной – был поджат между задними лапами. Когда я подошла, пёс снова заскулил, поднял переднюю лапу и принялся царапать дверь.

Я опустилась на колени, и он прыгнул в мои протянутые руки. Я крепко прижала его к себе, удивившись собственной радости по поводу того, что Генерал Ли цел и невредим. Я не любительница собак. Если честно, я не была готова пополнить армию старых дев, которые живут одни, в окружении множества собак или кошек.

Я уткнулась лицом в его мягкую шерсть.

– Ты в порядке, мой сладенький? Мамочка здесь. – Я оглянулась, желая убедиться, что меня никто не слышал. Затем я переключила свое внимание на дверь. Интересно, мне показалось или полоска света под дверью и впрямь стала ярче?

Дверная ручка повернулась под моим прикосновением, и я толкнула дверь, хотя сама на всякий случай осталась стоять в

коридоре. Было слышно, как дверь стукнулась о стену. В следующий миг мне в лицо ударил порыв ледяного воздуха.

Высокие окна на противоположной стене были широко распахнуты, впуская теплый вечерний воздух. Длинные пальцы желтоватых лучей заходящего солнца скользили по деревянному полу, по старинной кровати под балдахином, по затхлomu ковру в дальнем углу комнаты, где стоял кукольный домик.

И вновь у окна башни столпилась кукольная семья его обитателей, за исключением сына и собаки. Я шагнула вперед. Генерал Ли тотчас заскулил. Я положила руку ему на загривок, чтобы он не выскочил из моих рук. Да и вообще, в этот момент мне меньше всего хотелось остаться здесь одной.

Я поискала глазами на полу две недостающие фигурки. Даже опустилась на колени, чтобы посмотреть, не закатились ли они под кровать Нолы. Я уже собралась закрыть окна, когда заметила их. Они стояли на антикварном морском сундучке, выполнявшем роль скамейки. Мне хорошо были видны линии высохшего клея, где я склеила половинки собачьего черепа и шею мальчика.

В окна дул сильный ветер, хотя деревья снаружи не качались. Затем одно за другим все окна захлопнулись, как будто вдоль них кто-то прошел, поочередно их закрывая.

Я сглотнула. Мне всегда было легче, когда призраки подходили ко мне первыми. В противном случае я игнорировала их, и они обычно уходили. Но это была комната Нолы, я же понятия не имела, кто этот дух или духи. Я просто не имела права сделать вид, будто их здесь нет.

– Эй, привет! – робко поздоровалась я. – Привет! – повторила я более решительно. Говоря это, я видела свое дыхание. Мои губы и даже зубы были холодны, как лед.

Услышав шелест бумаги, я обернулась и посмотрела туда, где лежал раскрытый футляр с гитарой Бонни, а на полу перед ним высилась стопка нот. Страницы подрагивали, как будто кто-то перелистывал их.

– Бонни?

Шуршание мгновенно прекратилось, зато включился радиоприемник на ночном столике, причем на полную громкость. Я узнала песню Джимми Гордона «Я только начинаю». Я быстро

подошла к кровати и выключила радио. В наступившей тишине было слышно, как колотится мое сердце.

– Бонни? – позвала я снова, но в комнате уже становилось тепло, и я знала, что она ушла. Генерал Ли ухитрился спрыгнуть с моих рук на кровать, затем с кровати на пол и пулей вылетел за дверь.

Я обвела взглядом пестрый калейдоскоп красок, который никак не вязался с мебелью девятнадцатого века. Груз многих десятилетий как будто давил мне на плечи. Затем пространство комнаты заполнил тяжелый вздох. Я попятилась к двери, не уверенная в том, был ли он моим.

– Не бери в голову, – сказала я пустой комнате и закрыла за собой дверь.

Глава 8

Я приоткрыла глаза. Сквозь темные шторы пробивалась узкая полоска серого цвета. Я лежала неподвижно, силясь понять, почему не у себя в спальне в моем доме на Трэдд-стрит. Но затем я вспомнила треснувший фундамент и очередную вынужденную эвакуацию и вновь смежила веки. Пока не поняла, что на подушке рядом со мной нет Генерала Ли и что меня разбудили чьи-то шаги за моей дверью.

Я резко села в кровати и напрягла слух – вдруг услышу что-нибудь необычное? Впрочем, какие еще сюрпризы можно ожидать под заголовком «Исторический дом Чарльстона»? Если ваш дом не трещал, не стонал и не скрипел, он просто был недостаточно стар. Я схватила со спинки кровати халат, сунула ноги в пушистые тапочки и вышла в темный коридор.

Дверь Нолы была открыта. Заглянув внутрь, я увидела, что комната пуста, но, к счастью, там было тихо, а окна закрыты. Даже гитара вела себя прилично и молча отдыхала в углу, как и положено гитаре. Подавив смутную тревогу, я направилась к лестнице. И отметила про себя, что дверь спальни моей матери закрыта, но, что странно, одновременно уловила запах отцовского одеколona. Стараясь не наступить на полы собственного халата, я стала спускаться по лестнице, не зная, что повергло бы меня в больший ужас – пропавший подросток или собственные родители в одной постели. Открывая дверь кухни, я все еще не была уверена.

Как и в остальной части дома, в кухне было темно, лишь в высокие окна пробивался свет от уличных фонарей. Его тонкие серые пальцы касались столовых приборов из нержавеющей стали и недавно отреставрированного камина, за которым на протяжении двух веков скрывалась потайная комната. Лишенная всех своих секретов кухня, как мне казалось, была свободна и от призраков.

Услышав легкий шорох, я окинула взглядом дальнюю стену.

– Вильгельм? – прошептала я имя моего защитника, гессенского солдата, которого, как мне казалось, я отправила на свет месяц назад. Я принялась, ожидая уловить безошибочный запах пороха, который

обычно окружал его фигуру. Узнав совершенно другой запах, я застыла на месте. Сахар?

Не оборачиваясь, я нащупала стену и щелкнула выключателем. Кухня тотчас озарилась светом. Точечные светильники и центральные подвески высветили гранитную столешницу, полированные доски пола, Нолу и Генерала Ли. Последние двое сидели на полу перед дверью кладовой, а между ними стояла открытая пачка пончиков в сахарной пудре. У обоих было одинаковое виноватое выражение и одинаковые пятна сахарной пудры на лице и на мордочке.

Я была так рада увидеть обоих, что даже не удивилась. Опустившись рядом с ними на пол, я пошлепала себя по коленям, приглашая Генерала Ли. Виновато посмотрев на Нолу, пёс медленно подошел ко мне и позволил взять себя на руки. Стряхнув с его морды сахарную пудру, я посмотрела на Нолу и увидела на ее щеках слезы. Их ручейки прокладывали себе русло сквозь подсохшую корочку сахара на ее губах и подбородке.

В детстве я больше всего боялась попасться кому-нибудь на глаза, когда я плачу. Если бы я хотела, чтобы люди увидели мои слезы и спросили меня, что не так, я бы встала посреди улицы и кричала, как это несправедливо, что я не нужна собственной матери.

– Не волнуйся. Я никому не скажу, что ты ешь рафинированный сахар, – сказала я, почесывая Генерала Ли за ухом, и, словно на исповеди понизив голос, добавила: – Вообще-то у меня была веганская лазанья Чэда, которую Софи принесла специально для тебя, и она оказалась очень вкусной. Но если ты скажешь им, я буду это начисто отрицать до моего последнего вздоха.

Я обернулась и поставила Генерала Ли на пол.

– Но прежде чем положить эти пончики обратно в кладовку, возьми пару и сядь за стол.

С громким стоном Нола выполнила мою просьбу. Вернув пончики на место, она положила два на чистую тарелку, которую миссис Хулихан оставила на сушилке для посуды. Я взяла из шкафчика два стакана и достала из холодильника две картонки молока – одну соевого и одну обычного – и наполнила каждый стакан почти до краев.

Поставив один стакан на стол перед Нолой, я села напротив нее и одновременно потянулась за моим пончиком. Откусив, я принялась

медленно его жевать, давая Ноле возможность заговорить первой. Но она молчала. Тогда, пользуясь случаем, заговорила я:

– Дом издает ночью слишком много звуков, не так ли? Надеюсь, это не мешает тебе спать.

Она пожала плечами. Я тотчас обратила внимание на ее мешковатую футболку с фотографией концерта группы Rush в 1993 году. Бонни. И я все поняла: Нола сидела на полу в темной кухне и плакала не потому, что ее что-то напугало в старом доме, не из-за одиночества или непонимания. Просто мать покинула ее навсегда, окончательно и бесповоротно. Такое трудно принять и понять даже взрослой женщине. Каково же для тринадцатилетней девочки? Мне было жутко это представить. Я тотчас вспомнила мимолетные видения Бонни и то чувство отчаяния, которое она оставляла после себя. Нет, здесь явно крылось нечто гораздо большее.

– Ты скучаешь по маме? – осмелилась спросить я.

Нола отодвинула через стол тарелку с нетронутым пончиком и отвела глаза. Но я успела заметить, как предательски подрагивает ее нижняя губа. Я едва не сказала, что постоянно вижу ее мать и что если я буду пытаться и дальше, то, возможно, заставлю ее поговорить со мной. Но вмешался разум. Было еще слишком рано, и если я хотела заручиться ее доверием, сейчас не тот момент, чтобы сказать правду. Вдруг она решит, что перед ней чокнутая, психически неуравновешенная тетка?

Внезапно она заговорила, но так тихо, что я на миг подумала, что мне это кажется:

– Я иногда слышу, как она играет свои песни на гитаре, как будто она все еще здесь. Как ты думаешь, я сумасшедшая?

Я постаралась не слишком энергично потряхнуть головой:

– Нет, конечно. – Я на мгновение задумалась. Еще ни разу в жизни я не видела таких печальных глаз. – Просто это означает, что ты скучаешь по ней и цепляешься за то, что вам обоим нравилось, – за музыку. Кстати, в школе Эшли-Холл можно брать замечательные уроки музыки. И если ты захочешь... – Я осеклась. Ее хмурый взгляд однозначно дал мне понять, что я зашла слишком далеко.

Генерал Ли подошел к стулу Нолы и, встав на задние лапы, положил передние ей на колени. На мордочке пса было такое жалостно-умильное выражение, что я заподозрила, что он часами

практиковал его перед зеркалом. Я наблюдала за Нолой. Хмуро посмотрев на пса, она вздохнула и взяла его на руки. Она прижала Генерала Ли к себе, и ее плечи расслабились. Надо не забыть дать ему за это очередную вкусняшку.

– Моя мама не хотела меня, как и мой отец, – сказала Нола, уткнувшись носом в мохнатую собачью спину.

Это было совершенно не по моей части; другое дело – переговоры о продаже или покупке недвижимости, эксклюзивный листинг, встречные предложения, все то, в чем я была компетентна. То, что требовало жестких цифр и никаких эмоций. Здесь же, сидя за столом в кухне моей матери, я чувствовала себя не в своей тарелке, как если бы я заняла место папы римского.

Я закрыла глаза. Как жаль, что с нами нет Софи. Вот у кого нашли бы правильные слова. Вместо этого я поймала себя на том, что думаю о своей матери и повторяю то, что она мне сказала. Что я все еще открываю для себя правду, пробуя ее на вкус, словно суп, который кипит на медленном огне.

– Иногда мы вынуждены поступить правильно, даже если для этого нужно отказаться от того, что мы любим больше всего на свете.

Нола подняла на меня заплаканные глаза:

– Ты хочешь сказать, что, убив себя, она поступила правильно?

Я покачала головой, все еще не до конца понимая смысл слов моей матери, но, по крайней мере, зная, чего она точно не хотела сказать.

– Нет.

Я попыталась представить этот разговор как список дел, следя за тем, чтобы ничего не упустить. Я поступала так всю жизнь, другие способы были мне неизвестны.

– Я лишь хочу сказать, что она, скорее всего, думала, что у нее нет другого выбора. – И вновь я вспомнила объяснение моей матери, почему она тогда ушла от меня. С облегчением и благодарностью за эту неожиданную подсказку я сказала:

– Должно быть, она почему-то считала, что тебе будет лучше без нее.

Нола вновь уткнулась лицом в собачью шею.

– Тогда почему она оставила меня с... ним?

Она буквально выплюнула последнее слово, отказываясь называть Джека по имени.

Я оказалась в непростой ситуации, вынужденная защищать Джека. Но, по крайней мере, тут у меня под ногами была твердая почва. Я и мой отец прошли через тот же самый неловкий танец, когда недавно после десятилетий эмоционального отсутствия он решил вновь стать частью моей жизни.

– Он хороший человек, Нола. И я знаю, что он любит тебя. Просто он пока не знает, как быть настоящим отцом. Не торопите друг друга, и уверяю тебя, вы найдете общий язык.

– Он бросил нас. Так мне сказала мама. Он знал обо мне, но я была ему не нужна.

Если сердце способно реально разбиться, то мое точно бы лежало сейчас на кухонном столе тысячами осколков. Поняв, что они мне не помогут, я махнула рукой на мою мысленную таблицу и список и вместо этого откинулась на спинку стула. По крайней мере, правда была на моей стороне, а это уже что-то.

– Я не знаю, почему твоя мама сказала это, но я уверена, что у нее были свои причины. Но твой отец никогда бы не бросил тебя, если бы знал о тебе. И теперь он хочет все сделать правильно, главное, дать ему шанс. Согласна, он упрямый и порой раздражает, и привык поступать по-своему.

Вместо ответа Нола скривила губы.

– Но, – продолжила я, – он также добрый и заботливый. И он понимает свою ответственность за тебя. – Я пристально посмотрела на нее: – Но если ты скажешь ему, что я говорила о нем эти приятные вещи, я заставлю тебя надеть лимонно-зеленые шорты и белую кружевную блузку. И зеленые кеды в тон. В моем шкафу есть такой наряд, и найти его будет несложно.

Она сделала вид, будто ее передернуло от отвращения.

– Моя мама не лгала мне. Никогда.

При всей решительности ее слов я уловила в них неуверенность. Отлично. Ободренная, я повела мое наступление дальше:

– Он хочет устроить что-то веселое – например, совместную вылазку на природу. Чтобы вам лучше узнать друг друга. Например, поход на байдарках по гавани Чарльстона. В Шем-Крик есть фирма, которая проводит групповые морские экскурсии.

Прежде чем ответить, она уставилась в потолок.

– Мне без разницы. Но... могу я захватить подругу?

И хотя это было явно не то, чего хотел Джек, по крайней мере, для начала сойдет.

– Конечно, – сказала я. – А кто твоя подруга?

Она посмотрела на меня так, будто перед ней сидела самая тупая особа на свете. И, главное, это ей удалось.

– У меня только одна подруга. Олстон Равенель.

Я вспомнила застенчивую Олстон с заразительным смехом и хорошим чувством юмора.

– Конечно. Позвони ей, – с улыбкой сказала я. – Твой отец завтра вернется из Нью-Йорка. Как насчет субботы?

Нола тяжело вздохнула, словно наш разговор отнимал у нее чересчур много сил.

– Позвонить? Да никто больше никому не звонит. Люди шлют эсэмэски или общаются в Мессенджере, но уж точно не звонят. Сейчас ведь не двухтысячный год!

Я в упор посмотрела на нее. Интересно, сколько ударов выдержит мое эго, прежде чем поднимет белый флаг.

– Я не знала, что у тебя есть мобильник.

– У меня его нет, – она выразительно посмотрела на меня.

Чувствуя себя на взрослой территории чуть увереннее, я сказала:

– Я поговорю с твоим отцом... это решать ему, а не мне. А пока есть старый добрый домашний телефон. Позвони бабушке, если у тебя нет ее номера.

– Мне без разницы, – повторила Нола, но со стула не встала и лишь задумчиво жевала нижнюю губу. Я ждала, что она скажет. Главное, чтобы ее ответ не заставил меня почувствовать себя полной дурой. – Джек пьет? – спросила она в конце концов.

Ее вопрос застал меня врасплох. Джек был «завязавшим» алкоголиком и в прошлом году фактически стал спонсором моего отца, отправив его в группу анонимных алкоголиков. Но я думала, что именно Джек должен сказать это Ноле.

– Больше нет, – ответила я, надеясь, что новых вопросов не последует.

– Потому что, когда я жила у него, он купил шесть бутылок пива, а на следующий день я видела, как он разбил в раковине их все до одной, причем полные. Он весь день оставлял кому-то сообщения, думаю, кому-то в Нью-Йорке, но ему никто не перезванивал, и он

жутко злился. – Она умолкла, как будто решая, сказать мне что-то еще или нет. – Парень моей мамы, – медленно добавила она, – после которого было еще двое, тоже имел привычку бить бутылки, когда мама приносила домой выпивку. Он пытался удержать ее, хотел, чтобы она бросила пить. Наверно, поэтому они и расстались.

Я мгновенно ощутила тревожную тяжесть в самом низу живота, но постаралась не подать виду. Слова Нолы вселили в меня беспокойство. Что заставило Джека купить пиво? Ведь он давно не брал в рот даже капли спиртного. Если честно, от ее слов меня уже начинало мутить. С какой легкостью она произносила такие слова, как «выпивка» и «завязать». Ей было всего тринадцать лет, но, когда я посмотрела на нее через кухонный стол, на ее чисто вымытое лицо, на уши без десятка сережек – она вынула их по совету, ну кто бы мог подумать, Софи! – я увидела перед собой ту, кем она была: испуганного, одинокого ребенка.

– Спасибо, что рассказала мне. – Я глубоко вздохнула. – Твоему отцу сейчас не позавидуешь, но я постараюсь, чтобы это все не свалилось только на его плечи, хорошо? – Я понятия не имела, что на самом деле я обещала. Знала лишь, что должна заверить ее, что, по крайней мере, один из родителей будет для нее надежной опорой.

Между тем небо за окном позади нее начало розоветь.

– Может, тебе вернуться в кровать? Лично я не собираюсь ложиться. Хочу одеться и пораньше прийти в офис. Кажется, моя мать что-то сказала о том, что отвезет тебя на стрижку... – Я не договорила, потому что явственно услышала тихий мужской голос.

Прижав пальцы к губам, я встала и, метнувшись к выключателю, погасила верхний свет.

– Спокойной ночи, Джинни, – донесся из фойе громкий и явно мужской шепот.

– Тсс! – не менее громкий шепот донесся сверху. – Не то разбудишь Мелли или Нолу. Сам знаешь, потом они будут перемывать нам косточки.

– Извини. Просто я слишком стар, чтобы тайком удирать под утро, словно влюбленный подросток.

Что-то стукнуло по мраморному полу.

– Ой! А это еще зачем? – раздраженный шепот моего отца прозвучал даже громче, чем его обычный голос.

– Ты забыл ремень. Я не хочу, чтобы Мелли нашла его в моей комнате. А теперь иди, пока еще темно и соседи не увидели тебя.

– Смогу я увидеть тебя сегодня вечером?

– Только если ты уйдешь прямо сейчас.

– Джинни?

– Да?

– Я по-прежнему тебя люблю.

– Ступай.

Последовало долгое молчание, затем скрип отодвигаемой задвижки, и наконец дверь тихо закрылась.

В утреннем полумраке я посмотрела на Нолу. Ее щеки покраснели, глаза сияли.

– Мда-а, – протянула она.

– Верно, – как будто выплюнула я, и мы обе покатались со смеху, забыв, пусть всего лишь на время, всю грусть, которую обнажил этот предрассветный час.

Глава 9

Борясь с застежкой кулона, я остановилась за дверью моей спальни и прислушалась. Где-то рядом звучала тихая музыка. Сначала мне показалось, что я слышу радио, пока я не поняла, что звук исходит из ванной комнаты, а фоном является шум душа. В ванной комнате Нола была еще одна дверь, из коридора. Встав перед ней, я снова прислушалась. Сначала я обратила внимание на мелодию песни, грустную и прилипчивую, из разряда тех, что еще долго звучат в голове, даже когда песня смолкнет. Затем я обратила внимание на голос. Не знаю я, кто там за дверью, я бы подумала, что в доме моей матери неким таинственным образом решил поселиться ангел.

Прислонившись к дверному косяку, я закрыла глаза и позволила мелодии и словам проникнуть в меня. Как вдруг в дверь позвонили. Я резко отстранилась от двери, к собственному стыду обнаружив в моих глазах слезы. Проникновенный голос Нола сделал свое дело. Я посмотрела на часы. Должно быть, это Олстон, пришла ровно на пять минут раньше. Я знала: эта девочка понравилась мне не просто так.

Я открыла входную дверь. Все верно: там действительно стояла Олстон – в стильных шортиках в клетку, бледно-розовой рубашке поло, с ниточкой жемчуга на шее и высоким конским хвостом.

– Доброе утро, мисс Миддлтон. Надеюсь, я не слишком рано. Знаю, это скверная привычка, но я ненавижу опаздывать.

Ее улыбка слегка поблекла, стоило ей окинуть взглядом мой наряд. Решив, что, возможно, я просыпала на рубашку сахарную пудру, я посмотрела вниз и съежилась. Мы были почти в идентичных нарядах, вплоть до белых кедров и шортов в клетку, правда те, что на мне, были более темных оттенков зеленого и синего, а на ней бледно-желтые и розовые. Я рассмеялась, открыла дверь шире ипустила ее внутрь.

– Похоже, мы думаем в одинаковом направлении.

– Это точно. – Она огляделась по сторонам: – Нола готова?

– Нет. И мистера Тренхольма тоже пока нет. Хочешь что-нибудь поесть или попить, пока мы будем ждать?

– Вообще-то, я хотела взглянуть на кукольный домик Нола. Она все время рассказывает мне о нем, и мне не терпится его увидеть.

– Нет проблем, – сказала я, ведя ее к лестнице. – Она все еще в ванной, так что мы не будем путаться у нее под ногами.

Я постучала в дверь спальни и, не услышав ответа, повернула ручку и сунула голову внутрь. Никого.

– Подожди минуту, хочу убедиться, что путь свободен, – сказала я Олстон и, перейдя ко второй двери ванной, постучала: – Нола?

Шум льющейся воды прекратился.

– Что?

– Пришла Олстон и хочет взглянуть на кукольный домик. Ты не против, если я впущу ее?

– Без разницы. Все мои вещи здесь. Просто ничего не трогайте.

Я оглянулась. Вещей у Нолы было немного, но те, что были, валялись по всей комнате от одного ее конца до другого, как будто не было ни корзины для белья в ее шкафу, ни коробок или вешалок.

– Хорошо, – сказала я. – Но поторопись. Экскурсия начинается в девять, и нас никто не станет ждать.

Вернувшись к двери в спальню, я ногой откинула одежду в сторону, создавая пешеходную дорожку к кукольному домику.

– Путь свободен! – крикнула я Олстон.

На первый взгляд все выглядело нормально, если слово «нормально» применимо к описанию данного кукольного домика. Фигурка девочки стояла у окна наверху с миниатюрным телескопом, отец сидел за столом в библиотеке. Правда, мне пришлось поискать мальчика. Наконец я нашла его в детской комнате наверху. Он сидел на полу перед мини-копией самого кукольного домика. Рядом с ним на полу сидела кукла с фарфоровым лицом, а рядом на столе стоял крохотный серебряный чайный сервиз.

– Это вы с миссис Миддлтон декорировали комнату Нолы? – раздался позади меня тихий голос. Я обернулась. На лице Олстон застыла вежливая улыбка.

Сначала я решила помучить ее, сказать, что это наша гордость и радость, вот только я не умею убедительно лгать.

– О господи, нет, конечно. Просто у нас еще руки не дошли все переделать. Зато Ноле нравится.

По милому личику Олстон промелькнуло облегчение.

– Это не в моем вкусе, но я понимаю, почему это нравится Ноле. Она ведь любит много ярких красок, не так ли? Наверно, потому, что

она выросла в Лос-Анджелесе. Насколько я знаю, там все намного ярче.

Я уже было собралась сказать Олстон, что ее ждет блестящая карьера в области дипломатии, когда она сунула руку в кукольный домик, в родительскую спальню.

– Почему мать лежит на кровати лицом вниз и так прикрыта? – спросила она, вытащив фигурку матери и усадив ее в кресло с подлокотниками у камина.

– Возможно, она устала, – сказала я как можно игривее.

Олстон взяла собаку, которая пряталась в гостиной за диваном, и, поднеся к матери, поставила к ее ногам.

– Нола говорила, что эти люди ей иногда снятся, но в ее снах они реальны. И они говорят ей, где их нужно поставить в домике.

Я с тревогой посмотрела на Олстон. Интересно, понимают ли они с Нолой, насколько это странно.

– Должно быть, это все вегетарианская диета, – сказала я с коротким смешком.

– Может быть. – Она встала и нахмурилась. – Мне очень хочется увидеть фасад. Нола говорит, что тот похож на настоящий дом.

Я тоже встала.

– Дом слишком тяжелый, и нам не сдвинуть его с места, но ты точно сможешь проскользнуть между ним и стеной и все хорошо рассмотреть.

Прижавшись спиной к стене, Олстон протиснулась за домик.

– Потрясающе! – восхитилась она. Ее глаза горели. – Я знала, что комнаты и мебель выглядят настоящими, но это... это просто класс. – Она слегка нахмурила брови. – Если честно, это что-то мне напоминает.

– В самом деле? – удивилась я. – Ты узнаешь его?

Олстон покачала головой:

– Не совсем. И все равно... Не знаю. Как будто я уже где-то видела этот дом.

Я постаралась не выдать волнения в голосе.

– Если ты вспомнишь, дашь мне знать? Я... Мне интересно, кем были эти люди и кому мог принадлежать кукольный домик.

– Конечно, – сказала Олстон, странно посмотрев на меня. Услышав, что Нола открыла дверь ванной, она выскользнула из-за дома.

Что касается Нола, то у нее, очевидно, недавно был урок парикмахерского искусства с Софи. Ее прекрасные темные локоны удерживали десяток ярких заколок. Она также стала меньше краситься и теперь лишь подводила глаза – карандашом коричневого цвета, а не черного – и красила тушью ресницы. Мне очень хотелось думать, что она училась у меня и моей матери правильно подчеркивать черты с помощью макияжа, а не прятать их под слоем штукатурки, но, наверно, это в большей степени объяснялось ее привычкой спать до обеда. Она продолжала настаивать на том, что просто обязана спать до полудня, независимо от того, сколько раз мне приходилось вытаскивать ее из постели на несколько часов раньше.

Ее одежда по-прежнему была мешаниной самых разных стилей, цветов и узоров, и я терпеливо ждала, когда она наконец пересмотрит свой гардероб. Конечно, это был лишь вопрос времени. Рано или поздно она поймет, что эти дурацкие наряды не прибавляют ей привлекательности. С другой стороны, была Софи, которую неспособность одеваться со вкусом ничуть не смущала. Сегодня для похода на байдарках Нола выбрала рваную белую футболку и длинные рваные джинсовые шорты. Она была босиком, поэтому все еще оставалась надежда, что она наденет что-то иное, нежели берцы или высокие кроссовки «Конверс».

– Привет, Олстон! – помахала Нола своей подруге. Заметив меня, она остановилась. Ее взгляд переместился от меня к Олстон и назад. – Что я вижу? Вы что, ограбили магазин J.Crew?

Раздался звонок в дверь.

– Это должен быть твой отец, – сказала я. – Пойду открою ему, а ты пока заканчивай одеваться и спускайся вниз. Ты же не хочешь опоздать?

Я уже повернулась, чтобы выйти из комнаты, но заметила, что мать из кукольного домика неким образом вернулась в постель и лежит там лицом вниз. Я посмотрела на Олстон. Очень хотелось надеяться, что та не заметит этого.

Джек казался таким же, каким был в последний раз, когда я его видела, с той разницей, что сегодня он был выбрит, в шортах цвета хаки, рубашке для гольфа и топсайдерах на босу ногу. Я выглянула на крыльцо:

– Где Ребекка?

– Не заводи меня, – произнес он, шагнув в дом. – Она сказала, что я обещал поехать с ней в мебельный магазин, но я подумал, она поймет, что прогулка с Нолой куда важнее.

– Не хочу заимствовать слово из лексикона твоей дочери, но «блин». Конечно, это так.

Джек пристально посмотрел на меня:

– Я знал, что ты так скажешь.

Я с усилием сглотнула.

– Кстати, каяки рассчитаны на двух человек, и Олстон уже здесь.

И снова он пристально посмотрел на меня:

– У тебя есть планы на сегодняшнее утро?

Я предвкушала тихое утро, чтобы провести ревизию в моем шкафу. У меня не было возможности сделать это с тех пор, как я сюда переехала. Да и швы между кафелем в моей ванной комнате были не такими белыми, как хотелось бы, и я планировала атаковать их старой зубной щеткой и отбеливателем. Ничто из этого в глазах Джека не было «планами».

– Вообще-то, никаких, – сказала я. – Но я не люблю глубину.

– На тебе будет спасательный жилет.

– А если он с меня свалится?

Джек одарил меня своей коронной улыбкой. С ее помощью он как будто поднял меня и усадил в каяк.

– Я буду рядом и спасу тебя.

Я было запротестовала, но тут по лестнице спустились Нола и Олстон. При всей разнице во внешности обе двигались одной и той же долговязой походкой. Казалось, конечности слегка длинноваты им обоим.

– Доброе утро, Нола, – Джек улыбнулся, правда, совершенно другой улыбкой, нежели та, к которой я привыкла. Эта была искренней, без намерения очаровать или соблазнить – что было видно по морщинкам вокруг его глаз – и одновременно неуверенной. А неуверенности за Джеком отродясь не водилось.

Олстон шагнула вперед и протянула руку. Я едва не сказала, что впервые вижу такого зрелого подростка, но поспешила напомнить себе, что когда-то и сама была точно такой же. Но в моем случае это было потому, что я знала: по крайней мере, один человек в моей семье должен быть взрослым.

– Доброе утро, мистер Тренхольм. Я Олстон Равенель. Моя мама велела передать вам привет. Мы обе любим ваши книги.

– Твоя мама?

– Сесили Равенель, но вы, наверно, знали ее, когда она была еще Сесили Гиббс.

Брови Джека взлетели вверх, по губам промелькнула едва заметная улыбочка.

– Ах, да. Си Си Гиббс. Отлично ее помню. – Он умолк, и мое воображение заполнило пустое пространство. – Передавай ей от меня наилучшие пожелания. И прежде чем ты сегодня днем вернешься домой, напомни мне, чтобы я отправил вам экземпляр моей последней книги с автографом.

– О, у нас уже есть ваша книга... про Наполеона, верно? Мы ждем новую. Когда она выйдет?

Лицо Джека на миг сделалось каменным.

– Вопрос на миллион долларов. Я только что вернулся из Нью-Йорка с тем же вопросом. К сожалению, у меня до сих пор нет ответа, но я обещаю, что, как только она выйдет, я отправлю вам экземпляр.

Олстон просияла:

– Спасибо, мистер Тренхольм. Я не могу дождаться, чтобы сказать это моей маме.

Джек между тем переключил внимание на дочь:

– С нетерпением жду сегодняшнего дня. Обещаю, будет весело.

Он посмотрел на бледные руки Нола, торчащие из-под белой футболки с оторванными рукавами.

– У тебя есть солнцезащитный крем? На воде будет жарко, и там можно обгореть гораздо быстрее.

Нола посмотрела на потолок, словно прося у Всевышнего совета.

– Слишком поздно пытаться играть в заботливого папочку, тебе не кажется?

Прежде чем Джек нашелся с ответом, я подошла к сумке, которую заранее приготовила и оставила на стуле в холле.

– Тут есть солнцезащитный крем и несколько бутербродов, так что не волнуйтесь. Я уверена, что Нола знает, что ей нужно защитить кожу. Я также положила два козырька для гольфа, которые дала мне Нэнси, чтобы не обгорели носы.

Нола в ужасе уставилась на меня:

– Надеюсь не те, с «боевыми петухами»? Такое я ни за что не надену.

Я выразительно посмотрела на ее футболку с изображением рокерской «козы», оттопыренных мизинца и указательного пальца, как бы намекая, что она не имеет ничего против разного рода эмблем на одежде.

Лицо Джека приняло обиженное выражение.

– Боевые петухи Университета Южной Каролины – это местная гордость. Согласен, я бы не рискнул поехать в Нью-Йорк или Лос-Анджелес с ними на голове, но здесь это часть местной традиции. Даже у твоей мамы была футболка или две.

Нола насупила брови:

– Ага, и чем это для нее кончилось?

С этими словами шагнула мимо нас и вышла за дверь.

Джек долго смотрел ей вслед. Я же подумала, что он просто ждет, когда в его глазах потухнет обида, потому что, когда он повернулся ко мне, та все еще там была.

– Мы подождем на крыльце, пока ты переоденешься.

– Вообще-то, я готова.

– В таком виде?

Я посмотрела на себя:

– А что не так с моим видом?

Я знала: его так и подмывает съязвить, что, дескать, мои шорты недостаточно короткие, но, к счастью, в пределах слышимости были две несовершеннолетние.

– На тебе жемчуг, – сказал он вместо этого.

– На ней тоже, – парировала я, указав на Олстон.

Та кивнула:

– Мама говорит, что до пяти часов дама не носит бриллианты, если это не обручальное кольцо. А сейчас еще утро. К тому же женский пот полирует жемчуг, так что для него это даже полезно.

Мы обе посмотрели на Джека, как будто этого объяснения было достаточно.

Похоже, Джек понял: с такой железной логикой не поспоришь. Я взяла сумку и перекинула ремень через плечо.

– Я захватила несколько пар педикюрных шлепанцев, на тот случай, если кому-нибудь понадобится непромокаемая обувь или кто-

то промочит кроссовки.

К моему облегчению, в глазах Джека вновь вспыхнул лукавый огонек:

– Ты прямо как заботливая мать семейства. Мне даже немного страшно.

– Просто я люблю всегда быть во всеоружии. Хотелось бы, чтобы таких людей, как я, было больше.

– Не дай бог, – пробормотал Джек и, взяв у меня сумку, открыл для нас с Олстон дверь.

* * *

Густо намазав лицо и руки солнцезащитным кремом, мы стояли на причале в Шем-Крик позади проката байдарок. Олстон сумела убедить Нолу, что той это просто необходимо, я сделала то же самое с Джеком. Я указала ему, что он должен служить хорошим примером для Нолы, и этих моих слов хватило, чтобы его убедить. Похоже, в семействе Тренхольм яблоко упало не слишком далеко от генеалогического древа.

Наш инструктор по имени Лью начал раздавать стоящим на причале ярко-оранжевые спасательные жилеты, на глазок угадывая размер. Здесь собралось несколько групп, и все ждали, когда им выдадут экипировку. Меня угораздило оказаться в самом хвосте очереди. Когда подошла моя очередь, Лью задумался:

– У меня кончились взрослые жилеты, но я думаю, что этот детский вам подойдет.

Услышав позади себя смешок, я повернулась и увидела, как Нола и Джек переглянулись. Олстонхватило совести отвести глаза, как будто она не слышала этой унижительной для меня фразы. Взяв у Лью этот чертов жилет, я надела его и попыталась вспомнить, что тот говорил нам о том, как правильно застегнуть все ремни.

– Тебе помочь?

Хотя глаза Джека были частично скрыты солнцезащитными очками, я точно знала, что в них пляшет смех.

– Нет. Спасибо. Пусть он лучше свалится с меня и я утону.

– Как скажешь. – Он отошел к Олстон и Ноле. Те довольно ловко справились сами. Джеку осталось лишь проверить прочность

застежек. Когда он вернулся ко мне, я уже сумела соединить все ремни спереди в один огромный узел.

– Все еще отказываешься от моей помощи?

Я оглянулась и показала глазами на Лью, но тот был занят с парой молодоженов, которые умудрились – намеренно или нет – скрепить свои спасательные жилеты вместе.

– Ладно, – милостиво разрешила я, в последний раз тщетно пытаюсь затянуть узел. – Но если он с меня свалится, я подам на тебя в суд за покушение на убийство.

Тихо, поскольку я единственная могла его слышать, он ответил:

– Лично я предпочел бы, чтобы с тебя свалилось кое-что другое, Мелли. А теперь подойди поближе, и я тебе помогу. Клянусь тебе, я не кусаюсь.

Пока он возился с ремешками на моем жилете, мы стояли лицом друг к другу, практически нос к носу. Я чувствовала на моем лице его дыхание и жар его тела и на какой-то ужасный миг испугалась, что вот-вот упаду в обморок. Как только он закончил, я отступила, а про себя подумала: не наступает ли у меня климакс? Иначе чем объяснить волну обдавшего меня жара?

– Спасибо, – быстро сказала я и зашагала к очереди, туда, где выдавали весла. Там я встала рядом с Олстон и сказала ей: – Поскольку в каждой лодке по два гребца, то мы с тобой будем парой.

– Ни за что, – возразила Нола. – С Олстон поплыву я. А ты с моим отцом.

Я покосилась на Джека, чтобы посмотреть, обиделся ли он. Но нет, его лицо осталось невозмутимым. Из чего я сделала вывод, что служба в армии неплохо подготовила его к отражению нападений со стороны дочери-подростка.

– Хорошо, – сказал он с улыбкой. – Тебе же хуже. Общеизвестный факт, что, как только я оказываюсь в воде, ко мне тотчас подплывают дельфины. Видимо, они любят меня.

– В самом деле? – спросила Олстон, готовясь сесть в байдарку.

Нола свысока посмотрела на подругу:

– Если бы! Мама говорила мне, что мужчины готовы выдумать что угодно, лишь бы произвести впечатление. – Она взяла руку, предложенную инструктором, и устроилась в задней части лодки.

Олстон посмотрела на Джека, но тот лишь пожал плечами. Олстон села на переднее сиденье и крепко сжала весло.

Джек взял меня за руку и подвел к следующей лодке.

– Садись спереди. Но только осторожнее. Не хотелось бы, чтобы ты свалилась в воду, потому что я не умею плавать.

Я с тревогой оглянулась на него. По лицу этого поганца расплзалась широкая улыбка. Сейчас я ее сотру, решила я.

– Я надеюсь, что мое весло случайно не выскользнет из воды и не смахнет тебя за борт, – сказала я. – Ведь я не увижу, как твое тело уносит течением.

В нашей небольшой группе было только четыре каяка, один с инструктором, а последний с молодоженами, которые, похоже, не обращали внимания ни на кого, кроме друг друга. Мы погребли в Чарльстонскую гавань, над которой словно мираж высился форт Самтер.

– Что это? – спросила Нола, указывая на этот памятник Гражданской войны.

– Это форт Самтер, – ответил Джек, – где были произведены первые залпы в ответ за агрессию северян.

– Что-что?

Когда Джек объяснил свои слова, Олстон попыталась скрыть улыбку.

– Это то, что остальной мир именует Гражданской войной. В приличном чарльстонском обществе это также часто называют последней неприятностью.

Нола нахмурилась, и Олстон поспешила Джеку на выручку:

– Он шутит, Нола. Мы не говорим так уже, по крайней мере, пятнадцать лет.

Нола закатила глаза и крепко сжала весло. Поначалу грести у девочек получалось плохо. Ни та, ни другая не знала, сколько сил нужно вложить в каждый взмах весла или в каком направлении поворачивать лодку. Они пару раз врезались в наш каяк, не знаю, намеренно или нет. И еще по одному разу в молодоженов и инструктора. Но всякий раз Джек давал им советы, причем так спокойно и тактично, что я даже не нашла, к чему придраться. Пару раз недовольно фыркнув, Нола, однако, начала к ним прислушиваться,

и вскоре девочки сами управляли своим каяком, причем довольно успешно.

Глядя на них, я не могла не заметить, как легко мы с Джеком управляли нашим собственным. Мы плавно скользили по воде, инстинктивно зная, когда и с какой силой грести, когда повернуть вправо или влево, когда ускориться или замедлиться. Я очень надеялась, что Джек этого не заметит.

– У нас великолепный ритм, Мелли. Мы как будто всю жизнь только этим и занимались.

– Хм, – буркнула я, переключая интерес на Лью. Мы приближались к гнездовьям. Здесь сотни птиц, включая голубых цапель и бурых пеликанов, закрыли собой почти все небо. Завидев наше приближение, они то сбивались в стаи, то, пронзительно крича, разлетались в разные стороны. От запаха птичьего помета меня чуть не вырвало. Я хотела сказать птицам, что им не нужно кричать, что одна только вонь удержит меня – да и большинство других здравомыслящих людей – на расстоянии.

Между тем Джек продолжил вполголоса, чтобы нас не услышали другие байдарочники:

– Наши тела как будто телепатически общаются, помогая нам двигаться в нужном направлении при минимальных энергозатратах. Мы как две ложки в ящике буфета.

– Скорее как два отрицательных конца на разных магнитах, – пробормотала я, погружая весло в воду и слегка табаня, чтобы замедлить ход, после чего обернулась на Джека: – Ты говоришь такие вещи Ребекке?

Джек даже бровью не повел.

– Вообще-то, нет.

Смутившись, я обернулась и увидела, что три других каяка обогнали нас и уже почти подошли к гнездовью.

– Я скучаю по тебе, Мелли.

Я вновь начала грести, на этот раз чувствуя сильное сопротивление воды. Все понятно: Джек решил, что я справлюсь одна.

– Я здесь, Джек. И мы видимся все время.

– Я не об этом, и ты это знаешь. Между нами еще не все кончено.

– Вряд ли Ребекка будет рада это услышать.

Он не ответил, я же не стала оборачиваться, чтобы увидеть выражение его лица. Внезпно я вздрогнула: что-то гладкое и серое скользило прямо под поверхностью воды, двигаясь параллельно нашему каяку.

– Это дельфин? – недоверчиво спросила я.

Джек улыбнулся, и на его щеках появились его знаменитые очаровательные ямочки.

– Он самый.

Я покачала головой, глядя на волны, из-под которых на поверхность поднимались крошечные пузырьки.

– Держу пари, что это самочка, – пробормотала я.

– Нола! Олстон! – окликнул Джек девочек и жестом предложил им подойти ближе.

Нола недоверчиво посмотрела на меня, и я одними губами произнесла слово «дельфин», чтобы она поняла. Девочки начали грести в нашу сторону. Когда их каяк был в двадцати футах от нас, там, где я впервые заметила дельфина, Джек поднял руку.

– Давай, детка! – тихо сказал Джек, вглядываясь в воду. Через пять секунд примерно в четырех футах от носа каяка Нола из воды в синхронном прыжке вынырнули две гладких серых спины со спинными плавниками и, обдав Нолу и Олстон фонтаном брызг, снова ушли под воду.

Нола резко отпрянула, а потом привстала в лодке, чтобы лучше видеть.

– Не стой в лодке!.. – раздался позади меня голос Джека.

И вновь два дельфина выпрыгнули из воды, на этот раз чуть дальше. От неожиданности Нола качнулась и, хватая ртом воздух, полетела головой в воду.

Джек оказался в воде почти одновременно с ней и поплыл в ее сторону. Благодаря спасательному жилету Нола оставалась на поверхности, но, похоже, она хлебнула изрядно воды, потому что начала задыхаться и сильно кашлять.

Умелыми, отточенными гребками Джек подплыл к ней сзади и удерживал ей голову над водой, пока кашель не унялся. Затем из горла Нола вырвался странный звук – не то плач, не то крик, предназначенный Джеку. Но нет, оказывается, это была улыбка. Более того, точная копия улыбки ее отца.

– Это был гребаный дельфин! – хотя она и Джек болтались в открытом море, Нола вывернула шею и посмотрела на подругу: – Ты видела, Олстон? Два дельфина!

После нескольких неудачных попыток поднять Нолу обратно на каяк, чтобы тот не перевернулся, а Олстон при этом не полетела в воду, Джек наконец сумел удержать лодку достаточно долго, чтобы Нола смогла сесть внутрь. Затем он подплыл обратно к нашему каяку и, несколько раз едва не перевернув его – что он наверняка делал специально, чтобы помучить меня, – вновь занял место позади меня.

Олстон убрала с лица мокрые волосы.

– Да, дельфины – это круто! Как вам это удалось, мистер Тренхольм?

Нола посмотрела на отца без обычного хмурого недовольства.

– Да, Джек, как тебе это удалось?

Джек поднял весло в воздух, показывая Лью, что у нас все в порядке и мы готовы двигаться дальше.

– Я же сказал вам, что не могу побывать в море, не увидев дельфина. – Он погрузил весло в воду и оттолкнулся. – А я, как вы знаете, не люблю разбрасываться словами.

Чувствуя, как горят мои щеки, я тоже опустила в воду весло. До меня дошло: он имел в виду отнюдь не дельфинов.

Глава 10

Я сидела в низком кожаном кресле в роскошном свадебном салоне «Сказочные платья» на Черч-стрит, наблюдая за тем, как Софи кружится передо мной в облаке белого шелка и шифона с россыпью бисера на лифе и шлейфе, который оказал бы честь самой принцессе Диане. Возможно, все дело в потертых коричневых «биркенстоках», выглядывающих из-под подола, или поросли косичек на голове Софи, но, несмотря на всю его красоту, это платье смотрелось на ней... несуразно.

Я перевела взгляд на Нолу, ожидая, что та будет ковырять лак на ногтях или слать эсэмэски со своего нового моби́льника, но вместо этого обнаружила, что она сидит на самом краешке кресла, с пристальным интересом наблюдая за Софи и консультантом Джиджи.

– О, МОЙ БОГ! Это прямо скажите «да» платью! Ну, когда невеста идет по проходу и все смотрят на нее. Олстон просто умрет, когда я расскажу ей. Одна беда, это тот случай, доктор Уоллен, когда вам определенно следует сказать «нет». Вы в нем как тот пудель на собачьей выставке.

Мы с Джиджи растерянно заморгали, наверно, потому, что были благодарны Ноле за то, что та высказала наши мысли вслух. Правда, мы вряд ли бы рискнули сравнить будущую невесту с породой домашних собак.

Джиджи услужливо улыбнулась:

– Однажды мне случилось обслуживать невесту, которая примерила восемьдесят шесть платьев, прежде чем нашла То Самое, Единственное. Не переживайте, милочка. Ваше само посмотрит на вас, вот увидите.

Восемьдесят шесть? Мы уже пережили десять примерок. Я даже была готова попросить, чтобы нас вывели на улицу и избili до потери сознания, лишь бы избежать очередную примерку. Не скажу, что сидеть в кресле в прекрасном салоне со стенами цвета голубого льда и высокими потолками в окружении изысканных платьев было так ужасно. Но видеть, как надежда на лице Софи всякий раз сменялась разочарованием, было выше моих сил. Софи была прекрасна и...

оставалась единственной в своем роде. Несмотря на все старания Джиджи подобрать то, что Софи хотела бы видеть в своем свадебном платье, она всякий раз терпела неудачу.

На глаза Софи навернулись слезы.

– Я знаю. И я ценю вашу помощь. И знаю, что именно здесь я найду мое платье – все мои подруги говорили мне, что у вас лучшие свадебные платья, – просто у меня больше нет сил примерять другие.

Джиджи подняла руку:

– Подождите, как насчет еще одного? Я почти забыла о нем, потому что оно только что поступило и сейчас лежит в кабинете, ждет, чтобы его пропарили и повесили на него бирку. Это антиквариат, двадцатые годы, если не ошибаюсь. Атласное, очень простое и элегантное. Его нашли на чердаке в доме на Куин-стрит. Новые владельцы решили, что оно им не нужно и лучше его продать, чтобы частично возместить расходы по ремонту дома.

– Вряд ли это им сильно поможет, если только оно не подбито золотыми слитками.

Софи укоризненно посмотрела на меня и повернулась к Джиджи:

– Хорошо, я взгляну на него. Но это последнее на сегодня... честное слово.

Я встала и тоже повернулась к Джиджи:

– Давайте я взгляну на него, прежде чем вы вынесете его в примерочную. Я пойму, понравится оно Софи или нет.

Софи с благодарностью посмотрела на меня. Следом за Джиджи я вышла вон и вскоре шагнула в некое подобие офиса. Здесь на большом столе стоял компьютер – в окружении тюля, атласных цветов, бисера, вуали, сетки и почти всех прочих форм свадебной атрибутики. Джиджи поманила меня за собой и закрыла дверь. На крючке за дверью, сделанный из старой простыни, некогда в красных розах, а ныне поблекших до бледно-розовых, висел чехол для одежды. Стоило мне его увидеть, как в ноздри мне ударил сильный запах гардений, словно кто-то помахал букетом у меня перед носом.

– Чувствуешь запах? – спросила я.

– Какой запах?

– Гардений. Он буквально бьет мне в ноздри.

Джиджи недоуменно подняла брови:

– Единственное, что я чувствую, это запах нафталиновых шариков. Это платье было пересыпано ими, пока лежало в сундуке на чердаке. Я пыталась его проветрить, но боюсь, его придется профессионально обработать от посторонних запахов.

Я глубоко вдохнула, но ощутила лишь запах цветов. На мгновение мне почти показалось, будто я иду среди них по садовой дорожке.

– Ты уверена?.. – Я не договорила, потому что зазвонил телефон.

– Подождете минутку? Мне нужно ответить на звонок, но я тотчас вернусь. Если хочешь, можешь отнести в примерочную – это вон там, – чтобы лучше рассмотреть его в ярком свете.

Я кивнула, и она подошла к телефону. Теперь от запаха гардений меня уже начинало мутить. Я протянула руку и сняла с крючка вешалку. Держа платье как можно дальше от носа, я понесла его в примерочную. Одежда Софи лежала там вывернутой наизнанку кучей, на которой, подобно этакому зоркому стражу, восседала ее древняя кожаная сумка с бахромой.

Осторожно повесив вешалку на крючок над большим, во всю стену, зеркалом, я наклонилась, чтобы поднять простыню, из-под которой виднелся чуть пожелтевший атлас. Схватив подол платья, я начала было поднимать ткань и тотчас застыла на месте, увидев в зеркале, что за моей спиной возник отчетливый образ молодой женщины.

Я отвела взгляд и, напевая про себя, начала поднимать простыню, все больше и больше открывая платье. Годы практики научили меня, что если игнорировать призраков, то они, за редким исключением, обычно сдаются и уходят.

Ты можешь видеть меня, сказала она, и моего плеча коснулась ледяная рука.

Я как можно громче запела песню *Take a Chance on Me* из репертуара моей любимой «АББА», пытаюсь перекрыть голос женщины, которой тут было не место. Простыня доползла до верха платья. Я закинула ее за платье, чтобы лучше рассмотреть. У меня тотчас перехватило дыхание. Как сказала Джиджи, оно было простого покроя, но элегантное, все в свободных атласных складках и с тонкой кружевной накидкой. Добавьте к этому декольте, но не слишком откровенное, и небольшой плиссированный шлейф, и перед вами наряд для идеальной свадебной фотографии. Платье как будто специально было создано для миниатюрной фигуры, как у Софи,

каждая его деталь на своем месте и не отвлекала от гармоничного целого. А чуть желтоватый атлас идеально оттенит цвет ее лица.

Почему ты притворяешься, будто не видишь меня?

Я снова сосредоточилась на платье. Слова женщины напомнили мне то, что однажды сказала мать: наш дар должен помогать другим, а не быть источником конфуза. Я не верила, что когда-нибудь доживу до того дня, когда я с ней соглашусь, но, оглянувшись на женщину-призрака, я невольно задалась вопросом о ее жизни или почему она все еще здесь.

Наши взгляды встретились в зеркале.

– Да, я тебя вижу, – медленно и очень тихо сказала я.

Комнату наполнил тяжелый вздох, после чего вновь потянуло свежим ароматом гардении. Она улыбнулась. *Это мое платье.*

В принципе, я поняла это в тот самый момент, как она здесь появилась.

– Очень красивое.

Я знаю. Она нахмурилась, ее тонкие брови сошлись на переносице. *Я ни разу его не надела.*

На меня накатила печаль. Она сдавила мне грудь, мои руки внезапно как будто налились свинцом.

– Что случилось?

Я заболела. Сначала слегла с простудой, а потом... Ее призрачные глаза встретились с моими... *Я умерла.*

– Извини, – прошептала я, пытаюсь расслабить отяжелевшие руки, и в упор посмотрела на нее: – Почему ты все еще здесь?

Мое платье заслуживает того, чтобы его кто-то надел. Оно слишком красивое, чтобы превращаться в прах, лежа в сундуке, ведь оно было шито для того, чтобы символизировать истинную любовь.

Я оторвала взгляд от платья и снова посмотрела на ее отражение:

– Мне кажется, это платье идеально подойдет моей подруге. Она любит старинные вещи, и это платье будет ей особенно дорого. И я знаю, она будет в нем прекрасно выглядеть.

Девушка вновь улыбнулась. Печаль приподнялась, словно лодка на волне, оставляя лишь легкость облегчения. *Наконец,* – сказала она.

– Как тебя зовут?

Мэри Гибсон. Я жила с родителями и младшим братом на Куин-стрит. Это платье убрала в сундук моя мать.

Я повернулась к ней лицом, но она уже начала исчезать.

– И это все? – спросила я, мысленно задаваясь вопросом, есть ли какое-нибудь руководство, которым должна снабдить меня мать, чтобы я знала, как это делается.

Мэри улыбнулась и покачала головой. *Бонни...* Она остановилась и наклонила голову, как будто слушая кого-то, кого я не могла видеть.

– Ты знаешь Бонни? – у меня на глазах ее образ начал блекнуть и размываться, как будто кто-то начал стирать ее края.

Ее голос стал настолько слабым, что мне пришлось напрягать слух. *Скажи Ноле, что Бонни любит ее, что она не хотела причинить ей боль. Она говорит, что тебе нужно найти глаза моей дочери.*

– Что? – Я протянула руку, пытаюсь удержать Мэри чуть дольше. – Почему она не хочет говорить со мной? – крикнула я, обращаясь к тонкой полоске угасающего света.

– *Джек*, – ответила она и исчезла.

– Мэри! Что насчет Джека?

– Мелли? С кем ты там разговариваешь?

Резко повернувшись к открытой двери, я обнаружила, что Нола смотрит на меня так, как люди смотрят на цирковых артистов. Я уже была готова сказать ей правду, но поняла, что это непросто. Как же мне признаться ей, что ее мертвая мать обратилась ко мне через другую мертвую женщину, чтобы сказать, что она любит ее и не хотела причинить ей боль? И что по неизвестным мне причинам она не станет говорить со мной напрямую из-за Джека. Нола точно посмотрела бы на меня как на чокнутую. С меня же довольно того, как она смотрит на меня сейчас.

– Ни с кем. Просто разрабатываю сценарии, как мне убедить Софи в том, что, по-моему, мы нашли для нее платье. – Радуюсь возможности сменить тему, я отступила, чтобы Нола могла лучше его рассмотреть.

Нола вытаращила глаза:

– Это самое то! Как будто на нее сшито.

– Вот и я о том же. У нее практически тот же размер, что и у женщины, для которой его сшили.

Нола снова посмотрела на меня пронзительными голубыми глазами:

– Откуда ты это знаешь?

– Гм, просто предположение. Я хочу сказать, что, если платье подойдет Софи, значит, она того же размера, что и его первоначальная владелица, верно?

– Верно, – медленно согласилась Нола и, бросив на меня странный взгляд, добавила: – Давайте покажем его доктору Уоллен. А то она уже завела речь о том, что сошьет себе платье из старых простыней. Я, конечно, всей душой за вторичную переработку, но даже мне не нравится эта ее идея.

Обернувшись напоследок, я вышла за Нолой из примерочной, отметив про себя, что запах гардений тоже исчез.

– Покойся с миром, Мэри, – тихо сказала я и пошла показать Софи платье ее мечты.

* * *

Мы с Софи сидели на переднем сиденье моей машины. Нола устроилась на заднем. Я настояла на том, что сяду за руль, но не потому, что считала, что машина Софи больше похожа на консервную банку – вообще-то, так оно и было, – а потому, что каждый раз, садясь к ней в машину, я теряла примерно год своей жизни. Она легко отвлекалась на историческую архитектуру, которой в Чарльстоне было не меньше, чем жуков пальметто, и по этой причине не раз заезжала на тротуар. Мне же было совершенно не нужно, чтобы она раньше времени столкнула меня на ту сторону сорокалетия.

У Софи была назначена встреча с Чэдом в доме некоего духовного целителя, чтобы тот прочел их чакры и ауры. Я петляла по городским улицам, когда в зеркале заднего вида обратила внимание на Нолу на заднем сиденье. Радио было включено на малую громкость, но ее губы неслышно двигались: она пела под музыку.

– У тебя красивый голос, Нола, – сказала я, вспомнив, как она пела в душе.

Она мгновенно поджала губы:

– Как ты это узнала?

Я чуть не сказала ей, что слышала, как она пела в душе, но вовремя поняла, что это будет последний раз, когда я слышу ее пение.

– Прямо сейчас. Ты подпевала песне по радио, – соврала я.

Она с прищуром посмотрела на меня:

– Верно.

Софи бросила мне предостерегающий взгляд. Будучи преподавателем колледжа, она обладала намного большим опытом работы с молодежью, но не в моих привычках было отказываться от своих слов.

– У тебя действительно прекрасный голос. Ты где-нибудь училась вокалу?

Стиснув зубы, Нола уставилась в боковое окно.

– Моя мама – известная оперная певица. Ты это знала?

Она бросила на меня взгляд в зеркало заднего вида. Мне показалось, что в ее глазах мелькнул интерес. Прекрасно.

– Было бы неплохо, если бы ты для нее спела, – сказала я. – Если твой голос и впрямь так хорош, как я думаю, она, может быть, предложит тебе брать уроки.

Взгляд Нола сделался каменным.

– Я. Не. Люблю. Петь. Это глупое и бессмысленное занятие, и я не хочу попусту тратить время, понятно? Так что оставим эту тему.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что ей не мешает поработать над своими манерами и что она совершенно не права, но Софи больно ткнула меня в бок. Я тотчас заткнулась. Интересно, заметила ли Нола? Я исподтишка посмотрела в зеркало заднего вида и увидела на сиденье рядом с ней светящийся ореол. Он растягивался и дергался, словно кошка в сумке, беспокойная и полная решимости сбежать. Постепенно он начал принимать очертания женщины с длинными светлыми волосами, разделенными на прямой пробор, и на меня уставилась пара бледно-голубых глаз.

– Смотри, куда едешь! – вскрикнула Софи.

Я вновь посмотрела на дорогу перед собой. Как оказалось, я едва не сбила женщину на велосипеде и чуть не врезалась в припаркованную машину.

– Извини, – сказала я, украдкой взглянув на заднее сиденье, и, к счастью, обнаружила там только Нолу. – Я отвлеклась.

Софи фыркнула:

– Может, в следующий раз за руль все-таки сяду я?

Я открыла рот, чтобы высказать свое мнение по этому поводу, но тут зазвонил мобильник Нола.

– Привет, Олстон. Что случилось? – Возникла короткая пауза. – В самом деле? Как скажешь. Погоди, я дам ей телефон. – Подавшись

вперед, она легонько постучала мобильником мне по плечу: – Мелли? Олстон нужно срочно поговорить с тобой.

Я недоуменно подняла брови, но телефон взяла.

– Привет, Олстон. Это Мелани.

– Здравствуйте, мисс Миддлтон. Извините, что беспокою вас, но я подумала, что вам будет интересно узнать. Мне кажется, что я выяснила, в каком доме стоял кукольный домик Нолы. Вчера, когда я сказала, что он мне что-то напоминает, мне показалось, что вы заинтересовались.

Я посмотрела на Софи. Та не сводила с меня пристального взгляда.

– Да, я хотела бы знать.

– Так вот, в детстве я брала уроки игры на фортепиано. В одном из тех старых жутких викторианских домов за Колониальным Озером. Моей учительницей была мисс Маниго, и тогда ей было столько же лет, сколько динозаврам, так что сейчас она совсем древняя. Во всяком случае, когда-то она была учительницей музыки в Эшли-Холле – вот откуда моя мама знала ее, – а после того, как она вышла на пенсию, она давала частные уроки у себя дома. И я уверена, что это ее дом. В нем что-то, конечно, изменили, вот почему я не сразу узнала его, но башня с ее резными украшениями – это определенно ее дом.

– Ты помнишь номер дома? – По идее, я должна была проявить больший интерес, но не смогла. Несмотря на мой успех в магазине для новобрачных, я отнюдь не была в восторге от перспективы столкнуться с еще большим количеством призраков. Особенно теми, которые выбрасывали из окон кукольных мальчиков и собак и ломали им шею.

– Нет, мэм. Но я думаю, что, если вы поедете по улице, глядя на башни, вы его не пропустите.

– Спасибо, Олстон.

Мы попрощались, и я вернула телефон Ноле.

– В чем дело? – спросила она скорее с раздражением, чем с интересом.

Я постаралась ответить как можно более нейтральным тоном:

– Мы с твоей бабушкой и отцом пытаемся найти дом, с которого, скорее всего, был скопирован твой кукольный домик. Мы были почти уверены, что он из Чарльстона, но наши поиски никуда нас не привели. До вчерашнего дня, когда Олстон была в твоей комнате. По

какой-то причине твой кукольный домик показался ей знакомым, но она не смогла понять почему. И вот теперь ей подумалось, что он очень похож на дом, где она брала уроки игры на фортепиано.

– И что? Зачем ей звонить тебе и рассказывать об этом?

Мы с Софи переглянулись. Я уже рассказала ей все, что случилось в кукольном домике, и она была полностью согласна с тем, что пока еще рано говорить Ноле о призраках или моей способности их видеть.

Я встретила взглядом с Нолой в зеркале заднего вида.

– Потому что мне любопытно. Разве тебе не интересно, кому раньше принадлежал твой кукольный домик и с какого дома он скопирован?

– Мне без разницы, – буркнула она и вернулась к созерцанию мира за окном.

Вновь переключив внимание на дорогу, я едва не задела боком конный экипаж с туристами. Софи одарила меня злющим взглядом:

– Если ты не возражаешь, мне бы хотелось дожить до того дня, когда я надену это платье. Только попробуй сделать это еще раз, и я скину тебя с водительского сиденья!

Я надулась:

– Тебе нужно, чтобы я подбросила тебя к Чэду или ты хочешь найти дом?

Вместо ответа она лишь молча посмотрела на меня поверх круглых солнцезащитных очков.

– Ладно. Я поведу машину, а вы смотрите в оба. Нола, ты на левую сторону. Софи, ты – на правую.

Я поехала по Ратледж-авеню, чтобы начать поиски с самых первых домов на Монтегю-стрит и далее вдоль всей улицы. Многие старые дома в районе Харлстон-Виллидж были разделены на квартиры, но несколько роскошных особняков девятнадцатого и двадцатого веков так и остались особняками. Я очень надеялась, что дом Нолы из их числа. Я, конечно, никому в этом не признаюсь, но, на мой взгляд, делить исторические дома на квартиры – настоящее кощунство. Странное чувство, учитывая, что когда-то я сама ратовала за снос большей части зданий исторического района. Впрочем, после получения конских счетов за бесконечную реконструкцию моего дома на улице Трэдд-стрит, я порой склоняюсь к тому, что была не так уж и не права.

Я ехала медленно, прижимаясь к подъездным дорожкам или к бордюру, когда мне в зад упирались другие машины. Пару раз Нола сообщала нам, что ей скучно, но мы с Софи игнорировали ее жалобы, намереваясь выполнить нашу задачу. Мы проехали мимо скромных кирпичных домов середины века, затем мимо нескольких более старых, викторианских и в стиле греческого возрождения, и каждый такой особняк был молчаливым документом исторического наследия города.

– Стоп! – крикнула с заднего сиденья Нола. Я резко затормозила, за что удостоилась сердитого взмаха кулаком от велосипедиста, ехавшего позади меня.

Не говоря ни слова, Нола выскочила из машины и встала перед большим домом с облупившейся серой краской, ржавой железной калиткой, свисающей с единственной уцелевшей петли, и джунглями сорняков высотой по колено. Но дело было даже не в запущенном виде дома. Он стоял на обочине улицы, словно пустая скорлупа, как будто жизнь ушла из него, причем внезапно и безвозвратно.

Я подъехала к тротуару. Софи вышла из машины и встала рядом с Нолой.

– Вот это да! – ахнула Софи. – Вот это да! Я должна привести сюда моих студентов, чтобы они взглянули. – Она указала на правый угол дома, где высилась круглая башня с остроконечной крышей и флюгером: – Башня с витражами и всеми этими украшениями – типичный стиль королевы Анны. Но, судя по центрированному фронтому с его лепными украшениями и по дорическим колоннам, в свое время кто-то пытался замаскировать его под греческое возрождение. Хотя как можно спрятать башню?

Остроконечная крыша.

Я окинула взглядом фасад дома снизу доверху. Моему взгляду предстала пестрая мешанина архитектурных стилей. Мне тотчас подумалось, что примерно так же смотрится маленькая девочка, надевшая платье матери: несмотря на взрослый наряд, она все равно остается маленькой девочкой.

– Ведь это мой кукольный домик, верно? – спросила Нола. – По крайней мере, он был им раньше.

Софи кивнула:

– Да, похоже, что это он самый.

– И что нам теперь делать? Идти и позвонить в дверь? – спросила Нола.

– Давайте я сначала проведу небольшое исследование, – сказала Софи. – Узнаю, связаны ли его нынешние владельцы с первыми его хозяевами. Судя по дому, здесь или никто не живет, или его хозяева не слишком жалуют гостей.

Нола повернулась и посмотрела на нас обеих:

– С чего, собственно, мы это берем в голову? Подумаешь, какой-то тупой кукольный домик.

Софи, виртуоз лекционного мастерства, тотчас принялась рассуждать о важности знаний, когда речь идет об архитектуре и ее значении для истории. Я слушала ее вполуха. Куда больше меня волновало покалывание кожи на затылке. Я оглянулась на дом. Мой взгляд скользнул вверх, к башне, и к обращенному на улицу окну. И тут же застыл. Из только что пустого окна на меня смотрел старик с седыми космами. Лицо его излучало ненависть, на месте глаз зияли черные дыры.

Я зажмурилась, надеясь, что это всего лишь обман зрения, игра света и тени в извилистых волнах старого стекла. Когда я снова открыла глаза, изображение исчезло. Но никуда не делась мысль, что тот, кого я увидела в окне, хотел, чтобы мы ушли и никогда больше не возвращались.

Глава 11

Мы с матерью стояли на заднем дворе дома на Трэдд-стрит, пытаюсь не обращать внимания на стук гидравлического подъемника, натужно пытавшегося оторвать дом от требовавшего ремонта фундамента – этакий архитектурный эквивалент реанимации тяжелого пациента. В недавнем прошлом меня наверняка посетили бы сомнения, стоила ли вся эта спасительная героика затраченных на нее денег и сил. Но всякий раз, когда мои мысли склонялись в этом направлении, я невольно вспоминала, что мой благодетель, мистер Вандерхорст, однажды написал про владение историческим домом: это часть истории, которую вы можете подержать в руках. Его слова всегда смягчали мое сердце, по крайней мере пока мне не приходил следующий счет.

– Мисс Миддлтон? – Я повернулась и увидела подрядчика Рича Кобильта. Он шагал ко мне, на ходу разворачивая что-то вроде сэндвича с капустой. Мы с Ричем работали над моим домом почти два года, и я по меньшей мере раз сто видела, как он ел салат из капусты в том или ином виде. Меня всегда подмывало спросить его, почему не арахисовое масло, или ветчину, или что-то еще, но я опасалась, что наш разговор перейдет к паранормальным вещам, вроде тех, которые – я это точно знала – он видел в моем доме.

– Что-то не так? – спросила я. Это было мое стандартное приветствие для Рича.

– Нет, мэм. Просто хотел сообщить вам, что мы сейчас делаем перерыв на обед, так что вы, дамы, можете поговорить в тишине.

– Спасибо. Мы это ценим.

Чуть приподняв в приветственном жесте бейсболку, он зашагал к своим помощникам. Мы с матерью машинально отвернулись, так как уже не раз имели возможность лицезреть съехавшие штаны Рича, открывавшие взгляду преддверие его ягодиц. Отношения между мной и Ричем не выходили за рамки типичных отношений между клиентом и подрядчиком, но я подумала, что подарить ему на Рождество ремень было бы добрым жестом с моей стороны. Более того, мне бы не

пришлось раскошелиться одной. Наверняка нашлись бы желающие спонсировать этот подарок.

Между тем моя мать продолжила наш разговор:

– Я подумала, что мы могли бы поставить здесь шатер со столами для еды, – она указала на лужайку у старого дуба, где все еще висели качели. – Я уже связалась с Келли Уайт. Ее фирма делает это потрясающе, и я хотела заранее забронировать дату. А вот здесь, – она указала на пространство перед старым розарием, – можно устроить танцпол. Конечно, для ужина мы пригласим струнный квартет – столы будут накрыты в доме и на веранде, – но я подумала, что после ужина живая музыка и танцы были бы идеальным решением.

Я рассеянно кивнула, тщетно пытаюсь обнаружить у себя хотя бы капельку волнения.

– А куда ты собираешься поставить рекламный щит с моими измерениями? На нем ведь наверняка будут упомянуты хорошие зубы?

Мать шагнула вперед, чтобы оборвать сухие листья с куста алых роз.

– Рекламный щит – это дурной вкус, дорогая моя, – сказала она. – Я лишь собираюсь купить полностраничную рекламу в «Чарльстон мэгэзин».

Я нахмурилась:

– Спасибо за твой такт.

– Так что тебя беспокоит, Мелли? Кроме этой вечеринки?

Я пристально посмотрела на нее, в очередной раз поразившись тому, как же хорошо она читает мои мысли. Лгать было бессмысленно, потому что она тоже это знала.

– Вчера я отправила к небесам еще одного призрака.

Она выгнула свои изящные брови, но ничего не сказала.

– Ее звали Мэри Гибсон, и это в ее свадебном платье будет Софи. Ей очень хотелось, чтобы кто-то надел ее платье, которое сама она так и не надела. – Я покачала головой: – Даже не верится, что можно так долго ждать из-за такой... мелочи. Мне всегда казалось, духи обычно застревают здесь для чего-то более монументального. Но свадебное платье?

Моя мать вновь наклонилась, чтобы вырвать одинокую травинку, затем медленно выпрямилась, пристально на нее глядя и крутя стемпель между пальцами.

– То, что кажется мелочью для одного человека, может означать целый мир для другого. Даже среди живых людей ты найдешь немало тех, кто цепляется за самые простые вещи гораздо дольше, чем, по-твоему, следует. Особенно за обиды. Ведь, казалось бы, нет ничего проще, чем сказать «прости», или «я люблю тебя», или «я прощаю тебя» – и жить дальше.

Она смяла в руке травинку и повернулась ко мне:

– Когда люди умирают, не сказав этих слов, их душа может остаться на земле, ожидая возможности их произнести. По собственному опыту знаю, эти простые слова удерживают духов гораздо чаще, чем незаконченные дела или внезапная смерть, когда душа еще не поняла, что тело уже мертво. Трудно представить, не правда ли?

Наши взгляды встретились, и я ощутила вспышку застарелого гнева, гнева, который сдерживала более тридцати трех лет. Какие бы причины ни вынудили ее оставить меня, когда мне было всего шесть лет, она бросила собственного ребенка, и это определило всю мою дальнейшую жизнь. Так что же она пыталась мне сказать сейчас? Что я должна забыть об этом?

Как будто прочтя мои мысли, она сказала:

– Забыть – это не то же самое, что простить. – Она глубоко вздохнула. – Прости меня, Мелли, за всю ту боль, которую я причинила тебе в прошлом. Поверь, я этого не хотела и искренне верила, что действую в твоих интересах. Я даже не могу сказать, что я поступила бы по-другому. Потому что, если задуматься, разве твоя жизнь сейчас так уж плоха?

Мне хотелось сказать ей, что да, мне по-прежнему больно. Увы, такое признание наверняка бы отправило меня вниз по спирали жалости к себе. Да, в моей жизни было немало хорошего. Но в ней по-прежнему не хватало чего-то, чему у меня не было даже определения. Впрочем, говорить с ней об этом не входило в мои планы. Слишком много противоречивых эмоций боролось в моей голове. До знакомства с Джеком меня никто не просил копаться в собственной совести или оценивать мои действия, и мне меньше всего хотелось начинать это делать сейчас, в саду дома, тем более в пределах слышимости всей строительной бригады.

Я смотрела на розы Луизы, на их ярко-красные лепестки, похожие на мазки алой краски посреди блестящих зеленых листьев. Сколь обманчива была их красота, таящая под соцветиями острые шипы. Как и любовь матери, подумала я, вновь вспомнив встречу с призраком Мэри Гибсон.

Впрочем, вслух я сказала другое:

– Мэри сказала мне еще одну вещь. Она получила от Бонни сообщение, чтобы я передала его Ноле.

– И? – тихо спросила мать.

В моем голосе прозвучали прокурорские нотки:

– Бонни хотела, чтобы Нола знала: она любит ее и не желала причинять ей боль. – Я умолкла, давая словам возможность проникнуть как можно глубже. – И чтобы та искала «Глаза моей дочери». Понятия не имею, что это значит и как сказать это Ноле. И еще я не знаю, почему Бонни не захотела говорить со мной напрямую. Я спросила у Мэри про эту последнюю фразу, но та в ответ сказала лишь одно слово – «Джек».

Мать медленно кивнула. По ее глазам было видно, что она не забыла свой вопрос.

– Тебе нужно найти способ рассказать это Ноле. Согласна, она еще не готова. Но скоро будет. Возможно, это все, что нужно Бонни, чтобы найти упокоение.

– А если нет?

– Значит, есть что-то еще, и ты должна выяснить, что это такое, чтобы и она, и Нола могли наконец обрести покой.

Я покачала головой:

– Надеюсь, ты помнишь, что у меня есть работа? У меня не так много времени, чтобы гоняться за призраками. Ты не могла бы попытаться поговорить с ней?

Материнских губ коснулась легкая улыбка.

– Она продолжает являться тебе. Значит, она чувствует связь. Возможно, это Нола, так как ты проводишь с ней много времени. Или Джек.

– Но почему она не говорит со мной сама? – спросила я, пропустив мимо ушей последнюю часть фразы. – Так ведь намного проще, чем через кого-то.

– Она убила себя. Если ей стыдно за свой поступок, ей, может быть, трудно обратиться к тебе напрямую. Или она может ревновать тебя, видя в тебе соперницу, претендующую на Джека.

Мои щеки запылали.

– Между нами нет ничего, кроме платонической дружбы. Наверняка она в состоянии это понять, как ты думаешь?

– Мелли. – Тон ее голоса заставил меня задуматься о том, как он мог бы звучать, будь она рядом, чтобы ругать меня, когда я была ребенком. Впрочем, что бы она ни собиралась сказать, это тонуло в пронзительном крике, доносившемся из дома. Это был последний день, когда людей пускали в дом во время работ над фундаментом. Я оставила Нолу с книгой на кухне, и она пообещала сидеть одна в пустом доме. Мы с матерью как по команде повернули головы и бросились по садовой дорожке к двери кухни.

Распахнув ее, я застыла на пороге, ожидая, когда мои глаза привыкнут к свету. Увы, мое великое облегчение при виде Нолы мгновенно сменилось беспокойством по поводу того, что она увидела нечто такое, что я не была готова ей объяснить.

– В чем дело? – спросила я, шагнув к ней. Нола стояла, прижимаясь к холодильнику, как будто задалась целью слиться с нержавеющей сталью.

Она передернулась и указала куда-то за мою спину. Придя в себя, я обернулся, ожидая увидеть Бонни или кого-то из безобидных духов, которые все еще бродили по комнатам дома на Трэдд-стрит, что, по видимому, их вполне устраивало. Вместо этого мой взгляд упал на источник ее ужаса: возле раковины, на краю гранитной столешницы, сидел огромный жук, известный остальному миру как летающий таракан. Его красновато-коричневый панцирь отражал верхний свет, длинные усы подергивались. Если честно, я бы предпочла призрака, змею, мышь или даже разъяренного быка. Как бы ни любила я мой родной Чарльстон, этого вездесущего насекомого было достаточно, чтобы отказаться от всех притязаний на присуждение ему звания Священного города.

Моя мать застыла в дверях, и я на мгновение представила эту картину: три здоровые, умные женщины окаменели от ужаса при виде шестиногого жука. Правда, шестиногого жука величиной в три дюйма и с крыльями, но все же жука.

– Это что? – взвизгнула Нола.

Я стояла спиной к Ноле, чтобы следить за непрошеным гостем.

– Это птица штата Южная Каролина, – сказала я как можно спокойнее, лишь бы она не догадалась, что я сама боялась этих существ до потери пульса.

– Оно летает?

Как будто поняв ее вопрос, жук помахал крылышками. Нола снова взвизгнула и, подскочив к двери, выбежала в коридор, чем начала цепную реакцию, потому что мы с матерью бросились за ней следом. В следующий миг Нола чуть не врезалась в Джека, который бежал от входной двери на кухню.

– В чем дело? – спросил он, схватив Нолу за плечи.

Паника на его лице напомнила мне его взгляд перед тем, как он нырнул с каяка, когда Нола упала в воду. У меня даже на миг защемило сердце, прежде чем я вспомнила, что, собственно, вызвало этот переполох.

– В кухне крылатый жук. – Я была абсолютно независимой женщиной, которая ни при каких обстоятельствах не полагалась на мужчину, и все-таки только дура отказалась бы от этой возможности. – Ты не мог бы избавить нас от него?

Джек опустил руки и посмотрел на всех нас.

– Жук? Вы визжите и бежите по дому из-за жука?

– Это большой летающий жук, – пояснила моя мать.

– Около пяти дюймов в длину, – добавила Нола.

– Пяти дюймов? – повторил Джек.

Нола кивнула.

– Хорошо. Я готов к бою. Где он?

– На раковине, – сказала я, подталкивая его вперед. – Только не дави его – сначала выгони его наружу, а потом можешь убить.

– Его обязательно убивать? – спросила Нола, прикусив нижнюю губу.

Я смерила ее взглядом, который обычно приберегала для клиентов, чья цена за дом граничила с оскорблением.

– Это же таракан, – сказала я.

– Пальмовый жук, – в унисон сказали Джек и моя мать, словно это симпатичное название что-то меняло.

Нола продолжала сверлить Джека полным надежды взглядом.

– Хорошо, – сказал он. – Я поймаю его в чашку и выпущу на улице, согласна?

Его дочь кивнула. По ее губам промелькнуло подобие улыбки.

– Только не вздумай взять хорошую чашку! – крикнула я ему вслед. – И выброси чашку в мусор, когда закончишь.

– Да, Мелли, – ответил он и исчез в кухне.

– Это единственная вещь, которую мужчины делают хорошо, – сказала я Ноле, сочтя своим долгом просветить ее по поводу мироустройства.

– Я это слышал! – крикнул Джек с другой стороны кухонной двери.

Когда через несколько минут он вернулся, то выглядел как рыцарь, возвращающийся из крестового похода.

– Готово. Теперь ваш гость сидит в траве, готовый заселить мир крошечными пальмовыми жучками. – Он улыбнулся мне: – Ты готова?

– Куда ты собралась? – спросила меня мать.

– Мы хотели бы еще раз взглянуть на дом, который видели ранее на этой неделе, – тот, который, как нам кажется, был прообразом кукольного домика. Джек и Софи выяснили, что живущая там женщина, Джулия Маниго, – последняя представительница ее семьи. Той самой, которая владела домом с конца девятнадцатого века. Из того, что раскопала Софи, похоже, что Джулии уже за девяносто и кукольный домик вполне мог принадлежать ей.

– Но кого это волнует? – спросила Нола. – Лично мне до... – моя мать укоризненно посмотрела на нее, – ...фонаря, кому он принадлежал. Какая нам разница?

Мы с Джеком встретились взглядами над головой Нолы. Этих нескольких мгновений хватило для того, чтобы признать нашу общую тайну и чтобы мое тело как будто обдало жаром.

– Нет, действительно, – не унималась Нола. – Я что, должна пойти и поговорить с какой-то старухой? Да она уже давно выжила из ума и не помнит ни про какой дурацкий кукольный домик.

Джек повернулся к ней:

– Наверное, нет, но в этом случае я мог бы заставить тебя провести выходные с Ребеккой и мной в доме ее родителей в Саммервилле. Выбирай.

Нола закатила глаза.

– Тогда уж лучше поехать к той старухе, – пробормотала она, глядя в пол, словно никогда раньше его не видела. – А зачем тебе туда? – спросила она, поднимая хмурый взгляд на отца.

Джек пожал плечами:

– Потому что я всегда в поиске идей для следующей книги. И, кроме того, меня просила Мелли.

Вообще-то я его не просила, но не стала говорить этого вслух. Мы с Джеком довольно долго вместе расследовали прошлые жизни в старых домах, и мне даже в голову не пришло его просить. У меня не возникло ни малейших сомнений на тот счет, кто будет меня сопровождать.

– Джулия Маниго, – повторила моя мать. Она подняла голову, и ее глаза буквально полезли на лоб. – Она случайно не преподавала когда-то в школе Эшли-Холл?

– Преподавала, – ответила я. – Я не подумала спросить у тебя, знала ли ты ее. По словам Олстон, она преподавала музыку в Эшли-Холл, пока не ушла на пенсию, а затем давала уроки игры на фортепиано у себя дома. Вот почему Олстон узнала ее дом.

Задумчиво глядя куда-то вдаль, моя мать улыбнулась:

– Она была моей первой учительницей вокала. Я брала у нее уроки игры на фортепиано, но, когда она услышала, как я пою, мы сосредоточились на пении. Я училась у нее только в тот первый год, пока мои родители не нашли более опытного учителя, но я всегда считала ее той, кто вдохновил меня заниматься пением. Я понятия не имела, что она еще жива. Джулия Маниго была уже немолода, когда я ее знала. – Мать усмехнулась: – Хотя, вероятно, была моложе, чем я сейчас.

– Тогда поедem с нами. Я уверена, она будет рада тебя видеть. Я позвонила, поговорила с ее помощницей и договорилась о встрече... не думаю, что она станет возражать, если к ней приедет на одного человека больше.

– Я бы с удовольствием, но у меня назначена встреча, которую я не могу отменить в последнюю минуту. – Мать искоса посмотрела на меня: – Надо встретиться с мистером Макги по поводу его покойной жены. – Она многозначительно посмотрела на нас с Джеком, дав понять, какую встречу она имела в виду. – Передавайте ей от меня

горячий привет и скажите, что я приеду проведать ее в самое ближайшее время.

Нола направилась к двери.

– Ну что, поехали? Чем раньше мы туда доберемся, тем скорее уедем оттуда.

Мать коснулась моей руки:

– Могу я поговорить с тобой, Мелли?

Мне показалось, что она надеется продолжить наш предыдущий разговор. Я с мольбой в глазах посмотрела на Джека, но он не то не заметил, не то намеренно проигнорировал мою безмолвную просьбу.

– Мы можем взять твою машину? – спросил он. – Не хочу везти Нолу на заднем сиденье «Порше» – там слишком тесно, и, честно говоря, я не знаю, насколько это безопасно.

Я протянула ему ключ от машины, а сама посмотрела на его «Порше», вспоминая те времена, когда меня сажали на его тесном заднем сиденье, чтобы Ребекке сесть впереди.

– Поведу я. Иди подожди у машины. Я сейчас.

Джек недоуменно выгнул бровь и попрощался с моей матерью, после чего они с Нолой зашагали к моей машине.

– Итак? – спросила я.

– Я думала над тем, что ты сказала... как Бонни назвала имя Джека, когда ты спросила, почему она не хочет говорить с тобой напрямую.

Я слегка расслабилась.

– Ты что-нибудь придумала?

– Возможно, Бонни вообще не ответила на твой вопрос. Возможно, она пыталась сказать тебе нечто совершенно иное.

– Например?

Мать оглянулась через плечо, чтобы убедиться, что Джек или Нола нас не слышат.

– Вчера вечером я говорила с твоей бабушкой.

Я удивленно посмотрела на нее. Моя бабушка всегда общалась со мной первой. Так было всегда, даже когда она была жива.

– Интересно, почему она не поговорила со мной?

– Говорила, но, видимо, ты не слушала.

Я тотчас вспомнила телефонный звонок той ночью, когда я нашла на комодке бумажник Джека, – что-то о том, что я должна слушать свое сердце.

– Я не понимаю.

– Джек в беде, Мелли. Я не знаю, как и почему, но, возможно, именно это Бонни и пыталась тебе сказать.

– Но почему мне? Почему не Ребекке?

Мать в упор посмотрела на меня:

– Перестань, Мелли. Не знаю, за что ты там цепляешься, но это мешает тебе видеть то, что всем остальным ясно как божий день. Так что перестань.

Я подумала о Джеке, о том, как рядом с ним я всегда чувствовала себя застывшей на краю обрыва, но при этом неготовой к свободному падению, если бы вдруг сделала шаг вперед. И я понятия не имела, что вынуждало меня так крепко держаться за твердую землю.

– Они ждут меня. Я должна идти.

В спешном порядке отведя глаза от разочарованного взгляда матери, я зашагала к машине, размышляя, как мне спасти Джека, когда я не знаю, как спасти саму себя.

Глава 12

Мы за считанные минуты доехали до Монтегю-стрит, и я сумела припарковаться прямо перед домом. Мы стояли на противоположной стороне улицы. Из разросшихся кустов индийской сирени, затенявшей большую часть палисадника и дорожки, доносились птичьи трели. Я восприняла это как хороший знак. Взглянуть на окно башни я не осмелилась.

Джек смотрел на дом, изучая его опытным взглядом. С юных лет, когда он на распродажах помогал родителям находить вещи для их антикварного магазина, он развил в себе чутье и вкус и умел с первого взгляда определить качественную работу как в том, что касалось мебели, так и домов. А также, вероятно, и женщин, но я старалась не думать об этом.

– Не иначе как Софи выпрыгнула из своих «биркенстоков», когда увидела его, – сказал он, откидывая голову назад, чтобы получше рассмотреть флюгер на крыше башни. Я проследила за его взглядом, но остановилась у основания окна.

– Еще как! И никто из нас не усомнился, что это тот самый дом.

– Я тоже. Похоже, краска раньше была голубой, а не серой, хотя первоначальный цвет, скорее всего, был желтым, как у кукольного домика, – сказал Джек, пропуская нас с Нолой вперед.

Нам пришлось пригнуться, чтобы пройти под ветвями кустов индийской сирени, одновременно глядя себе под ноги, чтобы не застрять в ямках и трещинах разбитых или отсутствующих кирпичей. Переднее крыльцо выглядело довольно прочным, и мы поднялись на веранду, обвивавшую фасад и боковые стороны дома. Краска на дорических колоннах, поддерживавших крышу крыльца, отслаивалась и висела лоскутами, так же как и на голубом потолке. Этот цвет, по идее, был призван отогнать злых духов и гнездящихся птиц. Увы, судя по гудам птичьего помета у основания двух колонн и злобному старику в окне башни в мой прошлый приезд сюда, он с треском провалил возложенную на него задачу по обоим пунктам.

Тяжелые двойные двери и окна с витражными стеклами в свинцовых переплетах остро нуждались в реставрации, равно как и

растрескавшиеся половицы крыльца. Я вовремя одернула себя – мол, хватит глазеть, к собственной досаде поймав себя на том, как естественно ход моих мыслей перешел к деталям реставрационных работ.

Наше внимание привлекла старая латунная кнопка рядом с дверью. Оглянувшись на нас с Нолой, Джек нажал ее. Внутри дома раздался приглушенный звонок. Впервые с момента нашего приезда сюда мне показалось, что Нола нервничает.

– Интересно, здесь водятся привидения? – спросила она и быстро добавила: – Если, конечно, вы верите в подобные вещи. Я бы ни за что не пришла сюда на Хеллоуин, будь я маленьким ребенком.

Не решаясь посмотреть на Нолу или Джека, я тупо уставилась на входную дверь. Не хотела, чтобы мое лицо выдало меня.

Спустя несколько мгновений к дверям приблизился звук тяжелых шагов. Одна створка открылась, и перед нами возникла грузная женщина средних лет. Ее светлые волосы были убраны в конский хвост, и лишь по бокам лица свисали вьющиеся пряди. Женщина была в мешковатой белой футболке, черных брюках-капри и шлепанцах. И одежда, и обувь были густо забрызганы чем-то похожим на краску.

Широко улыбнувшись, она пристально посмотрела на нас. Затем взгляд ее голубых глаз остановился на Джеке. Ее улыбка тотчас сделалась шире:

– Я могу вам чем-то помочь?

Пытаясь отвлечь ее внимание на себя, я шагнула вперед:

– Я Мелани Миддлтон. Мы с вами вчера договаривались по телефону о встрече с мисс Маниго. Вы помните?

Она по-прежнему не сводила глаз с Джека.

– Ах, да. Я забыла... должно быть, это все испарения краски. Я – Диана Давенпорт, экономка мисс Маниго. Я, так сказать, ее руки и ноги, потому что она больше не в состоянии что-то делать сама. – Женщина выпрямилась, и футболка туго натянулась на ее пышной груди. – Я бы пожала вам руку, но у меня все пальцы перепачканы клеем, – пояснила она, все так же не сводя глаз с Джека. – Можете называть меня Ди для краткости.

Мы с Нолой переглянулись. Джек улыбнулся в ответ:

– Нам можно войти?

Ди встрепенулась и наконец отступила, впуская нас в дом:

– Конечно. Боже, где мои манеры? Заходите. Она в библиотеке. Давайте я провожу вас, а потом пойду приготовлю чай.

Шагнув за ней в просторный альков, мы подождали, пока Ди закроет за нами дверь. Первое, что бросилось мне в глаза, – это изысканная мебель и тяжелое темное дерево повсюду. А там, где на консольных потолках, лестничных балюстрадах, мебели или стенах не было темного дерева, были мрачных оттенков ткани и краска. Из алькова мы прошли в огромное фойе, в котором доминировала широкая лестница, ведущая на верхние этажи. Темно-бордовая ковровая дорожка и толстые, почти черные перила и балясины усиливали мрачную атмосферу, которую была бессильна развеять крошечная настольная лампа. Витражное окно почти во всю стену на нижней лестничной площадке пропускало сквозь замысловатый узор мало света, а сам витраж снаружи почти полностью зарос пылью.

Мы прошли мимо комнаты, похожей на гостиную, темно-зеленые бархатные шторы которой были задернуты и почти не пропускали свет, а затем в музыкальную комнату с огромным роялем в центре. Я вспомнила то, что сказала Олстон. Интересно, это тот же самый инструмент, на котором она когда-то брала уроки?

– О боже! – Нола остановилась перед музыкальной комнатой. – Я как будто внутри кукольного домика, аж жуть берет. В смысле, что там все точно такое же, даже обои. С той разницей, что они не слезают со стен, как здесь.

Она была права. Похоже, дом был построен и декорирован на рубеже прошлого века, и с тех пор его не трогали. Не считая электричества и, как я надеялась, современной сантехники, дом сохранился в первозданном виде, показывая жизнь такой, какой та была более века назад. Правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что ковры кое-где протоптаны до лысин, на деревянных полах отсутствуют куски инкрустации, краска шелушится, обои обвисли или местами вообще отсутствуют. Когда я в последний раз вошла в точно такой же запущенный дом, то в конечном итоге стала его владелицей. От одной только этой мысли я едва с криком не выбежала на улицу. Вместо этого я последовала за Джеком и Ди, уверенная, что Нола идет за мной следом.

В конце короткого коридора Ди открыла пару раздвижных дверей и отступила, пропуская нас внутрь. Нам в глаза тотчас ударил яркий

свет. От неожиданности, после гнетущей темноты остальной части дома, мы заморгали. Здесь от пола до потолка высились три больших окна с округлым верхом, отчего казалось, что они хмурятся. За окнами виднелась часть веранды, и я подумала, можно ли их открыть, словно двери. Судя по запаху пыли и чего-то еще, чему у меня не было названия, было видно, что окна не открывались очень и очень давно.

Как только мои глаза привыкли к яркому свету, я попыталась осмотреть остальную часть комнаты и даже несколько раз моргнула, чтобы убедиться, что это не галлюцинация. Комната была большая и круглая и располагалась в задней башне, не видной с улицы. Вдоль изогнутых стен тянулись полки, очевидно предназначенные для книг, но теперь заставленные... Санта-Клаусами? Я шагнула к одной из полок, с которой на меня смотрел веселый святой Николай в красном бархатном кафтани и в такой же красной шапке. А вообще их здесь были сотни – они сидели, стояли, ехали верхом на разных животных и в санях. У всех были одинаковые лица: пунцовые щеки, ярко-голубые глаза и носы с красными кончиками. Вспомнив забрызганную краской одежду Ди, я подумала: не ее ли рук керамические творения я сейчас вижу перед собой?

– Мисс Джулия обожает Рождество, – пояснила Ди. – Для меня это своего рода хобби.

Я кивнула, обводя взглядом миниатюрные рождественские елочки почти на каждой доступной поверхности, бумажные снежинки, подвешенные за нитки к потолку, фигурки снеговиков, стоящие семейными группами.

– Мисс Джулия! – сказала Ди, и я переключила внимание на дальнюю часть комнаты. Сидевшая там женщина была очень старой и очень маленькой. Наверно, именно поэтому я, войдя, не заметила ни ее саму, ни ее инвалидную коляску. Седые волосы и очень бледное лицо хозяйки дома резко контрастировали с ее темно-серым платьем. Ее темные, почти черные глаза смотрели с удивительной настороженностью. Согнутая грузом прожитых лет, она подняла голову, чтобы рассмотреть нас, и я заметила, как трясется ее подбородок.

Джек шагнул вперед и опустился перед коляской на колени, чтобы ей не напрягать шею.

– Мисс Маниго, я Джек Тренхольм. Приятно с вами познакомиться, – он протянул ей ладонь, и она вложила в нее крошечную узловатую руку.

– Вы писатель? – спросила она неожиданно сильным и звучным голосом, и на ее морщинистых губах появилась улыбка.

– Вообще-то да. Вы читали мои книги?

Она улыбнулась ему, и ее веки затрепетали. Мне даже показалось, что она строит ему глазки.

– Все до единой. Ди по моей просьбе ходит на презентации, чтобы получить экземпляр с автографом. Я с нетерпением жду вашу следующую книгу. Очень хочется, чтобы она вышла поскорей, так как я вряд ли смогу ждать слишком долго.

Улыбка Джека слегка потускнела.

– Сейчас она в работе. Я лично принесу вам экземпляр с автографом, если хотите.

Мисс Маниго буквально расцвела. Мне же стоило адских усилий не закатить глаза.

Я шагнула вперед и наклонилась над инвалидной коляской:

– А я – Мелани Миддлтон. Полагаю, вы знали мою мать, Джинетт Приоло.

Ее глаза полезли на лоб:

– О, моя дорогая Джинетт. Какой голос! Она тоже здесь?

– Она не смогла, но пообещала приехать в другой раз.

– Вы унаследовали хотя бы отчасти ее певческий талант?

– Нет, – ответил Джек, прежде чем я успела хоть что-то сказать. Я удостоила его колючим взглядом.

– А это... – Я обернулась к Ноле, но обнаружила, что ее там нет.

– Может, вы двое пока присядете, а я пойду за чаем и заодно выясню, что задержало юную леди, – сказала Ди и оставила нас.

Мы посмотрели на два кресла в готическом стиле: одно обтянутое пятнистым красным бархатом, другое – темно-коричневое, набитое конским волосом, изрядно припорошенное пылью. У одной стены комнаты стоял диван, обтянутый парчой и украшенный кружевными салфетками. Мы с Джеком рассматривали варианты рассадки, когда из соседней комнаты донеслись звуки рояля.

Мы с Джеком переглянулись.

– Нола? – спросили мы в унисон.

В комнату снова шагнула Ди:

– Думаю, я нашла ее.

Музыка сделалась громче и настойчивее, и мы на какое-то время умолкли, прислушиваясь. Нет, это не был ни гранж, и ни хеви-метал, которые слышались из ее спальни или по радио, когда она садилась в машину первой и переключала станцию. Это была... красивая, чарующая мелодия. Она напомнила мне мелодию, которую Нола один раз пела в душе. Я была готова сидеть на месте и слушать, как бы долго она ни играла.

– Ди, – приказала мисс Джулия, и сила ее голоса вновь удивила меня. – Я хочу посмотреть, кто играет.

Ди подошла сзади к инвалидной коляске и выкатила мисс Джулию из комнаты. Мы с Джеком последовали за ними. Разинув рты, мы застыли в дверях музыкальной комнаты, глядя на молодую девушку за роялем. Единственным ярким пятном в комнате с темно-бордовыми стенами, толстыми парчовыми шторами и закрытыми жалюзи были ее кроссовки цвета фуксии. Ее лицо было не узнать – куда только подевались обычная циничная гримаса или вызывающий взгляд. Их сменила сосредоточенность. Внимание Нолы было приковано к пальцам, скользившим по желтоватым клавишам старого рояля. К моему великому изумлению, уголки ее губ были тронуты легкой улыбкой.

Что-то коснулось моей ноги. Я посмотрела вниз и увидела мохнатого пса. Тот сидел и смотрел на меня, наострив уши, как будто тоже слушал музыку. Я наклонилась, чтобы почесать его за ушами, как любил Генерала Ли. Увы, своим движением я нарушила волшебство этого момента. Пальцы Нолы обрушились на клавиши, и чарующие звуки сменились режущей слух какофонией.

Посмотрев на нас глазами человека, только что пробудившегося от сна, Нола заморгала, растерянно глядя на Ди и женщину в инвалидной коляске, затем Джека и меня.

– Это какое-то наваждение, – сказала она. – Я увидела рояль, и он как будто пригласил меня поиграть на нем. – Она на мгновение задумалась. – На рояле в кукольном домике тоже можно играть, но у него всего двадцать клавиш.

Не знаю, что удивило меня больше: то, что собака исчезла у меня под рукой, или то, что Нола посчитала клавиши на миниатюрном

пианино.

Джек шагнул вперед. Было видно, что он ошеломлен.

– Нола, это просто невероятно. Я понятия не имел, что ты так прекрасно умеешь играть или петь, да и сама музыка... – Он шагнул к дочери и как будто задумался в нерешительности, а затем тихо спросил: – Это сочинила твоя мама?

Нола тотчас изменилась в лице, как будто ее ударили. Она посмотрела на Джека так, словно увидела его впервые и поняла, что перед ней тот самый отец, который, как она считала, не задумываясь бросил их с матерью. Она резко встала и едва не перевернула скамью.

– Нет, – тихо сказала она, обводя лица присутствующих испуганным взглядом. – Нет! – повторила она, на этот раз громче.

– Дорогая моя, – Джек шагнул к ней и протянул руки.

Она отшатнулась от него. В ее широко открытых глазах читались паника и что-то очень похожее на страх.

– Нет, – прошептала она и бросилась мимо нас к входной двери.

– Я догоню ее, – сказал Джек и, быстро шагнув мимо нашей маленькой группы, сгрудившейся в дверях, кинулся вдогонку за Нолой. Я же повернулась к Ди и хозяйке дома:

– Извините, мисс Маниго. Я понятия не имею, что это было...

Мисс Джулия не дала мне договорить.

– Что за кукольный домик? – негромко, но строго спросила она.

– Кукольный домик, который выглядит точь-в-точь как этот дом. Это подарок Ноле от ее бабушки и дедушки. Мы подумали, что он мог принадлежать кому-то, кто когда-то жил в этом доме...

– Уходите! – неожиданно сказала она.

– Простите? – Я была уверена, что ослышалась.

– Уходите! – повторила старуха, на этот раз громче.

– Я не пони...

– Извините, мисс Миддлтон, – сказала Ди с серьезным лицом. – Боюсь, вам придется уйти.

– Я лишь хотела спросить про кукольный домик, – сказала я. – Знаете ли вы...

– Убирайся! – крикнула мне старуха. На ее щеках, напоминая Санта-Клаусов в библиотеке, алели два пунцовых пятна.

– Хорошо, – сказала я, пятась к выходу. – Извините, что расстроила вас. Честное слово. – Я открыла дверь и вышла на крыльцо.

Солнечный свет с улицы упал на лохматую собаку рядом с инвалидной коляской. – До свидания, – попрощалась я и закрыла за собой дверь.

Чувствуя покалывание на затылке, я сбежала вниз по ступенькам и, встав на тротуаре перед домом, обернулась и посмотрела на окно башенки. На меня смотрел все тот же человек, которого я видела раньше, с такими же пустыми глазницами вместо глаз, с тем же бледным лицом. Только на этот раз его тонкие губы были растянуты в злорадной ухмылке. Казалось, он радовался тому, что мы уходим.

Глава 13

Я тихо работала в своей комнате в доме матери. А именно была занята тем, что с помощью этикет-пистолета наносила наклейки на новые коробки, которые сложила в своем временном шкафу. При этом мне не давал покоя вопрос, как мне лучше хранить обувь – расставить ее в алфавитном порядке по имени дизайнера, или по сезону, или по виду. Время от времени я делала паузу, прислушиваясь, не доносятся ли из комнаты Нола какие-нибудь звуки, но всякий раз меня встречало молчание. Так было с тех пор, как мы вернулись домой. Нола сбежала в свою спальню, выманить из которой ее оказался бессилён даже соевый бургер или пончик с глазурью.

Джек какое-то время стоял за ее дверью – умолял, уговаривал, извинялся, угрожал и снова извинялся, но затем, поняв бесплодность своих попыток, махнул рукой и замолчал. По моему настоянию он уехал, правда, взяв с меня обещание позвонить ему, если она выйдет из комнаты.

Часы показывали полночь. Мои родители снова куда-то ушли – чем там они занимались, я понятия не имела, – и хотя на следующий день у меня был запланирован ранний утренний показ дома, я не могла лечь спать, зная, что Нола все еще не спит и страдает.

Когда я была маленькой, бабушка приносила мне перед сном чашку горячего какао и беседовала со мной о том, как прошел мой день. Несмотря на хрупкие отношения между Нолой и мной, я поняла: у меня нет другого источника вдохновения или идей и вообще мне не помешает попытаться открыть канал общения. Или просто ее утешить. Не знаю, существует ли такая вещь, как веганское какао, но придется обойтись без него.

Положив этикет-пистолет на тумбочку, я направилась к двери. Не успела моя рука коснуться дверной ручки, как с другой стороны раздался робкий стук. Обрадованная тем, что Ноле, похоже, стало лучше, я распахнула дверь и вздрогнула от неожиданности, увидев перед собой в коридоре Джека.

Прижав ко рту ладонь, я схватила его за руку и втянула внутрь.

– Ну, ты даешь, Мелли! – воскликнул он с лукавой усмешкой. – Твое стремление заполучить меня к себе в спальню не может не льстить. – Окинув меня придирчивым взглядом с головы до ног, он снова посмотрел мне в глаза. И, как мне показалось, остался доволен увиденным. Я с опозданием поняла, что на мне полупрозрачная летняя ночная рубашка. Мать подарила ее мне после того, как кондиционер на втором этаже вышел из строя и мы были вынуждены несколько дней страдать, ожидая, когда мастер придет, чтобы его починить. Это было все равно что спать голой – чего я никогда не делала, но создавало иллюзию ночной рубашки.

Спешно сложив на груди руки, я попятилась через всю комнату, пока не добралась до ванной, где сняла с крючка пушистый халат и накинула его на себя. Когда я снова появилась в спальне, Джек явно был разочарован.

– Мне больше понравился твой предыдущий наряд.

Я туго затянула талию поясом.

– Что ты здесь делаешь и как ты вошел?

Он покачал у меня перед носом ключом:

– Мне дала его твоя мать.

Я открыла было рот, чтобы спросить у него, почему она это сделала, надеясь, что это как-то связано с Нолой, но тотчас закрыла, поняв, что это вряд ли имеет отношение к его дочери. Я сделала мысленную отметку позже поговорить с матерью на эту тему.

Я оглянулась на свою кровать. Генерал Ли благополучно устроился на подушке и лежал с полузакрытыми глазами.

– Ты отличный сторож, приятель. Спасибо, что предупредил меня, что в доме посторонний человек.

В ответ собачьи глаза закрылись окончательно, и раздался тихий храп.

– Я пытался позвонить тебе на сотовый, – сказал Джек.

Я посмотрела на тумбочку, где обычно держала телефон.

– Наверно, я оставила его в сумочке на кухне. – Я хмуро посмотрела на него: – Что это за срочное дело, которое не могло подождать до утра?

Теперь нахмурился он:

– Когда я уходил, моя дочь была так сильно расстроена, что даже не пожелала говорить со мной, так что я решил узнать, в порядке ли

она. Она тоже не берет трубку.

Мое сердце на миг как будто растаяло, что делало всякий раз, когда Джек позволял мне видеть эту его мягкую сторону. Мои плечи расслабились.

– Я сказала, что позвоню тебе. Во всяком случае, ничего не изменилось. Она до сих пор молчит. Я как раз собиралась спуститься вниз и приготовить горячее какао, чтобы принести его ей и посмотреть, поможет ли это.

Он потер шею.

– Здесь у тебя жара под сто градусов. Ты считаешь, горячий шоколад – это лучший выбор?

– Это работало, когда в моем детстве бабушка приносила мне на ночь чашку, – резко возразила я.

Джек улыбнулась одним уголком рта.

– К тому же, мне кажется, она любит сладости.

Я вспомнила Нолу и мое тайное свидание с пончиками на кухне и обещание держать это в секрете.

– Я решила попробовать. Ничего лучше я не смогла придумать.

Джек сделал шаг ко мне. Мои нервы тотчас напряглись, давя изнутри мне на кожу, делая меня сверхчувствительной даже к воздуху вокруг меня. Джек протянул руку и, коснувшись моих волос, убрал их мне за плечи. Но его лицо оставалось для меня тайной за семью печатями.

– Спасибо.

– За что? – Я надеялась, что он не услышал, как дрогнул мой голос. Он стоял так близко ко мне, что мое тело реагировало так, как ему не полагалось. Бровь Джека медленно поползла вверх, и я поняла, что он услышал.

– Что помогла мне с Нолой. Ты молодчина.

Я пожала плечами:

– Просто мне очень помогли обе наши мамы. Да и ты тоже.

– Неужели? Она по-прежнему не переносит, когда я рядом.

– Это пройдет. Она видит, что ты заботишься о ней и что ты стараешься. Она пытается не подавать вида, но она все замечает. Думаю, ей просто нужно время. – Я поймала себя на том, что не свожу глаз с пуговицы его бледно-голубой рубашки, упорно отказываясь смотреть ему в глаза.

– Мелли?

– Хм? – Я заметила, что одна нитка на его пуговице болтается, и мне стало интересно, кто ее ему пришивал.

Его пальцы коснулись моего подбородка и приподняли мое лицо. Я была вынуждена заглянуть в его бездонные голубые глаза. Его губы были почти рядом с моими. Я почти почувствовала их снова, вспомнила их вкус, хотя с момента нашего первого – и последнего – поцелуя прошли месяцы.

– Из тебя получилась бы хорошая мать, – сказал он, пристально глядя мне в глаза.

Не знаю, что я ожидала от него услышать, но только не это. Я мотнула головой, освобождая лицо.

– Я понятия не имею, каким образом это может произойти.

Джек буквально расплылся в улыбке, но его взгляд по-прежнему прожигал меня насквозь.

– Я думал, ты знаешь. Но я был бы рад тебе показать. – Он шагнул ближе, но остановился и как будто прислушался. – Ты слышала?

Покачивая головой, я подошла к двери и открыла ее. Из темного коридора доносились приглушенные рыдания.

Включив в коридоре свет, Джек шагнул мимо меня и, прежде чем я успела его остановить, осторожно постучал в дверь Нола.

– Нола, милая? Это я... – Он на миг растерялся, не зная, кем себя назвать. – Это Джек. Могу ли я войти?

– Нет! Уходи! Это всё ты виноват. – Ее слова прошли через дверь, словно физический удар. Джек тотчас отпрянул.

Я прикоснулась к его руке:

– Давай лучше я. Со мной ей комфортнее. Вдруг я сумею выяснить, что не так. – В глазах Джека было столько боли, что я наклонилась и нежно поцеловала его в щеку. – Все будет хорошо. Вот увидишь.

Я не была уверена, что говорю правду или почему все будет хорошо, но мне нужно было сказать Джеку хоть что-то, чтобы стереть с его лица этот страдальческий взгляд.

Он потрогал щеку, где только что были мои губы, а я тем временем постучала в дверь и вошла внутрь.

Первое, что бросилось мне в глаза, были разбросанные по всей комнате ноты. Они напоминали усыпанный черными точками снег. Затем я заметила, что кукольный домик придвинут к изножью ее

кровати, но с такой силой, что он накренился назад, так как его движение вперед было остановлено спинкой кровати.

Я встала рядом со старинной кроватью под балдахин. Нола, полностью одетая, свернулась калачиком и лежала в позе эмбриона поверх покрывала. В треугольнике падавшего из коридора света я увидела, как мое дыхание превращается в белое облачко пара. Я вздрогнула от прикосновения ледяного воздуха. Какое счастье, что на мне теплый махровый халат.

– Нола? С тобой все в порядке? – Я потрогала ее руку. Та была покрыта гусиной кожей. – Ты замерзла, – сказала я и, взяв стеганое одеяло, сложенное в изножье кровати, накрыла нее. Затем осторожно села на кровать рядом с ней и, не зная, что делать, положила руку ей на плечо. Мы обе молчали, ожидая, кто из нас заговорит первой.

Я попыталась вспомнить, какой я была в ее возрасте, когда жила с отцом, но без матери, с которой можно было бы делиться секретами, и почти не имея подруг. Правда, у меня была кукла, свидетельница всех моих слезных признаний и жалоб. Правда, она так и не удостоилась моей благодарности, так как я не переставала мечтать о том, что сейчас вдруг появится моя мама и все исправит.

Протянув руку, я вытащила из угла плюшевого мишку и положила его под одеяло рядом с Нолой. Не говоря ни слова, Нола обняла игрушку, и я с трудом спрятала улыбку.

– Пусть я не твоя мать, – сказала я, – но я девочка, и мне когда-то тоже было тринадцать.

– Миллион лет назад, – раздался приглушенный ответ.

Я так обрадовалась, услышав от Нолы колкость, что даже не слишком обиделась.

– Да. Миллион лет назад или около этого. Но я пытаюсь сказать, что, хотя я и не знаю точно, каково тебе сейчас, если тебе нужен кто-то, кому можно излить душу, то я здесь, рядом. – Я глубоко вздохнула, пытаюсь разглядеть в темных тенях комнаты мое дыхание, повисшее над кроватью, словно грозовые тучи.

Помню, как в детстве я сидела в постели, ощущая вокруг себя присутствие людей и одновременно чувствуя себя ужасно и бесповоротно одинокой. Я посмотрела на ребенка под одеялом, не зная, насколько могу быть с ней откровенной.

– Когда я была примерно твоего возраста, у меня не было друзей. Я была... не похожа на других детей. Если можно так выразиться. Именно тогда я начала составлять списки. Я всегда держала у своей кровати бумагу и карандаш, и всякий раз, когда мне было одиноко или страшно, я записывала то, что мне нужно или хотелось сделать. Когда казалось, что все валится у меня из рук, это помогало мне контролировать свою жизнь. Сейчас, наверно, это дурная привычка, но тогда это меня спасало. Не думаю, что тебе нужно делать то же самое, потому что ты можешь просто поговорить со мной, но если ты хочешь, чтобы я принесла тебе блокнот и карандаш, то пожалуйста.

Она лежала тихо, но я знала, что она не спит. Приняв ее молчание за ответ, я привстала, чтобы найти для нее что-то, на чем можно писать. Ее рука сжала мое запястье, удерживая меня, и я снова села на край кровати.

– Я боюсь, – прошептала она.

– Чего?

Она ответила не сразу:

– Что я схожу с ума.

Сердце сжалось в моей груди.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что я слишком похожа на маму. – И она разрыдалась, и все всхлипывала и всхлипывала, пока не начала задыхаться. Выхватив из коробки на тумбочке пригоршню бумажных салфеток, я сунула их в ее руку. Не зная, что делать дальше, я похлопала ее по плечу, вспоминая события дня, и попыталась найти причину столь пугающего вывода. С чего она это взяла?

– Та песня, которую ты играла сегодня на рояле мисс Маниго, ее написала твоя мама?

Она качнула головой, и ее волосы разметались по подушке.

– Мы написали ее вместе. Но мы так и не закончили ее.

– Она такая красивая, Нола. Это наше общее мнение. Но почему это заставляет тебя думать, что ты сходишь с ума?

Ее тело дернулось от сдавленного рыдания.

– Потому что я все время совершаю безумные поступки, – еле слышно прошептала она, – а потом не помню, что я наделала. Поначалу я думала, что это твой пёс, но поняла, что он просто не может делать некоторые вещи.

Я сидела не шелохнувшись.

– Например, какие?

Не поднимая глаз, Нола махнула рукой в сторону кукольного домика:

– Я нахожу его в разных местах по всей комнате, но не помню, чтобы я его двигала. Не думаю, что я хотя бы раз пыталась это сделать. – Она снова всхлипнула и указала в угол, где к стене был приставлен гитарный футляр: – И гитара моей мамы, и все эти ноты – они вечно не там, где я их оставила. – Она вновь разрыдалась, и мне показалось, что я слышу звон разбитого сердца.

Не зная, с чего начать этот разговор, я тем не менее рискнула:

– Ты не сумасшедшая, Нола. Всему этому есть логичное объяснение. – Может, и не слишком логичное, но, по крайней мере, объяснение. – Но твоя мама не была сумасшедшей. Я ее не знала, но из того, что я слышала о ней от Джека и от тебя, я предполагаю, что она сильно переживала из-за того, что ее музыкальная карьера не сложилась так, как ей хотелось. И она пыталась утопить свою печаль в наркотиках и алкоголе. К сожалению, это случается со многими людьми. Но это не делает ее сумасшедшей.

Нола упрямо мотнула головой. Мне пришлось напрячь слух, чтобы разобрать между рыданиями ее слова.

– Я была хорошим ребенком. Я заботилась о ней. Я не пила и не принимала наркотики, я не тусовалась с плохими детьми. Я следила за тем, чтобы она по возможности хорошо ела. Но она все равно покончила с собой, как будто я для нее была пустым местом. Как будто она не любила меня. Почему она это сделала, если она не сошла с ума?

Теперь я тоже плакала вместе с ней. А еще я знала: у меня нет выбора, кроме как сказать ей правду, независимо от последствий.

– Нет, Нола. Твоя мама любила тебя очень, очень сильно. Пожалуйста, поверь мне, потому что я знаю, что это правда.

Ее кулаки заколотили по матрасу.

– Ты лжешь! – взвизгнула она. Я отпрянула. – Откуда ты можете это знать? Она мертва!

– Потому что она сама сказала мне. – Эти слова вырвались у меня прежде, чем я успела прикусить язык.

Нола застыла, сверля меня взглядом заплаканных глаз:

– Это как?

Закрыв глаза, я попыталась придумать, как бы получше ей все объяснить, но в итоге выпалила первое, что пришло мне в голову:

– Я могу общаться с людьми, которые умерли.

Нола растерянно заморгала. Я же терпеливо ждала, пока она переварит сказанное.

– Ты можешь говорить с мертвыми людьми? – наконец переспросила она. – Как в том фильме с маленьким мальчиком и Брюсом Уиллисом?

Я вздохнула:

– Да. Примерно так. – Я посмотрела «Шестое чувство» лишь недавно, когда Софи и Чэд пригласили меня в кино на вечерний сеанс и органический попкорн. Я бы не пошла, знай тогда, какой фильм выбрал Чэд.

– И ты видела мою маму? – спросила Нола, икнув.

Я кивнула.

– Она хотела, чтобы я сказала тебе, что она тебя любит и никогда не хотела сделать тебе больно. – Я умолкла, не зная, что еще ей сказать. – Я часто вижу ее рядом с тобой, как будто она хочет убедиться, что с тобой все в порядке.

Я почувствовала, как ее плечо тотчас расслабилось под моей рукой, как будто все напряжение внутри ее улетучилось из ее тела.

– А ты спросила у нее, почему она это сделала? – еле слышно пискнула Нола. – Почему она оставила меня одну?

– Не знаю почему, но она отказывается говорить со мной напрямую. Помнишь, когда мы были в свадебном салоне и ты услышала, как я с кем-то разговаривала? Я разговаривала с давно умершей невестой, первоначальной владелицей платья. Твоя мама через нее передала послание. – Я осторожно коснулась щеки Нолы. – И ты не одинока. У тебя есть Джек и я, твои бабушка и дедушка, мои родители и Олстон. Даже Генерал Ли твой фанат. Думаю, твоя мама знала, что ты не останешься одна. Вот почему она дала тебе адрес магазина «Антиквариат Тренхольмов».

Нола некоторое время лежала молча.

– Почему она не говорит с тобой напрямую?

Я покачала головой:

– Не знаю. Моя мать думает, что это как-то связано с Джеком, потому что твоя мама назвала его имя, но это может значить все, что

угодно.

– Но зачем ей двигать кукольный домик?

Я подумала, что на сегодня с нее хватит той информации, которую она могла бы переварить за один присест, и что мне лучше оставить что-то на другой раз. И все же я постаралась быть с ней предельно честной.

– Здесь происходит много того, чего я не понимаю. Я надеялась, что, если просто не обращать на это внимания, оно исчезнет само, но, похоже, этого не происходит.

– Но разве смысл того, что ты умеешь разговаривать с мертвыми людьми, не в том, чтобы им помогать?

Как говорится, устами младенца.

– Я пытаюсь это понять всю свою жизнь. Раньше я думала, что это просто нечто такое, чего я не могу изменить, – например, кто-то слишком высокий, а у кого-то прямые волосы, которые никогда не будут завиваться. И лишь недавно – благодаря моей матери – я начала смотреть на это немного иначе. Что это скорее дар, а не проклятие.

Нола вытерла тыльной стороной ладони лицо и посмотрела на меня. Я удивилась и даже обрадовалась, что она не смотрит на меня как на двухголового уродца.

– Твоя мать знает про тебя?

Я кивнула:

– Вообще-то она тоже экстрасенс. И Джек, и Софи знают, но только они. Больше никто. О таких вещах не принято рассказывать первому встречному.

– А по-моему, это круто. Жутковато, но круто. То есть ты помогаешь мертвым людям, которые застряли здесь? Наверное, таких, как ты, немного.

Нола вылезла из-под одеяла, и я поняла, что в комнате снова стало жарко и душно.

– Мелли?

– Да? – Я убрала влажные волосы с ее лба.

– Можешь остаться здесь, пока я не усну?

Я улыбнулась.

– Конечно, могу, – ответила я, зная, что сидеть мне здесь недолго. Ее глаза уже слипались.

– Я, конечно, люблю свой кукольный домик, – сонно прошептала она, – но теперь он меня пугает. Давай перенесем его завтра в другую комнату.

– Непременно. – Я сидела на кровати и наблюдала за ней. Наконец ее веки сомкнулись, дыхание стало медленным и ровным. Я осторожно встала, с минуту подождала, чтобы убедиться, что не разбудила ее, и молча подошла к двери. Луч света из коридора желтым треугольником падал на ее кровать.

– Мелли?

Тотчас застыв на месте, я обернулась на звук ее сонного голоса:

– Да?

– По-моему, вы с Джеком запали друг на друга. И я не стану возражать, если вы замутите любовь по-настоящему.

Я скрестила на груди руки.

– Ты действительно хотела бы видеть нас вместе или просто пытаешься убрать Ребекку с глаз долой?

Со стороны кровати донесся невнятный звук, как будто она фыркнула, и все, тишина. Я немного подождала, но услышала лишь тихое, нежное дыхание.

Я тихонько закрыла за собой дверь, а когда повернулась, то оказалось, что коридор пуст. Подавив разочарование, я попыталась убедить себя, что лишь хотела сказать Джеку, что поделилась с Нолой своим секретом и что она, похоже, восприняла это спокойно.

Развязывая на ходу халат, я прошла через коридор в свою комнату. Мои глаза слипались от усталости. Я уже нащупала выключатель, как вдруг резко остановилась. Генерала Ли сменил Джек. Закинув руки за голову, он лежал на моей кровати, правда, к счастью, полностью одетый. При виде этой картины меня словно ударило током. До меня внезапно дошло: мне достаточно сделать всего несколько шагов вперед, и тогда мне вообще не придется ни о чем думать.

– Это было мило, – сказал он.

Вместо этого я прислонилась к двери и закрыла глаза, лишь бы его не видеть.

– Что ты слышал?

Скрипнули пружины, и когда я снова открыла глаза, Джек стоял передо мной, прижимая обе руки к двери и фактически поймав меня в ловушку.

– Все это, – тихо сказал он.

– Мне кажется, она нормально восприняла все, что я ей сказала.

– М-м-м, – пробормотал Джек, наклоняясь ко мне так, что наши носы почти соприкасались. – Так вот откуда берут начало все твои списки? Тебе хотелось быть хозяйкой своей жизни?

– Примерно так.

Джек вздохнул:

– Это многое объясняет. И все же ты смогла стать утешителем тех, кто вокруг тебя нуждается в утешении.

Я покачала головой:

– Если ты говоришь о Ноле, я просто сделала то, что на моем месте сделал бы любой. Разве не очевидно, что ей нужно с кем-то поговорить?

– Ребекка этого не видит. Она считает, что Нолу нужно отправить в интернат. В каком-нибудь другом штате. А желательно и в другой стране.

Уголок моего рта приподнялся – но только один.

– Мне понятна точка зрения. Пока не начнешь по-настоящему проводить время с Нолой и не узнаешь ее лучше. Потому что под безвкусной косметикой и дурацкими нарядами она хороший ребенок.

– Не сомневаюсь. Она ведь наполовину моя. – Кончик его носа коснулся моего, и мои губы невольно раздвинулись. Я намеревалась в следующий раз, когда мы будем одни, обсудить слова моей матери о том, что он угодил в беду, но обнаружила, что в моей голове нет ни одной ясной мысли. – И она думает, что мы запали друг на друга.

Я перебирала слова в моей голове, пытаюсь придумать ответ, и с треском потерпела неудачу. Джек стоял так близко, что, когда он снова заговорил, мне было слышно, как резонирует голос в его груди:

– Помнишь, когда мы плавали на байдарке, я сказал тебе, что между нами еще не все кончено? Именно это я и имел в виду.

Его губы приблизились к моим, и я невольно приподняла подбородок. В предвкушении поцелуя я уже закрыла глаза, как вдруг входная дверь хлопнула, и я услышала голоса моих родителей, когда те поднимались по лестнице к комнате моей матери, расположенной рядом с моей.

Я тотчас открыла глаза и встретила удивленный взгляд Джека. Я приложила палец к губам. Мы услышали, как мой отец пожелал маме

спокойной ночи, но затем, к счастью, спустился по лестнице вниз и вышел за дверь.

Я многозначительно взглянула на дверь, соединявшую наши с матерью комнаты, и жестом дала Джеку понять, что ему лучше уйти.

– Это был почти поцелуй номер шесть, – прошептал он, наклонившись к самому моему уху, а когда выпрямился, я отшатнулась от двери и попыталась восстановить равновесие, в том числе и душевное.

Осторожно повернув ручку, он вышел в коридор. Свет из-под двери моей матери освещал ему путь к лестнице. Внезапно он повернулся ко мне.

– Я вернусь завтра, – сказал он, как будто только что что-то вспомнил.

Мое сердце взволнованно забило в груди.

– Чтобы завершить поцелуй? – недолго думая, выпалила я.

Джек поднял бровь и расплылся в лукавой улыбке:

– Чтобы перенести кукольный домик.

Я отступила назад и расправила плечи.

– Отлично. Потому что я собиралась сказать тебе, чтобы ты не брал в голову... про поцелуй. У тебя ведь роман с моей кузиной, помнишь?

– Спокойной ночи, Мелли, – прошептал он и зашагал к лестнице. Мне были слышны его шаги и негромкий смех. Мучимая вопросом, как так получилась, что Нола ясно увидела то, что я упорно отказывалась признать, я закрыла дверь.

Глава 14

Назавтра, после жуткого дня на работе, я без сил притащилась домой. Все началось с новой секретарши, Шарлин. Она заменила мой латте на зеленый чай, лишив меня так нужного мне кофеина, что никому не пошло на пользу. Затем я угрохала целый день, демонстрируя исторические дома в районе Рэдклиффборо одной супружеской паре из Маунт-Плезанта, и в результате после тура по дому № 7 мне было сказано, что они еще не готовы переехать. Но вишенкой на торте стала моя поездка к подруге Софи из ее класса йоги по имени Кармен, которая шила платье для подружек невесты. Мое платье было чем-то вроде гибрида тоги с купальником под ней. В нем я выглядела как застрявшая во времени нимфа мужского пола, и даже лифчик Wonderbra был бессилён придать определенной части моего тела округлости. Моим головным убором был цветочный венок, а длина моего платья не имела значения, потому что я все равно буду босиком.

Перед домом матери я замедлила шаг. У тротуара были припаркованы две машины. Первой был «Порше» Джека. Я не собиралась быть дома, когда он придет, чтобы перенести кукольный домик в другую комнату, но теперь поняла: он вряд ли смог сделать это в одиночку и, скорее всего, был вынужден ждать, пока у Чэда не закончатся лекции в колледже. Мой взгляд скользнул на крыльцо, и я узнала велосипед Чэда; его опознавательный знак, пацифик, на заднем закрылке практически выгорел на солнце.

Я решила было вернуться в свою машину и в ней вздремнуть, но мое внимание привлек автомобильчик, припаркованный сразу позади «Порше», — ярко-красный «Фольксваген»-«жук» с предохранительными пружинами, торчащими из ниши колеса, и мохнатым красно-зеленым чехлом на руле. К решетке радиатора был прикреплен рождественский венок, а с зеркала заднего вида свисала бирка «Осторожно, инвалид».

Мучимая любопытством, я ускорила шаг и почти вбежала на крыльцо и в дом. Бросив в фойе портфель и сумочку, я направилась на звук голосов в переднюю гостиную с ее огромным витражным окном.

Обычно это окно становилась темой разговора для тех, кто был в доме впервые, но по тону разговора я могла точно сказать, что разговор шел не об окне.

Моя мать встретила меня в дверях:

– Мелли, как хорошо, что ты вернулась. У нас гости.

Тревожно нахмутив брови, она повела меня за собой. Посреди комнаты стоял квадратный блок стекла, в котором я узнала декоративный элемент из сада, брошенный бывшими владельцами, в том самом месте, где ранее в этот же день стоял чиппендейловский стол моей бабушки. Перед ним в своем инвалидном кресле сидела Джулия Маниго, а рядом с ней Ди Давенпорт с одной стороны и Нола – с другой. Но самой странной частью этой картины был Генерал Ли, без всякого стеснения нюхавший под хвостом у лохматого пса, которого я уже видела раньше и который предпочел исчезнуть, как только поймал на себе мой взгляд.

Я шагнула вперед, чтобы поздороваться с Джулией:

– Вот это сюрприз, мисс Маниго. Если честно, я не ожидала увидеть вас снова.

Ее взгляд был начисто лишен того яда, который я видела накануне.

– Я хотела сказать вам, что мне стыдно за мое вчерашнее поведение. Я не очень люблю сюрпризы, вы же упомянули кукольный домик. – Она на миг умолкла. – И я должна была увидеть ваш кукольный домик. Чтобы убедиться, что это тот самый.

Я посмотрела на Нолу, но та лишь пожала плечами.

– Тот самый... это какой?

– Тот самый, который мне подарил отец в 1931 году, когда мне было десять лет.

Я ждала, что она скажет больше, что могло бы раскрыть хотя бы часть окружавшей кукольный дом тайны, но она поджала губы, словно боялась сказать что-то такое, чего говорить нельзя.

Ди встала и взяла меня за руку:

– Извините, что мы приехали без предупреждения, но мисс Джулия пожелала, чтобы мы сделали это немедленно. Она хотела лично извиниться за... вчерашнее недоразумение.

Я вопросительно подняла бровь. Недоразумение? Эта женщина заорала, пожелав, чтобы я убиралась вон.

– Понятно, – сказала я. Мое чарльстонское воспитание не позволило мне потребовать, чтобы она определила это недоразумение языком, который был бы мне понятен. – Как вы узнали, где меня найти?

Ди усмехнулась:

– Ваши объявления о продаже недвижимости постоянно появляются в газетах. Не самое лучшее ваше фото, как заметила мисс Джулия, но узнать можно. Мы позвонили в ваш офис, и когда Шарлин Роуз взяла трубку – раньше она жила через два дома от мисс Джулии, – я спросила у нее ваш домашний адрес.

Я поставила мысленную галочку, что нужно будет сказать Шарлин, что она не имеет права давать мой домашний адрес кому бы то ни было, будь то соседи или кто-то еще.

Ди между тем продолжила:

– Мы приехали к вам домой на Трэдд-стрит, и весьма необычного вида мужчина в штанах, которые ему явно велики и все время сползают, сказал нам, что мы можем найти вас здесь, в доме вашей матери. Что даже к лучшему, поскольку мисс Джулия хотела вновь увидеть миссис Миддлтон.

Я села на диван напротив них и кивнула миссис Хулихан. Та только что принесла поднос со сладким чаем и печеньем и теперь подавала присутствующим стаканы и тарелки.

Мисс Джулия впиалась в меня взглядом.

– Когда вы появились у меня на пороге, я знала, что видела вас раньше. Вы были вовлечены в дело с домом Невина Вандерхорста и захороненными в саду трупами. В газетах ничего не упоминалось, кроме того, что им сказала полиция, но люди в этом городе говорят, и многие из них рассказывают, что вы видите призраков. Благодаря этому вы узнали, что случилось с бедной Луизой Вандерхорст.

От неожиданности я утратила дар речи. Как хорошо, что у меня уже был разговор с Нолой о моем «даре»!

– Мало ли что говорят люди?.. – начала я, но не договорила. Все внезапно посмотрели в сторону фойе, откуда все громче и громче доносились тяжелые шаги и мужские голоса.

Я встала и, повернув голову, увидела Джека и Чэда с кукольным домиком. Раскрасневшись от натуги, они совместными усилиями

подтащили эту большую игрушку к стеклянному блоку и поставили перед нами.

Моя мать встала, чтобы никому не мешать.

– Поскольку Нола больше не хотела держать его в своей комнате, мы подумали, что легче перенести его сюда, чем поднимать мисс Маниго наверх, чтобы она его увидела.

Чэд быстро попрощался и зашагал к двери. Ди проводила его взглядом. Правда, кроме меня никто этого не заметил, так как всеобщее внимание было приковано к Джулии Маниго, пока та осматривала кукольный домик. Она прижала руку к сердцу и удивленно расширила глаза. В них, как мне показалось, застыл страх. Признает она это или нет, но этот кукольный домик был ей отлично знаком.

– Я хочу посмотреть ближе! – громко произнесла она. Ди немедленно встала и подкатила ее к задней части кукольного домика. Голова Джулии подергалась взад-вперед, пока она придирчиво рассматривала каждую комнату, каждую подушку, каждую оконную раму. Она даже сунула внутрь палец и ударила по маленькому пианино. Его резкий, жестяной звук усилил странность происходящего.

– Где фигурки людей? Семья, которая живет в нем?

Нола села прямо.

– Вчера вечером я уложила их всех в кровати. Они должны быть там.

– Их там нет, – тихо сказала Джулия и вопрошающе посмотрела на меня. Чувствуя себя провинившейся, я встала.

– Может, ты вынула их и забыла, – пролепетала я, давая Ноле понять, что не сомневаюсь в ее словах. – Я пойду посмотрю.

– Я помогу, – сказала Нола, вставая со стула. Мы извинились и поднялись в комнату Нолы. Как только мы оказались за дверью, она схватила меня за руку: – Как ты думаешь, их передвинула моя мама? Потому что этим утром, когда я поехала в гости к Олстон, они были в своих кроватях.

– Не могу сказать, – осторожно сказала я. Так как кукольный домик переместился вниз, я нашла в себе храбрость рассказать ей чуть больше: – Вряд ли это твоя мама. Здесь есть что-то еще, что-то злое, непохожее на призрак Бонни.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Нола и побледнела.

– Например, то, как фигурки были выброшены и разбиты. И я видела в доме мисс Маниго человека, который определенно не хотел, чтобы мы там были. Думаю, он и этот домик могут быть как-то связаны между собой.

Нола еще крепче сжала мою руку:

– И ты позволила мне поставить его в моей комнате?

– Мы с Софи пытались отговорить тебя, разве ты забыла? Но ты настояла на своем. И если бы я действительно думала, что тебе грозит опасность, я бы уже что-то предприняла. Я ведь знала, что твоя мама защищает тебя.

Лицо Нолы смягчилось, на глаза навернулись слезы. Она быстро отвела взгляд, затем мотнула головой в сторону двери:

– Открой!

Я повернула ручку и нажала. Дверь слегка приоткрылась, но тотчас захлопнулась у меня перед носом.

– Неужели замок заклинило? – спросила Нола, делая шаг от двери.

Я покачала головой:

– Нет. – Глубоко вздохнув, я начала вслух повторять мантру, которой меня научила мать. – Я сильнее тебя. Я сильнее тебя, – тихо повторяла я. Я снова повернула ручку, но, прежде чем нажать, обернулась к Ноле: – Тебе не нужно входить. Будет лучше, если ты останешься в коридоре.

– Ага, как же. Думаешь, я пропущу такое?

– Ты дочь своего отца... ты вся в Джека, – сказала я, качая головой. – Тогда давай, помоги мне.

Она встала рядом и прижала плечо к двери.

– Я готова. – Я нисколько не удивилась, не заметив в ее глазах никакого страха.

Я вновь принялась повторять мою мантру. Нола присоединилась ко мне. Я повернула ручку, и мы вдвоем с силой нажали на дверь. Та открылась легко, и мы обе буквально ввалились в комнату. Ноты, которые Нола подобрала в то утро и положила в футляр для гитары, вновь разлетелись по комнате, порхая, словно мотыльки, на ветру из открытых окон. Уличный зной смешивался с ледяным холодом комнаты, создавая под потолком странный туман.

Я скорее почувствовала, чем увидела, Бонни в углу и поняла: если я повернусь, чтобы посмотреть на нее, она исчезнет.

– Почему нужно вечно что-то делать этими нотами? – простонала Нола и, наклонившись, начала подбирать их с пола.

– Это твоя мама. Чтобы сообщить, что она рядом.

Нола медленно выпрямилась, ноты выскользнули из ее рук.

– Мама?

В углу, где у стены стоял футляр с гитарой, подрагивал мерцающий свет. Я повернулся к нему:

– Бонни?

Мерцание прекратилось, как будто щелкнули выключателем.

– Она ушла? – прошептала Нола.

Я кивнула.

– Я не отступлю, хорошо? Обещаю тебе, я найду способ узнать, почему она все еще здесь.

– Но зачем ей открывать окна? Это только создает большой беспорядок.

– Может, это не она, – сказала я, глядя на стену за спинкой кровати. На краске до самой штукатурки толстыми буквами было нацарапано: «Останови ее». Мой взгляд скользнул вниз, к тумбочке у кровати. Там лежала фигурка мальчика, голова его была присыпана гипсовой пылью.

– Что за?.. – начала было Нола.

Я укоризненно посмотрела на нее.

– Черт, – закончила она.

Я огляделась по сторонам:

– Где остальные фигурки?

Нола принялась ходить по комнате – выдвигать ящики, отдергивать шторы. Наконец она опустилась на колени рядом с кроватью и заглянула под нее.

– Я нашла их.

Что-то в ее голосе заставило меня опуститься на колени рядом с ней. Остальные члены семьи лежали бок о бок, отец отдельно от двух других. Меня охватила дрожь. Все три фигурки лежали на полу лицом вниз. Я протянула под кровать руку, достала их и снова встала.

– Ты видишь собачку?

Нола покачала головой:

– Она пропала.

– Вряд ли, – сказала я себе под нос, вспомнив нового приятеля Генерала Ли внизу. – Мы поищем его позже. А пока давай заберем их из твоей комнаты и отнесем мисс Маниго. Но сначала закрой окна. Если только не хочешь снова впустить внутрь летающего таракана.

Я еще ни разу не видела у нее такой прыти. Она принялась торопливо закрывать окна, не забывая, однако, проверять, к чему прикасались ее руки и что может ползти по стене рядом с ней. Я бы рассмеялась, но это было бы лицемерием с моей стороны.

Когда мы спустились вниз, Генерал Ли бегал кругами по фойе. Что касается другой собаки, то мне был виден только ее хвост. Я вспомнила сломанную собачью фигурку. Интересно, где она может быть? И как умерла настоящая собака?

Я подошла к Джулии Маниго, сидевшей в инвалидном кресле перед кукольным домиком, и передала ей фигурки. Кожа на ее руках была прозрачной, словно папиросная бумага, синие вены напоминали дорожные карты. Но когда она крепко сжала игрушечных человечков и положила их себе на колени, я не заметила никаких признаков артрита. Дрожащим пальцем она указала на присыпанную мелом белокурую головку мальчика:

– Это мой брат Уильям. От него вечный беспорядок, не так ли? Он вечно пытается вам что-то сказать. – Она посмотрела на меня темными бездонными глазами.

Она знает, – подумала я. – Она видела это раньше.

– А кто остальные? – спросила я.

Она указала на мужчину и женщину:

– Это мои родители, Анна и Гарольд Маниго. А это, – сказала она, указывая на девочку с темными волосами и недовольно насупленными бровями, – это я. А где Бадди?

– Пёсик? – Нола подалась вперед. – Он был в домике раньше, но теперь я нигде не могу его найти. Но я уверена, что он где-то рядом.

Я перехватила взгляд моей матери и поняла, что она тоже догадалась, за кем гоняется Генерал Ли.

– Его мне тоже подарил папа. Но он убежал в ту же ночь, когда исчез Уильям. Я так и не узнала, что с ним случилось.

Что-то подсказывало мне, что это вряд ли была естественная смерть, но я остереглась ей это говорить.

– Кукольный домик был подарком вашего отца, – сказала я вместо этого. – Я подумала, что вы захотите сохранить его, чтобы передать своей дочери или внучке.

Лицо Джулии Маниго окаменело.

– Я никогда не была замужем.

На этот раз я обменялась взглядом с Джеком, стоявшим позади Нолы. Несколько дней назад Джек рассказал мне все, что смог узнать о кукольном домике, в том числе и тот факт, что обнаруженные им записи о продаже кукольного домика датировались концом 1930-х годов, когда Джулия была еще довольно мала, чтобы задумываться о браке и детях.

– Нола просто обожает кукольный домик, – сказала я, пытаюсь ослабить напряжение, повисшее в комнате, словно густое облако. – Все эти мельчайшие детали не могут не поражать. Сегодня невозможно найти вещи, сделанные с таким мастерством.

Джулия посмотрела мимо меня, как будто это говорила не я.

– Нола. Какое необычное имя.

Нола открыла было рот, чтобы объяснить, что оно значит, но я бросила на нее предостерегающий взгляд. Она хмуро посмотрела на меня, но остановилась.

– Это прозвище, – пояснила она и еле слышно добавила: – Мое настоящее имя – Эммалин.

– Это куда ни шло, – буркнула Джулия. – Эммалин, какое у тебя музыкальное образование?

Я увидела, как Джек положил руку на плечо Нолы, и та не вздрогнула и не отстранилась. Ее глаза забегали по комнате, словно она надеялась, что кто-то ответит вместо нее.

– Никакого, – в конце концов пролепетала она.

Наверху радио взорвалось песней «Я только начинаю», причем на полную громкость. Нола побледнела. Я посмотрела на Джека и кисло улыбнулась:

– Мне кажется, с радиоприемником Нолы что-то не так – он постоянно включается сам по себе. Не мог бы ты выключить его?

Джек странно посмотрел на меня и вышел из комнаты. Я повернулась к Джулии. Та продолжала пристально разглядывать Нолу.

– Никакой формальной школы вообще? Я слышала, как ты вчера играла на моем рояле, и это была не любительская игра. Ты играешь на

слух? Но в таком случае ты знакома с музыкой.

Поломанные ногти Нолы, покрытые черным лаком, впились в ее рваные джинсы. Она низко опустила голову, но я успела заметить на ее щеках пунцовый румянец.

– Моя мама научила меня играть на гитаре, – еле слышно прошептала она. – А я сама научилась играть на маленьком электрооргане, который у нас был, пока она его не продала, чтобы купить наркотики.

Сказав это, она с вызовом вскинула голову и в упор посмотрела на старуху.

Джек вернулся вовремя и успел услышать ее последние слова. На моих глазах из веселого приколиста Джека, которого я знала, он превратился в Папу-Медведя. Решительно войдя в комнату, он вновь встал позади Нолы и положил ей на плечи обе руки. Натянув на лицо улыбку, он повернулся к женщине в инвалидной коляске:

– Что за причина для такого допроса? Вы пришли посмотреть на кукольный домик и убедиться, что он ваш. Надеюсь, вы не хотите забрать его себе, потому что сомневаюсь, что моя дочь продаст его, какую бы цену вы ни предлагали. Так что, если у вас все, у нас с Нолой есть планы на ужин.

Нола энергично кивнула:

– Да. Точно.

Ди встала и заискивающе улыбнулась:

– Извините, что мы отняли у вас столько времени. Мисс Маниго очень хотела вновь увидеть миссис Миддлтон, а также кукольный домик, и поскольку мы уже увидели обоих...

Джулия сердито посмотрела на Ди, и та умолкла.

– У тебя нет желания получить формальное музыкальное образование? – спросила она у Нолы. – Нравится тебе это или нет, но у тебя огромный музыкальный талант. Будет жаль, если он пропадет впустую.

Прежде чем старуха договорила, Нола отрицательно покачала головой:

– Нет. Я не люблю музыку.

Зная, что именно она обычно слушает по радио, я была вынуждена с этим согласиться. Но я также слышала, как она поет и играет на

пианино, и потому волей-неволей была вынуждена согласиться с оценкой Джулии Маниго музыкальных талантов Нолы.

– Она также пишет музыку, – сказала я, избегая смотреть Ноле в глаза. Ее отказ признать свой дар не имел ничего общего с музыкой; в этом я была уверена на все сто. Я сама когда-то проделала этот же путь раньше, и меня не проведешь. Это было связано с Бонни и их взаимоотношениями матери и дочери. Ничего, я с этим смогу поработать. В отличие от музыки.

– И она точно умеет петь, – добавила моя мать и повернулась к Ноле: – Ты всегда поешь в душе, и это трудно не услышать. У тебя необыкновенный голос.

Я с благодарностью посмотрела на мать. Слава богу, я не стою здесь одна и не чувствую себя таким хулиганом.

Щеки Нолы залились краской еще больше.

– Я не люблю музыку, – повторила она, но уже не так упрямо.

– Почему вы спрашиваете? – Джек наклонился вперед, и его плечи образовали позади Нолы нечто вроде щита.

Джулия высоко вздернула подбородок – насколько позволяла ее сгорбленная спина.

– Потому что я хотела бы учить ее. Несмотря на ее нежелание развивать свой талант, из нее получился бы хороший музыкант. Но это проблема всей нынешней молодежи. Лень. В наши дни молодые люди не хотят работать ни над чем. Им бы только играть со своими телефонами и общаться весь день в Букфейсе.

– В Фейсбуке, – сказали мы с Нолой в унисон.

Нола встала:

– Я не ленивая. Я всегда была отличницей, а когда приходила из школы, помогала маме по дому. Я не белоручка. Я умею работать. – Она тяжело дышала, ее щеки пылали.

По лицу Джулии промелькнуло торжество.

– Тогда докажи это. Миссис Миддлтон говорила мне, что вы подаете заявление в Эшли-Холл. Тебе не помешало бы написать мое имя в качестве частного репетитора музыки.

– Кого волнует, возьмут меня туда или нет? Есть много других школ. – Нола с вызовом вскинула подбородок – точная копия своего неподражаемого отца.

– А-а-а! – протянула Джулия, постукивая тонкими пальцами по подлокотникам инвалидного кресла. – Опять дело в трудолюбии, не так ли? Девушки из Эшли-Холл известны тем, что они не бездельницы. Согласна, в Чарльстоне много других школ. Но я никогда не видела для себя необходимости знать о них.

– Одну минутку, – сказал Джек и, обойдя диван, встал перед Джулией. Ди тотчас застыла рядом со старухой, словно телохранитель. – Вы совершенно не знаете мою дочь, чтобы судить о ней. Вы понятия не имеете, через что она прошла, особенно в этом году. На ее месте большинству детей – да и взрослых – снесло бы крышу. Да эти девушки из Эшли-Холл ей в подметки не годятся! И, да, она музыкально одарена. Ее мать была чертовки талантлива, почти гениальна. Вам повезет, если она согласится стать вашей ученицей.

– Тогда решено. – Джулия посмотрела на Ди. Та накинула хозяйке на плечи шаль и сняла с задних колес каталки тормоз. – Ди позвонит вам и сообщит подробности.

– Что вы себе позволяя?.. – начал было Джек.

Я положила ему на локоть руку, и он умолк.

– Мы обсудим это и дадим вам знать.

– Погодите! – крикнула Нола.

Все как по команде замерли и уставились на нее.

– Вы не вернули кукол из кукольного домика.

– Верно, – согласилась Джулия и, взяв их с колен, протянула Ноле: – Береги их. И никогда не ставь Уильяма и папу в одну комнату. Они это не любят.

Вытаращив глаза, Нола взяла у нее игрушечных человечков. Между тем Ди выкатила старуху из комнаты к входной двери. Я выпустила их и держала сложенную коляску, пока Ди помогала Джулии спуститься с крыльца.

Внизу Ди вновь усадила Джулию в коляску, чтобы подкатить ее к машине. Старуха схватила меня за руку:

– Эммалин ко мне должны привести именно вы. Вам понятно?

Я выпрямилась и осторожно убрала руку, отлично понимая, что она имела в виду.

– Я должна обсудить это с Нолой и ее отцом. И потом сообщу.

– Обязательно! – сказала она, поворачиваясь ко мне спиной, так как Ди уже везла ее к машине. Я не стала дожидаться, чтобы увидеть, как

той удастся запихнуть в «Фольксваген»-«жук» старую женщину и ее инвалидную коляску. Быстро взбежав вверх по ступенькам, я закрыла за собой дверь.

Я прошла половину фойе, когда радио наверху вновь во всю мощь заиграло песню «Я только начинаю». Не говоря ни слова, я стала подниматься наверх. Я уже знала, что, войдя в комнату Нолы, увижу, что радиоприемник выдернут из розетки, а также то, что сегодняшней визит Джулии Маниго не имел ничего общего с уроками музыки.

Глава 15

Не успела я натянуть ночную рубашку, как в дверь моей спальни постучала мать.

– Открыто! – крикнула я. Ее голова тотчас заглянула ко мне в комнату, а когда вошла она сама, через ее руку был переброшен пластиковый чехол с платьем от «Берлинс».

– У меня для тебя сюрприз, – сказала она. – Кажется, я нашла тебе платье для вечеринки.

– Мама! Ты ходила по магазинам без меня?

– Мы решили, что так будет лучше.

– Мы?

– Софи, Нола и я.

Ее слова дошли до меня не сразу.

– Ты взяла с собой Софи и Нолу? – медленно произнесла я. – Чтобы они помогли тебе выбрать для меня платье? – Я в ужасе посмотрела на пакет.

– Технически нет. Я взяла Нолу в поход по магазинам – бедной девочке отчаянно нужна одежда – и захватила Софи, чтобы с этим помочь. В отличие от меня Софи знает все модные магазины для молодежи.

Я плохо врубалась в смысл того, что она пыталась мне сказать.

– То есть ты поручила Софи выбирать одежду для Нолы? – Я обвела глазами комнату: – Тут часом нет скрытой камеры?

Мать повернулась к высокому платяному шкафу и, зацепив вешалку за одну из дверей, начала стаскивать пластиковый пакет, постепенно открывая моему взору нечто шелковистое и темно-бордовое.

– Не смей меня, Мелли. Я сказала, что Софи знает, где нужно делать покупки, а не как их делать. У Нолы хорошее чувство стиля. Возможно, это не наш с тобой стиль, но он ей идет. Она знает, как соединить вещи, чтобы придать себе этаким богемный калифорнийский вид. В отличие от нее Софи просто напяливает на себя первое попавшееся и в результате выглядит черт знает как. Что, кстати, ей тоже идет.

Закончив разворачивать платье, она загородила его от меня, как будто была еще не готова мне его показать.

– Когда я рассказала продавщице в «Берлинс», что именно я ищу, она принесла мне это платье, и я сразу поняла: это то, что мне нужно. – С этими словами она шагнула сторону. – Ну, что скажешь?

Я посмотрела на красное шелковое платье. Оно смотрелось бы куда уместнее на старлетке на красной ковровой дорожке, чем в моей спальне. С заниженными плечами и декольте в форме сердца. Середина была присобрана, чтобы подчеркнуть талию, а ниже бедер подол расходился колоколом в стиле танго. Платье было... изысканным.

– Я не могу его надеть, – сказала я резче, чем хотела.

– Почему нет? – По голосу матери я поняла, что она обиделась.

– Это очень красивое платье, – сказала я уже мягче. Мой рот несколько раз открылся и закрылся, пока я судорожно искала причину, сама толком не зная, какую именно. – Но я не могу его надеть, – продолжила я, – потому что, во-первых, мне под него понадобится водолазка, чтобы никто не увидел мой пупок. И, во-вторых, потому что оно, как бы это выразиться... не мое.

Мать скрестила руки и опустила подбородок.

– Очень даже твое. Просто ты никому не позволяешь видеть себя такой. Ты не просто деловая женщина, Мелли. Ты также очень привлекательная женщина, и это платье поможет тебе укрепить уверенность в себе.

– Я в себе уверена! Иначе как бы я добилась успеха?

– Да, ты уверена на работе. Но как насчет мужчин? Когда работаешь, ты прячешься за свои деловые костюмы и жемчуг. Но когда ты надеваешь такое платье, ты должна положиться на другие... свои активы.

Я выразительно посмотрела на декольте платья.

– У меня нет других... активов.

Мать откинула голову и расхохоталась.

– Я не об этом, но не беспокойся. Видишь вот этот рюш? – она указала на присобранный на груди шелк. – Это создает дополнительный объем там, где это нужно.

Я покачала головой, пытаюсь выбросить из головы себя в этом платье. И Джека, шагающего ко мне...

– Думаю, Джеку это понравится, – сказала мать, как будто прочтя мои мысли.

Чтобы она не увидела мое лицо, я подошла ближе к платью и сделала вид, будто рассматриваю его.

– Почему тебя волнует, что подумает Джек?

– Потому что это, очевидно, волнует тебя. Если не ошибаюсь, вчера вечером я слышала здесь его голос.

Мои щеки запылали.

– Это не то, что ты думаешь. Он пришел вчера вечером проведать Нолу, потому что она была очень расстроена, когда мы вышли от Джулии Маниго. Я бы его не впустила, но, видимо, у него есть ключ. – Я в упор посмотрела на мать: – О чем ты думала, давая ему ключ?

Та изобразила невинность.

– Его дочь живет здесь, со мной. Я подумала, что будет лучше, если он сможет приходить и уходить, когда пожелает, – сказала она и, распушив низ платья, добавила: – У Боба Эллиса в витрине было несколько пар симпатичных туфель, но ты можешь выбрать их самостоятельно. Сейчас там выставлены туфли от Энн Рот... помнишь, я купила себе пару, из гобелена, и они тебе очень понравились. В любом случае, к тому моменту ко мне присоединились Софи и Нола. Сомневаюсь, что «биркенстоки» хоть раз переступали тот порог. Я не хотела никого расстраивать.

Повернувшись к шкафу, она снова опустила пластиковый чехол на платье.

– Давай примерь. Это твой размер. Я знаю, оно будет смотреться на тебе потрясающе, но на всякий случай сохранила чек. Вдруг ты захочешь его вернуть и купить взамен что-то безликое и невыразительное, как дебютантка на балу святой Цецилии.

С этими словами она поцеловала меня в щеку и пожелала спокойной ночи. Я нахмурилась. Мне никак не удавалось выбросить из головы образ Джека, то, как он видит меня в этом красном платье. Что еще обидней, эта мысль почему-то испугала меня не так сильно, как следовало бы.

* * *

Когда Джек привез Нолу домой, я была на кухне – прежде чем лечь спать, я наливала себе чашку какао и доедала коробку пончиков. Когда

Джек, чтобы вынудить Джулию Маниго уйти, сказал днем, что пригласил Нолу на ужин, скажу честно, я не поверила, что это действительно произойдет. Думаю, тот факт, что Джек доблестно встал на ее защиту перед толпой народа, помог Ноле растопить лед своей неприязни к нему и даже согласиться провести время в его обществе.

Я выглянула из кухни. И надо сказать, вовремя. Я увидела, как Нола с недовольным лицом топает вверх по лестнице, а Джек стоит внизу, хмуро на нее глядя.

– Спокойной ночи, Нола! – крикнул он ей.

В ответ она хлопнула дверью.

– Значит, ужин прошел хорошо, – сказала я, прислонившись к дверному косяку и делая глоток какао.

Наконец он заметил меня.

– В любом случае, это лучше, чем острой палкой в глаз. – Он заметил мою кружку: – Что ты пьешь?

– Горячее какао. – Я мотнула головой в сторону кухни: – Если хочешь, сделаю и тебе.

– Ты же знаешь, что сейчас лето, верно? – спросил он, следуя за мной на кухню.

– Да, но для горячего какао подходит любое время года.

– Я говорил о том, что на тебе надето.

Я наполнила чайник и поставила его на плиту.

– Мы починили кондиционер, поэтому моя мать считает, что ей нужно наверстать упущенное, и она поворачивает ручку до минусовых температур.

– Лично мне в самый раз.

Я положила в большую кружку четыре чайные ложки какао, но, вспомнив, что это не для меня, вернула две чайные ложки обратно в контейнер.

– А я мерзлячка, – сказала я, облизывая ложку, и лишь потом вспомнила, что какао нужно размешать в воде.

– Я уже слышал это раньше, – сказал он с невинной улыбочкой. Я бросила ложку в раковину и вынула из ящика чистую.

Подождав, когда чайник засвистит, я добавила в кружку кипяток и передала ее Джеку вместе с ложкой.

– Не обожгись.

– Это я тоже слышал, – тихо сказал он, дуя на свою кружку.

Чувствуя, что мне нужно промыть горло, я сделала долгий глоток какао.

– И куда же вы ходили на ужин?

– В «Крю Кафе». Я давно туда не заглядывал, но подумал, что Ноле там может понравиться. У них отличная кухня и классная атмосфера.

– Да, но есть ли у них веганское меню?

Джек откинулся на спинку стула и постучал кончиками пальцев по кружке.

– Не совсем. Но они были очень любезны и придумали блюдо из пасты и ризотто, которое, похоже, понравилось Ноле. Она даже заказала десерт, что меня удивило.

– Хорошо. То есть сам по себе ужин нельзя назвать катастрофой.

– Нет. Еда была отличной, и мне показалось, что мы наконец нашли общий язык. Мы старались не касаться болезненных тем – вроде ее матери и почему она росла без меня. Мы говорили о ее любимых рок-группах, о различии между Калифорнией и Южной Каролиной, о летающих тараканах. – Джек сверкнул своей коронной улыбкой. – И других не менее важных вещах.

– Тогда почему она вернулась домой такая злющая?

– Потому что, когда мы с ней стояли на крыльце, я допустил ошибку. Я сказал ей, что, как мне кажется, ее мать хотела, чтобы она развивала свои музыкальные дарования. – Джек пожал плечами: – У девчонки явный талант – мы все ее слышали, так что я не единственный, кто так думает. Сегодня вечером она сказала мне кое-что такое, что многое объясняет. Почему всякий раз, когда кто-то пытается сказать ей, что у нее талант к музыке, она убегает.

Обхватив ладонями остывающую кружку, я подалась вперед:

– Она говорит, это потому, что она ненавидит музыку, но на самом деле она без нее не может... если не поет сама, то слушает. Когда она думает, что меня нет рядом, она включает станцию, которая передает классическую музыку. Но при этом она наотрез отказывается взять в руки гитару своей матери. Я не слышала, чтобы она взяла на ней хотя бы один аккорд.

– Меня это не удивляет. Я уже понял это сегодня вечером. По словам Ноле, музыка заставляет ее чувствовать себя этакой уродливой сводной сестрой. Это все, что она сказала по этому поводу, но такие слова говорят о многом. Мне кажется, Нола считала музыку любимым

ребенком своей матери. Это было единственное, ради чего Бонни пожертвовала всем – включая родную дочь. Нола ее не подвела, подвела ее музыка. Бонни всегда мечтала ехать в машине и слушать по радио свою песню. Похоже, что после стольких лет попыток она наконец сдалась, решила, что музыка предала ее. И тогда она покончила с собой. Нола уверена, что не смогла удержать мать от этого шага. Что без музыки Бонни не видела ничего, ради чего стоило бы жить.

Я долго смотрела на Джека. Тот осушил содержимое своей кружки и отодвинул ее на середину стола.

– Не ожидала этого от тебя.

Он с опаской посмотрел на меня:

– Чего именно?

– Такой проницательности. Для мужчины это просто верх чутья.

Наши взгляды встретились, и мне стало немного не по себе.

– Я уже говорил это раньше, Мелли, но думаю, это стоит повторить. Ты многого обо мне не знаешь.

Я машинально задержала ногой – эта нервная привычка у меня с детства. Чтобы Джек этого не заметил, я быстро встала и взяла обе кружки.

– Пожалуй, ты прав. Очевидно, на решение Бонни сильно повлияли наркотики и алкоголь, но ведь Ноле только тринадцать. Учитывая ее возраст и то, какой жизнью она жила, неудивительно, что она пришла к такому выводу. – Я поставила кружки в раковину. – Так что же нам теперь делать?

– Нам?

Я задумалась. Интересно, как так получилось, что я произнесла это слово. И почему это произошло так естественно? Я сказала себе, что, должно быть, это потому, что Нола мне нравится и я не готова позволить ей начать самостоятельную жизнь. Но даже я не была настолько искусна во лжи самой себе, чтобы считать это единственной причиной. Приклеив на лицо бодрую улыбку, я повернулась и, прислонившись к кухонному столу, сложила на груди руки.

– Джек, у тебя есть дочь-подросток. В недалеком будущем она станет встречаться с парнями. Такими, каким ты сам был когда-то. Ты считаешь, что справишься с этим в одиночку?

Его лицо мигом стало серьезным.

– Думаю, в Ирландии есть монастыри, куда я мог бы отправить ее, пока она не будет готова к свиданиям. В возрасте этак лет тридцати или около того.

Я подумала о чем-то другом, и моя улыбка дрогнула.

– Если, конечно, Ребекка не захочет вмешаться.

Джек откинулся на спинку стула и фыркнул:

– Как ты думаешь, кто подкинул мне идею монастыря?

Я кивнула, поняв, что он имеет в виду.

– Итак, – повторила я, – что нам теперь делать?

Джек встал. Лицо его было задумчивым.

– Я составлю график занятий с мисс Маниго. Но первые несколько раз, по крайней мере пока Ноле не станет там комфортно, я был бы крайне признателен, если ты или твоя мать сопровождали ее на эти уроки. Когда ты рядом, она чувствует себя увереннее, и я подумал, что это поможет ей преодолеть неловкость.

– То есть Нола согласилась брать уроки? – Я знала, что Джек способен убедить кого угодно, но в том, что касалось дочери, он, похоже, наткнулся на непробиваемую стену.

– Не совсем. Но она согласилась пойти один раз, чтобы доказать мисс Маниго, что она не ленива. Я найду способ убедить ее продолжить эти занятия.

Он шагнул было ко мне, но я тут же сложила на груди руки.

– Я готова вернуться туда, тем более что Джулия просила меня сопровождать Нолу. Она знала, кто я такая, что я вижу призраков. Похоже, она хочет, чтобы я помогла ей прогнать духов, которые населяют кукольный домик, да и ее дом тоже. Я видела одного из них оба раза, когда была там, и он не был белым и пушистым.

Джек остановился передо мной, глядя на мои сложенные на груди руки.

– Да, я тоже подумал, что ее сюда привело не только желание давать Ноле уроки музыки. А то, как она говорила про игрушечную фигурку, которая была похожа на ее брата Уильяма! Я сразу понял: она что-то недоговаривает. Поэтому я первым делом пошел к Ивонне и провел небольшое расследование.

Ивонна Крейг работала в библиотеке Исторического общества Южной Каролины и была для нас с Джеком неистощимым кладезем сведений из исторических архивов как о моем доме на Трэдд-стрит, так

и о доме моей матери. Ей было по меньшей мере восемьдесят лет, но она выглядела лет на двадцать моложе. И, конечно же, была влюблена в Джека.

Настала моя очередь недоуменно поднять бровь:

– И что ты нашел?

– То, что ее брат Уильям Маниго исчез из всех официальных бумаг в 1938 году, когда – совпадение или нет – Маниго продали кукольный домик. В том же году мать Джулии, Анну Маниго, поместили в приют для душевнобольных. Год спустя она умерла.

– Но, как ты сам не раз повторял, совпадений не бывает, – сказала я.

– Точно. – Он протянул ко мне руку.

Я затаила дыхание и подождала, но лишь почувствовала, как его пальцы стряхнули что-то с моего подбородка.

– Сахарная пудра, – сказал он, опуская руку.

Смутившись, я попыталась придумать остроумное объяснение, но меня прервал грохот орущего на всю мощь радио. Мы оба тотчас вышли из кухни и застыли на месте, пытаюсь понять, что предстало нашим взглядам. Кружась словно снежинки, на пол фойе сверху падали листы с нотами, устилая ковровое покрытие, словно лепестки роз.

– Что за?.. – начал было Джек, но в следующий миг дверь наверху с грохотом распахнулась, и песня «Я только начинаю» зазвучала еще громче.

– Мелли! – взвизгнула Нола и застыла наверху лестницы с гитарой Бонни в руках. Все до одной струны на инструменте лопнули и скрутились в спирали над лакированным корпусом гитары.

Что-то со свистом пролетело мимо моего лица и ударило Джека по руке.

Чертыхнувшись, он наклонился, чтобы подобрать с пола загадочное нечто, ударившее его. Наши глаза встретились над фигуркой игрушечного Уильяма Маниго.

– Нет, – сказал Джек. – Совпадений не бывает.

Я посмотрел вверх, на побледневшую Нолу. Мимо ее лица проплывал еще один нотный лист. Я поставила ногу на первую ступеньку лестницы. В ноздри мне ударил резкий запах тлеющего

ковра, и я тотчас посмотрела вниз. На нем были выжжены слова «останови ее». Края ковровой дорожки все еще тлели.

Охваченная тревогой, я посмотрела на Джека:

– Вероятно, это единственный раз, когда ты от меня это услышишь, но, пожалуй, ты прав.

Глава 16

Припарковавшись на Куин-стрит, я изучила в зеркале заднего вида свое лицо. Я согласилась поужинать с Марком в «Хаске» и хотела убедиться, что выгляжу правильно: не слишком сексуально, не слишком заинтересованно. Просто ужин двух старых друзей, если нас можно так назвать. Днем Марк оставил сообщение Шарлин – мол, он заказал столик на семь часов и хочет сказать мне кое-что важное. Я пыталась дозвониться до него, чтобы узнать больше, но его секретарша ответила, что у него весь день какие-то встречи, так что связаться с ним не получится. Оставив ответное сообщение, пообещав быть в указанное время на месте, я затем провела два часа перед платяным шкафом, пытаясь найти правильный наряд, в котором бы я выглядела такой же нейтральной, как Швейцария.

Заперев дверь машины, я попыталась стереть с заднего окна жирные следы пальцев, оставленные ребенком одного из клиентов. Я сделала мысленную отметку, что должна провести генеральную уборку машины – не только удалить все пятна на стекле, но и стряхнуть с ковриков ломтики картофеля фри и стереть с кожаной обивки липкие потеки из картонок с соком. Это было частью работы, а так как клиенты приобрели хороший дом на Ратледж-стрит, я позволила себе временно закрыть глаза на пятна сахарной пудры на сиденьях и грязные двери.

Я тотчас узнала фигуру Марка, шагавшую прямо ко мне по тротуару. И он, и я явились на встречу чуть раньше назначенного времени. Мы обнялись и поцеловали друг друга в щеку, и он отстранил меня на расстояние вытянутой руки. Я ждала, что он скажет.

– Ты, как всегда, прекрасна, Мелани, но сегодня вечером – особенно.

Я покраснела, мучаясь про себя вопросом, не слишком ли сексуально смотрится на мне облегающее платье от «Дианы фон Фюрстенберг»... и, может, мне стоило надеть под него комбинацию, чтобы декольте не выглядело чересчур... откровенным.

– Спасибо, Марк. И ты, как всегда, красив и галантен.

Мы стояли, улыбаясь друг другу во взаимном восхищении, пока Марк не оглянулся и не посмотрел хмуро на мою машину.

– Зря ты не позволила заехать за тобой.

– Знаю, но у меня была поздняя встреча, и я не знала, успею ли сначала заехать домой, – соврала я. Не могу сказать, почему я решила воспользоваться собственным транспортным средством. Точно я знала только одно: отчаяние и одиночество не лучшее сочетание, когда вы ужинаете с мужчиной, который вам даже не нравится.

Марк предложил мне руку. Я взяла ее, и он повел меня к ресторану. Здание представляло собой отреставрированный двойной дом с фонтаном и небольшим благоухающим садом. Пока мы поднимались по ступенькам парадного крыльца, я заметила женщину в старинном костюме середины девятнадцатого века с ребенком на руках. Она смотрела на меня так, словно хотела что-то спросить.

– Обожаю костюмированных актеров, – сказала я, повернувшись к Марку.

Он странно посмотрел на меня. Я оглянулась на женщину. Теперь она шла прямо ко мне и была достаточно близко, чтобы я смогла разглядеть сквозь нее фонтан на внутреннем дворике. Я по привычке быстро отвернулась и, напевая Take a Chance on Me моего любимого шведского квартета, вошла в парадную дверь. Марк снова недоуменно посмотрел на меня.

Метрдотель приветствовал Марка по имени и проводил нас к уютному столику на двоих у окна с видом на Куин-стрит. Несмотря на старинный фасад дома, его интерьер был выполнен в спокойном современном стиле – неброские голубые стены и длинные, до пола, шторы в ярких, похожих на цветы, пятнах. В ресторане было многолюдно. Приглушенный гул голосов создавал успокаивающий фон звяканью вилок о черные сковородки и звону бокалов.

Я остановилась перед нашим столиком, где в ведерке со льдом охлаждалась бутылка шампанского, а рядом в почетном карауле застыли два высоких бокала. Внезапно мой взгляд упал на коробочку с кольцом. Меня тотчас охватила паника. Сколь безумным ни был мой вывод, я не смогла придумать ни одной другой причины, почему Марку понадобилось приглашать меня сюда на ужин. Кроме того, мне еще ни разу не делали предложения, так что опыта у меня не было.

– Мелли? Мэтт? Это ты?

Мы оба тотчас оглянулись на соседний столик на двоих у бокового окна. Джек уже поднимался с места. Ребекка – вылитая кукла Барби, в розовом сарафане с бантиком на одной бретельке, – явно была не в восторге, увидев нас здесь. Мне тотчас вспомнились слова Софи по поводу моего собственного лица, когда я вижу Джека с Ребеккой, и я попыталась придать ему нейтральное выражение. Джек протянул Марку руку:

– Как же приятно видеть здесь вас обоих, не так ли, Ребекка?

Ребекка кивнула, правда, без особого энтузиазма. Она тоже встала. Я не была уверена, обнимет ли она меня – что она все же сделала, включая поцелуй в обе щеки. А может, лишь для того, чтобы продемонстрировать очаровательные розовые льняные босоножки на платформе.

– Привет, кухня, – сказала она, проследив за моим взглядом. – Правда, классные? Из летней коллекции Энн Рот. Я купила их у Боба Эллиса.

– Моя мать советовала мне зайти в его магазин. И, похоже, я это сделаю.

Ребекка странно посмотрела на меня, как будто что-то вспомнила.

– Что такое? – спросила я.

– Ничего. Просто ты упомянула мать, и я тотчас вспомнила сон, который мне недавно приснился.

Я насторожилась. Ребекка унаследовала дар пророческих снов. Но, как и при общении с призраками, ее видениям, как правило, не хватало ясности. Скорее они напоминали беспорядочно разбросанные фрагменты мозаики.

– О моей матери?

– Да, – с улыбкой ответила Ребекка. – Она держала ребенка. Конечно, ребенок может означать что угодно – например, начало чего-то нового для нее. Или даже ее отношения с тобой, ее единственным ребенком. Очевидно, что твоя мать прошла менопаузу, так что вряд ли сон имеет буквальное толкование, хотя существуют некие научные открытия, которые позволяют это сделать.

Я подняла руку:

– Довольно, спасибо. Я ей передам. Надеюсь, она поймет, о чем это.

Мы повернулись к мужчинам. Те ждали со сдержанным нетерпением. Я заметила, что и Джек, и Ребекка искоса поглядывали на шампанское и бокалы. Марк тоже это заметил и отступил, чтобы им было лучше видно.

– Да, мы с Мелани собираемся отпраздновать некоторые весьма интересные новости.

Он больше ничего не прибавил, и Ребекка с Джеком повернулись ко мне. Я пожала плечами:

– Боюсь, я тоже в неведении.

– Я бы пригласил вас обоих принять участие в нашем торжестве, – продолжил Марк, – но у нас есть место только для двоих, а сегодня вечером здесь полный зал.

Но Джек уже повернулся и, не обращая внимания на недовольного метрдотеля и косые взгляды других посетителей и Марка, начал подтаскивать их столик к нашему.

– Проблема решена, – сказал он, поправляя ножи и вилки, после чего принес стулья.

Появился наш официант и попытался за улыбкой скрыть раздражение оттого, что был вынужден по узкому проходу добираться до нас.

– Еще два бокала для шампанского? – спросил он.

– Безусловно, – сказал Марк. Тон его голоса и выражение лица намекали на то, что он едва сдерживает раздражение, а также на нечто такое, что напомнило мне тлеющий огонь, который мог вспыхнуть при малейшем дуновении ветра.

– И бутылку игристого яблочного сидра для меня, пожалуйста, – сказал Джек официанту.

Марк выдвинул стул, чтобы Ребекка села, и сам сел с ней рядом, оставив нас с Джеком на противоположной стороне. Причем я сидела напротив Марка. Мы продолжили безобидный, ни к чему не обязывающий разговор, а вот взгляды всех четверых говорили о многом. Внимание Ребекки было поделено почти поровну между Марком и Джеком, в то время как я предпочла сосредоточиться на изучении меню. Я жутко проголодалась и не видела причин втягивать себя в подводное течение всего, что происходило между Джеком и Марком. Или Ребеккой и Джеком. Или Марком и Ребеккой. Это было

утомительно, мне же срочно нужно было поесть, прежде чем я выпью хотя бы бокал шампанского.

Мы заказали салаты и местных устриц. Между тем еще с двумя бокалами и сидром для Джека появился сомелье.

– Итак, что мы празднуем сегодня вечером? – спросил Джек, но его веселый вопрос прозвучал как-то резко и неприветливо. Он покосился на мой левый безымянный палец, а потом посмотрел мне в глаза, как мне показалось, с... облегчением?

– Да, мне не терпелось узнать это с того момента, как я увидела бутылку шампанского, – прошебетала Ребекка, поворачиваясь к Марку, и хлопнула длинными ресницами над голубыми глазами. Меня так и подмывало сказать ей, что она больше похожа на говорящую куклу, чем на соблазнительную красотку, которую наверняка из себя изображала. Я почти ожидала, что она скажет: «Измени мне».

Мы сидели с бокалами в руках – и с непроницаемыми лицами.

– Выпьем за мою книгу, – сказал Марк, поднимая свой бокал. – Она выйдет в свет в декабре, и издатель намерен продвигать ее во всех магазинах в рамках большой рождественской распродажи. Тираж разошелся на редкость успешно, предварительные заказы превзошли мои ожидания. Пока мне ничего не обещают, но мой издатель говорит, что, по его прикидкам, книга войдет в десятку бестселлеров во всех основных рейтингах. И... – Он выразительно умолк, чтобы подчеркнуть важность фразы. – Компания Sony Pictures только что приобрела права на фильм, и они уже ведут переговоры с Беном Аффлеком, чтобы тот сыграл главную роль.

Ребекка, Марк и я сделали по большому глотку, а вот Джек, как я заметила, лишь сделал вид, будто подносит бокал к губам. Ребекка поставила свой бокал и хлопнула в ладоши:

– Расскажите подробнее! Я уверена, что смогу пробить эту новость на первой полосе в газете, поскольку вы местный автор. Я, как фрилансер, до сих пор сотрудничаю с журналом «Чарльстон». Думаю, можно предложить им интервью. Посмотрим, что они скажут.

– Да, – медленно проговорил Джек. – Расскажи подробнее. Мы все стораем от любопытства. – Он насупил брови. – Мне казалось, ты публикуешь свою книгу исключительно для узкого круга друзей и родственников.

Марк был готов испепелить его взглядом.

– Вообще-то, книга выходит в Нью-Йорке, в издательстве Bigglesmann House. Это одно из крупнейших в стране.

Я удивленно повернулась к Джеку:

– Это ведь и твой издатель, верно?

– Да, – коротко ответил он, прежде чем осушить бокал с сидром. От меня не скрылось, как он смотрит на бутылку шампанского, стоявшую от него всего на расстоянии вытянутой руки. – И мой тоже.

– Какое совпадение, – сказал Марк. По его улыбке было понятно, что он долго ждал этой минуты, чтобы сбросить эту бомбу на Джека. – В редакции продемонстрировали готовность к сотрудничеству и полны энтузиазма. Там даже поговаривают о новых книгах, хотя эта еще не попала на полки магазинов.

– Это надо же! – сказал Джек. – Я не знал, что у книжек с картинками такой огромный рынок.

– Вообще-то, это научно-популярная литература для взрослых, – медленно произнес Марк, разжевывая каждое слово, как будто разговаривал с маленьким ребенком. – Но мой издатель просил меня не слишком об этом распространяться, поэтому, боюсь, больше я ничего не смогу сказать.

Не дожидаясь сомелье, Джек вновь наполнил бокал сидром и залпом выпил его, словно виски.

– Какая жалость, – сказал он. – Ведь мне так хотелось услышать до конца все до единой подробности!

Мы с Ребеккой как по команде посмотрели на Джека. Это было некрасиво, даже для него. Я не стала напоминать ему, что именно он сдвинул столы, чтобы присоединиться к нам.

Марк оставался внешне невозмутимым.

– А когда выйдет ваша следующая книга, Джек? Может, нам стоит устроить двойное торжество или что-то в этом роде, если она выйдет примерно в то же время, что и моя.

Когда подошел официант, Джек посмотрел на него так, как тонуший человек смотрит на песчаную отмель:

– Замечательно. Я проголодался. Все готовы сделать заказ? – Он бегло оглядел сидящих за столом. – Тогда ладно. Принесите еще одну бутылку вашего лучшего игристого напитка и еще один сидр для меня. И, пожалуйста, запишите все это на счет мистера Лонго, так как он сейчас крупный автор.

Марк выразительно посмотрел на него и прочистил горло:

– Я сам собирался это предложить. В конце концов, ведь это мой праздник. – Он вновь поднял бокал и, отсалютовав Джеку, поднес его к губам. Его глаза были похожи на глаза кошки, которая съела сливки, а заодно и миску.

* * *

К тому моменту, когда я вернулась в дом матери, я была морально истощена. Передние фонари у входа еще горели, даря ощущение домашнего тепла. Их свет как будто говорил о том, что кто-то заботится обо мне. Это будет одна из немногих вещей, по которым я буду скучать, когда вернусь в свой дом на Трэдд- стрит.

Тихонько задвинув на входной двери засов и включив сигнализацию, я повернулась к лестнице.

– Мелани?

Я вздрогнула. Голос отца прозвучал из гостиной, и я направилась туда. Комната была залита лунным светом. Проникая сквозь витраж, тот отбрасывал на пол и стены разноцветные пятна. Я скорее почувствовала, нежели увидела громоздкую тень кукольного домика в дальнем углу комнаты, куда не проникал свет.

– Папа? Почему ты сидишь здесь в темноте?

– Я не хотел, чтобы твоя мама знала, что я все еще здесь. Она бы захотела составить мне компанию и накормить меня. Не то чтобы мне это не нравилось, но просто мне нужно поговорить с тобой.

Я постаралась не думать о том, что он имел в виду под «все еще здесь», и решительно перешла к следующей теме.

– О чем?.. – спросила я, опускаясь на диван рядом с ним.

– С этим кукольным домиком что-то не так.

Я едва не усмехнулась, но заставила себе сдержаться и подождать, что он скажет дальше. Пока мой отец сам не увидел призрак моего гессенского солдата, он в лучшем случае пренебрежительно относился к экстрасенсорному дару – моему и моей матери. И хотя он больше не кривил в усмешке губ, ему все еще стоило немалых усилий признать, что есть нечто такое, что мы с матерью видим, а он – нет. Когда он больше ничего не добавил, я спросила:

– Что ты имеешь в виду?

Отец ответил не сразу:

– Пока я сидел здесь и ждал тебя, я готов поклясться, что услышал... дыхание. Я даже думал, что в комнате кто-то есть. Я включил лампу, чтобы посмотреть, и вот что я нашел. – Наклонившись, он включил лампу рядом с диваном. Ее свет упал на кофейный столик, на котором лицом вверх лежали фигурки мальчика и собаки. Их холодные глаза смотрели в потолок. Голова мальчика была повернута под странным углом, череп собаки треснул пополам.

– А где были другие фигурки? – тихо спросила я.

Отец пристально посмотрел на меня:

– Столпились перед окном башни.

Я негромко ахнула. Похоже, отец услышал меня. Он тотчас протянул руку и выключил свет.

– Ты знаешь, что здесь происходит? – спросил он.

– Нет. Во всяком случае, пока. Мы с Джеком пытаемся это выяснить.

Отец пару секунд молчал.

– Как-то мне все это не нравится... сгоревшая дорожка на лестнице, поцарапанные стены. И не только потому, что мне потом все это чинить. Просто... в общем, будь осторожна, хорошо? – Его голос сорвался на хрип. – Мне страшно думать, что вы вдвоем боретесь с чем-то таким, что неподвластно мне. Это... нехорошо.

Я взяла его руку:

– Пап, мы с мамой справимся. Вместе у нас это хорошо получается.

– И о чем ты только думала, когда поставила эту штуку в комнату Нолы? Она такая юная и беспомощная. Как, по-твоему, она защитит себя...

– Не такая она и беспомощная, – возразила я. Почему-то мои теплые чувства к нему начали немного остывать. – Ты же знаешь, мы позаботимся о ней.

– Знаю, – сказал отец, поглаживая мою руку. – Только у нее нет матери, а тут еще Джек... – Он не договорил.

Джек? Ведь он сказал, что ждал меня, когда услышал из кукольного домика какой-то звук.

– Ты ведь ждал меня не за тем, чтобы поговорить о кукольном домике?

Отец покачал головой:

– Нет. Я хотел поговорить с тобой о чем-то большем... личном.

– Вот оно что! – Его слова застали меня врасплох. За последние два года наши отношения продвинулись вперед, но не до такой степени, чтобы поздно ночью делиться сокровенными мыслями. Я очень надеялась, что дело не в моей матери. Или что у меня будет маленький брат или сестра. – О чем?

– О Джеке.

– О! – снова с удивлением воскликнула я. – А что с ним не так?

– Он позвонил мне около часа назад... он все еще был в ресторане с тобой. Сказал, что хочет выпить.

Я затаила дыхание. В свое время Джек уговорил моего отца вступить в ряды анонимных алкоголиков. Лично я не была готова к такой смене ролей. Я вспомнила, как Джек встал из-за стола, чтобы позвонить, но такого я просто не ожидала.

– Что ты ему сказал?

– Что приеду за ним, но он отказался. Ему просто хотелось поговорить, что мы и сделали. После этого ему стало лучше, и он пообещал, что, если у него вновь возникнет желание выпить, то обязательно позвонит мне, даже если разбудит среди ночи. Но мне кажется... – Он опять что-то недоговаривал.

– Что тебе кажется? – подсказала я.

– Что поговорить с ним должна ты. Я не знаю, что там между вами, но вы тащите это за собой, как кандалы. Есть и другие вещи – например, что-то явно не ладится в его карьере. Но я думаю, что он справится, если бы вы с ним... – Он вновь умолк.

Я опасалась, что он скажет что-то вроде «спали вместе», и поэтому поспешила пообещать:

– Хорошо, я поговорю с ним. Я и сама давно собиралась это сделать. Просто не подворачивался подходящий случай. Но я поговорю.

Отец выпрямил спину.

– Только не откладывай это в долгий ящик, хорошо?

Я кивнула:

– Разумеется. Обещаю.

– Отлично. – В его голосе прозвучало облегчение. Он похлопал меня по коленке: – Уже поздно. Ступай лучше спать. А я еще посижу здесь какое-то время. Хочу проследить за этим... кукольным домиком.

А заодно склею этих кукол, прежде чем Нола обнаружит, что они сломаны.

– Не надо, папа. Я склею их сама.

– Знаю. Просто старику приятно, когда от него есть польза.

Я фыркнула:

– Какой же ты старик? А еще ты воссоздал красивый сад в моем доме. Разве это не польза?

Отец молчал. Я знала: мы оба думаем обо всех потерянных годах моего детства.

– Что ты хочешь на свой день рождения? – наконец спросил он.

Джека. Это первое, что пришло мне в голову, но я не стала говорить это вслух.

– У меня есть все, что мне нужно, – ответила я вместо этого.

Даже в темноте я чувствовала на себе его взгляд.

– Ну что ж, надеюсь, ты получишь все, что хочешь.

Я наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Спокойной ночи, папа.

– Спокойной ночи, Мелани.

Оставив его сидеть на диване, я направилась к лестнице. Я не знала, что скажу Джеку. А еще, поднимаясь по ступенькам, я чувствовала на себе не только отцовский взгляд.

Глава 17

Прыгая то на одной ноге, то на другой, я надела туфли и поспешила из спальни, чтобы забрать Нолу и мать. Мы втроем собрались к Джулии Маниго на первый урок музыки. Мы называли его между собой уроком фортепиано/вокала, пока Джулия или Нола не решили, на чем сосредоточиться в первую очередь. Остановившись у открытой двери Нолы, я подняла руку, чтобы постучать в дверную раму, когда изнутри донеслись приглушенные звуки разговора. Я сунула голову в дверной проем, чтобы привлечь ее внимание и указать на часы – мол, смотри, мы рискуем прийти вовремя, а не заранее, как то было в моих привычках.

Нола сидела на полу спиной ко мне. Перед ней стоял открытый рюкзак, а все его содержимое, включая ноты ее матери, было разбросано вокруг нее. К ее уху был прижат новенький айфон, пришедший на смену дешевенькой «раскладушке» как часть сделки, которую она заключила с Джеком в обмен на согласие попробовать уроки музыки. Они что-то очень тихо говорила в трубку. Предположив, что это Олстон, и не желая подслушивать, я тихо попятилась от двери, но мгновенно застыла на месте, услышав, как Нола всхлипнула.

– Я же сказала, она ни над чем не работала. Я бы знала. – Она покачала головой: – Да, возможно, когда я днем была в школе, но она вряд ли стала бы скрывать это от меня. Она всегда делилась со мной тем, над чем работала, потому что... – Нола всхлипнула, – потому что, по ее словам, у меня хороший слух.

Она умолкла, слушая собеседника на другом конце линии.

– Я же сказала, я все обыскала и ничего не нашла. Я обещаю позвонить, если найду. И ты пока... – Она потерла глаз тыльной стороной ладони. – Дай мне знать, что ты узнаешь о Джимми Гордоне? Кто-то должен рассказать миру, что он ходячий фейк.

Возникла еще одна короткая пауза, а потом она попрощалась.

Я почти скрылась из ее поля зрения, когда сидевший на ее кровати плюшевый мишка внезапно пролетел через всю комнату и упал у моих ног. Нола тотчас повернула голову и заметила в дверном проеме меня. Я наклонилась, чтобы поднять медведя и хотя бы пару секунд не

смотреть ей в глаза, пока я судорожно пыталась найти оправдание факту подслушивания. С другой стороны, как исполняющая обязанности родителя разве я не имею права знать?

Я посмотрела на облезлого плюшевого мишку в футболке с нашитыми вручную цифрами, одновременно пытаюсь увидеть периферийным зрением, в комнате ли Бонни, и недоумевая, почему она швырнула в меня медведя. Мне показалось, что кто-то напевает приятную мелодию, но, когда я повернула голову, пение прекратилось.

Нола встала, вытерла руками лицо и посмотрела на меня.

– Некрасиво подслушивать разговоры других людей, – сказала она.

– Ты права, извини. Просто я услышала, как ты плачешь, и меня это обеспокоило. Кто это был?

Сначала я подумала, что она мне не скажет. Однако Нола прикусила нижнюю губу и нехотя сказала:

– Рик Чейз. Последний парень моей мамы. Хотел узнать, где я и как у меня дела.

– Как он узнал номер твоего телефона? – осторожно поинтересовалась я.

Вместо ответа Нола устроила целое шоу – долго выуживала из-под кровати ботинки, а затем еще столько же времени рассматривала шнурки.

– Вообще-то, это я позвонила ему. Он нашел меня в Фейсбуке и отправил мне сообщение.

Я вопросительно подняла брови. На данный момент у Нолы не было компьютера, а Фейсбук не входил в число приложений, которые Джек разрешил ей установить на телефоне. Он регулярно это проверял.

– Олстон разрешила мне создать учетную запись с ее ноутбука.

– Без надлежащих настроек безопасности, раз он смог найти тебя и отправить тебе сообщение.

Она хмуро посмотрела на меня из-под насупленных бровей:

– Я не дура набитая. Я не стала бы отвечать незнакомому человеку. Но я его знаю, и он оставил свой номер телефона, чтобы я могла ему позвонить.

У меня слегка отлегло от души. Тем не менее мне придется сказать Джеку, чтобы он установил параметры для Нолы, чтобы ограничить доступ к социальным сетям. Знай я, как это делается, я бы наверняка

выяснила, нет ли у нее аккаунта и в Твиттере. Ладно, разберемся с этим позже.

– Что там с Джимми Гордоном? – тихо спросила я.

Она смерила меня недобрим взглядом. Лицо ее было перекошено яростью.

– ЗССД. Может, мы закончим этот разговор и отправимся на дурацкий урок музыки?

Она прошла мимо меня. Мне было слышно, как ее ботинки топают вниз по лестнице. Я же стояла, ломая голову, что такое ЗССД.

Когда мы с матерью вышли из дома, Нола ждала у моей машины. Я посмотрела на ее ноги.

– Это меньше мили, поэтому мы пойдем пешком, потому что еще не жарко. Мы подождем, если ты захочешь сменить обувь.

Она посмотрела на меня, как будто я выжила из ума:

– Пешком?

– Да. Ты же знаешь, как это делается: ставишь одну ногу перед другой, потом делаешь это снова и снова. Это называется «пешком». Своим ходом. На своих двоих. Мне казалось, ты делаешь это с тех пор, как научилась ходить. – Я была готова одобрительно похлопать себя по спине. Мне, конечно, далеко до Нолы по части сарказма, но в целом получилось неплохо.

– В Лос-Анджелесе никто не ходит пешком. Это просто... отстой.

Я зашагала по тротуару.

– Мы не в Лос-Анджелесе, поэтому мы ходим пешком. Это займет меньше пятнадцати минут, но, если ты будешь и дальше тянуть резину, тебе придется догонять нас трусцой.

– Пойдем, – моя мать протянула Ноле руку. – По дороге ты сможешь полюбоваться домами и палисадниками.

– Это ж надо! Не могу дождаться. – Нола нехотя позволила моей матери оторвать ее от моей машины. Сокрушенно вздохнув и по привычке закатив глаза, она зашагала рядом с ней. – Кстати, к вашему сведению, я пошла в девять месяцев. Не то чтобы я сама это помню, но так сказала мне мама.

Я искоса наблюдала за Нолой. Интересно, поняла ли она, что только что поделилась воспоминанием о матери и их общем прошлом без намека на враждебность или обиду. Возможно, Нола прожила в Чарльстоне уже достаточно долго и потому начала воспринимать свою

прежнюю жизнь сквозь всепрощающий фильтр времени. Или же был в ее жизни с Бонни период, когда все было не так уж и плохо.

– Похоже, ты развивалась очень быстро, – сказала моя мать, осторожно перешагивая через трещину в тротуаре.

– Вся в отца, – пробормотала я себе под нос, в ответ на что моя мать ткнула меня в спину.

– Мелли тоже, – добавила она. – В два года она уже говорила полными, связными предложениями. Ее отец считает, это потому, что она была обласкана вниманием обоих родителей, которые никогда не сюсюкали с ней как с малым ребенком. Мне же кажется, это потому, что даже тогда она знала, чего хочет в жизни, и желала, чтобы все тоже об этом знали.

Я посмотрела на мать, слишком удивленная, чтобы обидеться на нее. Я мало что знала о своем раннем детстве. После того как она ушла, мой отец не был склонен к сентиментальным воспоминаниям, поэтому мои самые ранние воспоминания были обо мне как о ребенке без матери. Мое появление в этом мире и мои первые шаги и слова в нем были частью канувшего в небытие прошлого.

Я впиалась глазами в тротуар перед собой, стараясь ставить каждую ногу впереди другой. Я обязательно расскажу Джеку о том, что Нола пошла в девять месяцев, потому что ему положено это знать. Потому что, когда она подрастет, ей будет приятно знать, что кто-то это запомнил и при случае может рассказать другим.

– Что это за звук? – спросил Нола.

Я остановилась, пытаюсь понять, что она имела в виду.

– Какой звук?

– Как будто звонят колокола или что-то в этом роде.

Я живу в Чарльстоне достаточно долго и потому не обращала внимания на колокола многочисленных церквей, которые звонили по всему городу через каждые пятнадцать минут.

– Это колокола... церковные колокола. У нас так много церквей, что Чарльстон называют Святым городом.

Ее ботинки гулко цокали по тротуару.

– Это как Лас-Вегас, который называют Городом греха?

От меня не скрылось, как моя мать попыталась скрыть улыбку, пока убирала от лица желтую лантану, протянувшую ветку сквозь кованый забор на Ратледж-авеню. Проходя мимо, я заглянула внутрь и

увидела ползучий гелиотроп и желтые колокольчики, растущие вперемешку вдоль безупречных кирпичных дорожек. Я вспомнила время, когда единственным цветком, который я могла назвать, была роза. Странно, но неким загадочным образом я превратилась в человека, который возжелал видеть в своем саду глицинии и османтус. Османтус из-за его весенних ароматов, а глицинии из-за пурпурных цветов, украшающих собой старые стены моего любимого города уже в марте. Когда я колесила с моим отцом по всему миру, я всегда помнила глицинию, даже не зная ее названия. Мне кажется, что домой меня привел именно весенний Чарльстон.

– А как называют Лос-Анджелес? – не унималась Нола.

Я перехватила взгляд матери. Мы обе вспомнили, как мой отец называл этот город землей чокнутых.

– Чувствуешь запах жасмина? – спросила я Нолу, пытаюсь отвлечь ее.

Она с нарочитым презрением фыркнула:

– Я чувствую запах духов.

– Именно. – Я подняла ветку белых цветов в форме звездочки, цеплявшуюся за низкую кирпичную стену. – Этот?

Упершись ладонями в драные чулки, которыми были обтянуты ее тощие, засунутые в солдатские берцы ноги, и убрав за уши блестящие черные волосы, она наклонилась, чтобы понюхать цветы жасмина. Да, зрелище впечатляло! Я пожалела, что у меня нет с собой фотоаппарата, чтобы потом показать Джеку снимок. Нола глубоко вдохнула, после чего удивила меня, улыбнувшись от уха до уха.

– Ух, ты! Совсем как флакон духов. – Она сердито сдвинула брови. – Что-то я не припомню цветов у нас в Лос-Анджелесе.

Я отметила это «у нас в Лос-Анджелесе», но комментировать ее слова не стала. Мы почти дошли до дома Джулии Маниго, причем Нола шагала без видимой неохоты. Я не хотела давать ей поводов, так как не знала, сможем ли мы с матерью затащить ее на крыльцо, если она вдруг начнет упираться и даже брыкаться. Не скажу, что горела желанием снова войти в дом и пообщаться с его живыми или неживыми обитателями. Впрочем, вспомнив обгоревший ковер и поцарапанные стены в доме моей матери, я поняла: это очередной призрак, которого я никак не могла игнорировать. Может, на этот раз все будет проще, так как я не родственница этим призракам и не имею

отношения к тем вещам, за которые они могут цепляться. Иное дело Бонни, но с ней я разберусь позже.

Мы поднялись на крыльцо, но, прежде чем я успела позвонить в дверь, мать схватила меня за руку:

– Ты чувствуешь?

Я кивнула. Как только мы свернули на Монтегю-стрит, по моему позвоночнику пробежали ледяные иглы.

– Это напоминает мне Роуз, – сказала мать, имея в виду последнего призрака, которому мы пытались помочь, хотя сама Роуз яростно этому сопротивлялась. – Помни, Мелли. Мы сильнее их.

Я снова кивнула и позвонила в дверь. Пока мы ждали, когда Ди откроет нам, я украдкой взглянула на Нолу. Она стояла, широко расставив ноги в огромных военных ботинках и решительно вскинув подбородок, словно собиралась ринуться в бой. Правда, я с удивлением отметила, что уголок ее рта чуть приподнят, что очень подозрительно напоминало полуулыбку. Я вспомнила слова Джека о том, как Нола считала музыку любимым чадом своей матери и что в сравнении с музыкой она всегда ощущала себя некрасивой сводной сестрой. Возможно, она примирилась со своим присутствием здесь, решив, что это ее шанс победить в этом соперничестве и в конце концов забыть о нем.

Услышав за дверью шаги, я вновь переключила внимание на дверь, но как только скрипнули засовы, оглянулась на Нолу и увидела Бонни. Та стояла позади дочери точно с такой же улыбкой. На короткий миг наши взгляды встретились, и она исчезла. Я же впервые в моей жизни поняла, что именно призрак пытался сказать мне, не говоря ни слова. За эту короткую секунду я ощутила всю силу материнской любви, со всей ясностью поняла, что она сильнее смерти. Более того, я знала, что Нола это тоже почувствовала. По крайней мере, когда Ди Давенпорт открыла дверь, она без колебаний вошла в дом Джулии Маниго.

– А вы рано! Мисс Джулия это оценит. Она терпеть не может, когда кто-то опаздывает. Входите, прошу вас, – сказала Ди, впуская нас в затхлое фойе. – У меня в гостиной есть печенье. Вы, дамы, можете посидеть там, пока мисс Джулия и Нола удалятся в музыкальную комнату.

Нола испуганно посмотрела на нас. Увидев это, моя мать сочла своим долгом вмешаться:

– Вообще-то, я надеялась присутствовать на ее первом уроке. Ведь если я увижу, как мисс Джулия будет учить Нолу, я потом смогу помочь ей дома.

Ди задумчиво опустила голову на пышную грудь.

– Вам придется поговорить об этом с мисс Джулией. Она обычно не любит, когда...

– Она мне позволит, – перебила ее моя мать. Ее слова прозвучали мягко, но их смысл был очевиден. Ди сделала недовольное лицо, однако повела нас по длинному коридору к жуткой рождественской комнате.

От меня не скрылось, как моя мать разглядывает темные панели и мрачный цвет стен, тяжелую мебель и задернутые шторы, паутину и пыль. Здесь не было ни ковров а-ля зебра, ни обивки цвета «вырви глаз», какие она обнаружила в своем доме, когда купила его, но, когда она оглянулась на меня, я почти увидела, как она мысленно меняла интерьер каждой комнаты, мимо которых мы проходили. Я быстро качнула головой, давая ей понять, что в мои планы не входит вновь проходить этот путь.

Как и в первый раз, мисс Джулия сидела в инвалидной коляске. Несмотря на тепло, на ноги ей было наброшено серое одеяло.

– Эммалин, я рада, что ты все осознала и решила прийти. – В ответ на наше приветствие она также кивнула мне и моей матери. – Дамы, прошу вас, – добавила она, указывая на диван и кресло, набитое конским волосом. Рядом на низком кофейном столике стоял поднос с печеньем.

Моя мать обвела глазами комнату, поочередно задерживая взгляд на Санта-Клаусах, снеговиках, на красных и зеленых блестящих безделушках, украшавших комнату, как конфетти.

– Я помню, как сильно вы любили Рождество. Я тоже любила ходить в эту комнату на уроки, потому что здесь всегда царило Рождество.

Хозяйка дома дрожащими руками подняла костяную чашку с узором, изображающим падуб.

– Мой отец не верил в празднование Рождества. Называл этот праздник языческим. Думаю, это был мой единственный бунт. Правда, он начался лишь спустя несколько лет после его смерти, поэтому я не знаю, можно ли его так назвать.

Нола посмотрела на тарелку с печеньем:

– Оно с сахаром?

– Конечно, Эммалин, – резко ответила Джулия. – Почему ты спрашиваешь? У тебя диабет?

– Нет... мэм. – Она добавила слово «мэм» в самый последний момент, после того как моя мать одарила ее укоризненным взглядом. Я ждала, когда Нола объяснит старухе свои предпочтения в пище, но, на мое счастье, она промолчала.

– Итак, – сказала я. – Как вы предпочтете? Моя мать хотела бы посидеть на уроке и потом пешком вернуться с Нолой домой. У меня через час назначена встреча, поэтому я уйду раньше.

Мисс Джулия поджала губы, и будь я моложе, я бы с опаской ждала, что она скажет. С очевидным усилием она изобразила улыбку, больше похожую на гримасу.

– Джинетт, у меня на маленьком столе у двери лежит стопка нот. Пожалуйста, возьмите их и покажите их Ноле в музыкальной комнате. Я же пока хотела бы поговорить с мисс Миддлтон.

Моя мать встала и, помедлив лишь мгновение, взяла стопку потертых книг с нотами. Она была без перчаток, и как только она дотронулась до них, я поняла, что они пытаются ей что-то сказать. Она крепко закрыла глаза и на пару секунд застыла в неподвижности. Костяшки ее пальцев, сжимавших ноты, побелели, губы беззвучно двигались. Затем она как будто стряхнула что-то с себя, заставляя вновь открыть глаза. Она повернулась к Ноле и быстро вручила ей книги:

– Возьми.

Нола взяла их без всяких протестов, лишь с любопытством посмотрела на мою мать. У меня еще не было возможности объяснить ей способности моей матери, но я подумала, что сейчас это не нужно. Они уже направились к открытой двери, как вдруг моя мать остановилась и повернулась к мисс Джулии:

– Ваш брат Уильям. Он играл на пианино?

Лицо старухи окаменело, кожа сделалась цвета пергамента.

– Да. Причем очень хорошо – намного лучше меня. Вообще-то, это его ноты. Не то чтобы он нуждался в них. Ему было достаточно услышать песню всего один раз, и он мог отлично сыграть ее на слух,

нота в ноту. А вот я без нот не могла. – Она на миг умолкла. – Почему вы спрашиваете?

Моя мать посмотрела ей прямо в глаза.

– Просто любопытствую, – ответила она и, прочистив горло, добавила: – Мы с Нолой пока полистаем эти ваши книги, поищем вокальные упражнения для начинающих и гаммы. Мы будем ждать вас в музыкальной комнате.

С этими словами она вывела Нолу из комнаты. Ди последовала за ней и закрыла за ними дверь.

Я уставилась в свою чашку, вспоминая призрака в верхнем окне и впечатления от кукольного домика. Интересно, это был Уильям? Я ждала, что Джулия расскажет мне о нем и что могла увидеть моя мать, когда коснулась его музыкальных книг. Но Джулия ничего не сказала, и тогда я спросила:

– Так что вы хотели мне рассказать?

Она ответила не сразу:

– Эммалин очень одаренная. Ей нужно обучение, особенно если она надеется пойти осенью в Эшли-Холл.

Я сунула в рот лимонное печенье и задумчиво пожевала.

– Думаю, и это тоже. Но, как мне кажется, другая часть связана с кукольным домиком. – Я выразительно умолкла, ожидая, что выражение ее лица мне что-то подскажет. Но увы. – Почему вы избавились от него?

Моего затылка коснулся порыв холодного ветра, но я не отвела взгляда от Джулии.

Ее губы задвигались. Казалось, она пережевывала слова, прежде чем их произнести.

– С ним было что-то... не так.

– Вы имеете в виду призраков?

– Да. Наверно, можно сказать и так. Вещи перемещались, фигурки принимали невероятные позы. Я попросила отца избавиться от домика.

Взвесив все «за» и «против» новых вопросов, я решила рискнуть:

– Это было в 1938 году, в том самом году, когда исчез ваш брат, верно?

На ее щеках выступили красные пятна.

– Да, но эти события не взаимосвязаны. Мой брат наконец устал от того, что не оправдал надежд нашего отца, и потому ушел.

– Просто ушел?

Джулия кивнула:

– Да. Я слышала, как они спорили в тот последний вечер, когда он был дома, а потом... потом он исчез.

– Вы когда-нибудь слышали о нем снова?

Мне пришлось наклониться вперед, чтобы услышать ее ответ.

– Нет.

Я откинулась на спинку стула. Я могла бы прямо сейчас встать и уйти, и притворяться и дальше, что Нола здесь лишь за тем, чтобы раскрыть свои музыкальные способности. Или же я могла попытаться помочь беспокойным духам, витавшим вокруг Джулии Маниго, обрести покой, независимо от того, хотела она или нет их признать. Я вспомнила, как Нола сказала мне, что, по ее мнению, помогать призракам обрести покой – это круто. Хотя я все еще была не до конца в этом уверена, было невозможно отрицать удовлетворение, которое я испытала, отправив Мэри Гибсон и моего гессенского солдата на небеса. Неудивительно, что я начала подозревать, что кукольный домик оказался на моем жизненном пути неспроста. В конце концов, в моей жизни было немало вещей, которые не поддавались объяснению: моя способность видеть призраков и противостоять чарам Джека Тренхольма – всего лишь две из них.

Но если у Джулии имелись причины желать встречи со мной, то пусть она меня спросит. Я не была настолько одержима борьбой с призраками, чтобы добровольно предлагать свои услуги. Что, если я неправильно поняла ее намерения? Я поставила чашку и блюдце на кофейный столик.

– Что вам от меня нужно, мисс Маниго?

Она как будто еще сильнее вжалась в свое инвалидное кресло, словно просьба о помощи уменьшила ее рост.

– Как я понимаю, вы... общаетесь с мертвыми. Я хотела бы поговорить с моим братом Уильямом.

А-а-а! Все ясно. Я кивнула:

– Понятно. Но вы должны знать, что в том, что касается духов, это улица с двусторонним движением. Есть ли причина, по которой он не захотел бы говорить с вами?

Ее глаза потемнели, и на мгновение я испугалась, что она расплачется. Я даже приподнялась со стула, чтобы позвать Ди. Но Джулия подняла руку, и я снова опустилась на стул.

– Нет. Конечно, нет. – Поймав мой пристальный взгляд, она поспешила отвести глаза.

Я прочистила горло:

– Не думаю, что Уильям тут один. Есть еще один дух – я видела его здесь, в вашем доме. Он выглядывал из окна башни.

В ее глазах промелькнула тревога, она впиалась в подлокотники кресла, и ее пальцы напомнили мне хрупкие веточки.

– Джонатан? – спросила она едва слышным шепотом.

– Кто такой Джонатан?

– Мой жених. Он умер... умер в том же году, когда пропал Уильям.

Я покачала головой:

– Человек, которого я видела в окне, был намного старше. Я думала, это, может быть, ваш отец.

Джулия Маниго нахмурила брови. При этом кожа ее лица натянулась, отчего казалось, будто оно тает.

– Я не хожу в ту часть дома. Это было крыло моих родителей. Но сюда он ни за что не придет. Слишком много тут Рождества. – Она рассмеялась резким, неприятным смехом. Впрочем, он быстро оборвался. – Мне неинтересно с ним разговаривать. – Она постучала пальцами по подлокотникам кресла. – Если вы сможете мне поговорить с Уильямом, я окажу вам ответную услугу.

Ответную услугу? При мысли, что мне грозит унаследовать очередной полуразрушенный дом в Чарльстоне, я поежилась.

– Мне ничего не нужно, мисс Джулия, – быстро сказала я. – Я просто ищу возможность помочь духу уgomониться.

– И если вы попутно узнаете... некую информацию, что вы с ней сделаете?

Я с удивлением посмотрела на нее:

– Честно говоря, пока мой опыт был чисто личным. Но, разумеется, все, что я обнаружу, будет совершенно конфиденциальным. Хотя мне будет гораздо легче, если вы все расскажете мне заранее. Не хочу давать призракам преимущество.

– Вам нечего знать, мисс Миддлтон. Все, что я хочу, – это поговорить с Уильямом.

Я с сомнением посмотрела на Джулию. За ее спиной, напоминая мне о времени, звякнули каминные часы в виде саней Санты.

– Мне пора. Если вы что-то решите, дайте мне знать. А я пока постараюсь поговорить с Уильямом. – Я встала. – Вас отвезти в музыкальную комнату?

Она кивнула. Открыв предварительно дверь, я выкатила ее инвалидное кресло. В дверях музыкальной комнаты я на миг застыла на месте, любуясь представшей мне картиной. Склонив головы, моя мать и Нола сидели на скамейке перед роялем и на два голоса что-то напевали под музыку, которую я не узнала.

– Я уйду, – объявила я, подталкивая каталку с мисс Джулией к роялю, после чего повернулась к Ноле: – Твоя бабушка придет за тобой примерно в четыре часа, чтобы ты провела с ними остаток уик-энда. Она купила футон, на котором можно спать в гостиной, так что у тебя будет свое место. Не забудь, что завтра утром у тебя вступительные экзамены в Эшли-Холл, поэтому обязательно выпишись как следует.

– Да ладно, – сказала Нола, закатывая глаза.

– Куда ты собралась? – спросила моя мать.

Я демонстративно занялась инвалидной коляской, пытаюсь поставить ее в правильное положение.

– Я обедаю с Джеком. Нам нужно кое-что обсудить.

Брови моей матери поползли вверх, но я сделала вид, будто этого не заметила.

– Это недолго.

– Не торопись, Мелли. Нам с Нолой неплохо и вдвоем, – улыбнулась она.

Я попрощалась и повернулась, чтобы уйти. Я уже дошла до входной двери, но остановилась и даже вернулась назад.

– Мисс Джулия, если ваш брат хотел бы вам что-то сказать, это могли быть слова «останови ее»?

Джулия Маниго поджала губы, и они как будто исчезли с ее лица.

– Я абсолютно уверена, что не знаю, что это значит.

Я кивнула и шагнула за порог, зная о Джулии Маниго две вещи: она была ужасной лгуньей и она почти так же боялась Уильяма, как и я.

Глава 18

Выйдя на переднее крыльцо дома, я первым делом заметила у тротуара на противоположной стороне улицы черный «Порше» Джека. Он выскочил из машины и, как только я подошла, открыл пассажирскую дверь. Садясь в машину, я демонстративно отвернулась от окна башни и все равно ощутила знакомое покалывание кожи на затылке.

Уже в салоне, когда я пристегивала ремень безопасности, на меня обрушился аромат духов Ребекки, а следом за ним густой аромат еды. Обернувшись на узкий выступ, считавшийся задним сиденьем, я увидела пакеты из магазина «Брент», что на Брод-стрит.

– Я думала, что поедем куда-нибудь пообедать, – сказала я, пытаюсь скрыть разочарование в голосе.

– Так и есть, – сказал Джек, отъезжая от тротуара. – Я подумал, что неплохо устроить пикник на свежем воздухе в парке Уайт-Пойнт. Еще не очень жарко, и было бы грешно этим не воспользоваться, пока есть такая возможность. – Он надел солнцезащитные очки, но я успела заметить темные круги у него под глазами. – Как там прошел урок у Нолы?

– На удивление хорошо благодаря моей матери. Кстати, ты ее должник. Знаешь, я считаю, что тебе не следовало подкупать Нолу с помощью айфона. Не сомневаюсь, что она и так бы пошла на урок.

– Откуда ты знаешь? – Он резко свернул с Брод-стрит на Митинг-стрит, едва не сбив при этом крупного мужчину, вставшего посреди дороги, чтобы сфотографировать церковь Св. Михаила. Джек резко вырулил, объезжая его, но мужчина этого даже не заметил и, как ни в чем не бывало, остался стоять, направив объектив на самый узнаваемый шпиль Священного города.

– Думаю, Нола воспринимает это не только как возможность серьезно отнестись к своему таланту, но и доказать, что ее мать не права, показать Бонни, чего та лишила себя.

– Ты так считаешь? Это звучит как-то... неправильно. В конце концов, они мать и дочь.

– Уж поверь мне. Тебе никогда не понять отношений между матерью и дочерью, так что даже не пытайся. По сравнению с этим поиск лекарства от рака – сущий пустяк.

– Кому как не тебе это знать.

– Абсолютно верно. – Я указала на универсал «Вольво» с наклейкой колледжа Портер-Год на стекле, отъезжавший от бордюра на Восточной Батарее. Джек тотчас же, с первой попытки, аккуратно въехал на освободившееся место. Впрочем, иначе и быть не могло.

– Ты случайно не знаешь размер обуви Нолы? – спросил он.

– Шесть с половиной. Почему ты спрашиваешь?

– Просто готовлюсь к той части спектакля, где мы скажем Ноле, что в Эшли-Холл ей придется носить форму. В те дни, когда ученицы должны носить школьный блейзер, им разрешено надевать черные или фиолетовые туфли с закрытым мысом. Я думал, что пара фиолетовых «Конверсов» может сработать.

Я сомневалась, что администрация школы это одобрит, а вот Нола наверняка оценит этот жест, как и я, судя по тому, как кровь в моей голове превратилась в кисель. Я потянулась к заднему сиденью и взяла пакеты. Джек обошел машину, чтобы открыть мне дверь.

– Ты уже изучил требования к форме? Нола ведь еще даже не сдала вступительный экзамен!

Джек запер дверь и улыбнулся.

– Я уже купил все, что ей нужно, кроме легинсов, потому что они не продаются в магазине школьной формы и я не совсем уверен, какие нужны.

У меня вновь закружилась голова.

– Ты уверен, что ее примут?

– Я видел ее табель из школы в Лос-Анджелесе, а также результаты единых экзаменов. С их стороны было бы верхом глупости не принять ее, при всех ее странностях. – Он остановился и посмотрел на меня: – Если помнить о том, через что она прошла и какой удивительно независимой и сильной, несмотря ни на что, осталась, плюс ее музыкальный талант и ее... скажем так, ее своеобразие, так что она точняк туда поступит.

Я кивнула, но ничего не сказала. Не потому, что я была не согласна с ним – еще как согласна! – а потому, что боялась совершить какую-нибудь глупость, например поцеловать его.

Как только мы подошли к фонтану в виде ананаса в центре парка Уайт-Пойнт, группа туристов, сидевших на соседней кованой скамейке, выслушав своего гида, встала и двинулась дальше, оставив это место в нашем полном распоряжении. Когда я бывала с Джеком, такие вещи происходили всегда. Я взглянула на водную гладь гавани. Интересно, увижу ли я дельфинов? Увы, я была вознаграждена лишь открыточным видом парусника.

Мы достали из пакетов наш ланч: сэндвич с индюшатиной для меня и вегетарианский – для Джека.

– Et tu, Brute? И ты Брут? – спросила я, укоризненно на него глядя.

Джек пожал плечами:

– Я не вижу себя веганом, но я люблю овощи, вот я и подумал, почему бы нет? – Он посмотрел на мой сэндвич. – Но если тебе покажется, что для тебя здесь слишком много мяса, я с радостью заберу часть себе.

Я фыркнула, давая понять, что у него столько же шансов оттяпать мой ланч, как если бы Нола не могла дождаться, когда наденет школьную форму. Я посмотрела на дно пакета и пыталась подавить свое разочарование.

– Не волнуйся, они в другом.

Я заглянула во второй пакет и, к своей великой радости, увидела в нем пару пирожных. Джек не ел сладкого, поэтому я знала, что оба для меня. Мы были почти как старая супружеская пара, с той единственной разницей, что у нас не было никаких свиданий и мы не спали в одной комнате. При этой мысли я покраснела и поспешила отвернуться к гавани.

На Батарее было полно туристов и местных жителей. Народ высыпал на улицу, наслаждаясь последними приятными деньками перед тем, как город, словно мокрое одеяло, окутает невыносимая влажная жара. Я снова буду вынуждена зачесывать волосы вверх, в тщетной попытке подавить их поползновения превратиться в некое подобие мочалки.

На траве расположились любители пикников. Другие позировали перед фотообъективами, сидя верхом на старинных пушках, грозно глядящих на гавань и форт Самтер. Если когда-то пираты и янки были врагами, которым следовало дать отпор, то теперь Батарея была

довольно безобидной, если не считать огромного количества туристов, искалеченных падениями с пушек и пирамид, сложенных из ядер.

– Я узнал кое-что о Джимми Гордоне.

Впившись зубами в сэндвич, я снова переключила внимание на Джека. Как назло, длинная лента квашеной капусты упорно отказывалась полностью залезть мне в рот. Поскольку только Джек, причем не раз, видел меня в теплой фланелевой пижаме, я не стала стесняться и подтолкнула ее в рот пальцем. Он посмотрел на меня с веселой усмешкой.

– Судя по всему, он славный парень. Либо он все еще новичок в музыкальном бизнесе и слава не испортила его, либо он на самом деле человек порядочный. Но я не смог обнаружить никакой связи между ним и Бонни. Но Нола утверждает, что как-то раз встречалась с ним, верно?

Я кивнула и сделала через соломинку долгий глоток сладкого чая.

– Да, и она обозвала его гаденышем, но это все. Я попытаюсь спросить снова. Кстати, сегодня утром я слышала, как она говорила о нем по телефону – назвала его фейком, если я правильно помню.

– С кем она разговаривала?

– С неким парнем по имени Рик – сказала, что это якобы бывший парень ее матери, который нашел ее в Фейсбуке и решил узнать, как у нее дела.

Джек положил свой недоеденный сэндвич в пакет.

– С каких это пор у нее есть аккаунт в Фейсбуке? Надеюсь, ты в курсе, сколько извращенцев рыщут по всему интернету в поисках таких, как Нола?

Я подняла руку:

– Технически, ты сказал ей, что ты против, чтобы у нее на телефоне было приложение Фейсбук, и его нет. Но она одолжила ноутбук Олстон и создала свою страничку. Тем не менее ты должен сесть с ней и разработать правила поведения в социальных сетях, хотя, как мне кажется, она и сама все прекрасно понимает. Этот Рик нашел ее и отправил ей свой номер телефона, чтобы она позвонила ему, поскольку она его знает. Нола заверила меня, что никогда бы не стала звонить, не зная, кто он такой.

Джек покачал головой:

– Какая разница. В тринадцать лет слишком рано заводить страницу в Фейсбуке, будь то через приложение для айфона или с компьютера.

Я постаралась скрыть улыбку. Интересно, откуда в нем вдруг взялось это родительское беспокойство? И вообще, сколько родителей, когда он сам был подростком, дрожали от страха при мысли, что за их дочь приударял кто-то вроде Джека Тренхольма?

– Конечно, она знает о мире гораздо больше, чем большинство детей ее возраста и старше, но тем не менее ты прав.

Джек снова взял свой сэндвич.

– Она назвала фамилию? Рик... это имя кажется мне знакомым... я вполне мог наткнуться на него, когда собирал информацию о Бонни.

– Да. Рик Чейз. Хочешь, чтобы я расспросила ее о нем?

– Нет. Не хочу, чтобы Нола подумала, что я сую нос в ее личную жизнь, особенно если он тот, за кого себя выдает. Я просто хочу убедиться.

Я снова кивнула и переключила внимание на двух парней в футболках колледжа Чарльстона, бросавших друг другу желтую летающую тарелочку фрисби.

– Тебе что-нибудь говорят слова «глаза моей дочери»?

– Нет. А должны?

Я пожала плечами и полезла в пакет за первым пирожным.

– Я в некотором роде говорила с Бонни, пока была с Софи в салоне для новобрачных. Это долгая история, и слова эти произнесла не она, но, если коротко, она велела мне искать «глаза моей дочери». Ума не приложу, что она имела в виду.

Джек долго и задумчиво жевал, машинально скатывая бумажную обертку в шарик.

– Понятия не имею. Ты спросила Нолу?

– Еще нет. Она все еще обижена на мать, и чтобы спросить у нее, я должна подгадать нужный момент. Высади меня возле пекарни Рут по дороге домой, и я принесу ей ее любимые пончики. Подлизаться к ней... это не повредит.

– Пончики? Для Нолы?

– Ага. Не спрашивай меня, откуда я знаю, но у меня есть свои способы.

Джек осклабился:

– Знаю.

Мои щеки зарделись, и чтобы скрыть это, я полезла в пакет за вторым пирожным.

– Нам нужно как можно больше узнать об этих Маниго. Я была права, у Джулии есть скрытые мотивы. Когда я спросила ее, чего она хочет, она ответила, что хочет поговорить с Уильямом, но за этим явно что-то кроется. Она утверждает, что фраза «останови ее» для нее ничего не значит, но она точно чего-то боится, предполагаю, Уильяма. – Я откусила пирожное. – И нам нужно больше узнать о ее женихе. По ее словами, его звали Джонатан. Думаешь, нам понадобится фамилия?

– «Нам»? Мне нравится, что, по-твоему, мы в этом деле одна команда. – Джек усмехнулся. – Что касается получения необходимой нам информации, то для Ивонны нет ничего невозможного.

Я сделала глоток напитка, поэтому мне не пришлось ничего говорить. Джек одарил меня своей коронной улыбкой, и я заставила себя выдержать его взгляд.

– Тебе следует носить чаще этот цвет, Мелли.

Я посмотрела на свою блузку от «Энн Фонтейн»:

– Белую?

– Нет. Розовую. Под цвет твоих щек.

Я сделала вид, будто все мое внимание поглощено пирожным.

– Это потому, что мне жарко, – объяснила я, немного помолчав. – Я сегодня много ходила.

– Ну-ну. – Он сунул очки в карман рубашки. – Итак, о чем ты хотела поговорить со мной... помимо Бонни и мисс Джулии?

Я холодно встретила его взгляд, стараясь не замечать его голубых глаз.

– Мы ведь друзья, верно?

Джек выгнул бровь.

Я для смелости набрала полную грудь воздуха.

– Я... лишь... ну... я. – Я умолкла, совершенно не готовая к такому разговору. Кстати, разговоры вроде этого случились со мной и раньше, но обычно это я бывала букашкой под увеличительным стеклом, которое держит в руках Софи. – Послушай, у тебя все в порядке?

Джек прищурился:

– Ты о чем? Ты считаешь, что я болен или что-то в этом роде?

Вопрос слетел с моих губ, прежде чем я успела его проглотить:

– Ты снова запил?

Его как будто ударили в солнечное сплетение. Сильно и больно.

– Почему ты спрашиваешь? – медленно и четко спросил он.

– Просто ты... сам не свой. Знаю, у тебя сейчас проблемы с издателем, и представлю, каково тебе сейчас. Твоя карьера важна для тебя, как и моя для меня. Тебе должно быть обидно и досадно – не знать, что происходит.

– Это твой отец науськал тебя?

Я покачала головой:

– Не совсем. Моя мать и Нола тоже. Мы все это заметили. И они подумали, что поскольку мы с тобой... как бы это выразиться... – Не сумев придумать для нас с ним обозначение, я просто продолжила, надеясь, что он этого не заметил. – И всякий раз, когда я вижу тебя, у тебя такой усталый и озабоченный вид. Я просто хотела спросить, все ли у тебя в порядке. Если же у тебя все валится из рук и ты даже поддался соблазну... – Увидев выражение его лица, я осеклась. Не то чтобы я испугалась, что он ударит меня. Просто я знала, что даже его слова способны нанести мне смертельные раны.

Он наклонился ко мне так близко, что я увидела в его темно-синих глазах собственное отражение:

– И что бы ты сделала, если бы я сказал, что со мной не все в порядке? Ты бы согласилась спать со мной, если я скажу, что мне от этого станет лучше?

Меня как будто погрузили в глубокий бассейн с теплой-теплой водой, погрузили так внезапно, что мои легкие наполнились ею, лишив меня дара речи.

Резкими движениями Джек принялся складывать объедки в оставшийся пакет и при этом оторвал ручку. Он даже бросил туда мое недоеденное пирожное, и я даже не нашла в себе сил протестовать.

Я встала и гордо расправила плечи. Но когда наконец смогла выдавить из себя слова, то не узнала свой голос.

– Ты не ответил на мой вопрос, Джек. Ты снова пьешь?

Он подошел к соседней урне, сунул в нее пакеты и лишь затем повернулся ко мне. Я еще ни разу не видела его таким злым, но мне важно было знать правду, и я была полна решимости стоять до конца и не думать о последствиях.

Мне стоило адских усилий не отпрянуть назад. Джек встал прямо передо мной – так близко, что я чувствовала мягкий запах его одеколona.

– А ты на мой.

Я почувствовала прилив крови к лицу, но не отвела взгляд.

– Ты первый.

Его глаза полыхали гневом.

– Кажется, я говорил уже не раз, – медленно, едва ли не по слогам, процедил он, – ты многого обо мне не знаешь.

С этими словами он повернулся и зашагал прочь.

– Куда ты?

– Не в бар, если ты так подумала.

– Я не об этом подумала, – сказала я, бросившись за ним вдогонку. Меня не оставляло чувство, что я только что совершила серьезную ошибку, хотя не совсем понимала, какую именно. – Извини, Джек, если я сказала не то. Я переживаю за тебя.

Он продолжал шагать дальше.

– Джек, прошу тебя! – К своему стыду, я обнаружила, что близка к слезам, и все равно не знала почему.

– Что такое? – спросил он, не оглядываясь.

Я запыхалась и была эмоционально истощена, и все мои объяснения, почему я переживаю за него и что я только хотела помочь, скукожились от жары и влажности. Независимо от того, что я сказала, он принял решение. *Ты многого обо мне не знаешь.*

– Скажи, не мог бы ты отвезти меня обратно в офис? – пролепетала я.

Он остановился так внезапно, что я чуть не налетела на него.

– Ты всегда такая практичная, Мелли. Держи, – он порылся в кармане. – Я потом заберу машину от твоего дома. Оставь ее у тротуара и запри двери. У меня есть другой набор ключей.

До меня не сразу дошло, что он вложил ключи от машины мне в ладонь.

– Но я не умею водить машину с ручным переключением передач...

– Попробуй ради разнообразия что-то новое. Может, чему-нибудь и научишься.

Я в жесте протеста вскинула руку с зажатыми в ней ключами. Казалось, я только что потеряла что-то, о чем даже не догадывалась, что оно у меня было, но, увы, Джек уже ушел.

* * *

Я припарковалась в четырех кварталах от дома матери, потому что маневрировать автомобилем Джека, да еще в тесном парковочном пространстве, меня в школе не учили. Методом многочисленных проб и ошибок и экстренного телефонного звонка отцу, с просьбой просветить меня по части особенностей механической коробки передач, я сумела-таки переключить машину на вторую скорость и так и катила на ней через все стоп-сигналы и светофоры. К тому моменту, когда я лягнула аварийный тормоз, двигатель уже издавал странный скрежет, но мне было все равно.

Миссис Хулихан и Генерал Ли были в кухне. Как только я вошла, мне в ноздри тотчас ударил запах жаренного на гриле мяса. Я уже собралась было напомнить ей о диетических предпочтениях Нолы, но вспомнила, что та проведет все выходные у бабушки с дедушкой. При мысли о целых трех днях мясных блюд и богатых консервантами деликатесов я даже радостно вскинула в воздух кулак. Но когда я отщипнула кусочек ее замечательного сладкого кукурузного хлеба, миссис Хулихан шлепнула меня по руке:

– Оставьте хоть что-нибудь для родителей, они оба придут на ужин.

Я посмотрела на часы микроволновки.

– Во сколько будет готово?

– Примерно в шесть, но, может, и позже, если под ногами у меня вечно будет кто-нибудь вертеться.

Генерал Ли с умоляющим взглядом потянул за поводок, висевший на крючке у задней двери. И без экстрасенсорных способностей было понятно, что он хотел мне сказать.

– Пойду выгуляю собаку, так что мы оба не будем вам мешать.

Пристегнув поводок к ошейнику, я позволила Генералу Ли протащить меня через заднюю дверь. Я знала: заставлять его идти туда, куда хотелось мне, просто бессмысленно. Если только его желание руководить ставилось под сомнение, этот поганец умел упираться всеми четырьмя лапами. Я пару раз пыталась тащить его по тротуару против его воли, но, похоже, в Чарльстоне слишком много

любителей собак, и, судя по взглядам, которых я удостоилась, гораздо проще было предоставить инициативу самому Генералу Ли.

Сегодня он повел меня на север по Легар-стрит в направлении Брод-стрит, свернул направо на Куин-стрит, а затем налево к Митинг-стрит. Наверно, мне следовало быть внимательнее, но я была занята тем, что перелопачивала в голове наш разговор с Джеком, мысленно перебирая не прозвучавшие ответы на оба вопроса. Когда Генерал Ли наконец остановился, я едва не налетела на него, а когда увидела, куда он меня привел, то громко простонала.

Мы стояли перед старым кладбищем, примыкающим к Круговой Конгрегационной церкви на Митинг-стрит. Пес смотрел на табличку на воротах, как будто мог ее прочитать. «Год основания 1681-й. Вход свободный для всех, когда ворота открыты». Затем он посмотрел на меня.

– Нет, сэр, – сказала я. – Я не хожу по кладбищам. И особенно по этому. – Церковь, по крайней мере, один раз была сожжена и восстановлена, и в ходе работ по ее реконструкции надгробия и тела перенесли, причем не обязательно вместе, – это не самая лучшая затея. Очевидно, во время воскресных служб в церкви перемещенные мертвые обитатели кладбища иногда сообщают о своем недовольстве. Представляю, как возрадуются эти духи, узнай они, что я пришла сюда. Я посмотрела на пса. Его розовый язык болтался как этакий знак гордости за собачью смекалку. – И я уверена, что они не жалуют собак, даже если об этом нигде не написано.

Как будто не поняв ни слова – или же ему было все равно, – Генерал Ли, едва не вывихнув мне руку из сустава, выдернул у меня поводок и бросился внутрь ворот. За все мои годы, когда я общалась с призраками, я твердо усвоила одну вещь: когда вы посещаете места их упокоения, они ждут к себе уважения и жутко не любят, когда посетители разгуливают по могилам, словно по игровой площадке. Вот почему, бывая на кладбищах, я никогда не осмеливалась ступить на землю между надгробным камнем и могильной плитой, говорила тихо и уж точно не позволяла собаке сломя голову носиться по старым могилам давно умерших людей.

– Генерал Ли! – крикнула я, испугав женщину средних лет и ее дочь-подростка, фотографировавших надгробия допотопным «Полароидом» и читавших надписи. Я слышала, что некоторые

искатели призраков полагают, будто «Полароид» лучше запечатлевает призрачные силуэты, нежели цифровые камеры. Так это или нет, я понятия не имела. Мне никогда не требовался фотоаппарат, чтобы увидеть то, чего там не было. Похоже, обитатели кладбища уже узнали о моем присутствии. Услышав бормотание тех, кто хочет быть услышанным в мире живых, я повернулась в ту сторону, куда побежал Генерал Ли.

Чтобы слышать эти звуки, я начала напевать мелодию песни *Mamma Mia*, но в следующий миг мимо матери и дочери пронесся четвероногий меховой мячик и скрылся в заднем углу кладбища, в старой его части, где было трудно различить, что было могилами, а что дорожкой среди нагромождения треснувшего мрамора и давно пропавших надгробий. Обежав большой кирпичный мавзолей с серой гранитной доской, пес затыкал. Я было цыкнула на него, чтобы он прекратил лай, но тотчас умолкла, увидев, как он метнулся к другой стороне мавзолея, – следом за прозрачным хвостом лохматой собаки, исчезнувшей за углом.

Я уже собралась броситься за ним вдогонку, когда мой взгляд упал на мемориальную доску на стене мавзолея. На ней были выгравированы череп и крылья, а под ними крупными печатными буквами высечено: «Маниго».

Я остановилась, чтобы пробежать глазами список имен, который брал свое начало за несколько поколений до Американской Революции. Вверху этого списка были начертаны имена Гарольда Вентворта Маниго и его жены Анны. Она умерла в 1939 году, ее муж – чуть позже в том же году. Ниже стояли имя и дата рождения Джулии и дефис перед пробелом, оставленным для даты смерти. Но хотя там было достаточно места, брат Джулии, Уильям, не был указан ни под именем Джулии, ни над ним, ни где-либо еще. Как будто о нем совершенно забыли.

Генерал Ли помчался за угол, его новый четвероногий друг за ним по пятам, как вдруг мой пёс резко повернулся и набросился на собаку-призрака. Они тут же сцепились, и теперь по земле катался большой меховой ком.

Дочь-подросток, которую я заметила раньше, обернулась и посмотрела на них с интересом. Я улыбнулась, пытаюсь понять, что, по ее мнению, она видит.

У меня под ногами возникли едва ощутимые подземные толчки. Почва начала осыпаться, проваливаясь вниз. Внезапно вспомнив разрушительное землетрясение 1886 года, я посмотрела по сторонам. Но нет, больше ничего не двигалось. Я посмотрела на свои ноги и поняла, что тону. Почва двигалась, и мыски туфель уже покрывал слой земли.

Я вскрикнула, пытаюсь вытащить ноги, но они как будто приклеились к темной, осыпающейся земле, как будто что-то под ней крепко удерживало их. Темная тень, возникшая в виде маленького пятнышка у основания мавзолея, растягивалась в стороны и росла, распространяясь, как черные чернила, вверх по кирпичной стене, покачиваясь, словно кобра под музыку флейты. Мои ноги как будто приросли к земле, по коже пробежал холод, и даже солнце внезапно скрылось за густым облаком.

Уходи! – прогрехотал в моем ухе голос. Я оглянулась на мать и дочь. Интересно, слышали они его? Похоже, что нет. Они по-прежнему были сосредоточены на какой-то могиле. Дочь фотографировала, мать записывала что-то в блокнот. Похоже, они даже не подозревали, что земля разверзлась под моими ногами и что-то мерзкое и темное поймало меня.

– Я сильнее тебя, – попыталась закричать я, но слова мои прозвучали едва ли громче шепота. – Я сильнее тебя, – повторила я, на этот раз чуть громче. Мать и дочь повернулись в мою сторону. Фотовспышка произвела двойной эффект: у меня перед глазами поплыли яркие пятна света, зато нечто, тянувшее меня под землю, ослабило хватку.

– С вами все в порядке? – спросила женщина, помогая мне подняться с земли.

– Да. Да, со мной все в порядке, – ответила я, отряхивая колени. Затем посмотрела вниз, на борозду в грязной траве. – Просто я не заметила эту ямку и оступилась.

Обе – и мать, и дочь – посмотрели на меня так, будто ожидали, что я объясню, с кем я разговаривала. Меня спасло появление Генерала Ли. Пёс выпрыгнул из-за угла и побежал прямо ко мне. Я схватила его за поводок, хотя пёс больше не пытался никуда от меня убежать.

Девушка смотрела на снимок, который она только что сделала, ожидая, когда он проявится.

– Спасибо, – поблагодарила я и собралась уйти. Но, похоже, у Генерала Ли были иные намерения: он сидел и смотрел на моих будущих спасителей.

– Какой милый пёсик, – сказала мать и наклонилась, чтобы почесать его за ушами. – Какой он породы?

Смирившись с тем, что мне придется задержаться здесь еще на несколько минут, я сказала:

– Я вроде как получила его в наследство, так что кто его знает. Хотя другие люди говорят, что он, по крайней мере, наполовину гаванец – это такая порода, которая не линяет. Насчет второй половины ничего сказать не могу.

– Он просто чудо. И такой милашка.

– Мама! Мне кажется, я вижу силуэт. И лицо! – воскликнула девушка, и в ее голосе прозвенело волнение.

Я потянула за поводок:

– Давай, Генерал Ли. Пошли.

Девушка сунула мне под нос моментальный снимок:

– Посмотрите! Видите глаза и рот? Это определенно лицо. И, похоже, он наклонился к вам, чтобы что-то сказать вам на ухо.

Я нехотя посмотрела на фотографию. Это действительно было лицо, и я узнала в нем человека, которого видела в башне в доме на Монтегю-стрит.

– По мне, это просто какое-то пятно. – Я постаралась придать своему голосу спокойствие. – Впрочем, если слегка напрячь воображение, то да, в нем можно разглядеть лицо.

Они обе посмотрели на меня, одинаково нахмутив брови, как будто засомневались в том, что я разумное и зрячее существо.

– Мне пора. Еще раз спасибо. – Не желая вступать с моим псом в очередную схватку за власть, я нагнулась, подняла его и, взяв под мышку, словно мохнатый футбольный мяч, быстро вышла за ворота кладбища.

Я разок оглянулась, задаваясь вопросом о том, видели ли они также размытый силуэт женщины с длинными светлыми волосами, маячивший между мной и темной тенью. Кстати, я ведь почувствовала ее присутствие, вспомнила я сейчас, еще до того, как появились девушка и ее мать, и мне тотчас стало спокойней на душе, как будто

рядом со мной стояла моя собственная мать, готовая в любой миг прийти мне на помощь.

Я поставила пса на землю и ускорила шаг, стремясь как можно быстрее удалиться от кладбища, и пока я шла, мне не давал покоя вопрос, почему Бонни была там и почему меня по пятам преследовала печальная мелодия песни, которую я никогда раньше не слышала.

Глава 19

Я почти взбежала по лестнице Огнеупорного здания на Митинг-стрит, в котором располагалась библиотека Исторического общества Южной Каролины. Нола нехотя топала по ступенькам следом за мной, явно не горя энтузиазмом по поводу нашего прихода сюда. Но с того момента, как я в последний раз виделась или разговаривала с Джеком, прошло уже почти две недели. В отчаянии я решила взять дело в свои руки и предложила отвезти Нолу домой к Джеку, где она бывала дважды в неделю, вместо того чтобы ей идти туда пешком. Но прежде у меня была назначена встреча с Ивонной Крейг. Хотелось узнать, удалось ли ей что-нибудь выяснить о семье Маниго, и желательно разжиться информацией о Джеке.

Поднявшись по винтовой каменной лестнице, мы застали Ивонну в одной из забитых книгами комнат, где она сидела за овальным столом из темного дерева, на котором перед ней висели стопки книг и блокнотов. Увидев нас, она взглянула на часы, и лицо ее осветила улыбка.

– На пять минут раньше! Я победила Джека на целых две минуты.

Я остановилась перед ее столом:

– Это как понимать, вы «победили Джека»?

– Мы с ним заключили пари, на сколько минут раньше вы будете приходить каждый раз. Если выиграю я, то мне причитается пирожное с красной глазурью из кондитерской на Кинг-стрит. Если выиграет Джек, мне придется купить ему в магазине «Лианос Дос Пальмас» сигару ручной работы.

Я на мгновение нахмурилась, но, вовремя вспомнив о манерах, сделала приветливое лицо.

– Ивонна, познакомьтесь, это дочь Джека, Нола. Нола, это миссис Крейг, хорошая знакомая твоего отца.

Сияя улыбкой, Ивонна встала из-за стола, ее щеки были того же цвета, что и ее бледно-розовый трикотажный костюм-двойка, нитка жемчуга переплелась с бисерной цепочкой, на которой висели ее очки для чтения. К ее свитеру был прикреплен круглый значок с надписью «Библиотекари: первоначальная поисковая система».

– О да. Джек рассказывал мне о тебе. Из его слов я ожидала, что ты будешь парить в десяти дюймах от земли и светиться небесным светом. – Она просияла и протянула руки к Ноле: – Боже мой, ты ведь копия своего отца! Представляю, как в скором будущем, когда ты станешь постарше, он будет отгонять от тебя кавалеров! – Подмигнув мне, Ивонна снова повернулась к Ноле: – Прекрасное имя, кстати. Очень необычное. Когда я была маленькой девочкой, мои родители называли меня Нола, своего рода домашнее прозвище. Никогда не могла понять, как из «Ивонны» у них получилась «Нола»!

От меня не скрылось, как по лицу Нолы промелькнуло удивление, но затем щеки ее порозовели, и она попыталась сдержать смех.

– Приятно познакомиться, миссис Крейг, – произнесла она. – Мне нравится ваша брошка, Ивонна.

Снова сев за стол, она благоговейно коснулась брошки и с улыбкой посмотрела на нас:

– Это подарок Джека.

Мои брови поползли вверх:

– Он был здесь?

Ее улыбка мгновенно погасла.

– В последнее время нет. Несколько недель назад он заглянул, чтобы задать несколько вопросов о семействе Маниго, но это никак не связано с его следующей книгой. Я ждала, когда он придет снова, с длинным списком вопросов и идей. Ведь обычно, закончив одну книгу, он тотчас принимался собирать материал для следующей.

Я села рядом с Ивонной, Нола – напротив. Она сразу же достала телефон и начала строчить эсэмэски. Я была рада, что Олстон познакомила ее с некоторыми своими подругами и одноклассницами из Эшли-Холл, но, если честно, бесконечные эсэмэски меня раздражали. Я выразительно посмотрела на нее, и она тотчас отключила звук щелкающих клавиш. Странно, что еще никто никого не убил, будучи выведен из себя этим негромким щелкающим звуком, который лично мне напоминал китайскую пытку водой.

– Сейчас у него небольшой перерыв между книжными проектами, – сказала я, повернувшись к Ивонне. – Вот увидите, скоро он снова будет в седле, – добавила я и одарила ее обнадеживающей улыбкой.

– Насколько я знаю, он собирался написать эту книгу о вашей семье, – понизив голос до заговорщицкого шепота, сказала она. – Про то, как они сажали на мель и грабили затонувшие корабли, и про скелет, который обнаружили в гавани. Возможно, он работает над ней, поскольку у него уже есть все, что ему нужно для ее написания.

Я почувствовала, как кровь отлила от моего лица.

– Он вам сам это сказал?

Ивонна покачала головой:

– Не совсем. Но когда он был здесь некоторое время назад... с этой Ребеккой... она твердила ему, какая хорошая книга у него получится. Как бы мне ни хотелось с ней соглашаться, она права. С другой стороны, это ваша семья и ваша личная история. Не знаю, хотите ли вы, чтобы об этом узнал весь остальной мир.

Она выразительно подняла брови.

Я не была уверена, в курсе ли Ивонна истории о том, как моя родственница из прошлого поменялась местами с Розой Приоло и потом выдавала себя за нее. До сих пор этот секрет был известен лишь моим родителям, Джеку и мне. И Ребекке. Книга, смакующая жуткие подробности того, как тело настоящей Розы Приоло оказалось на дне Чарльстонской гавани, в лучшем случае будет унижительной, а в худшем – ударом не только для меня, но и для всей нашей семьи.

Я положила руки на поцарапанную деревянную столешницу и вымучила улыбку.

– Да, хотя лично мне он ничего не сказал. Итак, – произнесла я, стремясь поскорее сменить тему, – что вам удалось узнать о семье Джулии Маниго?

Ивонна начала вынимать из коробки на столе папки с яркими цветными ярлычками.

– Вообще-то, немало. Как, наверное, вы знаете сами, очень известная семья, хотя и не близкие родственники Маниго в вашем собственном генеалогическом древе.

– И на том спасибо.

Она молча подняла голову, как будто ожидая, что я уточню, но, когда я этого не сделала, вновь взялась перебирать папки.

– По вашей просьбе я не стала углубляться дальше Гарольда и Энн, хотя есть много информации, относящейся к более раннему времени.

Первые Маниго были гугенотами, но вас это вряд ли заинтересует. – В голосе Ивонны мне послышалось легкое разочарование.

Она открыла папку и подтолкнула ее ко мне:

– Я позволила себе сделать фотокопии нескольких газетных вырезок и статей, касающихся этой семьи.

Я невольно воздала Ивонне должное: она уже все расположила в хронологическом порядке, выделив самые важные факты бледно-голубым маркером. Я дала себе мысленное обещание отправить ей коробку пирожных с глазурью из сливочного сыра и/или моего первенца. Ивонна была потрясающей личностью и во многом напоминала меня, по крайней мере в своей любви к таблицам и графикам, что не могло не пугать.

Палец с розовым ногтем указал на одну из страниц:

– Гарольд родился на побережье, в округе Джорджтаун, на старой рисовой плантации, принадлежавшей семье Маниго на реке Санти... Бель-Мид... но был самым младшим из трех сыновей. Учился в колледже Южной Каролины в Колумбии, затем в Чарльстоне, в медицинском колледже. Унаследовав, когда его отец умер, приличные деньги, он вложил их в железные дороги и землю, и к тому времени, когда он женился на Энн Уорд из Флоренции, штат Южная Каролина, это был богатый человек. В качестве свадебного подарка он построил для нее дом на Монтегю-стрит.

Нола перестала набивать эсэмэски.

– Она получила дом в качестве свадебного подарка?

Ивонна кивнула:

– Да, дорогая. У состоятельных людей тогда это было в порядке вещей. Иногда это был способ сохранить собственность в семье, а иногда – просто подсластить сделку, как сейчас говорят.

Нола подняла брови и вернулась к своим эсэмэскам.

– Как насчет Уильяма? Вы что-нибудь узнали о нем?

С терпеливой улыбкой Ивонна вытащила из стопки бумаг внутри папки фотокопию. С зернистого, пожелтевшего фото, сделанного примерно в середине тридцатых годов, в объектив фотографа смотрел молодой человек со светлыми волосами и стройной фигурой. Я почувствовала, как Нола наклонилась через стол.

– Это он, Мелли. Игрушечная фигурка мальчика.

Я кивнула, не то с облегчением, не то просто признавая тот факт, что это было не то лицо, которое я видела в окне, и повернулась к Ивонне, чтобы ей все объяснить:

– Амелия Тренхольм, мать Джека, подарила Ноле кукольный домик, и, похоже, тот был сделан для Джулии Маниго, которая получила его в подарок в день рождения, когда ей исполнилось десять лет. Это точная копия дома на Монтегю-стрит, и в нем были игрушечные фигурки, похожие на членов семьи и даже на собаку.

Ивонна нахмурила брови:

– Кукольный домик? Это звучит странно.

Она притянула папку ближе к себе и, полистав, вытащила несколько страниц и придвинула их ко мне.

– Джулия Маниго была заядлой наездницей. Она соревновалась с мальчиками ее возраста, причем в соревнованиях, устраиваемых только для мальчиков, и обычно побеждала. А еще она была метким стрелком и даже в детстве сопровождала своего дядю и кузенов на охоте.

Я пробежала глазами страницы, глядя на многочисленные фотографии юной Джулии – верхом, или с охотничьим ружьем, или с подстреленной птицей, или сразу и то, и другое, и третье. Я подняла глаза и встретилась взглядом с Ивонной.

– Она была сорванцом.

– Это да. Там даже есть статья о том, как ей не разрешили дебютировать на балу св. Цецилии, потому что ее видели на публике в брюках. Судя по всему, юная Джулия выросла на плантации своего дяди вместе с его пятью сыновьями. Ее мать была, как раньше выражались, «чувствительной». Сегодня это означало бы, что ей нужно немного валиума, чтобы справиться с жизнью. Джулия вернулась в Чарльстон, лишь когда ей исполнилось десять лет.

– Тогда почему отец подарил ей кукольный домик, если это явно не то, в чем заключались ее интересы?

Нола встряла в наш разговор с тяжелым вздохом, призванным показать нам – я ничуть в этом не сомневалась – нашу очевидную недогадливость.

– Чтобы помочь ей быть больше похожей на девушку. Ведь у него уже был сын, верно? Поэтому он хотел, чтобы его дочь была настоящей девочкой и, как и положено девочке, играла в куклы. – Нола

ненадолго подняла глаза, затем вновь забегала пальцами по экрану своего айфона.

Она покачала головой:

– Джек говорит, он даже рад, что я не такая кисейная барышня, как эта фифа Ребекка. Мол, будь у него возможность пойти в магазин и выбрать себе дочку, он все равно выбрал бы меня. – Она фыркнула: – Ну-ну.

Я быстро посмотрела на Нолу. Интересно, поняла ли она, что только что сказала? Что Джек, несмотря ни на что, рад, что она у него есть. И пусть она сама еще не смирилась с тем, что у нее есть отец и что он хочет, чтобы она присутствовала в его жизни, он уже давно пришел к такому выводу.

Я вновь переключила внимание на бумаги передо мной и сглотнула тугой комок в горле.

– Что вы узнали об Уильяме? Я случайно наткнулась на мавзолей семьи Маниго на кладбище Круглой церкви, и его имени нет на мемориальной доске – только его родители да еще место для Джулии. Джек сказал, что бумажный след Уильяма полностью исчез в 1938 году.

Ивонна кивнула.

– Но до 1938 года сведения есть. Например, известно, что он изучал инженерное дело в Клемсоне, но о получении им диплома архивы молчат. Похоже, он бросил учебу на четвертом курсе, но о том, чем он занимался потом, нет никаких сведений.

– Джулия сказала, что он и ее отец повздорили и Уильям ушел из дома. И с тех пор она не получала от него вестей.

– Ни слова? Никогда?

Я покачала головой.

– Я допускаю, что можно полностью разругаться с семьей и хлопнуть дверью, но то, что его больше никогда не видели, а он сам не оставил никаких подсказок относительно того, куда он мог уйти, все это крайне подозрительно.

– Моя мама переехала в Калифорнию и с тех пор не черкнула родителям даже строчки, – подала голос Нола, даже не удосужившись оторвать взгляд от своего телефона.

– Да, – согласилась Ивонна. – Подобные вещи случаются постоянно. Но отсутствие банковских счетов, ипотеки, завещания или

могилы! Согласитесь, что это подозрительно. По крайней мере, у твоей матери была ты, и ты была той ниточкой, которая связывала ее с прошлым.

Нола лишь вздохнула и продолжила строчить эсэмэски.

– Я не думаю, что Гарольд Маниго был хорошим человеком, – сказала я. – Я не удивлюсь, если узнаю, что он как-то связан с исчезновением Уильяма.

Ивонна вопросительно посмотрела на меня, как будто ожидала моего объяснения, каким образом я пришла к такому выводу о Гарольде. Я прочистила горло:

– Должно быть, Джулия сказала нечто такое, что произвело на меня такое впечатление.

– Гм, – только и сказала она и, вытащив другую папку, начала перелистывать страницы. – Есть еще кое-что, что, как мне казалось, будет вам интересно. Помните, я упомянула, что Гарольд Маниго сколотил часть своего состояния на инвестициях в недвижимость? В какой-то момент ему принадлежала почти тысяча акров земли в округе Джорджтаун, включая старый дом его семьи и то, что осталось от плантации. Очевидно, он получил все это от брата в обмен на погашение его довольно солидных долгов. Как вы можете себе представить, земля сейчас очень дорога, и застройщики зарятся на нее уже много лет. И совсем скоро, похоже, они получат свой шанс.

– А земля все это время была в собственности семьи? – уточнила я.

– Да. Элитный, а значит, лакомый кусок на берегу реки. Похоже, мисс Джулии предложение застройщика понравилось, и они планируют начать очистку территории, как только получат все разрешения. В последнее время по этому поводу было много шума в газетах. Защитники природы и «зеленые» возмущены. Вы наверняка читали об этом.

Я виновато улыбнулась. Мне было неловко признаться, что единственный раздел в газетах, который я читала, – это реклама недвижимости.

– Должно быть, я пропустила, – промямлила я.

– Да, компания «Кобб Хоумбидерс» планирует многоцелевую застройку участка. Жилой комплекс по типу «все включено» с магазинами, развлечениями и жилыми кварталами. Идея состоит в том, чтобы люди везде передвигались пешком, а не на машине. Вроде

того как начинались все американские города, если вы спросите меня. – Ивонна помахала руками перед лицом, как будто разгоняла воздух. – В любом случае, сделка, как говорится, уже на носу, но многочисленные экологические группы неустанно подают иск за иском. В это дело вмешалось Общество охраны памятников, потому что дом надсмотрщика все еще в его собственности. Главный дом был разрушен в результате пожара еще в тридцатые годы, но, похоже, историки и краеведы считают, что этот домик тоже представляет исторический интерес. Несмотря на это, застройщик, похоже, уверен в том, что выиграет все иски, тем более что они уже всю добиваются выдачи разрешений на строительство.

– Интересно, почему Джулия решила продать эту землю сейчас, спустя столько времени?

Ивонна аккуратно сложила на столе руки.

– Говоря прямо, я подозреваю, что ей нужны деньги. Я не очень хорошо ее знаю, лишь через общих знакомых, но она уже давно на пенсии. Да, у нее есть пенсия по старости, и наверняка неплохая, но я проходила мимо ее дома достаточное число раз, чтобы понять, что тот разваливается. Поддерживать этот старый дом в целостности и сохранности – значит отправить ее в богадельню.

Я удивленно подняла брови:

– Добро пожаловать в мой мир. Если у нее закончились деньги, полученные в наследство, или она сделала несколько неудачных вложений и живет исключительно на пенсию, я понимаю, зачем ей нужны деньги.

– И, к сожалению, она последняя из их династии. Из пяти ее кузенов женился только один, и у него не было детей, так что у нее нет родственников, к кому можно было бы обратиться за помощью. Ни своих детей, чтобы поддерживать ее в старости. Это, должно быть, очень одинокое и грустное существование. Вы просто не представляете себе, как я рада, что у меня есть дети и внуки.

Я внезапно увидела себя в старости, согбенную и сморщенную, сидящую в своем разрушающемся доме на Трэдд-стрит без детей, способных утешить и поддержать меня в моем старческом слабоумии. У меня будут кошки, много кошек, и я напугаю любого ребенка, которому хватит смелости позвонить мне в дверь на Хэллоуин. Я

найму кого-то вроде Ди Давенпорт, чтобы она кормила меня жидкой пищей и меняла мне подгузники. Я вздрогнула.

– Что вы узнали о ее женихе? Его звали Джонатан, но я не знаю его фамилии.

Ивонна улыбнулась улыбкой, которую, улыбнись так кто-то другой, я бы назвала снисходительной, но на лице Ивонны это просто была ее всезнающая, уверенная улыбка, на которую я привыкла полагаться. Она встала, вновь подошла к коробке и вытащила из нее еще одну папку.

– Я не была уверена, нужно ли вам что-то из этого, но я на всякий случай сложила все в отдельную папку. Это объявления о рождениях, свадьбах и кончинах в их семье. Есть уведомление о помолвке, которое вас наверняка заинтересует.

Она открыла папку и, достав что-то из нее, придвинула ко мне. Как оказалось, ксерокопия фотографии мужчины и женщины. Женщина, брюнетка с блестящими волосами, собранными в высокую прическу, сидела в большом кожаном кресле. За ней, положив руку ей на плечо, стоял высокий худощавый мужчина, тоже брюнет. Судя по свободному покрою платья женщины, снимок был сделан в тридцатые годы. Ее левую руку, скромно положенную поверх правой на коленях, украшало большое кольцо с темным камнем – возможно, сапфиром. Я бы не назвала ее красивой, но она была миловидна, со светлой кожей и выразительными, ясными глазами. Улыбка, однако, изменила ее лицо так, что было невозможно отвести взгляд или даже поверить, что это та самая суровая Джулия Маниго, которую я знала.

А вот мужчина был, несомненно, хорош собой, некоторые даже называли бы его красавцем. Темноглазый, с сильными, точеными чертами лица, сегодня он мог бы красоваться в рекламе «Аберкромби». Или же «Брукс Бразерс». Впрочем, для накачанных моделей «Аберкромби» он был слишком изыскан. Мужчина едва заметно улыбался, не показывая зубов, чем напомнил мне таинственную улыбку Моны Лизы. Я поднесла фото ближе к глазам. Странно, но, глядя на него, можно было подумать, что оно хранит какую-то тайну.

Подпись под фотографией гласила:

«Мисс Джулия Дрейтон Маниго, дочь мистера и миссис Гарольда Маниго, проживающая на Монтегю-стрит в Чарльстоне, помолвлена,

дабы сочетаться священными узами брака с мистером Джонатаном Крайслером Уоттсом из Джорджтауна.

Бракосочетание состоится в субботу, 12 августа, в католической церкви Святой Марии».

Я подняла глаза:

– Что случилось с Джонатаном?

Как будто она уже ожидала мой вопрос, Ивонна передала мне еще одну ксерокопию. Посмотрев на нее, я увидела, что это объявление о смерти. Я прищурилась, в очередной раз отругав себя за то, что не взяла очки, которые позволили бы мне прочесть крошечный отпечаток небольшой газетной вырезки.

– Вам прочесть? – спросила Ивонна, протягивая руку.

Надев на нос очки, которые висели у нее на шее, она прочистила горло и прочитала:

– «Джонатан К. Уоттс, двадцати двух лет и трех месяцев, скончался от гриппа после недолгой болезни в доме его родителей в Джорджтауне в четверг вечером. В последний путь его проводят родители, мистер и миссис Артур Крайслер Уоттс, и брат Генри А. Уоттс из Мюррелс Инлет. Церемония прощания состоится...»

Ивонна не договорила.

– Вам, вероятно, не нужно, чтобы я зачитывала подробности похорон, а вот дата его смерти вам наверняка покажется интересной. – Выдержав для пущего эффекта, Ивонна сказала: – Двадцать девятое июля 1938 года.

Я удивленно подняла брови:

– Бедная Джулия. В том же году, когда исчез Уильям, а в следующем умерли ее родители. Потерять сразу четырех близких, причем одного за другим. Мне даже страшно представить ее горе. – Совпадений не бывает, вспомнила я слова Джека и тотчас подумала: вдруг в данном случае это все же было ужасное совпадение?

– Мелли? – прервала мои размышления Нола.

Я пронзила ее взглядом, который бы составил честь моей матери.

– Я хотела сказать... извини, Мелли.

– Да, Нола? Говори.

– Джек только что написал мне. Спрашивает, где я.

С удивлением посмотрев на часы, я увидела, что мы опаздываем. Я быстро сунула бумаги обратно в папки, а те, в свою очередь, в мою

большую сумку.

– Огромное спасибо, Ивонна. Как всегда, вы были великолепны. Я сообщу, если нам понадобится что-то еще.

– Всегда готова помочь. Вы же знаете, я обожаю разгадывать все эти маленькие загадки для вас и Джека. Держите меня в курсе, если узнаете что-то еще, и я сделаю то же самое.

Нола тоже встала и без всякой подсказки сказала:

– Было приятно познакомиться с вами, миссис Крейг.

– А мне с тобой, Нола. – Ивонна бросила пристальный взгляд на айфон Нолы: – Могу я кое-что написать твоему отцу, очень быстро?

Растерянно посмотрев на меня, Нола передала Ивонне свой телефон:

– Конечно.

Ивонна начала печатать текст. Мы с Нолой терпеливо наблюдали, как она медленно нажимает каждую клавишу.

– Было бы быстрее, если бы вы сказали мне, что вы хотите, и я бы в два счета набрала вам эсэмэску, – с надеждой в голосе предложила Нола.

– Я сама, – сказала Ивонна и, напечатав несколько последних символов, вернула телефон Ноле. – Я не знаю, где тут у тебя кнопка «отправить», поэтому так уж и быть, сделай это за меня. У нас здесь довольно плохой прием, так что тебе, возможно, придется подождать, пока ты выйдешь наружу, и уже там отправить.

Мы попрощались с Ивонной и вышли на улицу. Нола остановилась на тротуаре и удивленно уставилась на экран своего мобильного. Затем, не говоря ни слова, она повернула его ко мне, чтобы я смогла прочесть сообщение. Прищурившись, я пробежала глазами слова, после чего посмотрела на Нолу.

Увидимся позже, красавчик. Приходи провести меня.

– Мне это отправить?

– Разумеется. Он будет рад. Главное, добавь пояснение, что это от Ивонны.

Нола что-то набрала, затем нажала кнопку «отправить» и рассмеялась. Я последовала ее примеру. Мне очень хотелось надеяться, что, по крайней мере, это поднимет Джеку настроение по сравнению с тем, в каком я видела его в последний раз.

* * *

Когда кабина лифта остановилась на этаже Джека, дверь в его лофт была открыта. Я громко постучала в дверь:

– Джек? Ты в приличном виде? Это Мелли и Нола.

– Входите! – донесся откуда-то из глубины его голос.

Мы толкнули дверь и шагнули в квартиру. Воздух в ней был пропитан запахом отбеливателя и моющего средства для окон. Красивый антиквариат, от Франции семнадцатого века до эпохи ар-деко, органично сочетался с нержавеющей сталью и черным гранитом кухни, современными светильниками и красными кирпичными стенами, смягчая резкость их линий. Безупречное чувство стиля Джека во многом было связано с тем, что он рос в антикварном магазине его родителей, но умение составлять отдельные вещи в единое гармоничное целое было определенно его уникальным талантом. Этот талант мог бы добавить Джеку дополнительной привлекательности в моих глазах, если бы его не уравнивали все его другие, вызывающие раздражение черты.

– Я здесь! – крикнул Джек.

Мы направились на его голос в спальню, выполненную в черном цвете в сочетании с хромом, с ее потрясающей красоты шкафом в китайском стиле, превращенным в развлекательный блок на стене напротив большой двуспальной кровати. Я ни разу не бывала в глубине квартиры Джека и была рада, что со мной сейчас Нола. К счастью, кровать была заправлена и на полу не валялось грязное белье. И никаких забытых бюстгалтеров. Я однажды уже имела такой опыт и не была настроена на его повторение.

Кстати, я заметила, что беспорядка почти не было. В прошлые мои посещения тут вечно валялись газеты и журналы, одежда и тарелки были разбросаны практически повсюду. Сегодня в квартире царил безупречный порядок.

Джек появился в дверях ванной комнаты в белой майке и рваных джинсах. У меня тотчас слегка перехватило дыхание, но в следующее мгновение я заметила желтые резиновые перчатки на его руках, а в них – аэрозольный баллончик с пенящимся моющим средством для ванной.

– Мы ничему не помешали? – рискнула спросить я.

Джек посмотрел на Нолу и улыбнулся:

– Нет, совсем нет. Просто был занят, ждал, когда приедет Нола.

Я посмотрела мимо Джека на сверкающий хром и мрамор умывальника с двумя раковинами, но не заметила на нем туалетных принадлежностей ни мужского, ни женского назначения.

– Разве здесь нет службы уборки?

– Есть, но иногда у меня чешутся руки самому навести идеальный блеск. – Он повернулся ко мне, и его улыбка исчезла: – Что привело тебя сюда?

Чтобы скрыть обиду, я принялась рыться в сумочке. Если честно, тон его голоса задел меня за живое. Я вытащила ключи от его машины:

– Хотела вернуть их тебе.

– Не проще ли было отдать их Ноле?

– Моя мама тоже так делала, – тихо сказала Нола.

Мы оба повернулись к ней.

– Что именно? – спросила я.

– Драила все до блеска. Когда она пыталась слезть с наркотиков, она устраивала такую дикую уборку. Говорила, что это отвлекает ее, да и руки слишком заняты... – Ее голос оборвался.

Мы с Джеком посмотрели друг на друга, как будто оба вспомнили мой оставшийся без ответа вопрос. Ты снова запил? Теперь я была почти уверена, что вряд ли, но на всякий случай попросила отца проследить за Джеком. Хотя бы для того, чтобы тот знал, что он не одинок в борьбе со своими демонами. Какая-то часть меня хотела, чтобы этим человеком была я, но ведь я тоже не ответила на его вопрос и потому вряд ли могла вписаться в эту роль. *Ты бы согласилась спать со мной, если я скажу, что мне от этого станет лучше?* Я покраснела, вспомнив его слова, но глаз не отвела.

– У нас с Нолой распланирован весь день, так что тебе еще нужно?

Я думала, что если я приеду к нему, то мы помиримся. Мы могли бы извиниться друг перед другом – за что, я не был уверена, – и продолжить то, что делали до той ссоры на променаде. Словно ребенок, неготовый покинуть кондитерскую, я выпалила:

– Вообще-то, есть еще одна вещь. Моя мать сказала, что ты еще не ответил на приглашение на мой день рождения, и я просто хотела убедиться, что ты это приглашение получил. – Я съезжилась. Вот уж никогда не думала, что я такое скажу. Мало того что спрашивать человека, ответил он или нет на приглашение, само по себе дурной тон, еще не хватало мне, чтобы он понял, что мне это не безразлично.

Мне показалось, будто уголки его губ слегка дернулись, но, не считая этого, его лицо осталось бесстрастным.

– Я получил.

– Отлично. – Я улыбнулась, надеясь, что Джек добавит что-то еще, например: «Конечно, я приду», но вместо этого он промолчал – вероятно, потому что знал, что я жду его ответ.

Чувствуя себя идиоткой, которая не знает, где остановиться, я продолжила гнуть свою линию:

– Потому что Ребекка тоже получила приглашение и ответила, что придут два человека, но я на всякий случай хотела сказать тебе, что ты тоже приглашен, с Ребеккой или без нее. Потому что она моя кузина и ее нельзя не пригласить, а ты... мы ведь старые друзья, поэтому ты тоже должен прийти. С Ребеккой или без. Вот почему я отправила тебе отдельное приглашение. Потому что мы друзья. И там будут горы вкусной еды. Обслуживать будет Келли Уайт, а, как ты знаешь, в этом деле нет никого лучше ее. Моей матери в буквальном смысле пришлось продать душу, чтобы у нее приняли заказ, потому что все сейчас хотят, чтобы Келли обслуживала их вечеринки.

Даже Нола странно посмотрела на меня, пока я без умолку трещала о глупых приглашениях и вечеринке. Подозреваю, что даже в два года, когда я только училась говорить, я гораздо внятнее излагала мои мысли.

Джек по-прежнему молчал.

– Ладно, мне пора, – сказала я. – У меня в три часа еще одна сделка и показ дома в шесть. Дела, дела.

– Не сомневаюсь, – наконец сказал он. – И потому не хочу тебя задерживать.

– Верно. – Я повернулась на каблуках и направилась обратно к входной двери. – Не скучай, Нола. Увидимся позже сегодня вечером.

Я повернула ручку и уже почти шагнула за дверь, когда Джек заговорил снова:

– Ах да, прежде чем ты уйдешь. Я тут пару раз пообщался с мисс Джулией. Не только когда я привозил Нолу на урок, но я также вызвался выполнить небольшие плотницкие работы, починить половицы, балясины, или что там еще нужно.

Я попыталась сделать вид, будто мне безразлично, что он умеет обращаться с плотницкими инструментами, но это была проигранная

битва.

– Вот как? – произнесла я, стараясь не показывать моего удивления, что его все еще интересует семейство Маниго и их призраки.

– Она хранит записку или письмо – нечто очень старое и зачитанное, что оно почти превратилось в клочья, – в коробке в форме головы Санта-Клауса в ее рождественской комнате. Думаю, это что-то важное. Но, поскольку она не в курсе, что я видел, как она вынимала эту бумагу и убирала обратно, а она сама не упомянула об этом, я не могу заговорить с ней на эту тему. Но если ты не знаешь, о чем спросить Уильяма, когда будешь говорить с ним, думаю, это было бы хорошим началом. Потому что тогда, если ты спросишь ее о записке, она поймет, что ты действительно говорила с ним.

Его слова стали своего рода оливковой ветвью примирения, и я с радостью ее приняла.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Обязательно. – Я не стала говорить ему, что уже сделала несколько нерешительных попыток связаться с Уильямом. Моя жизнь вновь вошла в размеренное русло, как то было до того, как я встретила Джека, и до того, как мать вернулась в мою жизнь. И я не была уверена, что хочу вновь раскачать ее, словно лодку, и отклониться от привычного курса.

Я зашагала к лифту, когда его голос вновь окликнул меня:

– Я тут на днях прочитал одну вещь и тотчас подумал о тебе.

Польщенная тем, что Джек обо мне думал, – по моим венам даже пробежали приятные электрические импульсы, – я с улыбкой повернулась к нему:

– Что именно?

– Жизнь начинается там, где заканчивается ваша зона комфорта. Это было вышито на подушке в витрине магазина.

Я затаила дыхание, судорожно подыскивая слова, чтобы объяснить ему, что я вполне довольна собой, что не всем нужно выскакать из самолетов, прыгать с кем-то в постель или раздражать злых духов, чтобы ощутить вкус жизни. В моей жизни было немало вещей, которые приносили мне радость. Просто в данный момент я не могла припомнить ни одну из них.

Вместо того чтобы отвечать или молча стоять в коридоре в ожидании лифта, я зашагала вниз по лестнице. Стук моих каблучков по

деревянными ступенями – вот и весь мой грустный и жалкий ответ на его
вызов.

Глава 20

Сумерки в Чарльстоне опускаются на город, словно неожиданный сюрприз, окрашивая церковные шпили и оштукатуренные дома оттенками розового и фиолетового, окутывая город шалью эфирного света. Меня постоянно мучил вопрос, не эта ли красота и есть одна из причин, почему так много бывших жителей отказывались покинуть город даже после смерти.

Я застала мать в палисаднике перед домом, где я сама когда-то проводила много времени с бабушкой. Должно быть, это место было особенным и для моей матери, поскольку она поручила отцу воссоздать точную копию сада моего детства.

Перед ней стояла нетронутая чашка чая с опавшими сливками поверх остывшей жидкости. Лежащий у ее ног Генерал Ли несколько раз лениво помахал в знак приветствия хвостом, затем снова опустил голову и закрыл глаза.

Моя мать посмотрела на меня, но, лишь сев с ней рядом, я в тусклом свете увидела, что на ее лице нет улыбки. Ее руки были сложены на коленях, на кованом железном столике перед ней стоял бумажный пакет. Рядом лежали перчатки, которые она обычно носила, чтобы не касаться вещей, которые могли бы ей что-то сказать.

– Как прошел твой день? – спросила она, когда я потрогала бок керамического графина, холодного на ощупь.

– Как обычно. Куча приезжих, ищущих выгодные предложения и уезжающих разочарованными. Моя новая офис-менеджер Шарлин – кстати, без моего согласия – отменила предварительный просмотр дома, поэтому у меня было время заняться с ней йогой. Софи звонила не менее трехсот раз, чтобы спросить о цветах для свадьбы. Когда Шарлин вызвалась помочь, заявив, что раньше занималась организацией свадеб, я просто передала ей телефон. Убила двух зайцев одним выстрелом.

Губы матери тронула легкая улыбка.

– А еще я все-таки продала лофт в бывших складских помещениях на Ист-Бэй-стрит и заработала неплохие комиссионные. – Моей

улыбки как не бывало, стоило мне подумать о том, сколько денег из этих комиссионных уйдет на новый фундамент дома на Трэдд-стрит.

Мать ничего не сказала. Посмотрев на нее внимательнее, я заметила, какая она сегодня усталая, подавленная и бледная. Я осторожно наклонилась к ней.

– В чем дело? – спросила я, сосредоточив внимание на пакете.

Она вопросительно подняла брови:

– Похоже, тебе пора задуматься об этом всерьез.

– О нет, только не это. – Я покачала головой и, открыв пакет, заглянула внутрь. Там, прижатые друг к другу, как дрова, лежали четыре игрушечных члена семьи из кукольного домика. – Зачем ты их трогала? Особенно без меня?

– Я без перчаток прикасалась только к матери. Она была самой слабой, поэтому я сочла ее самой безопасной. Но они постоянно приходили ко мне. В моих снах, вернее, кошмарах. Мать, Энн, все время хочет мне что-то показать, но Уильям и Гарольд не дают ей это сделать. Как будто они отчаянно хотят что-то скрыть.

– Почему ты ничего не сказала мне о своих снах?

– Я думала, что у тебя твои собственные сны, просто ты ничего о них не говорила. Пока этим утром Нола не сказала мне, что ей приснился плохой сон, и это был тот же сон, что постоянно снился и мне, и я поняла, что по какой-то причине они выбрали Нолу и меня.

– Нолу? Зачем она им?

Мать пристально посмотрела мне в глаза:

– Потому что она уязвима. – Она устало откинулась на спинку стула. – Нола сказала мне, что во сне приходила ее мать и прогнала их.

– Как ангел-хранитель, – тихо сказала я. – Я сказала Ноле, что, возможно, именно поэтому Бонни все еще здесь. Чтобы присматривать за ней. Думаю, когда я это сказала, Ноле стало легче. – Вспомнив свое недавнее посещение кладбища и фото, которое мне показала девочка-подросток, я рассказала о них матери. – Она защищала меня от Гарольда, но я не знаю почему. Нолы даже не было со мной рядом.

Мать поерзала на стуле, как будто ее что-то встревожило.

– Это точно была Бонни?

Я кивнула:

– Точно. Я видела ее достаточно часто рядом с Нолой. Так что да, это была она.

– Похоже, рядом с тобой она испытывает материнские чувства, но по какой причине, я даже ума не приложу.

Мать продолжала в упор разглядывать меня. Я даже почувствовала себя неловко.

– Тогда почему они приходят во сне к тебе и Ноле, а не ко мне?

– Они пытаются отпугнуть нас.

– От чего? – спросила я, бросив пакет на стол – не хотела прикасаться к нему дольше, чем то было необходимо.

– Они знают, что ты самая сильная, что ты можешь разыскать Энн и изолировать ее, найти то, что они всеми силами пытаются скрыть. Похоже, они считают, что мы с Нолой остановим тебя.

Останови ее.

– Так вот что означали слова на сгоревшей ковровой дорожке и начертанные на стене Ноле? Как ты думаешь?

Мать покачала головой:

– Не знаю почему, но я так не думаю. В конце концов, ты пока не сделала ничего такого, чтобы они видели в тебе реальную угрозу. Думаю, происшедшее на кладбище – это скорее случайность, нежели нечто большее.

– Скажу честно, они убедили меня прекратить любые попытки. И если бы этот кукольный домик не нравился Ноле так сильно, я бы предложила вернуть его Амелии, чтобы она продала его, и поставить на этой истории точку.

Мать глубоко вздохнула:

– С этим кукольным домиком связаны несколько очень несчастных духов, Мелли. И есть крайне несчастная женщина, которая все еще жива и хочет поговорить со своим братом. Мы можем им помочь. Скажи, разве ты не чувствуешь себя хотя бы немного обязанной?

Мое твердое «нет» застыло на моих губах, словно, произнеси его вслух, я бы выставила себя лгуньей. Но тут мне в голову пришла другая мысль:

– Почему Нола не рассказала мне о своих снах?

– Потому что, – сказала мать, едва заметно улыбнувшись, – если ты прогонишь семью Маниго, то, скорее всего, прогонишь и ее мать. А Ноле приятно, что та еще здесь.

– И это проблема? Быть рядом с любимым человеком?

– У меня нет ответа, Мелли. Не забывай, для того дела, которое мы делаем, нет никаких учебников. Но, судя по моему опыту, остаются только те духи, которым что-то не дает покоя, но, как только они получают ответы на интересующие их вопросы, они внезапно видят свет и следуют за ним. Бродить по миру живых – это временное состояние, мешающее им переступить границу между жизнью и смертью.

Солнце опустилось еще ниже. Я смиренно вздохнула:

– Ты сможешь мне вступить в контакт с Уильямом? Если мы сумеем отпугнуть Гарольда, возможно, он передаст нам сообщение для Джулии.

– Я тоже думала об этом, так как связаться с Энн не получилось.

Я встала и взяла пакет с игрушечными фигурками.

– Надень перчатки. Твоя попытка общаться с Энн уже ослабила тебя. Ты не готова к разговору с Уильямом. Давай я попробую сама... а ты просто будешь со мной в комнате. Я не такая сильная.

Мать безропотно надела перчатки и, опершись на стол, поднялась со стула.

– Желаю удачи, – сказала она. Ее голос звучал гораздо увереннее, чем ее внешний облик.

Мы включили свет в зале, а все остальное оставили в темноте. Судя по тем фильмам о призраках, которые я видела по телевизору, Голливуд считал, что призраки в большинстве своем предпочитают темноту. Думаю, это имело смысл. Когда-то они были живыми людьми, а большинству людей, которых я знала, не нравился яркий дневной свет, выставляющий напоказ все их пороки и недостатки. Вряд ли мертвые сильно отличаются от них в том, что касается света, а их самый очевидный недостаток – неспособность умереть полностью.

Мы медленно вошли в гостиную, Генерал Ли побежал следом за нами. Толстый обюссонский ковер приглушал наши шаги. Сквозь витраж в комнату проникал свет уличных фонарей, отбрасывая на стены и мебель цветные пятна. А вот кукольный домик, теперь отодвинутый к дальней стене, оставался в темноте, занимая свое собственное черное пространство.

– Достань из пакета Уильяма, – велела мне мать. – Затем сложи верх и поставь пакет с остальными на столе в коридоре.

Я отнесла пакет обратно в коридор, чтобы лучше рассмотреть фигурки. Заглянув внутрь, я была готова поклясться, что Гарольд сердито посмотрел на меня. Быстро найдя Уильяма, я вытащила его из пакета, одной рукой скатала бумажный верх и поставила пакет на чиппендейловский столик.

Мои пальцы гудели и вибрировали, их кончики ощущали тепло, как будто я касалась живого, дышащего человека. Желая поскорее избавиться от него, я быстро вернулась в гостиную и поставила фигурку на кофейный столик.

– Что мне делать теперь?

Я скорее ощутила, нежели увидела неодобрительный взгляд матери, которым та меня удостоила:

– Что ты делала с гессенским солдатом и Мэри Гибсон?

– Я лишь говорила с ними, как сейчас говорю с тобой.

– Вот и давай. Поговори с Уильямом. Скажи ему, что тебе нужно.

Я села на диван напротив матери и глубоко вздохнула. Фигурка Уильяма стояла на столе между нами. Положив обе руки на колени, я прочистила горло.

– Уильям Маниго? Ты здесь?

Ничего не случилось. В комнате слышалось лишь тиканье каминных часов да сопенье Генерала Ли, который взялся вылизывать себя. Я сердито посмотрела на пса, затем повернулась лицом к кукле:

– Уильям Маниго, у меня есть сообщение от твоей сестры Джулии. Ты можешь говорить со мной?

Температура в комнате резко упала, а на башне кукольного домика вспыхнул крошечный лучик. Он начал на глазах расти и мерцать, постепенно превращаясь в столб света, подрагивавший между полом и потолком рядом с кукольным домиком. Генерал Ли заскулил, а затем и вообще пулей выскочил из комнаты, трусливо поджав хвост.

– Уильям? Это ты?

Свет начал принимать очертания человека. Сначала у него появились руки и ноги, а затем голова, правда, согнутая под странным углом. Его костюм был в стиле тридцатых годов, волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор, его тело было вполне осязаемым, и, если бы он не светился, его можно было легко принять за реального человека.

– Ты видишь его? – тихо спросила я, слегка повернув голову к матери.

– Да, – прошептала она. – Он тот, кого я видела во сне.

Уходи.

Я скорее почувствовала слова, нежели услышала их. Звучавшая в них угроза не оставляла сомнений. На меня налетел порыв ледяного ветра – довольно сильный, он даже взъерошил мне волосы.

– Твоя сестра, Джулия, хочет получить от тебя весточку. Ты хочешь ей что-то сказать?

Останови ее. Я встала. Моя мать тоже встала рядом со мной. Она потянулась за моей рукой и крепко ее сжала.

– Мы сильнее тебя, – сказала я вслух.

Неправда.

Рука матери еще сильнее сжала мои пальцы.

– Есть ли что-то, что ты хотел бы сказать своей сестре? – повторила я свой вопрос. – Она желает поговорить с тобой.

Останови ее.

Я крепко стиснула зубы, чтобы мой подбородок перестал дрожать. Между тем в комнате стало еще холоднее.

– Почему ты хочешь остановить ее?

Она знает. Если она не остановится, в будущем ждут страдания.

– Почему ты еще здесь? Есть ли что-то, что тебе нужно завершить, прежде чем ты сможешь двигаться дальше?

Он повернул голову, и я увидела на его шее темный, черный с синим рубец. Я вспомнила фигурку Уильяма из кукольного домика и полоску клея, которым голову приклеили к шее. *Он не позволит мне.*

– Кто, Уильям? Твой отец?

Останови ее. Если она этого не сделает, будет только хуже.

– Что с тобой случилось, Уильям? Я думаю, Джулия хочет это знать, чтобы обрести покой. Ты можешь мне это сказать?

В темной комнате прозвучал смех – если это можно назвать смехом.

Она знает.

– Что она знает?

Свет начал мерцать и ослабевать, исчезая в чернильной темноте, как кислород в огне.

– Подожди! – Я шагнула вперед, и моя мать, все еще державшая меня за руку, вместе со мной. – А как же письмо? То, которое Джулия хранит в коробке в виде головы Санта-Клауса. Что это такое?

Сердцевина сжимающегося света на миг вспыхнула ярче.

Она считает его доказательством невинности, хотя это не так. Но пусть она и дальше верит в это. Заставь ее остановиться.

– Зачем? – спросила я в очередной раз, но свет исчез. В комнате уже становилось тепло. Я упала на диван, усталая и расстроенная. – Да, поговорили, называется. Вот это облом.

Мать встала, чтобы включить люстру, и замерла перед дверью, ведущей в коридор.

– Не совсем.

Почувствовав запах дыма, я бросилась к ней. Мы обе увидели тлеющий пакет на чиппендейловском столике. Центральная его часть выглядела целой, но загнутый край светился красным, причем свечение то исчезало, то делалось ярче, как будто пакет дышал.

Думая главным образом о спасении мебели, я сбросила пакет на сосновый пол и принялась затапывать его тлеющий край, пока красное огненное пятно не погасло, а подошва моей сандалии от «Бруно Магги» не покрылась слоем пепла.

В воздухе повис запах горелой бумаги. Я посмотрела на мать:

– Замечательно. Ничего не скажешь. Похоже, мы кого-то разозлили... скорее всего, Гарольда. И мне очень, очень не нравится, когда он злится.

Мать наклонилась, чтобы поднять пакет.

– Знаю, дорогая. Но ты молодец и заслужила спокойный вечер. Иди набери себе ванну и понежься в ней подольше. Больше никаких призраков сегодня вечером.

Не успела она это сказать, как радио в комнате Нолы оживило, заорав на всю громкость: «Я только начинаю». Эти слова были так хорошо мне знакомы, что я уже помнила их наизусть.

– Только не это! – прошептала я, устало поднимаясь по лестнице, с завистью вспоминая мою прошлую жизнь, когда голоса мертвых были чем-то таким, что я могла легко пропустить мимо ушей.

* * *

Я изо всех сил пыталась одновременно закрыть зонтик и войти в дверь кондитерской Рут, не намокнув под дождем и не уронив сумочку и портфель. В следующий момент в дверь просунулась сильная рука и забрала у меня зонт, давая мне возможность проникнуть внутрь. Я повернулась, чтобы поблагодарить моего благодетеля, но моему взгляду предстала его широкая спина. Осторожно сложив мой зонтик, он прислонил его к стене рядом с дверью и повернулся ко мне. Моей заранее наклеенной улыбке как не бывало. Передо мной стоял Джек, и, судя по его лицу, он ничуть не удивился, увидев меня. Хотя и не слишком обрадовался моему появлению. Он напомнил мне мальчишку, которого отправили в кабинет директора, но который настроен, несмотря ни на что, постоять за себя.

– Доброе утро, Мелли.

Я посмотрела на Рут, стоявшую за стойкой. Ее глаза блестели. Она тайком пригладила волосы и поправила воротничок рубашки. Не будь ее кожа такой темной, я готова поклясться, она зарделась румянцем. Я же невольно задалась вопросом, найдется ли хоть одна женщина, кроме Нолы, невосприимчивая к обаянию Джека.

– Что ты здесь забыл? – спросила я, подходя к стойке за моим утренним заказом, пончиками и капучино, которые обычно в семь тридцать уже ждали меня на стойке Рут.

– Я думал, это общественное заведение, – ехидно произнес Джек, садясь за один из двух столиков.

Оторвав глаза от сумочки, из которой я выуживала купоны, которые каждую неделю вырезала для Рут из неп прочитанной воскресной газеты, я поймала на себе ее хмурый взгляд.

– Где ваши манеры, барышня? Этот джентльмен пытался проявить галантность, а вы ему нагрубили. А ведь мать наверняка учила вас другому.

Я со шлепком положила купоны по стойку, в надежде на то, что она не станет грозить мне пальцем, чего я искренне опасалась.

– Все в порядке, Рут, – сказал Джек, вытягивая под столом длинные ноги. – Мне не привыкать.

Я порылась в сумочке в поисках бумажника и улыбнулась Рут. В ответ та лишь странно поводила бровями и, указав на безымянный палец левой руки, мотнула головой в сторону Джека.

Я прищурилась, пытаюсь понять, что она пытается мне сказать. Рут с еще большей выразительностью повторила свои мимические упражнения.

– Нет, Рут, я не женат, – сказал Джек за моей спиной. – Мелли в курсе этого факта, и мне неоднократно приходилось отражать ее поползновения. Я просто счастлив, что остался относительно цел и невредим, что все мои конечности при мне, а большая часть моей одежды в целостности и сохранности.

В мои планы не входило доставить ему удовольствие, споря с ним, поэтому, вновь повернувшись к Рут, я спросила:

– Мой заказ готов? Сегодня утром у меня совещание, и, чтобы выжить, я должна получить хорошую дозу сахара и кофеина.

Рут поджала губы, всем своим видом показывая, что разочарована во мне.

– Нет, пока не готов, и это займет какое-то время, так что можете присесть. Сначала я обслужу этого джентльмена.

Мои брови взлетели вверх напрасно: не удостоив меня даже взглядом, Рут нарочито медленно взялась складывать из плоского картонного листа коробку для пирожных. Вздохнув, я отступила к соседнему с Джеком столику, демонстративно проигнорировав второй стул за его столом, выдвинутый в явном приглашении сесть.

Положив сумку и портфель на стул, я повернулась к Джеку:

– Итак, почему ты здесь?

– Я пообещал Ноле, что принесу ей завтрак, а ты говорила, что она обожает пончики с сахарной пудрой из пекарни Рут. Я должен расспросить ее о Бонни. Вот я и решил воспользоваться твоим советом и подлизаться к ней. Я планировал поговорить прошлым вечером, но мы так классно проводили время, что я не осмелился портить ей настроение расспросами о ее матери.

Нола ничего не сказала о том, чем они занимались с Джеком, поэтому я предположила, что они провели весь день, смотря на DVD «Сумерки» и поедая попкорн. Будь я до конца честна сама с собой, я бы призналась себе, любимой, что чувствую себя слегка обделенной. Втроем мы бы провели время гораздо веселее – и они, и я, которая вместо этого расставляла на полке специи миссис Хулихан.

– Чем вы занимались? – Я поймала себя на том, что задала вопрос.

– Я свозил ее на фестиваль искусств. Купил несколько билетов на мюзикл «Евангелие в Колоне» в концертном зале «Гайяр», и, знаешь, ей понравилось. Что касается искусства, у нее довольно эклектичные вкусы, и я подумал, что Сполето для нее идеальное место.

Разумеется, он был прав. Фестиваль искусств ежегодно притягивал к Чарльстону внимание всей страны. В течение двух недель в нашем городе было не протолкнуться от толп туристов. Я никогда не посещала концерты, спектакли или художественные выставки, избегая многолюдных мест и продолжая жить в прежнем ритме. Но сегодня я даже пожалела, что не побывала на фестивале вместе с Нолой и Джеком.

– Я рада, что она хорошо провела время. – Я посмотрела на Рут. Та была занята тем, что острым краем ножниц мучительно, медленными движениями украшала упаковочную ленту фестончиками. Для коробки с пончиками для Джека. За все годы, когда я ежедневно приходила к Рут, я ни разу не видела ни дюйма никаких ленточек.

Я снова повернулась к Джеку:

– Ты узнал, кто такой этот Рик Чейз? Я не слышала, чтобы Нола снова разговаривала с ним по телефону, но мне кажется, она просто старается не делать этого в моем присутствии.

Джек побарабанил кончиками пальцев по столу.

– Да, узнал. Это последний бойфренд Бонни. А еще он автор слов и музыки хита Джимми Гордона – того самого, который все время крутят по радио.

– «Я только начинаю»? – спросила я. – Это песня всегда звучит, когда радио Нолы включается само по себе. Что это должно означать?

Джек пожал плечами:

– Я просто думаю, что Нола не случайно ненавидит этого певца, чья песня имеет отдаленную связь с Бонни. Я хочу спросить ее об этом, а заодно выяснить, что значат для нее слова «глаза моей дочери».

– Пожалуйста, сообщи мне, если что-то узнаешь... хоть что-нибудь. Это поможет мне найти подход к Бонни, если у меня получится подольше задержать ее рядом с собой и поговорить.

– Ты часто видишь ее?

Я кивнула:

– Часто. Главным образом рядом с Нолой или в ее комнате, в углу, где та хранит гитару матери и ее ноты. А также ее рюкзак и плюшевого

мишку. Кстати, на нем надета футболка с надписью «Университет Южной Каролины», ты это знал?

Джек покачал головой:

– Какой номер на этой футболке?

Я на мгновение задумалась.

– Знаешь, забавно, что ты упомянул это. На вид это обычная футболка студенческой команды, но номер, похоже, вышит вручную. Кстати, имени на ней нет. Как будто Бонни купила обычную футболку, а потом сама вышила на ней номер.

Я снова посмотрела на Рут. Та двигалась как сонная муха. Я даже собралась подойти к стойке и помочь ей.

– Раз уж мы говорим о Бонни, хотела тебя кое о чем спросить. Когда ты ее знал, была ли она склонна к материнским чувствам?

Джек как-то странно посмотрел на меня.

– Я бы не сказал... в конце концов, мы оба были студентами, у нее было не так много возможностей проявить материнские качества. Но она всегда была очень заботливой... внимательной к людям. Всегда ставила интересы других выше собственных. Думаю, это одна из причин, почему она ушла, не сказав мне о Ноле. Это не эгоизм, просто она не хотела обременять меня браком. В ее планы не входило выходить замуж или оставаться в Южной Каролине. – Джек на мгновение задумался. – Но, судя по всему, она была замечательной матерью. Несмотря на свои недостатки, Бонни правильно воспитывала Нолу, раз та выросла такой сильной. – Он наклонил голову: – Почему ты спрашиваешь?

Я рассказала ему о случившемся на кладбище Круглой церкви и о том, как Бонни вмешалась, чтобы защитить меня. Джек открыл было рот, чтобы что-то сказать, но снова закрыл.

– Не важно, – секунду помолчав, сказал он.

– Нет, говори. Что ты хотел сказать?

Джек едва заметно улыбнулся:

– То, что ты и Бонни могли бы стать подругами.

– Почему ты так думаешь?

Он пожал плечами:

– По той же причине, по которой вы дружите с Софи. Но также потому, что она воспринимала бы тебя как очередной свой проект, как кого-то, кому нужно что-то поменять в своей жизни.

– Кто сказал, что мне нужно что-то менять в жизни? Мне хорошо и так.

Рядом со столом Джека появилась Рут и поставила перед ним перевязанную лентой коробку.

– Я не собираюсь занимать ничью сторону, сэр, даже если вы правы. Она мой постоянный клиент.

Джек рассмеялся и откинулся на спинку стула. Я осталась сидеть, пытаюсь найти ответ – в духе комментария Рут, но без личного оскорбления.

– Спасибо, Рут. Я уверен, моей дочери понравятся ваши пончики.

Джек застегнул молнию на куртке и поднял воротник, готовясь выйти под ливень. Затем надел красную бейсболку колледжа Южной Каролины и, словно футбольный мяч, взял под мышку коробку с пончиками.

– Да, и еще одна вещь. Занимаясь поисками Рика Чейза, я заодно погуглил фамилию Маниго и обнаружил в округе Джорджтаун их семейную плантацию, где застройщики готовятся очистить землю.

Я резко вскинула голову:

– Как ты узнал об этом? По словам Ивонны, ты не жаловал ее своим вниманием с тех пор, как впервые спросил о Маниго.

– От Нолы. Она слышит намного больше, чем готова в том признаться. В любом случае, Ивонна обмолвилась о протестующих эоактивистах, что привлекло внимание Нолы, и та рассказала мне. Я выяснил кое-что очень интересное про главный дом, который сгорел дотла. – Джек для пущего эффекта выдержал паузу. – Угадай, в каком году это случилось?

Я нахмурилась, но тотчас вспомнила мой разговор с Ивонной о том, каким тяжелым выдался год для Джулии – брат исчез, жених умер, а в следующем году ушли из жизни оба родителя.

– В тысяча девятьсот тридцать восьмом?

– Бинго.

– Совпадений не бывает, – медленно сказала я.

– Верно, не бывает.

Мы пристально посмотрели друг на друга.

– Так что же будет дальше? – спросила я.

Джек взялся за дверную ручку.

– Это решать тебе, Мелли. – Он помахал Рут и открыл дверь. – Увидимся, – сказал он и шагнул за порог.

Я повернулась к Рут, которая с деланным усердием заворачивала верх моего пакета с пончиками. Заплатив ей за них и кофе, я вышла из магазина без зонтика, ломая голову над тем, что имел в виду Джек – темные семейные тайны Маниго или что-то еще.

Глава 21

Чтобы не привлекать внимания Шарлин, я как можно тише закрыла за собой заднюю дверь, ведущую в наш офис с автостоянки. Я жаждала тишины и покоя, и у меня не было настроения выслушивать утреннюю болтовню Шарлин или даже получить очередное приглашение присоединиться в ней и сесть в позу лотоса или в какую-то другую. И, разумеется, я не горела желанием, чтобы она снова конфисковала мои пончики и капучино. Ведь потом мне не видать их как своих ушей.

Я успешно дошла до моего кабинета, где поставила стаканчик с кофе и сумку на стол. Внезапно какой-то звук за моей спиной заставил меня обернуться. Моя сумка задела стаканчик, но, к счастью, не свалила его на пол. Шарлин стояла рядом со столиком перед окном, на котором теперь стоял небольшой аквариум с двумя золотыми рыбками. На его дне в некой странной имитации картины кораблекрушения лежал пластмассовый затонувший кораблик и была разбросана галька.

Встав руки в боки – главным образом, чтобы закрыть от Шарлин мой завтрак, – я пронзила ее, как мне казалось, испепеляющим взглядом, означавшим «хотела бы услышать достойное объяснение», который я в последнее время совершенствовала с помощью Нолы и моей матери.

– Чем могу помочь, Шарлин?

– Ничем, мэм. Просто я делаю свою работу, – ответила она с тягучим южным акцентом. – Я изучала фэн-шуй для офиса, и, согласно ему, в каждом офисе должен быть водный объект или аквариум, так как это способствует успеху. Я не сумела найти настольный фонтанчик, поэтому поставила аквариум. Живые существа и вода дарят омоложение и спокойствие, и я подумала, что вам не помешает ни то, ни другое. От вас требуется лишь давать им щепотку корма два раза в день и пару раз в неделю очищать стенки аквариума. – Она просияла широкой улыбкой. – Он в вашем полном распоряжении.

– Это Софи подбросила вам эту идею?

– Доктор Уоллен? Нет, мэм, не она. Я додумалась сама. – Она снова просияла. – Хотя, когда она позвонила, я рассказала ей об этом, и она,

похоже, пришла в восторг и сказала, что вам понравится.

– Не сомневаюсь. – Я посмотрела на рыбок. Интересно, должна ли я дать им имена, прежде чем выброшу их в ближайший фонтан. В нашем районе их было много. – Огромное спасибо, – сказала я, надеясь, что она распознала сарказм в моем голосе. – Есть еще что-нибудь?

Шарлин пыталась заглянуть мне за спину, но я продолжала поворачиваться, закрывая от нее пончики.

– Есть сообщение для вас. Пришло по голосовой почте вчера вечером. От Ребекки Эджертон.

Заметив розовый листок бумаги, торчавший из-под покрытого жирными пятнами пакета с пончиками, я еле сдержала стон. Мне удавалось избегать ее звонков на мой мобильный. Я до последнего тянула с ответным звонком, пытаясь как можно дальше отодвинуть неизбежное раздражение, которое всегда сопровождало мои разговоры с кухней.

– Замечательно. Полагаю, она хочет, чтобы я перезвонила ей.

– Вообще-то, она сказала, что заедет к вам в восемь утра. По ее словам, у нее к вам срочный разговор.

Вот как? Мучимая любопытством, я вынула записку из-под пакета, в очередной раз загородив собой от Шарлин мой стол.

– Здесь только ее имя. – Я посмотрела на Шарлин в надежде услышать объяснение.

– Я знала, что уже буду здесь, когда вы придете, и смогу сообщить вам устно.

Я посмотрела на часы и с трудом подавила еще один стон. Чтобы проглотить мои пончики, у меня было ровно пять минут. Ребекка унаследовала не только склонность приходить ранее назначенного времени, но и ген сладкоежек, я же была не в настроении делиться.

Шарлин шагнула к моему столу, и я осторожно взяла ее за руку:

– Спасибо, Шарлин, но я бы хотела до ее прихода кое-что успеть сделать. Если бы вы могли отправить Ребекку обратно, когда она приедет сюда, и отвечать на адресованные мне звонки, я была бы вам крайне признательна.

Она явно собиралась заговорить о том, что мне следует переставить в моем кабинете мебель, чтобы открыть поток энергии, но я уже захлопнула дверь. Подбежав к столу, я схрумкала первый пончик

и уже собралась откусить от второго, когда в мою дверь постучала, а потом и сунула внутрь голову Ребекка:

– Доброе утро, кухня!

Я залпом проглотила капучино, чтобы запить пончик, сунула второй в верхний ящик стола и встала.

– Привет, Ребекка. Какой приятный сюрприз!

Поцеловав меня в обе щеки, она села на один из стульев перед моим столом.

Она была... вся в розовом. Ее безупречная кожа была окрашена на высоких скулах в естественный розовый цвет, в тон ее ярко-розовой помаде и ногтям. Розовый жакет был перехвачен в талии широким ремнем из черной лакированной кожи, в ушах – крохотные розовые сережки. Смотреть на нее было сродни тому, как смотреть на огромный ворох сладкой ваты – в целом приятно, но если добавить еще немного розового, то станет противно до тошноты.

– Мне только что передали твое сообщение, – сказала я, пытаюсь сразу перейти к делу, чтобы она не задерживалась слишком долго. Не то чтобы Ребекка была мне совсем неприятна, но не скажу, чтобы она нравилась. Мое двойственное отношение к кровной родственнице, пусть и далекой, могло быть вызвано тем, что поначалу она скрывала от меня, кто она такая и ее мотивы для знакомства со мной. По крайней мере, я старалась в это верить. Все-таки это не так обидно, как точить зуб на собственную кухню только потому, что она встречалась с Джеком. В конце концов, она познакомилась с ним задолго до меня, еще до его помолвки с покойной Эмили.

– Симпатичный аквариум, – сказала она, указывая на подарок Шарлин. Она села, скрестив ноги, и принялась покачивать верхней вверх и вниз.

– Спасибо, – сказала я, стараясь не дергать ногой и быть немногословной, чтобы поскорее закончить наш разговор. В конце концов, должна же я доесть мой второй пончик до начала совещания! Я подняла брови, давая понять, что жду, что она скажет дальше.

– Как дела у Нолы? – спросила она.

– У нее все отлично. Она больше не жалуется, когда ей нужно идти к Джулии Маниго на уроки музыки, и мы почти уверены, что осенью она пойдет в девятый класс в Эшли-Холл. Помимо этого, она стала виртуозом текстовых сообщений, и они с Олстон Равенель

пристрастились к «Скажи «да» платью». Кстати, о платьях. Софи попросила Нолу стать младшей подружкой невесты на ее свадьбе. И Нола просто влюбилась в платье, которое Софи выбрала для нее.

– Не сомневаюсь, – сказала Ребекка.

То же самое сказала и я, когда Софи сообщила мне, вот только вряд ли я произнесла это тем же уничижительным тоном. Я действительно была рада, что они нашли общий язык. Лично я все еще пыталась набраться храбрости, чтобы признаться Софи в том, что я лучше пойду к алтарю, завернувшись в целлофан, чем надену тот ужас, который она придумала для меня.

– Не кажется ли тебе, – между тем продолжила Ребекка, – что Эшли-Холл слишком близко? На северо-востоке есть замечательные школы, учеба в которых лучше бы подходила... э-э-э... стилю Нолы.

Я тут же ошетибилась:

– Вообще-то, в этом изюминка Нолы. Да, она определенно другая, но она другая потому, что это ей идет, а не потому, что она пытается кого-то шокировать. Более того, она действительно хороший ребенок с великолепной головой на плечах. Конечно, она все еще подросток, но мы с ней еще не поубивали друг друга, поэтому я полагаю, что это хорошо. Да и Джек хочет, чтобы она была рядом. Ведь он и так пропустил первые тринадцать лет ее жизни. Не думаю, что он захочет пропустить еще хотя бы одну секунду. – Я не без легкого злорадства подалась вперед: – Сейчас они так хорошо ладят, что Джек, похоже, вот-вот попросит меня помочь ему найти квартиру побольше, чтобы Нола могла переехать к нему.

Ребекка нахмурилась, но, поймав на себе мой взгляд, поспешила разгладить лоб. Заметив, что морщины не исчезли полностью, я испытала момент неподдельного счастья. Ребекка на несколько лет моложе меня, но рядом с ней я всегда чувствовала себя намного старше своих лет.

– Итак, – сказала я, откашлявшись, – что у тебя за срочное дело?

Она покачала головой, как будто пыталась очистить ее от нежелательных мысленных картин.

– Да. Верно. – Она разгладила на коленях светлую льняную юбку. – Я хотела спросить, делился ли с тобой Джек своими замыслами по поводу следующей книги?

– Ты имеешь в виду его книгу о Луизе Вандерхорст и моем доме на Трэдд-стрит?

Ребекка энергично потрянула головой:

– Нет. И хотя он в упор этого не видит, я думаю, эта книга никогда не увидит свет. Он наверняка сохранит аванс, но вряд ли его издатель планирует ее опубликовать.

Я сложила руки на столе, лишь бы не вцепиться Ребекке в горло.

– Почему ты так говоришь? Ты слышала что-то определенное о планах его издателя? С какой стати платить ему все эти деньги и петь дифирамбы его книге, а затем, что называется, взять и выдернуть ковер из-под ног... отказаться от всего этого проекта?

Ребекка слегка пожала плечами, стараясь при этом не встречаться со мной взглядом.

– Не знаю. Но давай посмотрим на это с практической точки зрения. Джек продолжает биться головой о стену, я же думаю, что пришло время двигаться дальше. Найти новый проект и с головой уйти в него, а не заикливаться на возникшем препятствии.

– Когда издатель без объяснения причин отправляет твою книгу в долгий ящик – это больше, чем препятствие, Ребекка. Думаю, как человек пишущий, ты способна это понять.

– Конечно, – с терпеливой улыбкой согласилась она. – Я лишь пытаюсь сказать, что Джеку не следует топтаться на месте. Не лучше ли взяться за новую книгу? Продвинуться как можно дальше вперед, чтобы, оглянувшись назад, принять неудачу как новый личный опыт. Может, даже уйти от нынешнего издателя и продать книгу о Луизе кому-то еще. – Прижав ладони к краю моего стола, Ребекка громко прошептала: – Ты наверняка заметила, что в последнее время он... сам не свой.

В мои планы не входило вступать с Ребеккой в дискуссию о Джеке и его душевном состоянии. Откинувшись на спинку стула, я демонстративно взглянула на часы, чтобы она это заметила.

– Но какое отношение это имеет ко мне и почему ты говоришь, что это срочное дело?

Ее лицо стало серьезным.

– Потому что мы обе знаем, о чем должна быть его следующая книга.

Во мне шевельнулась тревога.

– Мы?

Ребекка кивнула:

– Подумай хорошенько, Мелани. Это ведь очевидно.

Когда же я никак не отреагировала, она сочла нужным мне подсказать:

– Затонувшая лодка, скелет на ее борту, старый портрет женщины с фамильным ожерельем...

Я хлопнула обеими ладонями по столешнице:

– Только не это. Это личная, очень интимная семейная история. Я не хочу, чтобы кто-то узнал о том, что в нашем роду была убийца.

– Это ведь был несчастный случай!

– Да, но кто поверит в это, зная, как моя прабабушка унаследовала все, что должно было достаться той несчастной женщине?

– Я могла бы помочь с пиаром. Объяснить, что, хотя твоя прабабушка на самом деле не была Приоло, твоя семья в конечном итоге породнилась с семьей Приоло, что сделало вас полноправными владельцами дома на Легар-стрит.

Пока она говорила, я все время покачивала головой. Но Ребекка, не обращая на меня внимания, продолжала упиваться своим красноречием:

– Мы могли бы даже отправиться в книжный тур вместе с Джеком... ты только представь, какие толпы людей мы втроем привлечем! Джек уже все исследовал, так что ему не составит труда...

– Нет! – Я не собиралась кричать, но, по крайней мере, это заставило ее замолчать. На мгновение. – Нет, нет и нет. Тем более что при этом непременно всплывет такая «мелочь», как «разговоры с мертвыми», а без нее эту историю просто не расскажешь. Мне слишком дорога моя карьера, чтобы самой желать ее окончания, ведь люди подумают, что я чокнутая. К тому же эта история слишком... неприличная, чтобы рассказывать о ней во всеуслышание. Сама знаешь, какие люди в этом городе... это значит поставить жирный крест на нашей репутации. Не то чтобы у меня были ближайшие планы, но что, если у меня будут дети? Как на них скажется это позорное пятно?

– Но ведь они пока не предвидятся, не так ли? – спросила она невинным тоном, как будто не хотела, чтобы этот кинжал пронзил мое сердце.

– Пожалуй, нет. Но даже твои дети будут жить с этим позорным клеймом.

Похоже, на этот раз до нее дошло. Она закрыла рот и откинулась на спинку стула.

– Я об этом не подумала. Но, возможно, ты права. – Она принялась задумчиво жевать нижнюю губу. Взгляд ее был устремлен в пространство, на что-то, чего там не было.

– Вдруг у меня будет дочь и ей из-за этого не позволят дебютировать на балу Св. Цецилии?

Если честно, у меня руки чесались придушить эту Ребекку! Увы, представив газетные заголовки вроде «Кровь все расскажет» или «Правнучка убийцы совершает убийство» я усилием воли заставила себя заговорить мягко и спокойно:

– Джек – умный и находчивый парень. Он справится. Рано или поздно он найдет новый книжный проект, который увлечет его и позволит двигаться дальше. Но не раньше, чем он будет готов.

Ребекка закатила глаза к потолку:

– Боюсь, у меня нет такого терпения.

Я прикусила язык. Меня так и подмывало напомнить этой кукле, что не все здесь касалось ее. Карьера Джека и его чувство собственного достоинства были чертовски важнее, чем его способность вечно ее ублажать. Я не была экспертом по человеческим отношениям в любой степени воображения, но я давно поняла, как процентное соотношение усилий в отношениях меняется в зависимости от потребности и ноль против ста никогда не сокращает его. Но я не собиралась давать ей советы по отношениям. Не то чтобы она все равно выслушала бы меня.

– Ты уже поделилась с Джеком своей идеей? – спросила я вместо этого.

Ребекка кивнула:

– Он отказался меня слушать. Заявил, что это значит злоупотреблять дружбой, а потом, в сущности, произнес то же, что и ты. – Она пристально посмотрела на меня: – Ты уверена, что не...

– Абсолютно. А теперь, надеюсь, ты не станешь возражать, если я перед моей первой встречей с клиентом займусь кое-какой работой. – Я встала и обошла стол, на тот случай, если ей понадобится физическая поддержка, чтобы покинуть мой кабинет.

Ребекка взяла сумочку и, закинув ремешок на плечо, тоже встала.

– Кстати, ты в курсе, что мы дальние родственники Кейт Миддлтон, нынешней невесты принца Уильяма? По линии нашей бабушки. Моя мать провела кое-какие исследования и это выяснила. Она даже очень обиделась, что нас не пригласили на королевскую свадьбу.

Я удивленно подняла брови, не зная, как на это реагировать. К счастью, Ребекка этого не заметила и продолжала трещать:

– Кстати, говоря о приглашениях, скажи, ты отправила приглашение Марку? Он обмолвился, что еще не получил его, но я надеялась, что оно просто потерялось где-то на почте.

Я не отправляла Марку никаких приглашений. Впрочем, нет, я написала его, но отложила в сторону. Во-первых, я знала, что на День Каролины у него будет своя собственная вечеринка в его пляжном домике, и я не рассчитывала, что он откажется от нее ради моего дня рождения. С другой стороны, я не была уверена, что хочу его там видеть. Рядом со мной. В этом платье. Как только часы пробьют полночь и мне исполнится сорок, кто знает, к чему может меня подтолкнуть мое отчаяние.

– Он что-то говорил тебе? – спросила я, пытаюсь выиграть время.

– Да, говорил. Похоже, он обиделся.

– Я спрошу мать, – сказала я, приняв озабоченный вид. – Попрошу ее проверить, включен ли он в список и отправлено ли ему приглашение.

Я сделала шаг вперед, как бы намекая, чтобы она сделала то же самое, и начала двигаться к двери. На полпути к выходу Ребекка снова остановилась.

– Прошлой ночью мне приснился очередной сон про твою мать и младенца.

Я подавила нетерпеливый вздох.

– Только на этот раз в нем была ты, и ты была босиком и в какой-то нелепой хламиде.

Я тут же наострила уши:

– В такой белой и прозрачной... надетой поверх купальника?

Ребекка удивленно вытаращила глаза:

– Точно! У тебя есть что-то подобное?

– Пока нет. Это мое платье подружки невесты для свадьбы Софи. – Наши взгляды встретились. – О черт, ты думаешь, Софи беременна?

– Вполне возможно. Я не удивлюсь, если твоя мать начнет суесться из-за ребенка Софи, ведь она ей почти как вторая дочь. Почему бы тебе самой не спросить у Софи? И дай мне знать, чтобы мне перестали сниться младенцы. Есть и другие вещи, которые видеть в снах куда приятнее.

Она сделала еще один шаг, но снова остановилась.

– Предлагаю помолиться о том, чтобы в день свадьбы Софи пошел дождь. Тогда ты сможешь надеть поверх этого жесткого платья плащ. Это твоя единственная надежда.

– Спасибо, Ребекка, за совет и за то, что заглянула ко мне. Всегда рада тебя видеть.

Она снова поцеловала меня в обе щеки.

– И если ты передумаешь насчет книги Джека, дай мне знать.

– Обязательно, – пообещала я, провожая ее взглядом.

Я вернулась в свой кабинет и, посмотрев на аквариум, попыталась почувствовать себя спокойной и помолодевшей. Когда этого не произошло, я вернулась к ящичку стола, достала свой слегка помятый пончик и съела его, размышляя о капризах судьбы, сделавшей Ребекку Эджертон моей родственницей.

* * *

Когда я въехала на подъездную дорожку, на обочине перед домом моей матери стоял фургон доставки с логотипом местного музыкального магазина. Я подбежала к двери, в которую нетерпеливо названивал мужчина с футляром для гитары.

– Давайте я заберу его у вас, – сказала я, подходя к нему.

– Я ищу Джека Тренхольма.

– Его здесь нет, но это гитара его дочери, которую он отдавал в ремонт. Я могу расписаться за доставку.

– Вы его жена? – спросил он.

– Нет, но я живу здесь с его дочерью.

– То есть это ваш дом?

– Нет, вообще-то, это дом моей матери...

– Не важно. – Он поставил гитару и сунул мне блокнот: – Просто распишитесь внизу.

Я расписалась, дождалась, когда он уйдет, после чего открыла дверь, чтобы занести гитару внутрь. Стоило мне прикоснуться к футляру, как я услышала музыку. Кто-то играл на гитаре ту самую печальную мелодию, которую я уже слышала раньше. Я повернула голову, пытаюсь понять, откуда раздается музыка, но всякий раз, когда я это делала, музыка доносилась с другой стороны, как будто ее играли в моем ухе для меня одной.

Я бросила сумочку и портфель в пустом фойе.

– Привет! – крикнула я на всякий случай, хотя и знала, что все – мои родители и Нола – ушли на ужин к Тренхольмам и, похоже забрали с собой Генерала Ли, потому что его нигде не было видно. Если только он не прятался в кухне, обиженный на меня за то, что я оставила его одного.

Я медленно поднялась по лестнице и вошла в комнату Нола, чтобы положить гитару ей на кровать. Мне хотелось устроить ей сюрприз, когда она вернется и увидит ее. Открыв дверь спальни, я моментально почувствовала присутствие Бонни... еще до того, как увидела ее. Так обычные люди, входя в переполненную комнату, чувствуют на себе чей-то взгляд. Из моего рта струйкой вырвалось облачко пара, словно зимой на улице.

– Бонни?

Угол комнаты, где были сложены рюкзак и плюшевый мишка Нола, мерцал ярким белым светом. Стопка нот на тумбочке, на которые Нола положила сверху три толстые книги, подрагивала и раскачивалась, края листов хлопали, как злые птицы крыльями.

– Бонни? – повторила я. – Я знаю, что ты там.

Я пождала секунду и, когда она не исчезла, глубоко вздохнула.

– Я могу тебе помочь. Я хочу тебе помочь. Я знаю, что ты не хочешь говорить со мной напрямую, но мы здесь – одна команда. И я действительно хочу помочь тебе, тебе и Ноле.

Словно далекий гул океанской волны, по комнате пронесся мягкий вздох. *Нола.*

Стараясь не смотреть в угол комнаты, откуда – я это чувствовала – она наблюдала за мной, я положила гитару на кровать.

– У нее все хорошо, и теперь они с Джеком ладят гораздо лучше. Ты на это надеялась, я знаю. Вот почему ты отправила ее сюда.

Мне так холодно.

Я кивнула:

– Ты была хорошей матерью, Бонни. Взгляни на Нолу, и ты это увидишь. С ней все будет в порядке. Но тебе пора двигаться дальше. Я могла бы помочь тебе, если ты мне позволишь.

Я больше не хочу мерзнуть.

– Тогда скажи мне, Бонни, чего ты хочешь? Что тебе нужно знать?

Слово, когда оно прозвучало, как будто обрушилось с потолка, словно дождь, пропитав меня с головы до ног своим смыслом.

Прощение.

Мне на глаза мгновенно навернулись слезы.

– Возможно, она еще этого не осознала, но я знаю: Нола простила тебя за то, что ты оставила ее. Но ей кажется, что ты ушла потому, что не считала ее чем-то важным. Она не понимает, почему ты оставила ее.

Ей без меня лучше. Я не хотела, чтобы она и дальше страдала из-за меня.

– Нола любит тебя. Ты ведь это знаешь, верно? Она просто сердита и растерянна. Но она всегда любила тебя.

Скажи Джеку...

Свет в углу задрожал, и ее голос оборвался.

– Что я должна сказать Джеку... что?

Я не очень сильная. Я не могу... сказать тебе... все.

– Так что я должна сказать Джеку? – повторила я, чувствуя, что она ускользает.

Скажи Джеку... Мне жаль. Скажи ему... Нола...

Я посмотрела в угол комнаты: там виднелась лишь голова Бонни, ее лицо и волосы. Остальная часть тела уже исчезла.

– Что насчет Нолы?

Только... Нола. Он знает. Он знает, как... найти глаза моей дочери.

Она сжалась до крошечного пятнышка света. Ничего не понимая, я покачала головой. У меня без ответа оставалась еще тысяча вопросов.

– На днях... на кладбище... Почему ты пыталась защитить меня?

Светящаяся точка исчезла, унеся с собой ледяной холод, но оставив тихий звук гитарного аккорда и безошибочный звук женского смеха.

Глава 22

Я проснулась от криков Нола. Я вскочила с кровати, едва не наступив на Генерала Ли, и едва не столкнулась с матерью в коридоре перед спальней Нола. Я без всякого стука толкнула дверь. На мое счастье, та сразу открылась.

Генерал Ли заснул, оставшись ждать в коридоре, а мы с матерью вошли в комнату. Жалюзи все еще были опущены, но в тусклом утреннем свете я смогла разглядеть очертания мебели и гитару Бонни, прислоненную к стулу. Нола лежала на кровати, свернувшись в позе эмбриона. Простыни валялись на полу. От пота ее волосы прилипли к голове. Дыхание было учащенным, глаза закрыты, голова моталась из стороны в сторону.

– Нола! – Моя мать включила верхний свет и села на кровать рядом с ней. Придержав одной рукой голову девочки, она другой пощупала ее лоб. – Она вся горит. Принеси стакан воды из ванной, – сказала она мне.

Возвращаясь, я случайно задела ногой гитару Бонни, прислоненную к стулу. Та покачнулась. В течение последних нескольких вечеров я слышала, как Нола тихонько играет на ней, как будто не хочет, чтобы кто-то услышал ее. Я узнала первые такты песни, которая вечно крутилась в глубине моего сознания, но Нола всегда обрывала мелодию, как будто не помнила, что играть дальше. Я также узнала что-то очень похожее на «Танцующую королеву», но решила никак это не комментировать.

Поставив стакан с водой на тумбочку, я увидела, как моя мать ласково поглаживает Нолу по спине и шепчет, пытаясь ее разбудить:

– Открой глаза, Нола. Это просто дурной сон. Открой глаза, и все плохое уйдет.

Нола резко открыла глаза. Ее зрачки были расширены – два черных бездонных колодца.

– Остановите ее, – прохрипела она. – Они хотят, чтобы я остановила ее.

Я передала матери стакан с водой, и та поднесла его к губам Нола:

– Выпей. Это поможет тебе стряхнуть сон, и тогда мы поговорим.

Нола села в кровати, поморгала, словно пытаюсь стряхнуть наваждение, и сделала два глубоких глотка. Мать забрала у нее стакан. Нола поднесла руки к лицу и убрала налипшие на лоб влажные волосы.

– Что случилось? – спросила она, глядя то на мою мать, то на меня, как будто она только сейчас осознала наше присутствие.

– Тебе приснился дурной сон, – пояснила моя мать. – Ты кричала, и мы с Мелли пришли посмотреть, что с тобой не так.

Я шагнула вперед, и под моей ногой хрустнуло что-то твердое. Подняв ногу, я увидела на полу игрушечную фигурку Уильяма Маниго. Голова мальчика была повернута под уже хорошо знакомым неестественным углом.

– Черт, – выругалась я. – Я наступила на одну из фигурок и сломала ее. Не волнуйся. Я ее починю. Я уже великий мастер по части склеивания. Но тебе не следует бросать их на пол.

Нола широко раскрыла глаза:

– Я не бросала.

Мы с матерью переглянулись.

– Где ты ее оставила?

– Внизу. В кукольном домике. И я знаю это наверняка, потому что вчера, когда здесь была Олстон, мы с ней снова привели в порядок комнату и расставили все фигурки так, чтобы каждый занимался своим делом. Уильям сидел за роялем в гостиной.

Моя мать заправила за ухо Нола прядь волос.

– Ты можешь вспомнить, о чем был сон?

Нола покачала головой:

– Нет. Нет... Не могу...

– Вот, держи меня за руку. Так будет проще вспомнить.

Нола осторожно протянула руку моей матери и крепко схватила ее пальцы. Они обе закрыли глаза.

– Скажи нам, что ты видишь, – попросила ее моя мать. Ее голос звучал напряженно, рука крепко сжимала руку Нола.

– Там были... Уильям... Уильям и его отец. Они не очень любят друг друга. Уильям играл на рояле, но это только злило его отца. Я не знаю почему. Музыка была... такой прекрасной. Не понимаю почему...

Нола открыла глаза, но моя мать еще крепче сжала ее руку.

– Продолжай, – мягко приказала она.

Нола снова закрыла глаза. Мне было видно, как ее глазные яблоки движутся взад-вперед под веками.

– Затем они были в доме... не в кукольном, а в настоящем... на Монтегю-стрит. И сами они были не куклами, а живыми людьми. Мисс Джулия тоже была там... точно такая же, как сейчас, очень старая. Они ждали за дверью в эту жуткую комнату Санты, как будто им туда не разрешали войти или, возможно, они сами не хотели. Но они точно хотели, чтобы она их услышала, потому что они очень громко кричали: «Прекрати. Немедленно прекрати». Она или не обращала на них внимания, или же просто их не видела и не слышала, потому что вела себя так, будто их там не было. А потом...

Она задрожала всем телом, и моя мать обняла ее за плечи.

– Тсс. Успокойся. Можешь больше ничего не говорить.

По-прежнему не открывая глаз, Нола сглотнула комок в горле.

– Я должна. Мне кажется, это важно. И эта часть пугает меня больше всего.

Мы с матерью снова переглянулись, и я поняла: она уже знает, что скажет Нола.

– Что было дальше, Нола? – подсказала я.

– Они разговаривали не с мисс Джулией. – Нола открыла глаза, в них застыл страх. – Они говорили со мной. В этом сне я лежала здесь, в своей кровати, а они стояли рядом со мной и кричали на меня. Приказывали мне остановить ее. – Нола заплакала. – Я не знала, что они имели в виду, но я боялась спросить у них. Наверно, именно тогда я закричала, потому что после этого я больше ничего не помню.

Я больше не смотрела на Нолу. Мой взгляд переместился на тумбочку, где лежали ее мобильник и открытый журнала «Севентин». У одной из страниц был загнут угол. Но мое внимание привлекло другое – игрушечная фигурка Гарольда Маниго, стоявшая на углу стола лицом к кровати Нолы.

– Дай угадаю. Ты оставила фигурку мистера Маниго в кукольном домике?

Нола кивнула:

– Да, в библиотеке за столом.

Подумав мгновение, я взял со стола ее айфон.

– Могу я на секунду одолжить его?

– Конечно. Зачем?

Я сказала это вслух, прежде чем успела отговорить себя от этой затеи:

– Я позвоню твоему отцу. Похоже, ему и мне нужно еще разок навестить мисс Джулию. Теперь они втягивают в свои склоки тебя, и это внезапно стало очень личным.

* * *

Джек всю дорогу с Легар-стрит до Монтегю-стрит летел сломя голову. Я даже пожалела, что не поехала на своей машине, чтобы встретить его уже там. Но я опасалась, что, приехав туда первой, я встречу с одним из обитателей дома – живым или мертвым. При этом я не хотела приехать после Джека. Я знала: он не позволит себе грубости по отношению в женщине, но, поскольку вопрос касался его дочери, я понятия не имела, чего ожидать. Да и вообще, меня не слишком вдохновляла мысль о том, что мне придется возмещать ущерб за дюжину разбитых керамических Санта-Клаусов.

Наш разговор в машине был натянутым и неловким. Я делала вид, что между нами все так же, как и всегда. Джек, в отличие от меня, даже не пытался. Я украдкой поглядывала на него, когда мы на всей скорости объезжали углы, тщетно пытаюсь вспомнить то время, когда он еще не был частью моей жизни.

Он был одет в то, что я про себя называла его «повседневной писательской» формой, – мокасины без носков, брюки цвета хаки и голубую рубашку на пуговицах с закатанными рукавами. Было еще утро, но он был чисто выбрит, рубашка аккуратно заправлена в брюки с ремнем. Интересно, задалась я невольным вопросом, на кого этот красавчик пытается произвести впечатление? Явно не на меня.

Он без улыбки, спрятав глаза за солнцезащитными очками, открыл мне дверь, быстро перешел улицу и, вбежав на крыльцо, позвонил в старинный дверной звонок. Когда я доплелась до нижней ступеньки крыльца, Ди Давенпорт уже открывала дверь.

Увидев перед собой Джека, она широко улыбнулась, и на ее пухлых щеках появились ямочки, но затем она заметила меня, и выражение ее лица мгновенно сделалось хмурым.

– У вас назначена встреча?

Джек шагнул вперед и положил руку на дверь, чтобы Ди не могла ее закрыть.

– Привет, Ди. Как вы поживаете? Этот розовый оттенок вам к лицу. – Он повернулся ко мне: – Ты когда-нибудь видела такой дивный персиково-кремовый цвет лица, как у мисс Ди?

Я поднялась на крыльцо и, встав позади Джека, улыбнулась и кивнула в знак согласия.

– Единственный в своем роде цвет, – сказал я.

Джек посмотрел на Ди:

– Извините, что мы не позвонили заранее, но я очень надеялся, что у мисс Джулии найдется несколько минут на то, чтобы обсудить одну очень важную вещь.

Было видно, что Ди колеблется.

– Она не готова принимать посетителей прямо сейчас, но если вы согласны вернуться позже...

Джек шагнул ближе и теперь стоял прямо на пороге двери.

– Позже, может быть, не получится. Я знаю, что урок моей дочери назначен на час дня, и я боюсь, что не разрешу ей прийти, если я прежде не поговорю с мисс Джулией.

Я почти видела, как в голове Ди поднимались и опускались весы, взвешивая гнев Джулии против обаяния Джека. Похоже, обаяние Джека перевесило – Ди отступила назад, впуская нас в темное фойе.

– Пойду посмотрю, готова ли она...

– Мы пойдем за вами, – решительно заявил Джек, сопроводив свои слова широкой улыбкой, призванной сразить Ди наповал.

Озабоченно наморщив лоб, та повела нас уже знакомым маршрутом в дальнюю часть дома.

– Мисс Джулия? Вы не заняты? – спросила она, постучав в дверь. – Пришли мистер Тренхольм и мисс Миддлтон. Говорят, будто им нужно немедленно вас увидеть.

Джек из-за Ди протянул к двери руку и постучал громче.

– Если вы откажетесь говорить с нами сейчас, я съезжу за кукольным домиком и привезу его сюда, и тогда вам придется общаться с несчастными духами, от которых вы пытались избавиться семьдесят лет назад.

Из-за двери не прозвучало никакого ответа. Мы с Джеком переглянулись. У меня в голове тотчас возникли кадры из сериала

«Мотель Бейтсов» – давно умершая женщина в инвалидной коляске. Но уже в следующий миг я отпрянула: щелкнул замок и дверь открылась внутрь.

Из-за двери на нас сердито смотрела Джулия Маниго. Ее седые волосы, обычно собранные в «кукиш», были распущены и висели до пояса. Даже согбенная, в ночной рубашке с высокой горловиной и с наброшенной на шею серой шалью она все еще выглядела достаточно грозной, чтобы я испуганно отшатнулась.

– Разве мисс Давенпорт не сказала вам, что я еще в постели? Я никогда не принимаю гостей до полудня, и я возмущена вашим вторжением.

– Извините нас, мисс Джулия, – сказал Джек, изобразив на лице самое искреннее раскаяние. – Но у Мелани состоялся разговор с Уильямом. И мы подумали, что вам следует о нем знать.

Я растерянно посмотрела на него. Если честно, я ожидала, что он смело возьмет этот разговор на себя, а не вытолкнет вперед меня.

Джулия отступила назад, и я увидела, что она опирается на трость с массивным набалдашником. Это явно была мужская трость, увенчанная массивной серебряной головой орла, вероятно когда-то принадлежавшая ее отцу. Мы вошли в комнату. Я обратила внимание, что диван был на ночь превращен в кровать, с подушкой и одеялами, из чего я сделала вывод, что она безвылазно проводит все свое время в этой своеобразной комнате. Я вспомнила, как она ранее призналась мне, что ее отцу эта комната не нравится и что он никогда не войдет внутрь. Уж не по этой ли причине она редко покидала ее, подумалось мне.

Мы уселись в те же неудобные кресла, набитые конским волосом, в которых сидели и в первый раз, и устремили взгляды на Джулию, которую Ди усадила в инвалидную коляску и прикрыла ей колени одеялом.

– Так что же сказал вам Уильям? – спросила она, сверля меня темными глазами.

Я посмотрела на Джека, желая убедиться, что он действительно хочет, чтобы я взяла этот разговор на себя, но вместо ответа тот лишь приподнял брови. Прочистив горло, я повернулась к Джулии:

– Пожалуйста, поймите, что, когда я говорю с духами, редко бывает совершенно ясно, что они пытаются сказать. Мы можем лишь

пытаться истолковать то, что слышим, чтобы понять смысл их слов.

Джулия подалась вперед.

– Так что он сказал? – спросила она снова, как будто не слушала меня.

– Он сказал: «Остановите ее». В противном случае, если вы не остановитесь, случится что-то нехорошее. Это что-нибудь говорит вам?

Джулия покачала головой, но не осмелилась посмотреть мне в глаза.

– Вы уверены? – вкрадчиво спросил Джек.

На этот раз она встретила с ним взглядом и покачала головой, а затем, повернувшись ко мне, спросила:

– Он сказал что-нибудь еще?

– Не совсем...

Джулия подалась вперед, ее мутные глаза вспыхнули надеждой:

– Что именно?

– Вообще-то, дело не в том, что он сказал. Просто его голова... – Я умолкла, подыскивая слова потактичнее. – Она была повернута под странным углом, а шея – вся в синяках. Как будто была сломана.

Джулия несколько раз моргнула, но ничего не сказала.

– Ваш отец мог ударить его? – продолжила я. – Пусть даже случайно, но достаточно сильно, чтобы это повлекло его смерть?

Джулия яростно затрясла головой:

– Нет. Я знаю, что мой отец не убивал Уильяма. – Она посмотрела на нас с вызовом во взгляде. – У меня есть доказательство.

– Письмо в коробке? – Это была всего лишь догадка, но удивление на ее лице подсказало мне, что я права.

– Как вы узнали о нем? Вам сказал Уильям?

Решив, что мой источник не так важен, как содержание, я ушла от прямого ответа.

– По словам Уильяма, записка является доказательством невиновности там, где ее нет. Вам это что-то говорит?

Ее глаза погасли, рот безвольно приоткрылся.

– Вам дать воды? – спросил Джек. Быстро встав, он шагнул к подносу с кувшином воды и, налив стакан, сунул его Джулии в руки. Прежде чем поднести его ко рту, она пару секунд смотрела на стакан, словно пытаясь вспомнить, что с ним нужно делать.

Между тем я продолжила, пытаясь вспомнить все, что сказал мне Уильям:

– Я могу ошибаться, потому что он не сказал это точно, но он как будто намекал, что вам что-то известно, но вы отказываетесь это видеть, намеренно или нет.

Джулия поджала губы, затем сделала еще один глоток.

Джек сел и подался вперед:

– В тот последний вечер, когда вы видели Уильяма и слышали его голос и голос вашего отца. О чем они спорили?

Она посмотрела на свои руки и сжала кулаки.

– О том же, о чем они спорили с тех пор, как я себя помню. Уильям был... тонкой натурой. Не то что наш отец. Он обожал музыку и поэзию, а проводя время на свежем воздухе, восхищался природой, а не охотился. Они с матерью были близки, часами читали друг другу вслух. Он прекрасно играл на пианино, пока мой отец ему не запретил. Он купил Уильяму ружье и постоянно внушал ему, что охота куда более пристала джентльмену, нежели всякие нежности вроде искусства. Уильям это ненавидел – почти так же, как и я, потому что отец заставлял меня учиться играть на пианино. Я делала успехи, но мне было далеко до Уильяма с его талантом. Подозреваю, что отец это понимал и поэтому постоянно давил на меня, требуя, чтобы я добивалась совершенства.

Ее лицо осветила неестественная улыбка.

– Я бегала быстрее и стреляла метче моих кузенов и родного брата, и, наверно, это превратило моего отца в жестокого человека. Через год после того, как я вернулась к своим родителям в Чарльстон, отец на Рождество подарил нам лошадей. Красивого черного жеребца для меня и маленького пегого пони для Уильяма, так сказать, в назидание.

– А ваша мать не возражала? – спросила я, хотя уже знала ответ.

Джулия горько усмехнулась:

– У моей матери никогда не было своего мнения. Раньше таких, как она, называли «чувствительными». Я точно не знаю, что это значит. Знаю только одно: она избегала любых неприятностей. Большую часть времени она проводила в своих комнатах. – Джулия поджала губы, словно это могло помочь ей забыть отцовскую жестокость. – Отец немного смягчил свой нрав лишь после того, как в нашу жизнь вошел Джонатан.

– Ваш жених? – подсказала я.

Джулия кивнула.

– Уильям познакомился с ним в первый год учебы в Клемсоне и привозил его к нам домой на праздники и школьные каникулы. – Джулия мечтательно улыбнулась. – Он происходил из семьи, где было десять детей. Подозреваю, что в нашем доме Джонатан наслаждался тишиной. – Она посмотрела мне в глаза: – Он был полной противоположностью Уильяма – хорошо ездил верхом, охотился, обожал математику и так далее... любил все те мужские занятия, в которых Уильям вечно терпел неудачи. Мы строили планы, мечтали продолжить бизнес-империю отца и, когда отец удалится на покой, вместе управлять ею. Знаю, отец хотел этого для Уильяма, но тот был лишен математического склада ума.

– То есть, когда вы и Джонатан влюбились друг в друга и решили пожениться, ваш отец одобрил ваши намерения.

Джулия энергично кивнула:

– И Уильям тоже. Внимание моего отца переместилось на Джонатана, и мы все вздохнули с облегчением. Отец как будто перестал замечать Уильяма, но тому было все равно. То, что в нашей семье появился Джонатан, было чем-то вроде ответа на все наши молитвы.

– Тогда что же изменилось?

Лицо Джулии сделалось пепельно-серым, рука ее задрожала, выплескивая воду из стакана. Я взяла у нее стакан, а Джек встал.

– Я позову Ди, – сказал он, уже на полпути к двери.

Джулия подняла руку, останавливая его, и покачала головой:

– Не надо. Пожалуйста. Я еще не закончила. Мне нужно... Я должна знать.

Я опустилась на колени перед инвалидной коляской и взяла ее руку в свою.

– Можно мне взглянуть на письмо? Может, тогда я лучше пойму, что говорил мне Уильям.

Джек подошел и встал рядом со мной.

– Они преследуют Нолу во сне, нападают на нее, и я подозреваю, что то же самое было и с вами, раз вы поспешили избавиться от кукольного домика. Вы сказали Ноле, чтобы она развела в стороны фигурки вашего отца и брата, потому что они не ладили друг с другом.

Но ведь они ладили до той последней ссоры, после которой Уильям исчез. Вы что-то знаете, но скрываете это от нас, не так ли?

Джулия сердито посмотрела на Джека:

– Мой отец не убивал Уильяма, если это то, что вы думаете. У меня есть доказательства, – упрямо заявила она.

Последнее слово было произнесено еле слышным шепотом, и я вновь вспомнила, что сказал мне Уильям. *Она считает, что это доказательство невиновности там, где ее нет. Пусть она верит в это. Остановите ее.*

– Тогда покажите нам это доказательство, мисс Джулия, – сказал Джек. – Они не отстанут от вас или от Нолы, пока эта ситуация не разрешится. Мелли поможет им обрести покой. Разве вы этого не хотите?

Ее руки, лежащие на подлокотниках кресла-коляски, задрожали. На бледной коже выступили пунцовые пятна.

– Нет! Все эти годы они не давали мне ни минуты покоя. Вы даже не представляете, что это такое! Выключить свет и почувствовать их где-то рядом? Я устала и хочу покоя.

– Тогда что вам нужно от Уильяма? – спросила я. Мои колени уже ныли от неудобной позы.

Джулия ответила не сразу:

– Прощения.

– За что? – безжалостно уточнил Джек.

– Мой отец не убивал Уильяма, – заявила Джулия, упрямо вскинув подбородок.

– Тогда покажите мне доказательство, – сказала я, медленно вставая. Джек взял меня за локоть, помогая подняться.

Я заметила на книжной полке за спиной у Джулии шкатулку, которую описал мне Джек. Взяв ее с полки, я вручила ее старушенции. Похоже, та уже смирилась и даже не спросила меня, откуда мне это известно.

– Откройте ее, – попросила она. – У меня нет сил.

Вновь мысленно отругав себя за то, что оставила дома очки для чтения, я передала шкатулку Джеку. Насмешливо посмотрев на меня, он поднял крышку, заглянул внутрь и вытащил сложенный вчетверо листок бумаги. Вернув крышку на место, он развернул измочаленный листок и начал читать:

– «Дорогая сестра! Как ты, без сомнения, уже поняла и, возможно, уже знала раньше, я должен уйти. Я больше не могу жить под одной крышей с отцом, как ты прекрасно понимаешь. Мне было бы нелегко с ним, да и тебе тоже, смею предположить. Моя нынешняя жизнь невыносима, и если я хочу жить дальше, я должен ее изменить. Хочу поблагодарить тебя за то, что я стал тем, кто я есть, хотя сомневаюсь, что результат соответствует твоим ожиданиям. Но так всегда бывает, когда мы раскрываем секрет – результат не всегда соответствует нашим ожиданиям. Я прошу прощения за любой вред, который причинит тебе мой уход, но ничего не поделаешь, потому что я уверен, что ты меня не осудишь. Я желаю тебе самого лучшего и думаю, что со временем ты это поймешь.

Сомневаюсь, что увижу тебя в ближайшие годы, если вообще когда-нибудь. Не стану никого осуждать и не жду, что кто-то осудит меня.

Уильям».

Джек опустил письмо.

– Он собирался уйти по собственной воле и не планировал вернуться или поддерживать связь.

Взяв письмо у Джека, я сложила его и, прокручивая в голове текст, вернула обратно в шкатулку. Не забыла я и просьбу Джулии попросить за нее у Уильяма прощения.

– Какой секрет он имел в виду?

– А теперь уходите, – сказала она, заваливаясь на бок и прижимая руку к груди.

Джек немедленно отправился на поиски Ди, а я снова взяла ее за руку:

– Скажите, был ли этот секрет причиной ссоры между Уильямом и вашим отцом? Вы поэтому просите у него прощения?

Она не ответила. Я встала, увидев, что в комнату, неся пузырек с таблетками и еще один стакан воды, вошла Ди.

– Мисс Джулия должна отдохнуть. Прошу вас, уходите.

Джек взял меня за руку и повел по коридору к выходу. Я шагала без остановки, пока мы не оказались в квартале от дома. И хотя башня осталась позади, я чувствовала взгляд незримых глаз, устремленный мне в спину.

Джек шел молча, не задавая вопросов, но, когда я остановилась, повернулся ко мне:

– Она в чем-то виновата. Вот только в чем? – сказал он.

– Но она не хочет признаваться, и ее отец и брат тоже не рады, что мы задаем вопросы.

– А как там Энн, ее мать? Ты пыталась связаться с ней?

Я покачала головой:

– Пыталась моя мать, но, как и в жизни, Энн боится своего мужа. Если нам нужны ответы, мы должны обратиться к источнику.

– Ты уже пыталась и в результате получила лишь просьбу Уильяма «остановить ее» и горящий пакет с куклами. И взбудораженных призраков, которые хотят вовлечь в эту историю Нолу.

Я кивнула.

– Нам нужно убрать кукольный домик подальше от Нолы. У подростков всегда избыток энергии, и они притягивают к себе духов.

– Мы могли бы перевезти его в мой лофт. Мертвые не беспокоят меня, зато у Нолы появится повод чаще приходить ко мне в гости.

– Это мысль. – Я улыбнулась, вспомнив разговоры Нолы и Олстон, когда они возились с кукольным домиком. Посмотрим, каково будет слушать все это Джеку. – Я передам ей твое предложение, и пусть она решает сама.

– Есть что-нибудь еще от Бонни?

– Вообще-то, нет. Она снова упомянула «глаза моей дочери», а потом... – Я умолкла, не зная, как выразить последнюю часть словами.

Джек вопросительно поднял бровь.

– Когда я спросила ее, почему она вступилась за меня на кладбище, она лишь рассмеялась в ответ.

– Вот как? – Джек провел ладонью по лицу, и я вновь отметила его усталый вид. – У меня был разговор с Нолой о Джимми Гордоне. Похоже, их познакомил Рик Чейз. Рик, Бонни и Нола посетили студию Джимми, где тот записывал свой первый альбом. Большую часть времени Нола просидела в комнате ожидания, а вот Джимми, Бонни и Рик провели вместе около часа в офисе продюсера Джимми.

– Смею предположить, они договаривались о том, чтобы Джимми записал песню Рика «Я только начинаю».

– Возможно. Хотя это все равно не объясняет, за что Нола так сильно невзлюбила этого Джимми.

– Она – подросток, – сказала я. – Подросткам обычно трудно объяснить большинство своих чувств.

Он мотнул головой в сторону своего «Порше»:

– Я пойду за машиной. Что-то подсказывает мне, что ты не горишь желанием еще раз пройтись пешком перед тем домом.

– Ничего страшного. Здесь недалеко. Хочу пройтись пешком, немного проветрить голову и подумать.

Джек пристально посмотрел на меня, и, хотя ему вряд ли было интересно, о чем именно мне нужно подумать, я выпалила:

– Спасибо, что не послушал Ребекку и не стал писать книгу о Розе Приоло и доме на Легар-стрит.

– Это она тебе сказала?

– Да. Она просила поговорить с тобой, сказать, что я не возражаю.

– И ты не возражаешь?

– Думаю, ты сам знаешь ответ на этот вопрос, иначе бы ты уже написал и продал книгу.

Он улыбнулся своей восхитительной улыбкой, и я ощутила знакомое томление в груди.

– То есть ты согласна, что я не так уж и плох? – глядя мне в глаза, он сделал шаг вперед.

– Я никогда так не думала, Джек.

Он нахмурил брови:

– Странно. Потому что ты всегда ведешь себя так, словно у меня какая-то заразная болезнь. Вот как сейчас. Я делаю шаг вперед, ты делаешь шаг назад. Я подумал, вдруг ты спутала меня с Марком Лонго или кем-то еще, и поэтому на всякий случай решил уточнить.

Не желая продолжать этот разговор, я повернулась и зашагала домой.

– Какой подарок ты хочешь на день рождения? – крикнул он мне вслед.

Я остановилась, но оборачиваться не стала.

– Сделай пожертвование для Общества охраны памятников. Софи убедила меня. – Я повернулась к нему лицом: – То есть ты все же придешь на вечеринку? – Я была готова лягнуть себя за то, что повела себя как глупенькая старшеклассница.

Джек пожал плечами:

– Может быть.

Я снова повернулась и зашагала прочь.

– Как хочешь, – сказала я. Еще не хватало, чтобы этот змей-искуситель понял, что от его обещания мои колени сделались ватными. – Помашите мне рукой, если все же придёте.

– Постараюсь не забыть, – сказал он и усмехнулся, я же сделала вид, будто не слышала.

Глава 23

Словно этакий диктатор банановой республики я вальяжно возлежала в шезлонге в комнате моей матери, пока девушка из салона красоты красила мне на ногах ногти лаком цвета «роковая женщина», а вторая делала мне маникюр. Визажист и парикмахер должны были прибыть через пару часов, а я же была уже на последнем издыхании. И расстроена. Моя мать конфисковала мой мобильник, мой ноутбук, мой ежедневник и даже мой шагомер, которым я пользовалась для измерения моей активности за стенами офиса.

В противоположном конце комнаты висело то, что я мысленно окрестила Платьем с Большой Буквы. Я слишком долго тянула с поиском замены, так что мне ничего другого не оставалось, кроме как надеть его. Я не примеряла под него водолазку, но, глядя на глубокий вырез, подумала, что, наверно, зря.

Моя мать расположилась рядом со мной в таком же обтянутом ситцем шезлонге, с той разницей, что она расслабленно откинула голову на спинку, как будто наслаждалась процессом. В отличие от нее, моя маникюрша была вынуждена постоянно распрямлять мои пальцы, чтобы они не впивались в подлокотники. Ее коллега точно так же боролась с пальцами на моих ногах.

– Расслабься, Мелли, – в третий раз воззвала ко мне мать, неким шестым чувством уловив мое напряжение, хотя сама лежала с закрытыми глазами. – Это ведь должно доставлять удовольствие, помнишь?

– Да. Как и прыжки на тарзанке, но ведь я почему-то ими не занимаюсь.

– Твой подрядчик Рич Кобильт заглядывал какое-то время назад, – сказала она, пропустив мимо ушей мою колкость.

– Что на этот раз? – патетически простонала я.

– Прекрати, Мелли. Это не всегда плохие новости.

– Вообще-то от него я только такие и слышу.

– Но не в этот раз. Он сказал, что рабочие и все их оборудование уедут к одиннадцати часам утра и вернуться лишь в понедельник. Так что у нас будет достаточно времени, чтобы все привести в порядок, не

путаясь под ногами у строителей. Рич даже обернул черным брезентом открытый фундамент, чтобы этот хаос не так бросался в глаза, а Нола и Олстон вызвались для вечеринки украсить этот брезент.

Я резко села. Маникюрша тотчас же крепко сжала мое запястье. Виновато посмотрев на нее, я снова повернулась к матери:

– Пожалуйста, скажи мне, что ты дала им параметры того, как это должно выглядеть.

Мать укоризненно посмотрела на меня:

– Даже не собиралась. Они очень креативные девушки, и все, что они придумают, будет замечательно – безусловно, в любом случае это лучше, чем пыльная дыра под твоим домом. Так что не бери в голову и расслабься.

Маникюрша оторвала от подлокотника мой указательный палец, чтобы нанести на него очередной слой лака, я же усилием воли заставила себя откинуть голову на спинку шезлонга.

– В любом случае, – продолжила мать, – Рич сказал, что можно спокойно входить в кухню, а оттуда в ванную комнату для гостей на нижнем этаже. Мы также поставим в глубине сада два хороших биотуалета для мужчин. Я не стану говорить, что Чэд и Софи предложили в качестве более экологичного удовлетворения физиологических потребностей гостей.

Моя голова дернулась снова.

– Не волнуйся. Я уже сказал им «нет». К тому же твой отец никогда бы не допустил ничего подобного в своем саду. К тому же это незаконно.

Чувствуя, как начинает болеть нижняя челюсть, я усилием расслабила ее и снова откинула голову на спинку шезлонга.

– Рич упомянул что-то о трубах под домом, но сказал, что это подождет. Он поговорит с тобой о них позже.

Я закрыла глаза, лишь бы не видеть, как из окон моего дома на улице Трэдд-стрит вылетают огромные суммы денег, а также покрытый брезентом фундамент, в качестве фона для вечеринки по поводу моего дня рождения. Я предложила вместо этого устроить вечеринку в саду моей матери, но и она, и отец отговорили меня, сказав, что для меня важнее устроить вечеринку в моем собственном доме, которому я вернула жизнь, причем во многих отношениях. То, что в нем в данный момент отсутствует мебель, а сам дом приподнят с

фундамента, еще не основание для того, чтобы переносить вечеринку в другое место, в один голос заявили они. К тому же, настаивал мой отец, он проявит свои умения садовника, придав рабочему пространству художественную форму. Меня не пустили в сад, чтобы посмотреть, что он там сделал, но, судя по гордому взгляду, которым он меня достаивал всякий раз, когда я спрашивала, это явно было что-то уникальное.

Раздался стук в дверь, и в комнату просунулась голова Софи:

– Мне можно войти?

Я улыбнулась:

– Заходи. Но если залежишься слишком долго, ты не успеешь и глазом моргнуть, как моя мать заставит тебя сделать причесон, накраситься и упаковать тушку в вызывающе откровенное платье.

Мать одарила меня колючим взглядом. Я же исподтишка попыталась рассмотреть фигуру Софи на предмет округлившегося животика. Сны Ребекки о младенце разбудили во мне любопытство, но не настолько, чтобы спросить Софи прямо и смутить ее. Да и меня саму. Да и вообще, будь она беременна, она бы сказала мне. Мне оставалось лишь надеяться, что если это так, то я узнаю об этом первой. Я все еще была обижена на нее за то, что узнала о ее помолвке вместе со всеми остальными. Если мы и впрямь лучшие подруги, как назвала нас Нола, то такую новость я должна была услышать первой.

Поймав на себе мой взгляд, Софи вытянула руки:

– Нравится? Эту скатерть я нарыла на гаражной распродаже, но так как я умею ловко обращаться с иглой и ниткой, то подумала, что из нее получится миленькое летнее платье. Затем я нашла в своем сундуке обрывок веревки, и вуаля! У меня появился пояс.

Сдерживая улыбку, я посмотрела на ткань в красно-белую клетку, на швы, выполненные разноцветными нитками, – подозреваю, из остатков ее предыдущих работ, которым она решила найти применение, – на глубокий вырез для шеи и такие же глубокие проймы. Даже муравьи на пикнике и те не назвали бы это платье миленьким. К тому же оно сидело на ней, как и должна сидеть подпоясанная веревкой скатерть, что делало практически невозможным установить, что перед вами женщина, тем более беременная.

К счастью, я была избавлена от необходимости ответа, так как позади Софи появилась Нола. Я покосилась на небольшие часы майсенского фарфора на туалетном столике моей матери.

– Разве ты не должна быть сейчас на уроке у мисс Джулии? – Нола по собственной инициативе посещала эти уроки трижды в неделю. Джек был слишком изумлен и счастлив, чтобы расспрашивать ее об истинных мотивах. Меня же по-прежнему терзали подозрения.

– Ди Давенпорт позвонила и отменила занятие. Она также просила передать вам, что мисс Джулии не будет на вечеринке сегодня вечером.

Софи подняла газету:

– И, кажется, я знаю почему.

Я попыталась выхватить у нее газету, за что удостоилась колючего взгляда маникюрши. Я поспешила одарить ее очередной виноватой улыбкой.

– Тебе придется прочитать ее мне, – сказала я Софи.

Та открыла газету, сложила ее в несколько раз и прочистила горло, перед тем как зачитать нужную ей колонку.

– «Останки двух человек, предположительно мужчины и женщины, были обнаружены строительной бригадой компании «Кобб Хоумбидерс» во время расчистки земли на плантации Белль Мид в округе Джорджтаун. Остается неизвестным, как долго тела пролежали в земле, но, по предварительным данным, это вряд ли недавнее захоронение. Никаких надгробий не обнаружено.

Останки были обнаружены за руинами главного дома, который сгорел в 1938 году в результате удара молнии. Строительство было незамедлительно остановлено до обнаружения в непосредственной близости от строительных работ других захороненных тел и до идентифицирования найденных останков и их повторного перезахоронения».

Софи опустила газету и скомкала ее.

– Это ведь та земля, которую, по твоим словам, Джулия Маниго решила продать «Коббу»? Кстати, я сама пикетировала это место еще до того, как судья вынес решение в пользу застройщика, и даже не догадывалась, что это ее земля. Что-то подсказывает мне, что новость ее не слишком обрадовала.

Нола уселась на покрывало моей матери, почти подпрыгивая от волнения.

– Спорим, это просто какие-нибудь эоактивисты притащили несколько тел, чтобы остановить строительство? Ведь все смотрели «Полтергейст», правда? Кому захочется жить в доме, построенном на кладбище? Чтобы потом из вашего шкафа вылезали все эти жуткие призраки, а по вашим стенам стекали капли какой-то липкой зеленой гадости? – Она повернулась и широко раскрытыми глазами посмотрела на меня: – Может, тебе стоит съездить туда, поговорить с этими мертвецами и узнать, кто они?

Маникюрша и педикюрша мгновенно замерли и, как по команде повернув головы, посмотрели на Нолу, затем на меня и снова на Нолу.

Я делано рассмеялась.

– Это точно. Можно подумать, я их боюсь! И вообще, подобные спецэффекты существуют только в кино. – Я укоризненно посмотрела на нее: – В любом случае, моя мать забронировала меня на остаток дня для различных процедур. Что там у нас дальше в повестке дня? – спросила я, повернувшись к матери.

– Я хотела, чтобы ты в последний раз примерила платье, вдруг нужно что-то немного поправить. Лично мне казалось, что его стоит чуть-чуть выпустить в области лифа, чтобы придать дополнительный объем.

– Если хочешь, я с радостью это сделаю, – сказала Софи.

– Нет-нет, но все равно спасибо, – сказали мы с матерью в унисон.

Моя мать притворно закашлялась.

– Я ценю твою готовность помочь, – сказала я Софи, – но в этом нет необходимости. Для меня главное, чтобы ты сама была при полном параде и чтобы вы с Чэдом пришли на вечеринку и как надо повеселились.

Ее лицо посерьезнело:

– Но я уже одета для вечеринки.

Будь вокруг нас сверчки, мы бы услышали их стрекотание.

– Шутка! – сказала она, за что удостоилась здорового смеха Нолы и вздохов облегчения от косметологов и моей матери. – Извини... просто не смогла устоять. У меня есть вечернее платье. Не такое шикарное, как твое, но Чэду нравится.

Ее слова меня не слишком убедили, но наверняка это было лучше, чем скатерть.

– Отлично, – сказала я, улыбаясь. – Тогда увидимся позже. Спасибо, что принесла газету, иначе я бы никогда не узнала.

– Знаю. Почему, по-твоему, я ее тебе принесла? – Она положила помятую газету на кровать. – Пойдем, Нола. Я отвезу тебя на Трэдд-стрит, чтобы ты могла закончить свою роспись. – Повернувшись ко мне, Софи добавила: – Подожди, скоро ты ее увидишь. Это что-то потрясающее.

Я позволила себе не поверить ей, но все равно улыбнулась:

– Не могу дождаться!

Почувствовав на своем плече чью-то руку, я подняла голову и увидела маникюршу, толкавшую меня обратно на спинку шезлонга.

– Постарайтесь расслабиться, мисс Миддлтон. Так гораздо приятнее.

– Это максимум, на что я способна, – сказала я, буквально вжав голову в подушку.

Маникюрша вздохнула и, в очередной раз насильно распрямив мой мизинец, наложила на него еще один слой лака.

* * *

Хотя расстояние между двумя домами составляло всего несколько кварталов и мой отец мог подбросить нас туда на своей машине, моя мать настояла, чтобы у нас был лимузин с водителем, который отвезет нас троих с Нолой в мой дом на Трэдд-стрит. Только присутствие дочери Джека помешало этому стать репетицией моей свадьбы. Или скорее ее заменой.

Когда мы затормозили у тротуара перед моим домом, я почти чувствовала даже через закрытые окна лимузина цветочный запах. Не дожидаясь, когда водитель откроет мою дверь, я опустила окно, чтобы вдохнуть аромат сотен летних цветов. Они были повсюду – на передних воротах, их гирлянды тянулись по верху садовой стены, обвивали перила веранды, свешивались из оконных ящиков. Садовые ворота венчала парадная гирлянда из побегов пересаженных фиолетовых клематисов, и каждый гость должен был пройти под ней. Из того, что я увидела за воротами – выложенные кирпичом дорожки, живые изгороди и даже фонтан, – ничто не несло на себе никаких признаков строительных работ. Правду знал лишь мой банковский счет.

Мой отец сидел в лимузине рядом со мной. Я протянула руку и сжала его пальцы, зная, что это цветочное чудо – дело его рук. Когда алкоголь ушел из его жизни, садоводство стало его страстью, более того, я обнаружила, что эта страсть не обошла и меня.

– Спасибо, пап, – сказала я и поцеловала его в щеку. – Не могу поверить, что ты сделал все это! У меня просто нет слов!

Отец похлопал меня по руке:

– Ну, не только я один, ты же знаешь. Розарий и фонтан спланировала Луиза Вандерхорст, а Лутрел Бриггс спроектировал остальное. Я лишь вычистил этот запущенный сад и внес кое-какие коррективы в первоначальную планировку.

– И подверг набегу все цветочные магазины Чарльстона, – добавила моя мать. – Он наотрез отказался нанять для вечеринки флориста. Заявил, что сделает все сам лучшим образом. – Она улыбнулась ему, и ее лицо просияло влюбленным светом. Скажу честно, я не знала, то ли мне восхищаться новой любовью отца и матери, которой они воспылали на склоне лет, то ли меня от нее тошнит. В конце концов, они мои родители.

Шофер открыл дверь и помог мне и моему платью выйти из лимузина. Нола вылезла следом за мной. Посмотрев на нее, я невольно восхитилась ее нарядом. На ней было узкое бледно-лиловое платье от «Лилли Пулитцер», которое прекрасно подчеркивало цвет ее лица и глаз. Это платье купила ей Амелия, однако Нола завершила свой новый образ подарком Джека – фиолетовыми кедами «Конверс». Вокруг шеи был обернут тонкий светло-фиолетовый шарф, завязанный ровно по центру эффектным бантом. Как уже говорила моя мать, стиль Нолы, возможно, далек от моего, но он удивительно ей идет, идеально дополняя ее неповторимую личность.

– Кто такой Лутрел Бриггс? – шепнула мне Нола, пока шофер помогал выйти из машины моей матери.

Я быстро попыталась придумать подходящий ответ, чтобы доходчиво объяснить Ноле ее же словами, кем был покойный великий ландшафтный архитектор.

– Ныне покойный чувак из Нью-Йорка, который замастырил многие из самых красивых садов здесь, в Чарльстоне, в двадцатых годах. Все считают, что это суперски, если в вашем доме есть сад Лутрела Бриггса.

Нола презрительно сморщила нос.

– Ну и имечко – Лутрел!

– Ну и имечко – Нола! – парировала я, глядя на нее сверху вниз.

Нола фыркнула, за что удостоилась вопросительного взгляда моей матери, когда та вместе с моим отцом подошли к нам, после того как лимузин уехал. Нола заметила Олстон – та приехала рано с Софи и Чэдом – и бросилась к ней.

Я плотнее натянула на плечи шаль и затянула узел, скреплявший ее на груди.

– Я чувствую себя голой, – призналась я.

– Ты выглядишь потрясающе, Мелли, – возразила мать и подергала узел, чтобы ослабить его и развязать. – Сейчас слишком тепло, да и ты наверняка захочешь, чтобы гости восхитились твоим платьем, когда ты будешь их встречать. Я буду рядом на тот случай, если после захода солнца станет прохладно, но я велела музыкантам играть до полуночи, так что, надеюсь, танцы не дадут тебе замерзнуть.

Смирненно подняв глаза к небу, я позволила матери стащить с меня шаль.

Мой отец тихонько присвистнул:

– Это ты выбрала для нее платье, Джинни?

– Разумеется, я. И я уверена, ты согласишься с тем, что она выглядит в нем просто великолепно.

– Не спорю. Жаль, что я не догадался захватить с собой битку, чтобы отбиваться от желающих на нее полюбоваться, когда они все наперегонки побегут сюда.

Я скептически посмотрела на него:

– Знаешь, если кто-то и побежит, так это я – назад в дом матери, чтобы взять толстовку и прикрыть себя.

Внезапно мне в спину между лопатками впились костяшки пальцев моей матери. Я даже вскрикнула.

– Это еще зачем? – спросила я, недовольно обернувшись к ней.

– Просто хотела напомнить тебе, что спину нужно держать ровно, а плечи отвести назад и перестать сутулиться, как будто ты стесняешься того, чем тебя наделил Бог. Ты высокая, стройная и красивая. Так что хватит дуться и привыкай к этому платью. Джек может быть здесь в любую минуту.

Многозначительно посмотрев на меня, она зашагала в сад к одному из тентов, где стояли столы с закусками, и принялась раздавать обслуживающему персоналу последние указания. Я посмотрела на отца, но тот лишь пожал плечами и последовал за матерью.

– Мы вернемся сюда через двадцать минут, – бросил он мне через плечо, – чтобы встретить твоих гостей. А пока отдыхай. Выпей пунша и попытайся расслабиться.

Лишь когда он произнес слово «расслабиться», я почувствовала, что у меня от напряжения свело челюсти. Я заметила тент с баром, а также большую серебряную чашу для пунша и кружки. Хотя я не любительница алкоголя, сладкое всегда привлекало меня, и розовый пенистый пунш, пузырившийся в чаше, вызвал у меня обильное слюноотделение. Налив себе в кружку изрядную порцию, я выпила ее в два глотка и наполнила снова. Мне нужно было срочно успокоить нервы, прежде чем я выйду к людям в моем Платье с Большой Буквы. Я уже собралась уйти, но решила выпить третью кружку, уверив себя, что это никак не связано с вероятностью столкнуться нос к носу с Джеком.

Услышав за спиной одобрителный свист, я резко обернулась, едва не облив розовым пуншем перед платьем. Ко мне приближались Софи и Чэд. По крайней мере, я предположила, что это Софи, потому что на голове у женщины, шедшей рядом с Чэдом, была копна темных кудряшек Софи, а на ногах – «биркенстоки».

– Привет, старушка! – сказал Чэд, обнимая меня. – Ты прям классическая амазонка, только одетая.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Наверно.

– Софи! Это просто прелесть, а не платье! – Я не могла поверить, что эти слова и в самом деле слетели с моих губ.

– Спасибо, – ответила она и покрутилась волчком, демонстрируя темно-синее атласное платье в стиле ампир с бантом на груди. – Это «Ланвен» 1961 года. После того как я купила свадебное платье, я подумала, что одежда б/у – это самый экологичный способ одеваться.

На мгновение утратив дар речи, я смотрела на нее, пытаюсь понять, как ей удастся примирить высокую моду с экологической чистотой.

Софи между тем продолжила:

– Нола отвела меня на домашний показ Библиотеки «Архивы моды». Эту фирму основала одна местная женщина, которая

путешествует по всей стране в поисках старых вещей. Тебе правда нравится?

Я кивнула, но затем мой взгляд скользнул к ее ногам, и я задумалась.

– Правда, я бы предложила что-то другое тебе на ноги, но это определенно начало. Ты выглядишь великолепно, – сказала я, обнимая ее. – И спасибо, что пришли пораньше, чтобы помочь моей матери. Она не дает мне ничего делать, поэтому адресуй все вопросы ей. Я здесь лишь для того, чтобы радовать глаз. – Я даже не покраснела, решив, что эти слова произнес за меня выпитый мною пунш.

Моя мать отвлеклась от своего занятия – в данный момент она заново раскладывала коктейльные салфетки – и позвала Софи и Чэда.

– Долг зовет, – сказала Софи. – Непременно попробуй соевые чипсы с веганским печеньем в палатке с едой. Они того стоят.

Посмотрев им вслед, я налила себе еще одну порцию пунша. Я решила с кружкой в руке прогуляться по саду, потихоньку потягивая бодрящий напиток, нюхая чайные оливы и любуясь сиреневым ползучим гелиотропом, который мой отец высадил в качестве летнего украшения клумб, и отстраненно наблюдая за последними приготовлениями. Перед наскоро сооруженным танцполом был сколочен небольшой помост для музыкантов, а сам пол устроен выше внутреннего дворика, чтобы дамские каблуки застревали в брусчатке.

Вспомнив про настенную роспись, я направилась к задней части дома – хотелось взглянуть на творение Нола и Олстон на черном брезенте до того, как его увидят все остальные. Скажу честно, я не знала, чего ожидать. Увидев картинку, я рассмеялась, причем с облегчением. Вместо граффити в стиле лос-анджелесских уличных банд подружки – там, где когда-то были настоящие кирпичи, которые были временно убраны, пока шли работы над фундаментом, – изобразили нечто похожее на кирпичную кладку. А чтобы придать своей живописи более реалистичный вид, девочки даже нарисовали розовые кусты. С наступлением сумерек, когда гости подопьют, это вполне сойдет за настоящую стену.

Не замечая меня, мимо прошествовали Нола и Олстон, на ходу энергично строя эсэмэски – надеюсь, не друг другу. Я окликнула их.

– Отличная работа, девчонки, – похвалила я и даже показала им большие пальцы. На миг оторвав от телефонов свои собственные, они

помахали мне и продолжили свое занятие.

Увы, моей улыбки как не бывало, когда я заметила, как к тротуару подъехала красная «Ауди» Ребекки, и поняла, что гости уже начали прибывать. Допив остаток пунша, я поставила кружку и направилась к увитой цветами калитке. На моих глазах из машины Ребекки со стороны водительского сиденья вылез Марк и, перейдя к пассажирской двери, помог ей выйти.

Мое сердце подозрительно вяло трепыхнулось в груди. Если Ребекка привела Марка, Джек, по всей видимости, решил не приходить. Я подождала их под цветочной гирляндой. Марк выглядел весьма импозантно в белом смокинге и галстук-бабочке. Ребекка, как всегда, была прекрасна – в бледно-розовом шелковом платье на бретельках, усыпанном множеством блесток. Ее белокурые волосы были собраны в высокую прическу. Я была вынуждена признать, что они составляют красивую пару, хотя и не понимала, почему они здесь вместе.

Марк поднял глаза и, увидев меня, даже споткнулся. Заметив меня под благоухающей цветочной гирляндой, Ребекка нахмурилась. Впрочем, хмурый взгляд тотчас сменился улыбкой. Она подошла ко мне и поцеловала в обе щеки.

– Ты сегодня просто прелесть, Мелани, – прошептала она и, повернувшись к Марку, спросила: – Разве она не восхитительна?

Впервые с момента нашего знакомства у Марка не нашлось слов. Его челюсть задвигалась, рот несколько раз открылся и закрылся, но он так ничего и не произнес.

Незаметно ткнув его локтем в ребра, Ребекка зашептала дальше:

– Какое чудное платье! Кажется, я видела именно его в витрине Sears, когда ездила туда в поисках детали для моей стиральной машины. В этом магазине иногда можно найти просто потрясающие вещи!

Взгляд Марка был по-прежнему прикован к лифу моего платья, к тому месту, где горловина переходила в глубокое декольте.

– Это... очень мило, Мелани. Очень мило. – Его голос прозвучал сдавленно, как будто галстук-бабочка был слишком тугим.

– «Прекраснее моей любви? Всевидящее солнце с сотворенья мира не видело ей равных»?

Я обернулась на голос Джека и обнаружила его прямо за моей спиной. Он тоже был в белом смокинге, но решил обойтись без галстука. Его загорелая грудь выигрышно смотрелась на фоне белоснежной накрахмаленной рубашки. На подбородке и щеках темнела легкая щетина, волосы были немного длиннее, чем я привыкла. Марк с его безупречной внешностью и костюмом набрал бы больше очков по шкале журнала GQ, зато Джек с его животной сексуальной привлекательностью был вне всякой конкуренции. Положив руку мне на бедро, он притянул меня к себе и поцеловал в висок.

– С днем рождения, Мелли.

Оно даже к лучшему, что мать взяла мою шаль, потому что даже без нее я почувствовала, что таю.

– Спасибо, – пролепетала я.

– Цитируешь душещипательные женские романы, Джек? – язвительно спросил Марк с самодовольной ухмылкой.

– Вообще-то это Шекспир, строчка из «Ромео и Джульетты». Возможно, ты слышал об этом произведении. – Джек остался стоять там, где и стоял, положив руку мне на бедро и прижимая меня к себе. Мне почему-то даже в голову не пришло отстраниться.

Ребекка выглядела как будто слегка растерянной.

– Не ожидала увидеть тебя здесь, Джек.

Джек смерил ее и Марка неторопливым взглядом.

– Сам вижу. Думаю, в этом городе не так уж сложно найти замену кавалеру в смокинге.

По крайней мере, Ребекке хватило совести изобразить раскаяние. Она шагнула к Джеку:

– Извини. Я лишь...

Марк взял ее за руку и осторожно потянул назад:

– Не трать время на лишние извинения, Бекка. Давай пойдем лучше выпьем. – Он наклонился, поцеловал меня в щеку, а когда отстранился, сказал: – С днем рождения!

– Спасибо, – ответила я, чувствуя на своей щеке влагу его поцелуя. Но они с Ребеккой уже шагали к тентам.

– Хочешь?

Я обернулась. Джек протягивал мне носовой платок.

– Спасибо, – поблагодарила я и осторожно промокнула влажное пятно на щеке, стараясь при этом не испортить макияж, ради которого я терпеливо высидела в кресле почти два часа. Аккуратно свернув платок, я сунула его Джеку обратно в карман смокинга и сложила руки за спиной, не зная, куда их деть. – Ты пришел, – сказала я.

– Да. Устал отвечать на звонки моей матери, твоей матери, Софи и Нолы. И решил, что проще прийти. Не хотелось всю следующую неделю испуганно оглядываться, ожидая удара копья в спину. – Его лицо осветила знакомая улыбка. – К тому же ты упомянула, что тут будет много еды. Разве я мог пропустить этот пир желудка?

Я покраснела, вспомнив тот раз в его квартире, когда меня как будто прорвало и я никак не могла закрыть рот.

– Это да. Нола уже здесь, и твои родители тоже приедут.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я приехал сюда, чтобы поболтать, а не просто помахать рукой из-за столика с бутербродами-канапе, как ты предлагала.

Я покраснела еще больше.

– Не вижу необходимости вспоминать и повторять все, что я говорю. Но да, я рада, что ты прервал мою беседу с Ребеккой и Марком. Никто еще не раздражал меня так, как эта парочка.

В глубине его глаз промелькнула темная тень, и я было подумала, что он сейчас что-то скажет. Но нет, похоже, он собрался повернуть голову.

– Все в порядке? – выпалила я.

– Если ты имеешь в виду меня и Ребекку, то между нами все кончено. К этому уже давно шло. Думаю, я просто ждал, когда она сделает первый шаг.

– Ты хочешь сказать, что она бросила тебя? Разве такое когда-нибудь случилось с тобой? – Я постаралась не выдать головокружительной радости в моем голосе.

– Пару раз было, – ухмыльнулся он, но его глаза остались печальными.

Я на миг задумалась.

– Но тебя явно тревожит что-то еще, – сказала я, помолчав. Сама не знаю, почему мне было так важно, чтобы он признался.

– Сегодня у меня состоялся разговор с моим агентом.

Я вытаращила глаза:

– Это хорошие новости, верно?

– Как сказать. Если оставить себе приличный аванс без публикации книги, думаю, это можно назвать хорошей новостью.

– Что ты имеешь виду? Они не собираются публиковать твою книгу? У них с ней проблемы? Ведь у тебя масса поклонников среди читателей, которые ожидают ее выхода!

Он сунул руки в карманы смокинга, пытаясь принять безразличный вид.

– Судя по всему, меня обошел другой автор с очень похожей книгой, которая, как они решили, будет продаваться лучше.

Я пару секунд переваривала услышанное.

– Но они по-прежнему ждут твою следующую книгу, верно?

– Следующую книгу? – фыркнул Джек. – Я был так поглощен выяснением того, что происходит с этой, что у меня даже не родился замысел для следующей.

Наши взгляды встретились, и я поняла, что нам обоим пришла в голову одна и та же мысль.

– Нет, – сказал он, прежде чем я успела открыть рот. – Я не настолько отчаялся, чтобы написать книгу, из-за которой твоя семья меня возненавидит.

Я закатила глаза:

– Я тебя умоляю. Как будто моя мать может тебя ненавидеть.

Он странно посмотрел на меня:

– Только твоя мать?

Я была готова возразить, но заметила, что его взгляд прикован примерно к тому же месту, куда только что таращился Марк.

– Ты действительно купила это платье в Sears? – спросил он.

Я удивленно посмотрела на него:

– Нет. – Я закашлялась, не зная, что мне предпочесть – заслонить ему обзор или же повертеться, чтобы он все лучше увидел. Вместо этого я прибегла к испытанному приему, которым владела в совершенстве, – заговорила о последних новостях: – Ты читал сегодняшнюю газету?

Джек с улыбкой на губах посмотрел мне в глаза:

– О телах, найденных на земле Маниго? Да, читал. Я даже решил съездить туда и взглянуть самому. Просто из любопытства. А потом

вернуться к Джулии и попросить ее честно рассказать нам все, что она раньше утаивала.

– Мне можно с тобой? – не раздумывая, спросила я. Ответом мне стала его обычная улыбка, неизменно сиявшая на задней обложке его книг, пробуждая у читательниц безумные мысли.

Воздух между нами был полон благоухания цветов, запаха его туалетной воды и чего-то еще, чему у меня не было названия, чего-то первобытного. Это нечто напитывало землю и пространство между нами. Казалось, воздух дрожал вокруг нас, окутывая коконом, внутри которого прошлого не существовало. Были только Джек и я. И я была готова поклясться, что где-то за высокими, стройными кедрами, там, где солнечные лучи уже начали потихоньку угасать, я услышала голос моей бабушки, зовущий меня по имени. Но не для того, чтобы выбрать меня, а скорее успокоить и поддержать.

– Кто-нибудь уже сказал тебе, что ты сегодня прекрасна?

Я вновь переключила внимание на Джека и на миг задумалась.

– Да, но только другими словами. Кое-кто даже процитировал Шекспира.

Джек снова улыбнулся. Его лицо было совсем рядом. Я почти уверена, что именно пунш заставил меня закрыть глаза и податься вперед.

– Мелли! – донесся из сада голос моей матери, и она подошли ко мне на пару с моим отцом. – Начинают прибывать гости. Пойдем встречать их.

Мои родители поздоровались с Джеком и встали по обе стороны от меня. Втроем мы в унисон повернулись, чтобы поприветствовать первых гостей – моего начальника Дейва Гендерсона и его жену Робин. Я оглянулась через плечо. Интересно, подсчитал ли Джек, какой это был по счету почти-поцелуй, но он уже исчез в саду, оставив после себя лишь запах одеколona и тревожное чувство внутри меня, примерно в том самом месте, где заканчивался мой глубокий вырез.

Глава 24

Темнота прокралась в мой сад незаметно, без всякого объявления. Сквозь заросли цветущей индийской легерстремии и все живые изгороди были протянуты провода с тысячей мерцающих огоньков, обмотаны вокруг толстого ствола большого дуба, создавая иллюзию россыпи звезд в зеленоватом небе. Сад сверкал, как колесо обозрения, моя голова тоже шла кругом, пока я болтала, смеялась и танцевала, все время осознавая, что Джек поблизости, но его никогда нет рядом.

Музыканты, одетые в стиле звезд «Крысиной стаи»^[3], весь вечер держали танцующих на танцполе, исполняя классические хиты практически всех десятилетий, чтобы угодить вкусам гостей любого возраста. Чэд оказался на удивление хорошим танцором – отлично изобразил лунную походку Майкла Джексона из клипа «Билли Джин» и станцевал со мной великолепный танец под хит группы the Tams «Будь юной, будь глупой, будь счастливой». Танцпол опустел всего один-единственный раз, когда Нола и Олстон попросили музыкантов исполнить хит «Почему мы бандиты» из репертуара Айс Кьюба. Я единственная из тех, кто был старше четырнадцати лет, узнала эту песню, и то лишь потому, что она часто доносилась из комнаты Нолы. Чтобы спасти положение, я предложила «аббовскую» «Танцующую королеву» и, когда гости толпой повалили на танцпол, удостоила Нолу триумфальным взглядом. Та в ответ лишь закатила глаза.

Марк дважды приглашал меня на танец. Его движения были скорее тщательно оттренированными, нежели естественными, но в целом как партнер по танцу он был неплох, и, главное, на него приятно смотреть, особенно в непосредственной близости. Оба раза Ребекка выискивала Джека и тащила его на танцпол. Я поймала себя на том, что не могу на них смотреть, но не потому, что мне было неловко из-за того, что я сама танцую с Марком, а потому, что видеть их вместе было слишком больно, хотя я и знала, что они больше не пара. Что, однако, не помешало мне заметить, что Джек был отличным танцором. Он не сделал ни одного неловкого движения, которые большинство белых парней непременно выставляют напоказ на танцполе. Я даже

взгрустнула, что он крутил в танце не меня и не его рука касалась в данный момент моей талии.

Как раз тогда, когда я подумала, что в меня больше ничего не влезет из закусок и напитков, музыканты заиграли знакомую и пугающую мелодию «С Днем рождения», под которую два официанта вынесли на большом подносе огромный торт с пугающим количеством зажженных свечей. Они поставили его на пустой стол, украшенный розами Луизы из моего сада.

Я застыла перед тортом, а все вокруг хором подпевали, поздравляя меня. Я огляделась по сторонам и увидела знакомые и любимые лица, в кои веки чувствуя себя почти по-настоящему счастливой. Даже старый дом за моей спиной с его изуродованным фундаментом был бессилён омрачить мою радость. Более того, если быть до конца честной, он даже внес свой вклад в мое общее чувство удовлетворения.

Но, поблагодарив гостей и обняв по очереди родителей, я остро почувствовала, что, несмотря на всю мою благодарность, где-то на периферии моего сознания присутствовала пустота, словно некий смутный запах, который, куда бы я ни повернулась, все время ускользал от меня. Я всегда знала, что она там была, однако предполагала, что, как только мои мать и отец примирятся с моей жизнью, она исчезнет. И хотя она больше не казалась такой глубокой и темной, она по-прежнему оставалась там – этакий скелет в шкафу, который я не хотела видеть.

– С тобой все в порядке?

Я обернулась и обнаружила, что смотрю в голубые глаза Джека, и, словно кусочки головоломки, все внезапно встало на свое место, все линии и изгибы идеально вписались друг в друга. Я шагнула к нему, и вместо того, чтобы, как мне всегда казалось, упасть в пропасть, моя нога встретила твердую землю, а мои руки сжали его ладони.

– Со мной все в порядке. – Я улыбнулась, как беспечный подросток. – Я замечательно себя чувствую.

Он странно посмотрел на меня:

– Потому что у тебя был такой вид, будто ты перенеслась куда-то далеко, за пределы собственного тела.

Я откинула голову и рассмеялась, разрываемая на части знанием, но не зная, что с этим делать.

– Похоже на то.

Я нехотя отпустила Джека и повернулась к руководителю музыкантов, который снова обратился ко всем присутствующим:

– Без дальнейших церемоний я хотел бы представить мисс Нолу Петтигрю и миссис Джинетт Приоло Миддлтон, которые споют дуэтом в честь сорокалетия мисс Миддлтон.

Это публичное объявление моего возраста заставило меня поморщиться, но в следующее мгновение толпа буквально вынесла меня к сцене. Нола сидела с гитарой Бонни на коленях, моя мать стояла рядом с микрофоном. Мягкий ветерок в моих волосах и далекие звуки теперь уже знакомой мелодии говорили мне, что Бонни где-то рядом, но я ее не видела. Она как будто знала, что для ее дочери настал момент, когда та оказалась в центре внимания, но сама предпочла оставаться в тени. Бросив в мою сторону робкую улыбку, Нола наклонилась над гитарой и начала перебирать струны.

Я мгновенно узнала мелодию «Фернандо», одну из моих любимых песен группы «АББА», и на глаза мне навернулись слезы. Я отлично знала, каких усилий стоило Ноле играть на гитаре ее матери, но сыграть для публики песню из репертуара «АББА»? Это было для нее сродни пытке.

А потом Нола и моя мама запели, причем так гармонично, что казалось, будто звучал только один голос. Все притихли, взгляды гостей были прикованы к сцене. Казалось, будто музыка и певицы были такой же неотъемлемой частью ночи, как небо, луна и огоньки, мерцавшие над нами на деревьях. После того как последняя нота проплыла и растаяла в темноте, несколько секунд все стояли словно замороженные, и лишь затем раздался оглушительный гром аплодисментов и крики «Браво, браво!».

Я повернулась, чтобы сказать что-то Джеку, но его уже не было. Я снова повернулась к Ноле и моей матери. Те уже уходили со сцены, и я увидела, что Нола позволила отцу обнять ее и поцеловать в щеку. Они улыбнулись друг другу одинаковыми улыбками, и мое сердце вновь защемило от грусти. Я попыталась подойти к ним, но меня вечно кто-то останавливал, чтобы поздравить с днем рождения и расспросить о Ноле. Я лишь краем глаза увидела, как Джек поцеловал в щеку мою мать и пожал руку отцу, а затем вышел за ворота сада. Когда я наконец добралась до Нолы и моей матери, его уже не было.

Подавив разочарование, я обняла их.

– Это было потрясающе... вы обе. И, Нола, огромное спасибо! Знаю, это было для тебя нелегко, что делает твой подарок тем более ценным. Твоя мама гордилась бы тобой.

Она посмотрела на меня, и ее глаза были на мокром месте.

– Как ты думаешь, она после этого уйдет? Я, собственно, ради этого и старалась. Я подумала, что, если она увидит, что у меня все в порядке, у нее не будет причин оставаться. Я не хочу, чтобы она вечно бродила здесь из-за меня.

Я посмотрела в глаза этой храброй и красивой девушке с редким именем и фиолетовыми кроссовками. Это надо же как Джеку с ней повезло!

– Надеюсь.

Я отступила, уступая место другим гостям, спешившим поздравить певиц, и столкнулась с Марком Лонго. Он подхватил меня под локоть, не давая мне упасть, но потом так и не отпустил. Сделав глоток янтарной жидкости из бокала, он сверху вниз посмотрел на меня:

– Я видел, как наш друг Джек ушел. Не иначе как получил кое-какое известие.

– Известие?

– Да, о том, почему его издатель разорвал с ним контракт.

Внутри у меня как будто что-то застыло.

– Откуда тебе это известно?

Марк усмехнулся, сделал еще один глоток и смерил меня задумчивым взглядом.

– Как ты думаешь, кто написал книгу, из-за которой он получил под зад коленом? Подумай сама... я – прямой потомок Джозефа Лонго. Мой издатель понял, что я принесу ему больше денег, так как знаю эту грязную историю изнутри. И в ней есть все: похоть, жадность и убийство. Это название, кстати. Здорово цепляет, как считаешь?

Я пристально посмотрела на него. Казалось, гул голосов вокруг нас странным образом сделался тише.

– Так ты написал книгу о моем доме и о том, что произошло в нем, хотя знал, что Джек тоже писал об этом?

Его улыбка буквально сочилась спесивым самодовольством.

– Зато ему досталась девушка. По-моему, это честная сделка.

Я покачала головой, как будто отрицая все, что он мне говорил. Ему следует добавить в заголовок слова «обман» и «нечестность», подумалось мне.

– Джек знает, что это ты?

Марк допил свой бокал и пожал плечами:

– Еще нет. Но после его сегодняшнего разговора с редактором он довольно скоро поймет. Не думаю, что наш Джек будет доволен мной. – Марк подмигнул: – Или тобой.

– Мной?

– Он подумает, что ты знала об этом с самого начала, – с ухмылкой сказал он. – Серьезно, Мелани. Мне понятно, как Джек этого не просёк. Но ты ведь у нас умница. Даже он не поверит, что ты не знала или хотя бы не подозревала.

Мне хотелось врезать ему, стереть самодовольную ухмылку с его наглой физиономии, но я не хотела терять ни минуты. Джек скоро все поймет, и я должна быть с ним рядом, когда это произойдет. Если он еще не напился. Я почти не сомневалась, что это единственное, из-за чего он способен слететь с катушек.

Я повернулась на каблуках, чтобы отправиться на поиски матери, но смех Марка заставил меня вернуться.

– Знаешь, почему я не хочу больше встречаться с тобой? Потому что ты занимаешься любовью так же, как танцуешь, – как будто ты слишком долго тренировался сам с собой, а партнер просто лишний.

Его смех оборвался. Увидев мою мать у качелей, я быстро шагнула мимо него и была рядом с ней прежде, чем она успела подойти к группе окликнувших ее гостей.

– Мама, я должна уйти. Прямо сейчас.

– Но ведь мы сейчас подаем торт! Что случилось? Ты не заболела? Может, выпила слишком много пунша?

Я покачала головой:

– Дело в Джеке. Похоже, у него проблемы, и мне нужно поговорить с ним.

– Тогда иди, – ответила она без колебаний. – Я извинюсь и сама позабочусь здесь обо всем. Если хочешь, я попрошу Чэда отвезти тебя туда, куда тебе нужно. Позвони мне, если тебе что-то понадобится.

– Обязательно. – Я поцеловала ее в щеку и крепко обняла. – И спасибо за сегодняшний вечер. Знаю, я много капризничала, но все

равно я рада, что ты это устроила.

– Не за что. Я очень надеюсь, что это хоть немного компенсировало все пропущенные мною дни рождения.

Вновь поцеловав ее в щеку, я оставила разноцветные огни и благоухание сада позади себя и шагнула в темноту на поиски Джека.

* * *

Вести машину в платье и на каблуках оказалось гораздо сложнее, чем я себе представляла, иначе я бы переделалась после того, как Чэд отвез меня в дом моей матери, где я взяла ключи и сумочку. К счастью, я понятия не имела, где Джек проводил время вдали от меня, но теперь я молча проклинала свою глупость, словно знала, где он, и представляла, чем он занимается, и что это неким образом укрепит или прояснит мои чувства к нему. Как будто неведение вообще имело какое-то значение.

С удивительно ясной головой я поехала в одно знакомое мне место – его квартиру во Французском квартале. Там была гаражная стоянка, так что мне не пришлось долго нарезать круги, высматривая его машину. Вместо этого я нашла парковочное место у тротуара в квартале от его дома и заковыляла дальше на высоких шпильках. И даже удостоилась нескольких восхищенных взглядов от прохожих мужского пола, сосредоточившись на том, чтобы не подвернуть лодыжку, в очередной раз пожалев, что не переделалась в нормальную одежду.

Набрав полную грудь воздуха, я нажала кнопку домофона и стала ждать, когда Джек ответит и впустит меня. Я ждала не меньше минуты и, потеряв терпение, нажала кнопку снова. Пока я стояла, затаив дыхание, из дома вышла какая-то пара. Придав лицу виноватое выражение, я указала на свою сумочку, изобразив потерю ключа, и поблагодарила мужчину, который придержал для меня дверь. Похоже, что то, что я не переделалась, было, в конце концов, не так уж и плохо.

Напевая для успокоения расшатанных нервов мелодию «Фернандо», я на лифте поднялась на этаж Джека, размышляя над тем, каким будет мой план Б, если его не окажется дома. Или если он у себя, но просто не откроет дверь. Или же если он ее все же откроет. Я так и не решила, какой из трех сценариев лучший, искренне недоумеваю, как та, у кого в электронной таблице расписан

ежемесячный график ношения обуви и ее чистки, может почти в полночь появиться у двери мужчины, заранее не подумав о том, что может произойти дальше.

Я, затаив дыхание, впиалась глазами в его дверной звонок и тарасилась в него до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Затем, прежде чем отговорить себя от этой затеи, я с силой нажала на кнопку указательным пальцем, чтобы убедиться, что услышу его внутри, прежде чем ее отпущу. Мне показалось, будто я ждала около часа, но на самом деле не больше пары минут. Я уже подняла руку, чтобы нажать снова, но так и не довела вторую попытку до конца, потому что Джек открыл дверь.

Он стоял передо мной в дверном проеме – босиком, без смокинга, рубашка расстегнута и вытащена из брюк, подтяжки болтаются у его ног. Он с удивлением посмотрел на меня. Но было в его голубых глазах нечто такое, что было похоже на опасение.

Я постаралась не замурлыкать, не зарычать и не сделать того, что обычно делают крупные кошки, когда на африканских равнинах им попадает газель или нечто такое же вкусное. Я закрыла глаза, чтобы заблокировать эту картину, и обвинила в нелепости создавшейся ситуации коварный пунш.

– Что ты здесь делаешь, Мелли?

Его вопрос прозвучал вполне невинно, но за ним явно скрывался иной смысл.

– Ты слишком рано ушел с вечеринки. Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

Он пристально посмотрел на меня:

– Тебе ничто не мешало позвонить.

Где-то в коридоре хлопнула невидимая дверь.

– Могу я войти?

Он не отступил и не открыл дверь шире.

– Зачем?

Меня внезапно сковал ледяной холод. Я вспомнила, как в прошлый раз, без предупреждения появившись на его пороге, я обнаружила в его спальне Ребекку.

– Ты один? – пискнула я.

Джек едва заметно улыбнулся.

– Я один, и я устал. Разве это не может подождать до завтра?

– Нет. Не может. – Я не была уверена, что именно я хотела сказать ему – все было в равной мере важно, – но в любом случае я не хотела ждать. – Пожалуйста, позволь мне войти.

Его взгляд медленно скользнул от моего лица вниз, мимо моего подбородка, затем задержался на моей груди и вновь скользнул ниже. В конце концов он снова поднял глаза:

– Ты уверена, что хочешь войти, Мелли?

По моим венам промчался обжигающий вихрь электричества, и я была готова почувствовать запах гари. Я знала, что могу повернуться и убежать, что делала не раз. Или же, наплевав на то, что говорило мне логическое полушарие моего мозга, могла шагнуть вперед, в местность, еще не нанесенную на карту, которую не запихнуть в электронную таблицу. Возможно, виной всему было то, что мне стукнуло сорок лет и я устала от ощущения, что упустила что-то очень важное, а может, виноват был пунш. В любом случае, я толкнула дверь. Джек был вынужден отступить и впустить меня внутрь.

Застыв в коридоре, я пронаблюдала за тем, как Джек запер дверь, после чего повернулся ко мне:

– Тебе что-нибудь принести?

Пить мне не хотелось, но мне нужно было чем-то занять руки, пока я буду пересказывать ему то, что узнала от Марка. Я постреляла глазами во все стороны, пытаюсь увидеть доказательства того, что он сорвался и запил. Не то чтобы я не доверяла ему. Скорее потому, что я выросла в семье отца-алкоголика и знала, что кое-какие вещи желательно выяснить.

– Воды. Если она у тебя есть.

Странно посмотрев на меня, Джек направился в свою сверкающую хромом и нержавеющей сталью кухню и достал из шкафчика стакан. Положив в него колотый лед, он налил воду из кулера и вручил его мне. Я сделала глоток. Холодная вода – это именно то, что мне нужно было в эти минуты, тем более что Джек стоял так близко и смотрел на мои губы, когда те касались стекла.

– Почему ты здесь, Мелли? – снова спросил он, мягко и вкрадчиво.

Я хотела рассказать ему про книгу Марка, о том, что я ничего не знала о ней до сегодняшнего вечера, но не спешила это делать. Я знала, каким ударом это будет для него и что это оборвет все, что сейчас существует между нами.

Я сглотнула. Мне хотелось рассказать ему, что я поняла раньше, нечто такое, чему у меня еще не было названия. Это было слишком ново и слишком деликатно, чтобы открыто в этом признаться, тем более что я не была уверена в его чувствах ко мне.

– Потому что я беспокоилась о тебе, – сказала я вместо этого. – О том, что ты мог натворить. Представляю, как тебе неприятно, что твоей книге предпочли книгу другого автора. – Я посмотрела на него в поисках признаков того, что он уже знает о книге Марка и обо всем догадался.

Вместо этого его лицо потемнело, но мы оба остались стоять на месте. Он не повышал голоса, но его слова звучали размеренно и четко, как будто он хотел, чтобы до меня до конца дошел их смысл.

– Ты действительно думаешь, что я снова уйду в запой? Что я поступлю так с Нолой... моей дочерью? Ты задала мне тот же вопрос, когда мы были на Батарее, и я дал себе слово, что с меня хватит тебя и твоего недоверия. – Он провел руками по волосам. – Но так и быть, я отвечу на твой вопрос... Нет, я не запил. Хотя и не отказался бы выпить прямо сейчас... и не один стакан. Но правда в том, что Нолу я люблю больше.

Я быстро заморгала, чтобы не расплакаться от его слов. В Джеке Тренхольме было много такого, чего я не знала, что не удосужилась разглядеть, а все потому, что мне было страшно заглянуть глубже, страшно понять, что, возможно, он и есть тот единственный, с которым стоит безоглядно прыгнуть в пустоту.

Я сделала глоток холодной воды, обнаружив при этом, что у меня дрожит рука, и попыталась найти подходящие моменту слова.

– Извини, что я сомневалась в тебе. Наверно, я это зря. Но я знаю, каково это, когда тебе больно, а ты один на один с судьбой. Я подумала, что поддержка друга тебе не повредит.

Он пару мгновений в упор смотрел на меня.

– Мне не нужен друг. – Он забрал у меня стакан, поставил его на стойку и обеими руками взял мое лицо. – Мне нужна ты.

Все, что я могла, это дышать и пытаться понять слово «нужна», его истинное значение. Его губы на несколько секунд замерли над моими, а потом коснулись их, сначала легко и невесомо, словно пчела, нашедшая новый цветок. А в следующий миг я оказалась прижата к кухонному столу. Его губы впились в мои, а мои руки пытались

притянуть его еще ближе. Почувствовав головокружение, я открыла глаза, испугавшись, что потеряю сознание и пропущу, что будет дальше.

Джек отстранился и пристально посмотрел на меня:

– В чем дело?

Я тряхнула головой, пытаюсь протрезветь.

– Возможно, я выпила слишком много пунша. У меня кружится голова.

Он улыбнулся одним уголком губ, как будто не хотел подавать виду, что ему весело.

– Розовый пунш на вечеринке?

Я кивнула. И удивилась, зачем ему уточнять это в такой момент? В следующий миг он расхохотался.

– Я пил его весь вечер. Нола и Олстон тоже. Это был безалкогольный.

Я растерянно заморгала. Странно. Откуда тогда я нашла в себе храбрость постучать в его дверь, если пунш был безалкогольный?

– Тогда почему у меня кружится голова? – выпалила я.

Его улыбка исчезла. Он вновь наклонился ко мне:

– Это все, что ты чувствуешь? Потому что я чувствую гораздо большее, чем просто головокружение. – На этот раз его губы встретились с моими без всяких колебаний. Джек навалился на меня, и край кухонного стола врезался мне в спину. Мои губы приоткрылись навстречу его губам. Головокружение почти прошло, зато я почувствовала нечто такое, что, возможно, в эти мгновения чувствовал Джек.

Его губы заскользили по моей шее, оставляя горячий влажный след, затем ниже, к моей ключице. Мои колени сделались ватными. Его руки обнимали мои ягодицы, его зубы впились в мою ушную мочку. Чувство реальности ускользало от меня.

– Твоя мать и вправду купила тебе это платье? – шепнул он мне прямо в ухо. Его теплое дыхание овеяло влажную кожу моей шеи, и мое тело содрогнулось.

– Да. – Мне неким чудом удалось выдавить это слово из моих опухших и как будто утративших чувствительность губ.

– Я уже говорил тебе, что твоя мать очень умная женщина?

Я ахнула, почувствовав, как руки Джека гладят мне спину. Вскоре его пальцы нащупали молнию на моем платье. Я перехватила его руку, пытаюсь его остановить:

– Что ты делаешь?

Он тяжело дышал и как будто был слегка раздражен.

– Именно то, что, как мне кажется, ты хотела, чтобы я делал.

Моя привычная потребность контролировать ситуацию отчаянно попыталась выбраться из той серой слякоти, в которую превратился мой мозг.

– Может, мы в первую очередь поговорим об этом. Что... это... будет значить для тебя и меня. Для нас. Я знаю слишком много пар, которые прыгают вместе в постель по ложным причинам, а потом больно ей или ему. Или до них доходит, что они ни в коем случае не должны быть вместе. Или его раздражает то, как она суетится в постели. Или то, что он оставляет волосы в раковине, вызывает у нее желание прибить его, и они расстаются и удивляются тому, что они раньше вообще находили друг в друге. А потом им неловко на вечеринках и церемониях бар-мицва, или где там еще они могут столкнуться...

Его рука накрыла мой рот:

– Мелли?

– Ммм?

– Замолчи. Пожалуйста.

Я нахмурилась, затем кивнула.

– Хоть раз в жизни, ради бога, прекрати думать, – сказал он, опуская руку. – Наслаждайся собой и ни о чем не думай, лишь о том, как тебе со мной хорошо.

Умей люди самовозгораться, я была бы тлеющей грудой красного шелка, прожигающей дыру в деревянном полу кухни Джека. У меня снова закружилась голова, и я поняла, что мне нужно дышать или я потеряю сознание. Наши взгляды встретились, и я поняла: слова больше не нужны; все, что мы уже говорили с момента нашей первой встречи почти два года назад, привело к этому моменту. Все это потраченное зря время.

Его рука вновь потянулась к молнии, но на этот раз я не стала его останавливать. Он медленно расстегнул ее до самого конца, все время глядя мне в глаза, даже когда рукава платья сползли с моих плеч,

обнажив крошечный красный бюстгальтер, который я в последний момент подобрала в магазине белья на Кинг-стрит в качестве аксессуара к моему ансамблю.

Я открыла было рот, чтобы сказать ему, что сегодняшняя вечер – это нечто большее, чем обычное взаимное дарение радости. Я вспомнила, что я чувствовала, стоя в своем саду, когда поняла, что, несмотря на все мои усилия, Джек неким образом исхитрился сломать ту стену, которую я возводила все эти годы, начиная с того дня, когда мать оставила меня.

Его руки на миг оставили свое занятие по выниманию моих рук и платья.

– Мелли? Ни слова больше, хорошо?

Я закрыла рот и кивнула, так и не найдя нужных слов. Между тем платье соскользнуло на пол. Джек взял меня за ягодицы и приподнял. Мне ничего другого не оставалось, как обхватить его ногами. Нет, я, конечно, никогда ему не признаюсь, что мне часто снились такие сны, но ни один из них не шел ни в какое сравнение с тем, что я ощущала сейчас – Джека Тренхольма во плоти – сквозь тонкое шелковое бельё.

Наши губы снова встретились, и я блаженно зажмурилась, чувствуя, что он меня куда-то несет. Почувствовав под спиной мягкие подушки, я удивленно открыла глаза.

– Диван? – спросила я.

– Для начала, – пробормотал он в мягкую кожу между моих грудей.

Мои пальцы вцепились в его рубашку. Джек сел и, стащив ее вместе с майкой, бросил на пол. Он уже взялся было за бретельки моего лифчика, но внезапно остановился, поднял голову и посмотрел на меня:

– Всего один вопрос.

Я приподнялась на локтях, терзаясь вопросом, – в конце концов, это была моя жизнь, – неужели он сейчас скажет мне, что он гей. Или женщина.

– Какой?

Он на миг задумался, как будто подбирая слова.

– Мертвецы, которых ты видишь, ты чувствуешь, когда они рядом, верно? Как, например, сейчас... ты бы знала, что мы точно одни?

Я расслабилась и вновь откинулась на подушки.

– Не скажу, что у меня большой опыт по этой части, но да, я бы это почувствовала. – Я потянулась к нему и положила руки на его обнаженные плечи. – Сейчас здесь только ты и я.

Похоже, я его убедила. Он снова опустил голову и поцеловал меня с удивительной нежностью. За моими закрытыми веками тотчас вспыхнула россыпь огней. Я вздохнула и как наяву услышала слово, донесшееся откуда-то издалека. Наконец-то.

Глава 25

Я проснулась еще затемно со знакомым ощущением теплого, мягкого тела в постели рядом со мной. Правда, это конкретное тело было не таким мягким и имело только две ноги вместо четырех. И с ним было намного приятнее спать.

Под простыней рука Джека медленно водила круги на моем голом бедре. Я мгновенно ощутила его интерес к продолжению наших энергичных постельных упражнений предыдущего вечера. Мое тело слегка покалывало в тех местах, о существовании которых я даже не догадывалась. Мое сердце стучало в новом, незнакомом ритме, возбуждая во мне странное желание вздохнуть, смеяться и плакать – и все это одновременно. Впервые с тех пор, как моя мать бросила меня, я была довольна тем, где я в данный момент. Моя голова не кружилась, мои мысли не бегали по спискам того, что я должна успеть сделать за день. Я была с Джеком, а это самое главное.

Я была готова нежиться здесь вечно, в уютном коконе темноты, где не было никаких слов, где я могла показать Джеку, что я чувствую, не усложняя все пресловутыми тремя короткими словами. Не то чтобы я не хотела сказать их первой или не была уверена в чувствах Джека ко мне. Мои сомнения были порождены необходимостью сообщить Джеку о Марке и его книге, и я знала, что не могу сказать ему одно, не сказав другого.

Я повернулась к нему лицом, чтобы заглянуть ему в глаза, но его лицо было в темноте, подсвеченное лишь зеленоватыми цифрами на прикроватных часах. Мне стало даже легче оттого, что сейчас я могу смотреть ему в глаза, не краснея при воспоминаниях о предыдущем вечере. Это был идеальный момент, чтобы поведать Джеку, что я узнала о Марке, сказать, что я на его стороне и он всегда может на меня положиться. И если ему понадобится помощь в изготовлении кукол вуду или в разработке сложных схем расчленения, когда никто не будет бесповоротно искалечен и не сядет в тюрьму, я согласна помочь ему.

Вместо этого мой взгляд остановился на часах позади него. Светящийся индикатор показывал, что уже почти пять тридцать утра.

Моя голова оторвалась от подушки.

– Черт! – Быстро поцеловав Джека в губы и скинув одеяло, я заметалась по всей комнате, а затем бросилась в прихожую, столовую, гостиную и кухню в поисках моей одежды и обуви, застенчиво прикрываясь подушкой на манер щита.

Джек лениво потянулся, стоя в дверях спальни в чем мать родила. Похоже, мой бег голышом странным образом его возбуждал.

– Что за спешка, Мелли? Разве ты не можешь взять сегодня отгул? Я думал, что мы проведем день дома... в четырех стенах. Где тебе не понадобится никакая одежда. – Он пристально посмотрел на меня: – И зачем вообще прикрываться подушкой? Я и так уже все видел. – Его улыбка была лукавой и немного самодовольной.

Меня одолевал соблазн махнуть рукой на поиски одежды, вернуться в кровать Джека и забыть, пусть ненадолго, об остальном мире. Вместо этого я сорвала с торшера за диваном лифчик и, одновременно ведя поиски трусов, попыталась его надеть.

– Джек, я бы хотела остаться, но я должна вернуться домой, пока все не проснулись и не увидели меня в том, в чем я была накануне вечером. Тем более что моя мать знает, что, когда я ушла с вечеринки, я поехала искать тебя.

Свое платье я нашла в кухне и уже влезла в него, но Джек подошел ко мне сзади и поцеловал в затылок, чем поколебал мою решимость.

– Тебе сорок лет, Мелли. Я уверен, что твоя мать поймет.

Я повернулась в его объятиях и поцеловала его, едва ли не кожей ощущая, что он хочет, чтобы я осталась.

– А как же Нола? Что скажет она?

Джек растерянно посмотрел на меня.

– Тебе следует поторопиться. – Он развернул меня и начал застегивать на мне платье. Затем, пока я искала мою сумочку, заскочил в свою комнату и вернулся в шортах и футболке, держа в руках мои туфли. Он поднял их над головой, словно трофеи: – Извини, что так долго. По неведомой причине они оказались в моей постели.

Я покраснела, вспомнив, как они туда попали.

– Спасибо, – сказала я, взяв у него туфли, и начала обуваться.

– Давай я отвезу тебя.

Я отрицательно покачала головой:

– Если кто-то увидит, что ты меня высадил, будет только хуже. Кроме того, у меня есть собственная машина.

Он положил руки мне на бедра и притянул к себе:

– Так когда же я смогу увидеть тебя снова?

– Сегодня вечером? – Я закусила губу, смущенная собственной смелостью.

Джек усмехнулся:

– Мне, конечно, приятен твой энтузиазм, но, боюсь, сегодня вечером не получится. Моя мать просила меня съездить с ней за покупками на неделю на северо-восток, и поскольку я не могу сослаться на то, что я работаю над книгой, то придется поехать. Она не любит путешествовать одна, а мой отец должен остаться здесь, чтобы присматривать за магазином. Кто знает – вдруг я там найду вдохновение для моей следующей книги? Моя мать уже договорилась с твоей матерью, чтобы та присмотрела за Нолой, пока ты на работе.

Я попыталась скрыть свое разочарование:

– И когда же ты вернешься?

– В следующий четверг. Нам обоим будет к чему стремиться. – Он снова поцеловал меня в шею, и я вздохнула. – И всегда есть телефон.

Я кивнула, думая обо всем, что осталось невысказанным между нами, и, зная, что ничего из этого нельзя сказать по телефону, попыталась признаться.

– Джек... – начала я, но тут на моем телефоне зазвонил будильник и перебил меня.

– Что это было? – спросил Джек, пока я судорожно рылась в сумочке, чтобы вытащить телефон и выключить настырный сигнал.

– Мой будильник. Я всегда просыпаюсь точно в шесть часов, поэтому он установлен на пятнадцать минут раньше будильника у кровати.

Он пару секунда пристально смотрел на меня:

– Это должно быть «меллизм», поэтому я не стану просить объяснений.

– «Меллизм»?

– Так Нола называет все твои странности. Например, все часы в твоей комнате, а также наручные, спешат на десять минут. Или то, что ты наклеиваешь на внутренние панели ящиков ярлыки, чтобы было видно, что куда класть. Меллизмы. – Джек поцеловал меня в лоб. – По-

моему очень мило. – Он протянул руку и схватил с кухонного стола ключи. – Давай я провожу тебя до машины. Я не в настроении объяснять этим утром Ноле про птичек и пчелок.

Я вышла вслед за ним за дверь. И когда он поцеловал меня на прощание возле моей машины, постаралась убедить себя, что то, что я должна сказать ему, может подождать одну недолгую неделю.

* * *

Всю следующую неделю мои ноги как будто парили над землей, когда я занималась моими повседневными делами. Я была крайне осторожна, стараясь скрыть от остальных мое настроение, считая, что это справедливо, пока я не сказала Джеку. Но Шарлин пожелала узнать, к какому косметологу я хожу, а моя мать и Нола отругали меня за то, что я поставила чашку с кофейной гущей в холодильник, а молоко сунула в кладовку. Причем дважды. Похоже, один лишь Генерал Ли догадался, в чем дело, и теперь спал у меня в ногах, а не на подушке рядом со мной, как будто понял, что теперь это конкретное место предназначено кому-то другому.

Мой график работы был плотнее, чем обычно. За неделю я заключила рекордные три сделки, заработав мое обычное – и желанное – первое место в рейтинге продавцов в бюро недвижимости Дейва Гендерсона. Джек и Амелия, по-видимому, были заняты не меньше меня, пока коллеги по антикварному бизнесу от Бостона до Нью-Йорка наливали им вино и угощали обедами. Наши телефонные разговоры были краткими, как будто мы оба знали, что в наших отношениях произошли глубокие, но еще не до конца осмысленные изменения. Мы были исследователями неизведанной территории, еще не нанесенной на карты. Я продолжала ждать, когда он скажет мне, что знает, почему издатель расторг с ним контракт, и каждый день, когда он этого не делал, я все больше и больше чувствовала себя виноватой в том, что скрываю от него правду. Однако я убедила себя, что сказать такое по телефону нельзя и что, как только я увижу его снова, я непременно скажу ему, когда мы будем наедине.

Впервые в жизни я могла посоветоваться относительно важного решения с обоими родителями. Впрочем, я знала, что они скажут мне, и не хотела разочаровывать всех нас троих, идя против здравого смысла и голоса рассудка. Я понимала, что веду себя трусливо. Но то,

что произошло между Джеком и мной – что бы это ни было, – казалось все еще слишком новым и хрупким, чтобы принять такой удар. Как человек, наблюдающий за приближением торнадо, я до последней минуты не торопилась в убежище, надеясь, вопреки всему, что смертоносный смерч отклонится от курса и обойдет меня стороной.

Ясно было лишь одно: от кукольного домика следует избавиться. С того момента как в земле Маниго были обнаружены человеческие останки, вражда между Уильямом и его отцом обострилась. Нола оказалась в эпицентре их вражды. Они преследовали бедняжку в ее снах, используя ее в качестве канала для продолжения своих споров, разбрасывали по всей комнате ее постельное белье и другие вещи. Миссис Хулихан угрожала уйти, и Нола ходила с темными кругами под глазами. Я поняла: с меня довольно.

В то утро, когда Джек должен был вернуться в Чарльстон, меня разбудили раскаты грома. Генерал Ли испуганно юркнул под одеяло. Открыв глаза, я увидела вспышку молнии, а в ее свете человеческую фигуру рядом с моей кроватью.

Холодная рука коснулась моей руки. Я как ужаленная села в постели. Стены сотрясались от раскатов грома, вспышки молнии беспрестанно озаряли комнату, словно в драматическом финале старого кинофильма. Словно в замедленной съемке, фигура у кровати наклонилась ко мне. Я уперлась пятками в матрас, отталкиваясь прочь от нее, пока моя голова не уперлась в изголовье кровати, как будто пытаюсь слиться с деревянной доской. Фигура наклонилась ближе, а в следующий миг комнату озарила очередная вспышка молнии. И тут я увидела перед собой пару широко открытых глаз. Причем глаз знакомых.

– Нола? – Я едва услышала свой собственный голос среди раскатов грома.

Ее рука сжала мою руку с удивительной силой. Когда же она заговорила, это не был ее голос, а нечто глубокое и темное, и не из этого мира. В свете молнии ее лицо было мертвенно-бледным, на месте глаз – как будто пустые глазницы.

– Мы сказали тебе, чтобы ты остановила ее. И теперь ты за это заплатишь. – Ее пальцы крепко сжали мне запястье, перекрывая кровообращение.

– Нола! – крикнула я, пытаюсь вырвать ее из транса или какого-то другого состояния, в котором она сейчас пребывала.

– Ты не можешь ее спасти. Ты должна была послушаться нас.

Я с силой взмахнула другой рукой. При этом я задела тумбочку, и лампа на ней покачнулась.

– Нола, проснись! Это сон, проснись!

Мне тотчас стало холодно. Комнату наполнил всепроникающий свет, не имевший ничего общего с бушующей снаружи грозой, хотя верхняя люстра и лампы оставались темными.

– Нола. Проснись. Это просто сон.

Это была Бонни, ее голос был ласковым и мелодичным. Нола подняла голову, и в этом странном свете я увидела ее глаза. Она заморгала. Ее взгляд медленно переместился на меня, затем на руку, сжимавшую мое запястье. Она вскрикнула и закрыла лицо руками.

Свет потускнел, а затем исчез. Я вылезла из-под вороха простыней – хотя мне мешал Генерал Ли, пытавшийся сделать то же самое, – и нащупала выключатель на прикроватной лампе. Встав с кровати, я потянулась к плачущей Ноле и прижала ее к себе.

– Это все Уильям и его отец, – прошептала она сквозь рыдания. – Они были так злы. На тебя! Он хотел, чтобы я делала тебе больно, и я не могла остановиться... – договорить ей помешала икота.

– Кто, Нола? Кто хотел сделать мне больно?

– Отец... Гарольд. Уильям тоже был зол, но на что-то другое. Мне кажется, он был зол на мисс Джулию. Мол, из-за нее все зашло слишком далеко. Что это она во всем виновата.

Я погладила Нолу по спине, давая ей успокоиться.

– Все в порядке, Нола. Ты здесь ни при чем. Я знаю, ты никогда бы не сделала мне больно. – Я попыталась обратить наш разговор в шутку: – Если только я не заставлю тебя снова спеть песню «АББЫ» на публике.

Ее губы задрожали в подобии улыбки, и я поняла, что попала в цель. Я немного отстранила ее от себя и, положив руки ей на плечи, попыталась придумать, что мне делать дальше.

– Думаю, тебе не помешает немного поспать, но ты можешь остаться здесь, с Генералом Ли. Уже почти рассвело, поэтому я собираюсь встать и одеться. А когда я уйду на работу, если ты еще будешь спать, я попрошу мою мать побыть с тобой.

Нола сглотнула, ее плечи расслабились, на лице появилось облегчение.

– Я первым делом звоню Чэду. Попрошу, чтобы он приехал с кем-нибудь из друзей и перевез кукольный дом в квартиру твоего отца, пока мы не выясним, что с ним делать. Ты дашь ему свой ключ, когда он приедет сюда. У меня сегодня утром показ на острове Даниэль, но после него я сразу вернусь сюда. Где-то в половине двенадцатого. Если ты будешь к тому времени готова, мы сразу отправимся к мисс Джулии.

Нола нахмурила брови:

– Зачем?

– Чтобы сказать ей, что я поняла, что означают слова «останови ее», и выяснить, почему Джулия просит прощения. Пора уговорить наших призраков.

Нола кивнула, молча давая понять, что готова составить мне компанию. Я же не стала говорить о том, что я просто боялась выпустить ее из поля зрения, опасаясь, что Уильям и Гарольд не оставят ее в покое, пока мы не найдем ответы на все вопросы. Или что ее мать по-прежнему остается здесь по причинам, которые все еще ускользали от меня.

* * *

Мы с Нолой стояли у входной двери дома на Монтегю-стрит, глядя, как со старого карниза стекает вода, и прислушиваясь к шагам в глубине дома. Нола зябко потерла руки – несмотря на теплый день, они покрылись гусиной кожей.

– Странно, – сказала она.

– Что странно? – спросила я, игнорируя очевидные ответы – «этот дом» и «его призраки».

– У меня вечно возникает жуткое ощущение, когда я стою перед домом и в коридоре. Но никогда в музыкальной или в рождественской комнате, что тоже жутко, но по-другому.

– А по-моему, тут все понятно, – сказала я. – Джулия сказала мне, что ее отец не любил Рождество и никогда не войдет в эту комнату. А музыкальная комната... думаю, туда входит только Уильям, так как именно он любил играть на рояле. С другой стороны, Уильям ведь тоже не самый миролюбивый дух?

Нола покачала головой:

– Это да. Но я... чувствовала его в музыкальной комнате. Как будто он любит слушать. Мне, конечно, было не по себе, но ничего даже близко похожего на ту жуть, которую я чувствую в других частях дома. Как, например, сейчас, когда мне кажется, будто за нами следят.

Я кивнула, но не стала говорить ей, что, когда мы подходили к дому, я видела в башне человека, который – я была почти уверена – и был Гарольд, и что как только мы с ней вышли из машины, у меня по коже пробежали мурашки.

Ди Давенпорт приоткрыла дверь, оставив щель, достаточную для того, чтобы высунуть голову:

– Мисс Джулия неважно себя чувствует. Мне пришлось установить для нее в задней комнате больничную койку. Боюсь, она сейчас никого не принимает.

Я пожалела, что сейчас с нами нет Джека – вот кто бы очаровал помощницу Джулии! Что ж, придется полагаться на собственные силы.

– Это крайне важно, и я обещаю, что мы будем недолго. Пожалуйста, скажите ей... – Я на мгновение задумалась. – Пожалуйста, скажите ей, что я знаю, что пытались ей сообщить Уильям и ее отец.

Ди подозрительно прищурилась:

– Ее брат и отец давно умерли.

– Я знаю. Просто передайте ей. Она поймет, что я имею в виду.

– Почему она здесь? – Ди подбородком указала на Нолу.

Нола шагнула вперед. Ди в свою очередь поспешила сузить щель между дверью и дверной коробкой.

– Потому что я хотела рассказать мисс Джулии, как прошла вечеринка. Ей будет любопытно узнать.

Я вопросительно посмотрела на Нолу: лично я об этом слышала впервые. Она посмотрела на Ди с подкупающей, едва ли не ангельской улыбкой. Похоже, эту способность очаровывать людей она унаследовала от отца.

Ди пристально посмотрела на нас обеих.

– Ждите. Я пойду проверю, – буркнула она.

Ди закрыла дверь, а мы остались ждать на улице. Затем, несколько минут спустя, она появилась снова.

– У вас самое большое пятнадцать минут, – сказала она, закрывая за нами входную дверь. – Мисс Джулию нельзя сильно беспокоить, вы меня поняли?

Мы кивнули и молча последовали за Ди в комнату, в которой напрочь отсутствовал дух Рождества. Здесь на больничной металлической койке, откинувшись на подушки, лежала сморщенная старуха в ночной рубашке, застегнутой под самое горло. Поверх одеяла у ее ног лежала сложенная газета, рядом стоял кислородный баллон, от которого к ее носу тянулись гибкие трубочки.

Ее глаза радостно вспыхнули, стоило ей заметить Нолу, но тотчас потухли, когда ее взгляд остановился на мне. Она жестом велела Ди удалиться. Та со вздохом поставила на стол возле кровати маленький колокольчик.

– Позвоните, если вам что-то понадобится. – Она сурово посмотрела на нас с Нолой, как будто в наши планы входило заставить мисс Джулию танцевать фокстрот или делать что-то не менее изматывающее.

– Почему вы пришли? – спросила Джулия хриплым голосом, как будто до этого несколько дней молчала. Нола села на край стула, который был придвинут к самой стене, чтобы освободить место для кровати, я же осталась стоять.

– Пройшей ночью Уильям и Гарольд посетили Нолу и очень сильно потрепали ей нервы. Они в чем-то обвиняли меня, говорили, что вы опоздали и что меня ждет расплата. Они ведь имели в виду строительство на вашей земле в округе Джорджтаун, не так ли? Это его они пытались остановить... Именно это означали слова «останови ее». Я права?

Ее лицо оставалось непроницаемым.

– Я полагаю, вы знаете, что там были найдены останки мужчины и женщины. Как вы думаете, кто они? Или почему Уильям и ваш отец не хотели, чтобы их нашли?

Часы в виде Санта-Клауса на каминной полке пробили час.

– Вам следует быть более информированной, мисс Миддлтон. Похоже, вы еще не читали вчерашнюю прессу, – она указала на газету в ногах ее кровати, я же дала себе слово, что с этого момента начну читать прессу.

Взяв в руки газету, я обнаружила, что она уже развернута на внутренней странице, где были напечатаны фото сгоревшего дома и пожелтевшие снимки семьи Маниго. Прищурившись, чтобы видеть лучше, я пробежала глазами статью и прочла о том, что и без того знала и о чем говорилось в предыдущей статье. Потом мои глаза остановились на одном интересном месте. Я даже прочла его дважды, прежде чем поняла, в чем суть. После чего зачитала вслух для Нолы:

– «Останки, обнаруженные во время расчистки земли на прошлой неделе, теперь идентифицированы как принадлежащие двум мужчинам, несмотря на то что на одном из тел была женская обувь, корсет и дамские украшения. Власти взяли образцы ДНК у одного из членов семьи Маниго, чтобы установить наличие какой-либо связи с умершими. Судя по стилю обуви и украшений, предварительные данные указывают, что останки могут датироваться 1930-ми годами».

Я пустила газету и посмотрела в глаза Джулии:

– Мог ли один из них быть Уильямом?

Она наморщила лоб и покачала головой:

– Я не знаю. Не знаю! Но я не поверю, что это Уильям. В своей записке он сказал мне, что уходит. Зачем ему было ехать в Джорджтаун, где его знали люди?

– Понятия не имею. Лично для меня это полная бессмыслица. Прежде чем строить какие-то догадки, мы должны узнать, кто похоронен в этих могилах.

Джулия закрыла глаза. Я обратила внимание на то, каким поверхностным было ее дыхание.

– Думаю, мы скоро узнаем наверняка. На прошлой неделе у меня взяли анализ ДНК.

Я не сводила с нее глаз:

– Если одно из тел не принадлежит Уильяму, то почему они не хотят, чтобы вы отдали землю под застройку?

– Мой отец не хотел, чтобы нашей семьи коснулся скандал – независимо от того, чьи это тела. Честь семьи всегда была для него превыше всего. – Она поморщилась, и ее старческое лицо перекосила уродливая гримаса. – Вот почему я всегда точно знала, как причинить ему боль.

Она сурово поджала губы. Я опустилась на колени рядом с ее кроватью, чтобы посмотреть ей в лицо.

– Вот почему вам нужно прощение Уильяма? – тихо спросила я.

Она отпрянула от меня:

– Почему вы задаете мне все эти вопросы? Я ничего не знаю!

Разозлившись, я усилием воли заставила себя заговорить спокойно:

– Потому что ваш брат и отец используют Нолу, чтобы выплеснуть свой гнев, и этому безобразию пора положить конец. Немедленно. Я также могу предположить, что вы хотели бы обрести некоторое подобие покоя. И единственный способ это сделать – это узнать, что удерживает их души на земле. – Я наклонилась к ней ближе и, когда она снова отпрянула от меня, испытала легкое злорадство. – Так зачем вам нужно прощение Уильяма?

Она закрыла глаза, и ее кулаки медленно разжались, словно она сбросила давнее тяжелое бремя.

– Потому что я сказала отцу то, чего не должна была говорить. – Она открыла глаза, но устремила взгляд куда-то за мою спину, видя то, чего я видеть не могла.

Я ждала, не говоря ни слова, боясь, что она больше ничего не добавит. Джулия перевела взгляд на Нолу, затем снова на меня:

– Я не могу... Я не могу вам сказать.

Я подалась вперед и очень тихо сказала:

– Если бы речь шла только о вас и вашей семье, я бы тотчас ушла. Но увы. Нола стала невинной жертвой их злобы, что означает, что и она, и я теперь вовлечены в эту историю. Так что, боюсь, нам придется сидеть здесь до той минуты, когда вы скажете нам правду, сколь болезненной бы та для вас ни была. – Я коснулась ее руки и чуть мягче добавила: – Вам ведь тоже нужен покой. Так дайте же мне помочь вам его обрести.

Она снова закрыла глаза и судорожно вздохнула. Какое-то время она молчала, и я уже начала волноваться, что Ди вернется раньше, чем я узнаю секрет, который Джулия Маниго хранила несколько десятилетий. Наконец едва слышно, что мне пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать ее слова, она сказала:

– Я сказала отцу, что Уильям любит наряжаться в платья нашей матери и появляться в таком виде на публике. – Она отвернулась. Я так и не поняла, чего она стеснялась больше – того, что выдала тайну Уильяма, или того, что он делал. – Он всегда старался посещать места,

где его не узнают. Но я знала... знала долгие годы. Я была наблюдательная и всегда все замечала.

Она пристально посмотрела на меня, ожидая моей реакции. Я постаралась сохранить бесстрастное лицо.

– Почему вы так долго ждали, прежде чем рассказали отцу секрет Уильяма?

Ее грудь поднялась и снова опала в очередном неглубоком вздохе.

– Потому что мой отец составил завещание и отписал все – бизнес, имущество, все-все – Уильяму. Уильяму! Который мог читать наизусть страницы стихов, но был не в состоянии решить самую простую школьную задачку. Я была умной, практичной, наделена здравым смыслом. Я могла бы построить финансовую империю, если бы только отец не видел во мне лишь женщину. Я думала, что, имея рядом с собой Джонатана, я возьму бразды правления семейным делом в свои руки, а Уильям пусть делает все, что ему заблагорассудится. Таким образом мы все будем счастливы. Я хотела, чтобы мой отец это понял.

К глазам Джулии подступили слезы, и я ощутила тяжесть вины, которую она более семидесяти лет несла на своих плечах.

– Вот почему они повздорили в тот вечер, – сказала я. – Вот почему ваш отец убил его.

Я ждала реакцию Джулии. Хотелось понять, приблизилась ли я к истине. Но она взволнованно покачала головой:

– Но у меня сохранилась записка от Уильяма. Мой отец его не убивал. – Ее голос звенел отчаянием, как будто она хотела, чтобы я согласилась с ее правдой. Вспомнив слова ее брата, я решила, пусть истина будет такой, какой она хочет ее видеть. Она считает это доказательством невиновности там, где ее нет. Ладно, пусть верит.

– Если на старой плантации похоронено тело Уильяма, скажите, кем, по-вашему, может быть другой мужчина? – спросила я.

Джулия покачала головой:

– Я не знаю. Прошу вас. Довольно. – Ее рука потянулась к моей, и я взяла ее.

Я погладила ее по руке, пытаясь успокоить:

– Я сделаю все, что смогу. Сейчас они оба очень сердиты... не знаю, согласятся ли они говорить со мной, но я попробую.

Она сжала мою руку:

– Спасибо.

Она опустила мою руку и потянулась к Ноле. Та встала и подошла ближе.

– Извини, если мои родственники досаждают тебе. Ты молодая и сильная. Сражайся с ними.

Нола кивнула:

– Постараюсь.

Джулия пристально посмотрела на нее:

– Как прошло твоё выступление на вечеринке? Жаль, что меня там не было.

– Думаю, что нормально. Людям, похоже, понравилось.

– Она была великолепна, – добавила я. – Гости были поражены, что у юной исполнительницы такой огромный талант.

Лоб Джулии собрался морщинами.

– А эта песня – «Фернандо», – она понравилась гостям?

Нола расплылась в довольной улыбке:

– Ещё как! Хотите верьте, хотите нет.

Я посмотрела на часы:

– Нам пора идти. Джек должен вернуться домой в любую минуту.

К моему удивлению, Нола наклонилась и поцеловала старушку в щеку:

– Спасибо вам, мисс Джулия. Когда вы почувствуете себя лучше, мы сможем продолжить наши уроки?

– Конечно, – ответила та.

Мы с Джулией встретились взглядами. В её глазах читалась мольба, но было в них и что-то иное.

– Я виновата, что Уильям не может упокоиться с миром, – сказала она. – Пожалуйста, прошу вас, помогите ему обрести покой.

Я кивнула и повела Нолу к двери. Лишь когда мы вышли на крыльцо, я поняла, что ещё было в глазах Джулии, – она прощалась.

Глава 26

Первое, что я заметила, подъехав к дому моей матери на Легар-стрит, это машину Джека на противоположной стороне дороги. Второе – красную «Ауди» Ребекки, припаркованную позади нее. Третьим был Рич Кобильт, мой подрядчик, и его, как обычно, приспущенные штаны. Рич стоял у входной двери и уже поднял руку, чтобы постучать. Его грузовик стоял на дороге, перегораживая мне путь.

Я припарковалась перед Джеком, затем вышла из машины, окликнула Рича и подошла к нему вместе с Нолой.

– Добрый день, мисс Миддлтон, мисс Нола, – сказал он, подтягивая сползающие штаны.

– Привет, Рич. Что-то стряслось?

Он поморщился и посмотрел на меня:

– Почему вы всегда спрашиваете об этом?

– Потому что обычно так и есть. Надеюсь, дом не рухнул после вечеринки? – Я пристально посмотрела ему в лицо, пытаюсь понять, насколько я близка к истине.

– Нет, мэ. В доме все в порядке, и мы уже снова приступили к работе. Правда... – Он почесал голову. – Я просто подумал, что вы должны знать, что там все утро был фотограф и еще парень с видеокамерой. Они сказали, что снимают для обложки книги и рекламного видеоролика. Я решил, что это для книги мистера Тренхольма, поэтому не стал их прогонять, но потом появился мистер Тренхольм...

От страха у меня перехватило горло:

– Там был Джек?

– Да, мэ. Спросил их, что они там делают, и, когда они ответили ему, он вышел из себя и велел им убираться прочь. Устроил настоящий скандал. Я пытался дозвониться до вас, но, похоже, ваш телефон был выключен и я все время попадал на голосовую почту.

Я выключила телефон во время разговора с Джулией Маниго и забыла включить его снова.

– Он что-нибудь сказал вам? – спросила я как можно спокойнее.

– Нет, мэм. И я этому даже рад. По крайней мере, он разозлился не на меня. – Рич снова подтянул штаны. – Я подумал, вдруг вы здесь, и приехал рассказать, что случилось.

Я заставила себя улыбнуться:

– Спасибо, Рич. Я вам крайне признательна.

Он приподнял воображаемую шляпу:

– Тогда мне лучше вернуться к работе. Фундамент сам себя не исправит.

Я попрощалась и отвела глаза, чтобы не смотреть ему вслед.

– Почему Джек разозлился, что те люди снимали твой дом? – спросила Нола.

– Просто я не хотела, чтобы он все узнал таким образом.

– Узнал о чем?

Я посмотрела ей в глаза:

– Ладно, рано или поздно ты все равно узнаешь, так что лучше я расскажу тебе сейчас. – Я помолчала. – Марк Лонго написал книгу о загадках моего дома... на ту же тему, что и твой отец. Но поскольку Марк родственник одной из семей, причастных к этой истории, издатель решил, что они издадут его книгу, а не книгу Джека.

Нола вытаращила глаза, чем напомнила мне своего отца. Я даже поспешила отвести взгляд.

– И ты это знала и не сказала ему?

– Я собиралась сказать. Но не успела. Хотела подождать, чтобы сообщить ему об этом лично.

Нола выпрямилась и сложила на груди руки:

– Когда?

– Сегодня, – проямлила я. До меня внезапно дошло, какими надуманными, какими глупыми были причины моей нерешительности. Услышать же это от тринадцатилетней девчонки-подростка было позорно и унижительно.

Нола села на ступени крыльца.

– Не хочу это видеть. Просто посижу здесь некоторое время, пока не станет ясно, что все тихо, и тогда смогу юркнуть в свою комнату. Не хватало мне одновременно разгневанного Джека и Розовой Принцессы. Я точно в кого-нибудь чем-нибудь запущу. – Она прищурилась и посмотрела на меня: – Вряд ли он врежет тебе, но, если все-таки врежет, я не стану его винить.

– Спасибо, Нола. – Я посмотрела на крыльцо. Меня так и подмывало сесть рядом с ней или же вернуться в свою машину и поехать куда угодно, даже по пересеченной местности, лишь бы не идти в дом, чтобы нарваться там на неприятный разговор.

Похоже, Нола разглядела мои сомнения.

– Если ты, Мелли, можешь общаться с мертвыми людьми, то сможешь сделать и это. Скорее всего, он простит тебя.

– Или не простит, – сказала я. Затем глубоко вздохнула, поднялась по ступенькам и открыла входную дверь.

В доме было тихо. Я даже подумала, что машины снаружи принадлежали не Джеку и не Ребекке и я смогу подняться наверх в свою комнату, включить телефон, позвонить Джеку и рассказать ему все. Я уже почти пересекла фойе, направляясь к лестнице, когда меня окликнули.

Я обернулась и увидела в открытой двери, ведущей в гостиную, Ребекку в мягком розовом льняном костюме. Светлые волосы были распущены и волной падали на плечи, глаза – широко раскрыты.

– Надеюсь, ты не возражаешь, но прошлой ночью мне приснился очередной сон. Я хотела рассказать тебе о нем лично, и когда приехала сюда, то натолкнулась на Джека. Мы решили вместе подождать твоего возвращения.

Она подалась вперед, как будто хотела ближе рассмотреть меня, и ее глаза в буквально смысле полезли на лоб.

– О! – воскликнула она и закрыла ладонью рот. Я уже собралась спросить ее, что она увидела, когда в дверях позади нее появился Джек. Его взгляд был хмур и холоден.

– Привет, Мелли, – сказал он, однако его голос несколько не растопил лед его взгляда. – Приятно видеть тебя снова.

Мое сердце сжалось. Я вспомнила последний раз, когда я видела его: тогда он поцеловал меня на прощание и его глаза были полны обещаний. Глаза, которые сейчас смотрели на меня, как будто принадлежали другому человеку.

– С возвращением, Джек. – Я хотела добавить, что скучала по нему или как мне его не хватало, однако сдержалась, причем не только из-за присутствия Ребекки. Невысказанная правда затаилась рядом, перечеркивая все, что я могла бы сказать.

Ребекка пару раз переводила взгляд с меня на Джека, прежде чем вновь остановила его на мне:

– Думаю, то, что я хотела тебе сказать, подождет... вижу, вам двоим нужно поговорить. – Она исчезла в гостиной и вышла оттуда с сумочкой. – Я уже объяснила Джеку, что до вечеринки ты не знала про Марка... что он нарочно держал тебя в неведении.

Что ж, ей следовало воздать должное. Как бы она ни относилась ко мне, я все же была ее родственницей и она пыталась все сгладить. Как будто это было возможно.

– Я позвоню тебе позже. – В очередной раз странно посмотрев на меня, она направилась к входной двери.

Я посмотрела на Джека и покраснела, вспомнив эпизоды той ночи, которую мы провели вместе.

– Тебе принести что-нибудь выпить? – заикаясь, пролепетала я.

Разве я так представляла себе его возвращение?

Он не удостоил меня ответом.

– Скажи мне лучше, что ты не знала про Марка почти неделю и потому не обмолвилась даже словом. По крайней мере, скажи мне, что ты ничего не знала до того, как мы с тобой переспали. Я прождал здесь больше часа, чтобы услышать это из твоих уст.

Я глубоко вздохнула, зная, что на этот раз мне не отвертеться.

– Я знала. Он сказал мне прямо перед тем, как я ушла с вечеринки. Это была одна из причин, почему я пришла к тебе в ту ночь.

Он пристально посмотрел на меня, как будто пытался перевести то, что я говорила, на понятный ему язык.

– Тебе стало жаль меня? Так вот почему ты пришла? Чтобы меня утешить? – Он горько усмехнулся. – Я ведь сказал тебе это однажды, не так ли? Если я лягу с тобой в постель, то почувствую себя лучше. Вот уж не ожидал, что ты примешь мое предложение.

Я решила шагнуть к нему, но вовремя остановилась.

– Нет, Джек. Вовсе не поэтому. Я хотела сказать тебе, но потом между нами... произошло это. А потом ты уехал, и я все твердила себе, что это может подождать, пока ты не вернешься.

Джек сунул руки в карманы.

– Это все, что мне нужно было услышать, – бросил он и направился к двери.

Я увязалась за ним следом.

– Пожалуйста, Джек. Не уходи. Я знаю, что поступила глупо... я укоряла себя за это каждый день. Я только... Пожалуйста, дай мне все объяснить. Я не хотела сделать тебе больно.

Он обернулся и холодно посмотрел на меня.

– У тебя забавный способ показать это. Зная тебя, могу предположить, что ты ждала, когда я сам все пойму, чтобы тебе вообще не надо было ничего мне говорить. Скажи мне, что я не прав.

Я едва не солгала. Но я начала понимать, что правда, поданная горячей, намного легче усваивается, нежели остывшая ложь.

– Извини, Джек. Честное слово, извини. Просто дай мне еще один шанс. Теперь я вижу, насколько важна была для тебе правда, и я собиралась сказать тебе... – Я даже поежилась – такими избитыми и жалкими были мои слова. Я не договорила, ведь что бы я ни сказала, это не вернет мне его. Я потеряла его в тот момент, когда тем вечером вошла в его квартиру, зная секрет, которым не нашла в себе храбрости поделиться с ним.

– Я не хочу иметь с тобой дел, Мелли. С меня довольно безумия, через которое я из-за тебя прошел. Я думал, что той ночью между нами началось что-то новое, но теперь понимаю, что ошибался. Между нами нет доверия, а без него никак. Жизнь слишком коротка. – Он открыл дверь, но остановился и оглянулся:

– Ты говоришь, что той ночью пришла ко мне, чтобы рассказать про Марка. Но это была лишь одна из причин... А другая?

Я закусила губу и тотчас ощутила солоноватый вкус слез. Я даже не подозревала, что плачу.

– Я хотела сказать, что люблю тебя, – еле слышно прошептала я, глядя себе под ноги.

Джек на пару мгновений замер. Я зажмурилась, ожидая, что он скажет.

– Извини, – наконец произнес он.

Я открыла глаза, лишь когда услышала, как за ним захлопнулась дверь.

* * *

Я смотрела на двух безымянных золотых рыбок, нарезавших бесконечные круги в стеклянной чаше, и никак не могла решить, что мне с ними делать или даже как их назвать. Мне показалось, что одна

из них изрядно похудела, и поэтому я бросила в аквариум лишнюю щепотку корма. Цапнув первую порцию моего щедрого угощения, пухленькая рыбка победоносно уплыла прочь. Рыбка поменьше подплыла к последней крошке корма и открыла было свой крошечный рыбий ротик, но толстая нахалка опередила ее. Я даже не нашла в себе сил отругать это наглое создание.

Три недели я провела словно в коме. Я не могла спать, не могла есть, не могла ни на чем сосредоточиться. Впервые за всю мою карьеру мое имя скользнуло вниз из первых строчек рейтинга продавцов в фирме Дейва Гендерсона, но мне было все равно. Мои родители, Нола и даже Генерал Ли обращались со мной осторожно, старались не напрягать меня вопросами, предположениями или советами больше гулять на свежем воздухе. Нола в любое время дня приносила мне свежие пончики, после того как одна и та же коробка пролежала в кладовой больше недели. Я в знак благодарности откусила при ней один пончик, но, как только она ушла, выбросила остальные. Было странно ощущать голод и одновременно страдать полным отсутствием аппетита. Такого в моей жизни еще ни разу не было.

Единственным светлым пятном было то, что Джек не просил Нолу вернуться к нему. Я предположила, что причина состоит в том, что кукольный домик нашел себе пристанище в его гостевой спальне. Тем не менее я была рада. Уйди она от меня, и я бы скучала по ней – даже по ее безумной музыке и привычке закатывать глаза. Вряд ли я смогу так скоро пережить еще одну потерю.

Раздался стук в дверь, и я откинулась на спинку офисного стула:

– Меня здесь нет.

В кабинет вошла Софи и, увидев меня рядом с аквариумом, остановилась:

– Ты выглядишь ужасно.

– Я тоже рада тебя видеть, – ответила я, откатываясь на стуле назад к столу и откидывая голову на спинку.

– Правда, Мелани, я никогда не видела тебя такой. Ты... как будто опухла.

Я отвернулась:

– Возможно, я просто плакала.

– Да, я вижу. Но я не только про твое лицо. Посмотри на свои ноги.

Я подумала, что летняя жара в сочетании с моим теперь уже преклонным возрастом сделала мою обувь туже. Я посмотрела на свои опухшие ноги: мои лодыжки определенно приближались в объеме к икрам.

– Какая разница? – сказала я, и мой голос прозвучал жалко, под стать мне самой. – Это, вероятно, от всех соленых слез, которых я наглоталась.

– Мне кажется, у тебя обезвоживание. Ты пьешь воду?

Я лишь простонала в ответ.

Софи плюхнулась на один из стульев по другую сторону моего стола и покатила его ближе, давая мне возможность лучше разглядеть и ее саму, и ее волосы, в которых красовалось около пяти десятков пластмассовых заколок в виде бантиков. Я поняла, как мне на самом деле худо, когда поймала себя на мысли, что ее прическа выглядит очень даже мило.

– Ты не отвечала на мои звонки, хотя Шарлин клянется, что передавала тебе все мои сообщения.

Я откинулась на спинку стула и зевнула. Мне хотелось одного: спать и плакать. Иногда мне даже удавалось делать и то, и другое одновременно.

– Извини. Но я уже все тебе рассказала, и мне больше нечего добавить.

– Вообще-то есть что. Но сначала я хочу похитить тебя и немного развлечь.

Я закрыла глаза:

– Это как-то связано со сном?

– Не обязательно, но это связано с вещами, о которых ты, как подружка невесты, не должна забывать.

Один мой глаз приоткрылся:

– Например?

– Мы едем в «Чарльстон-Плейс». Устроим себе день спа-процедур.

Я села прямо и попыталась представить Софи в белом махровом халате и тапочках.

– В самом деле?

– В самом деле. И поверь мне, увидев тебя, я поняла, что день в спа-отеле будет для тебя не менее полезен, чем для меня.

Посмотрев на компьютер и на мобильник – я еще даже не включила их, хотя нахожусь в офисе уже почти два часа, – я мысленно взвесила две вещи: то ли мне и дальше страдать от сидения в офисе и заниматься игнором звонков, то ли нежиться на кушетке в комнате с приглушенным светом и тихой музыкой, пока кто-то покрывает мое лицо кремом.

– Как скажешь, – вздохнула я.

– Я ценю твой энтузиазм. – Софи встала и взяла меня за руки, помогая подняться. – Я пригласила Нолу, и она ждет снаружи в моей машине. Я также пригласила твою мать, но сегодня утром ей позвонили, предложили должность экскурсовода по дому Натаниэля Рассела.

Я оторопела:

– Моя мать – экскурсовод?

– С прошлого месяца. Я знала, что она будет фаворитом, да и туристы ее любят. Я была уверена, что она тебе уже рассказала.

Плетясь из офиса следом за Софи, словно лемминг, я тщетно покопалась в своих смутных воспоминаниях о прошлом месяце, слишком измученная, чтобы сказать ей, что, еще не спросив меня, она явно была уверена, что я соглашусь.

Я любила «Чарльстон-Плейс», респектабельный величественный отель и своего рода элитную торговую мекку на углу Митинг-стрит и Маркет-стрит. До того как в моей жизни появился Джек, я обожала делать покупки в магазине «Энн Фонтейн» и других красивых бутиках в его мраморных залах и часто приводила клиентов на завтрак или обед в элегантное кафе «Пальметто». Я даже сподобилась несколько раз побывать на торжественных ужинах в дорогом ресторане «Чарльстон Гриль» с его сказочным десертным меню.

Несмотря на постоянные муки голода, сегодня ароматы ресторанов заставили меня брезгливо поморщиться. Я даже не замедлила шага перед витринами моих любимых магазинов. Более того, прежде чем мы добрались до лифта, который затем доставил нас в спа-центр, я сбросила с ног туфли. Выбор был таков: либо босиком, либо пусть Софи и Нола тащат меня туда на руках. Мне пришла в голову робкая мысль, а не отправиться ли потом к Бобу Эллису и потребовать ответа, почему с каждым днем их туфли как будто становятся на размер меньше.

Я предоставила Софи право выбрать для меня процедуры, в том числе божественное «Абсолютное блаженство», когда два терапевта-рефлексолога одновременно массируют вам лицо и стопы, после чего за дело берутся маникюрша и педикюрша. Мой спа-косметолог Лия была молода, подтянута и энергична, но главное, проявила максимум такта, говоря о плачевном состоянии моей кожи и ступней. С моего дня рождения я ни разу не взяла в руки флакон лосьона или пемзу. Но, несмотря на ее мягкую манеру и заверения в том, что сорок лет – это новые тридцать, я расплакалась и попыталась объяснить ей, что всегда ухаживала за собой и гордилась хорошей кожей – вплоть до недавнего времени, пока мне не разбили сердце, в чем я могла винить лишь саму себя.

Лия проявила чудеса такта и убеждения – из чего я сделала вывод, что косметологи, вероятно, изучают и психологию, – и сообщила, что по окончании процедур меня будет ждать сумка бесплатных пробников, так сказать, для поднятия настроения. Поблагодарив за протянутую мне салфетку, я отдала себя в ее руки. Затем она отвела в комнату, которую я мысленно называла комнатой декомпрессии, где между процедурами прохлаждались одетые в халаты дамы.

Софи и Нола уже были там. Их ногти на ногах и руках были выкрашены в одинаковый ярко-пурпурный цвет. Я села в плетеное кресло напротив них. Моя кожа и мои ступни чувствовали себя восхитительно, но мое сердце было по-прежнему в синяках. Я дважды моргнула, глядя на ноги Софи. На них были коричневые резиновые шлепанцы, а не вечные «биркенстоки»! Ее ступни были маленькими и изящными, с прямыми, ровными пальцами, и могли служить таким эталоном ног. Мы с ней знакомы целую вечность, но я никогда не замечала, какие у нее красивые ноги. По какой-то причине эта мысль вызвала новую волну слез, и я была вынуждена вновь прижать к глазам салфетку.

Они о чем-то коротко пошептались, после чего Нола заявила:

– У меня больше не было уроков музыки. Мисс Джулия в больнице.

– О боже! – воскликнула я. Свежие слезы были уже готовы пролиться. – Это ужасно. В чем дело?

– У нее проблемы с дыханием, – ответила Софи. – Думаю, это возрастное. По словам Ди, доктора отказываются поверить, что

Джулия Маниго все еще жива. Как будто ее здесь что-то держит.

Обе посмотрели на меня так, будто я знала все ответы. Я покачала головой. С тех пор как Джек ушел из моей жизни, я даже перестала видеть призраков, как будто духи подвергли меня бойкоту за мою глупость.

– Я не знаю. Я их больше не вижу.

– Может, ты недостаточно стараешься? – предположила Нола.

Я выразительно посмотрела на нее. В свою очередь она обиженно выпятила подбородок, как будто из нас двоих это я была не права.

– Помнишь ту газетную статью о том, как в дом на плантации Маниго ударила молния и поэтому он сгорел? – продолжила она. – Так вот, Софи ходила вместе со мной к мисс Ивонне в библиотеку Исторического общества, чтобы посмотреть, сможем ли мы найти сводки тогдашней погоды или новостные сообщения из того же географического района и того же времени. Мы нашли небольшую статью о церковном ужине в соседнем городке. В тот вечер небо было таким чистым, что на нем можно было сосчитать звезды.

– Похоже, это был самый разгар засухи, – добавила Софи. – Дождя не было пять недель подряд.

При этих словах во мне шевельнулся интерес:

– То есть если и был пожар, то, по всей видимости, молния тут ни при чем.

Софи покачала головой:

– Нет. Но это, безусловно, было отличным прикрытием. Если уничтожить причину посещения плантации, а именно дом, вы получите твердую гарантию, что никто не обнаружит две свежие могилы.

– Я предполагаю, что Гарольд Маниго заплатил кому-то, кто напечатал эту вопиющую ложь про удар молнии. Похоже, все указывает на насильственную смерть. Удалось ли идентифицировать найденные останки?

Нола кивнула:

– Вот почему мисс Джулию забрали в больницу. Когда ей позвонили и сообщили результаты анализа ДНК, она перестала дышать, и ее пришлось увезти в реанимацию. С тех пор она в больнице.

– Это был Уильям, не так ли?

– Да, – сказала Софи. – Но они понятия не имеют, кто тот другой мужчина.

– И ты думаешь, Джулия цепляется за жизнь, чтобы это узнать?

– Отчасти, – сказала Софи. – Она все еще ждет прощения Уильяма. Но что, если никакого прощения не будет, пока мы не узнаем всю историю?

Впервые за три недели я почувствовала себя хоть капельку прежней.

– С тех пор как мы перевезли кукольный домик в другое место, тебе снились сны? – спросила я у Нолы.

Она отрицательно покачала головой:

– Нет, но мы по-прежнему не можем найти фигурку собаки, а Генерал Ли ведет себя так, будто играет с другим псом.

Я удивленно подняла брови:

– Я даже не стану притворяться, будто понимаю, о чем речь.

– Кто-то продолжает разбрасывать ноты и переставляет гитару моей мамы. – Я мягко посмотрела на нее, но промолчала. – Как я понимаю, мама все еще здесь.

– Похоже на то. Думаю, ты права, – ответила я.

Нола с мольбой посмотрела на меня:

– Ты сможешь им, Мелли? Не только мисс Джулии, но и моей маме тоже? Твоя мать сказала, что попытается, но без тебя ей не справиться.

Я колючим взглядом посмотрела на Софи:

– И для этого вы сегодня устроили посещение спа-отеля? Хотите, чтобы я вмешалась?

Они обе пожали плечами.

– Разве это так важно? – сказала Софи. – Мы скучаем по тебе, и есть призраки, которые в тебе нуждаются. Что, если ты обратишь внимание на что-то другое, помимо твоих страданий, и тебе станет легче?

Меня разозлило, что мной так беззастенчиво манипулируют, что кто-то указывает, как мне жить, хотя я прекрасно справляюсь и без посторонних советов. Во всяком случае, справлялась до недавнего времени. Моим израненным, многострадальным сердцем я понимала, что они правы, что я не хочу жить так, как жила последние три недели.

Но больше всего меня злило то, что я позволила кому-то другому понять это за меня.

Пытаясь собрать, насколько это было возможно, остатки собственного достоинства, я встала, одетая в банный халат и в тапочках на ногах.

– Я подумаю об этом. Но я не уверена, что смогу помочь. Они не желают со мной разговаривать, и, честно говоря, я устала от безуспешных попыток. – Я шагнула мимо Софи и Нолы. – Пойду переоденусь.

Уходя, я чувствовала спиной их взгляды, а также ставшее уже хорошо знакомым жжение в глазах и была готова разразиться очередным потоком слез и жалости к себе.

Глава 27

Я полезла в коробку с пончиками, но мои пальцы нащупали один лишь голый картон. Я наклонила коробку к себе и удивилась, обнаружив, что она пуста. Когда я всего час назад села за стол, в ней было с полдюжины пончиков. У меня по-прежнему не было аппетита, его отшибло несколько недель назад, но постоянно грызущий голод, похоже, никогда и не стихал, независимо от того, что я клала себе в рот.

На настенном телеэкране мелькали кадры любимой «мыльной оперы» миссис Хулихан о женщине с амнезией, которая случайно вышла замуж за двух мужчин и не знала, кто из них отец ее ребенка. Я смутно осознавала присутствие матери: сложив на груди руки, она сидела напротив за кухонным столом и, нахмурившись, смотрела на меня.

– Когда ты в последний раз причесывалась?

Я подняла руку, чтобы пригладить волосы, и слишком поздно поняла, что, возможно, я лишь испачкала голову сахарной пудрой. При этом я обратила внимание на то, что рукав моей ночной рубашки испачкан пятнами кофе и чего-то похожего на зубную пасту. По крайней мере, это означало, что в какой-то момент я почистила зубы.

– Не помню, – ответила я, тяжело опускаясь на стул. Интересно, будет ли невежливо, если я встану и посмотрю, что там еще есть в кладовой.

– Скажи, ты могла бы в ближайшее время одеться? – спросила мать.

Я задумалась на миг.

– Возможно, нет. Я в отпуске. – Когда я попросила Дейва Гендерсона дать пару недель отпуска, он чуть не свалился со стула. За все годы, что я работала у него, я еще ни разу не взяла и дня отгула, не говоря уже про две недели!

– Звонил Джек.

Я дернулась как ужаленная:

– Когда?

– Вчера. На мой мобильный. Хотел поговорить со мной.

– Понятно. – Я откинулась на спинку стула.

– Он сказал, что активность в кукольном домике усилилась. Каждую ночь вещи переставляются или выбрасываются. Но появилось и кое-что новое, о чем он хотел меня спросить.

Я пожала плечами, изображая полное равнодушие.

– Фигурка матери, Энн, постоянно оказывается в одном и том же месте снаружи дома. Рядом с тем местом, где мы постоянно находим Уильяма. Как ты считаешь, она пытается нам что-то сказать?

Я подумала о своем обещании Джулии и Ноле попытаться выяснить, что случилось с Уильямом и почему он оказался в безымянной могиле. Это слегка пробудило во мне совесть. Я кивнула.

– Раньше она вечно молчала, затюканная мужем или сыном. Почему сейчас она решила заявить о себе?

– Мне не дает покоя тот же вопрос. Возможно, тот факт, что тело Уильяма обнаружено, неким образом избавил ее от страха. Возможно, правда придает ей сил. – Мать немного помолчала, а затем заговорила снова: – Я сказала Джеку, что могла бы приехать к нему, снова взять фигурки и посмотреть, что я смогу узнать.

Я покачала головой:

– Ты прекрасно знаешь, ты не должна делать это одна.

– Я и не думала, что буду одна.

– Я туда ни за что не вернусь... – сказала я, вставая. – Ни за что и никогда.

Она тоже встала.

– Дорогая, вы с Джеком должны поговорить и все уладить между собой. Я говорю это не из злорадства, но вы оба сейчас довольно жалко смотрите.

Мое горло сжалось, и я испугалась, что расплачусь. Снова. Я с усилием сглотнула.

– Мама, я сказала ему, что люблю его, а он лишь ответил: «Мне жаль». Боюсь, что все разговоры между нами бессмысленны.

Она на мгновение закрыла глаза, словно собираясь с силами.

– В любом случае, ты должна быть выше этого, а если будешь и дальше днем расхаживать в ночной рубашке, то этим ты горю не поможешь.

Я молчала. С телеэкрана орала реклама какого-то моющего средства. Я взяла пульт и выключила звук. Генерал Ли тявкнул и

принялся преследовать своего невидимого друга. Дважды обежав стол, он бросился к задней двери и вовремя остановился, чтобы не натолкнуться на нее. Затем сел, заскулил и принялся царапать дверное полотно.

Я подошла ближе, чтобы взять его на руки, но он зарычал на меня. Испуганно вздрогнув, я выпрямилась.

– Наверное, он хочет прогуляться, – предположила мать. – Одно дело, когда тебя выпускают в сад, чтобы справить нужду, и совсем другое – полноценная прогулка, но на нее его никто не выводил уже несколько недель. – Ее взгляд упал на мои опухшие лодыжки. – Прогулка, на мой взгляд, пойдет на пользу вам обоим.

Зная, что она права, я тяжело вздохнула:

– Уговорила. Пойду надену что-нибудь и вернусь. Но ты пойдешь вместе со мной, на тот случай, если мы столкнемся с кем-то, кого я знаю. Можешь сказать им, что у меня чума или что-то в этом роде, чтобы они не подходили ко мне слишком близко.

– Отлично. Но, пожалуйста, сначала причешись. Да и помада тоже не помешает.

Я была готова испепелить ее взглядом, но тут телевизор включился снова, на этот раз без изображения, только со звуком, во всю мощь заорав «Я только начинаю». Генерал Ли тотчас возобновил попытки выскочить за дверь. Я быстро нажала на пульте кнопку «выкл», после чего попробовала заново включить телевизор. Из него снова донеслась песня. Наконец я выдернула шнур, и кухню заполнила неестественная тишина.

– Посмотри, что я нашла! – крикнула Нола, вбегая в дверь с фигуркой собаки из кукольного домика. Заметив меня с телевизионным шнуром в руке, она остановилась.

– Где она была? – спросила я, чувствуя, что уже знаю ответ.

– Засунута под рубашку моего плюшевого мишки. Понятия не имею, как она туда попала.

При виде фигурки Генерал Ли заскулил и снова бросился к двери. Его маленькое тельце со стуком налетело на нее, словно мохнатый мячик.

Мы с матерью переглянулись.

– Похоже, они не желают оставлять меня в покое, верно?

Мать покачала головой:

– Не желают. А мы – их. Ты либо пойдешь добровольно, либо мы потащим тебя силой, даже если ты будешь кричать и брыкаться. Решай сама.

– Я выведу собаку на прогулку, но это все, что я пока обещаю, – ответила я. – Мне нужно одеться. Может, кто-то выпустит пса, прежде чем он навалит на пол кучу? – сказала я и, не дожидаясь ответа, вышла из кухни.

– Вдруг тебе заодно захочется разок провести щеткой по волосам? – крикнула мне вслед Нола.

Я закатила глаза, но увидеть это ей помешала захлопнувшаяся дверь.

Вернувшись, я застала Нолу, мать и Генерала Ли на тротуаре. Пес как ненормальный рвался с поводка, пытаясь броситься вдогонку за чем-то таким, что остальные не могли видеть. Мне удалось разглядеть лишь мелькнувший хвост, но все остальное ускользнуло даже от меня.

– Он не захотел какать. Похоже, ему просто хочется побегать, – сказала Нола. – Мы ждали тебя.

– Спасибо, – поблагодарила я, беря у нее поводок, и едва не потеряла равновесие, так как Генерал Ли устремился вперед – он один ведал, за чем именно.

– Что на тебе надето, Мелли? – спросила меня мать.

Я посмотрела на ярко-синий велюровый спортивный костюм, как будто видела его впервые.

– Я позаимствовала его у Шарлин. Она сказала, что это подходящая одежда для отдыха.

– А ты не взмокнешь в велюровом костюме, да еще с длинными рукавами?

Чувствуя, что уже начинаю истекать потом, я кивнула:

– Ты же знаешь, какая я мерзлячка. Так что все будет в порядке. – Я не стала говорить ей, что этот костюм – единственное, что на меня налезло. Я сильно отекала, и все остальные вещи сделались мне тесны. Как и предсказывали Джек и Софи, дни, когда я ела все, что хотела, не набирая веса, остались позади. Что поделать: сорок лет – далеко не идеальный возраст.

По крайней мере, мать то ли сделала вид, что не замечает, то ли и впрямь не заметила у меня на ногах шлепанцы, которые я никогда не

носила на людях, кроме тех редких случаев, когда отправлялась на пляж.

– Куда мы пойдем? – спросила Нола, запыхавшись.

– Я не уверена, но пес, похоже, гонится за своим невидимым другом. – Больно задев пальцем трещину в тротуаре, я споткнулась и тихо обругала себя. И как только меня угораздило нацепить эти дурацкие пляжные шлепанцы с открытым мысом? – Нам лучше пойти следом за ним.

Мы в быстром темпе зашагали за ним. Я была рада, что Генерал Ли побежал не в направлении Круглой церкви и ее кладбища. Вскоре мы перешли Брод-стрит и двинулись в сторону особняка Ратледжа. Я тотчас догадалась, куда мы идем.

– Эй, это дорога к дому мисс Джулии, – сказала Нола.

– Похоже, ты права. – Я взглянула на мать. Та осторожно вытирала лоб носовым платком, который вытасила из сумочки. Я уже взопрела, как лошадь, однако не желала в этом признаваться, тем более просить у нее платок.

Нам осталось пройти еще один квартал, когда волосы на моем затылке встали дыбом, а по всему телу пробежала холодная волна страха. Моя мать остановилась. Я тоже. Но Генерал Ли продолжал тянуть поводок.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросила она.

Я кивнула, и наши взгляды встретились.

– Вдруг это... что-то не слишком хорошее?

– Разве бывает иначе? – парировала я.

Мать даже не улыбнулась.

– У меня такое ощущение, что если мы пойдем дальше, то поворачивать назад будет слишком поздно. И если ты повернешь назад, мне придется сделать тоже назад, потому что я не могу сражаться одна с тем, что там есть, – они слишком сильны. Так что давай решай прямо сейчас, доведешь ли ты это до конца, чтобы Джулии умереть в мире, или вернешься к своему безделью, как будто твоя жизнь окончена. Прямо здесь, прямо сейчас ты должна понять, что твой дар – это навсегда и что он важнее всех разочарований в твоей жизни. Для меня это было так, и я надеюсь, что так будет и для тебя.

Я в упор смотрела на нее, исходя потом в своем нелепом велюровом спортивном костюме и чувствуя себя столь же нелепо, и размышляла о том, всегда ли важные жизненные решения происходят тогда, когда мы к ним менее всего готовы. Я оглянулась на улицу, посмотрела в том направлении, откуда мы пришли, и увидела Нолу. Та с каменным лицом стояла, сложив на груди руки.

За последние несколько месяцев она сильно изменилась. Нет, конечно, она все еще была подростком – нам ждать еще лет семь, пока она выйдет из этого возраста, – и чувствовала себя в своей собственной коже так же комфортно, как и всегда. Но она больше не была одинока. Знай я, что она не станет спорить со мной, я бы даже предположила, что теперь она чувствовала себя частью Чарльстона, имея отца и разношерстную семью, близких людей, которые помогли ей пережить нелегкое для нее время. И все равно я по-прежнему видела перед собой несчастную, растерянную девчущку, которую судьба привела на мой порог, брошенную матерью и не знающую почему. По сравнению с этим боль в моем собственном сердце казалась вполне выносимой.

Оглянувшись за спину Нолы на улицу позади нас, я не увидела Бонни, зато услышала мелодию, которая в моем сознании теперь была связана с ней и как будто исходила из моей головы. Я тотчас ощутила грусть по своей прежней жизни, но скорее как память, чем как необходимость. Возможно, теперь, когда стукнуло сорок, я наконец обменяла метаболизм на мудрость. Или для меня просто настало время повзрослеть.

– Давай, – сказала я. Генерал Ли прыжком устремился вперед, я потрусила следом за ним. Одно дело капитулировать, и совсем другое – признать, что я была не права в столь многих вещах, причем так демонстративно. Моя мать ничего не сказала, но я заметила, как она переглянулась с Нолой, а потом услышала шлепок, как будто за моей спиной кто-то сказал «дай пять» и две ладони звонко стукнулись друг о дружку.

Когда мы приблизились к старому викторианскому особняку, Нола первая заметила желтую ленту ограждения. Та тянулась от самого бордюра, отгораживая весь боковой двор на той стороне дома, где высилась башня, и до дальней границы участка. Перед большой ямой стоял экскаватор, рядом была навалена куча темной земли. Двор был

пуст, оборудование выключено, и пока мы стояли, глядя на этот раздрай и размышляя над тем, что нам делать дальше, из дома выбежала Ди Давенпорт – если честно, я не ожидала от особы ее габаритов такой прыти – и что-то держала в руке.

– Мисс Миддлтон, вы как будто прочли мои мысли. Я пыталась дозвониться до вас!

Генерал Ли перестал тянуть поводок, как будто тот, кого он преследовал, исчез, и улегся у моих ног.

– Что случилось, Ди?

Она прижала пухлую руку к груди и остановилась, чтобы отдышаться.

– У нас во дворе прорвало водопроводную трубу – скорее всего, из-за корней большого дуба рядом с домом. Во всяком случае, когда рабочие начали копать, они нашли кости.

– Кости?

Ди кивнула.

– Слава богу, не человеческие, а собачьи – целый скелет. Череп был размозжен – наверно, потому она и сдохла.

Я посмотрела на Генерала Ли, задремавшего от усталости. Как хорошо, что он не услышал ее слов, подумала я.

– Это ужасно. Но почему вы мне позвонили?

Она протянула прямоугольную деревянную шкатулку, похожую на ту, что я видела в антикварном магазине Тренхольмов. Это была перчаточница викторианской эпохи. В таких дамы тогда хранили свои перчатки.

– Потому что там нашли и вот это. Не вместе с собакой, но рядом.

Я передала поводок Ноле и взяла в руки коробку.

– Но почему вы даете это мне? Если это нашли на том участке, значит, находка принадлежит мисс Джулии.

Ди кивнула. Ее щеки горели от напряжения, волосы прилипли к влажному от пота лбу.

– Знаю. Я только что приехала из больницы. Специально ездила туда, чтобы ей показать. Но она попросила меня отдать ее вам.

Я посмотрела на коробку, как будто в ней копошились пауки или другие ползающие насекомые.

– Что в ней?

– Письма. Я показала их мисс Джулии. Она сказала, что вы и мистер Тренхольм решите, что с ними делать.

При упоминании его имени у меня защипало в глазах, и я заморгала. Взглянув на Нолу и мать – они ободряюще кивнули, – я открыла коробку. Внутри оказалась мягкая розовая шелковая подкладка, а на ней – небольшая пачка писем. Конверты были ломкими, пожелтевшими от времени. На них не было никаких надписей. Клапаны небрежно надорваны, как будто тот, кто открывал эти письма, был слишком нетерпелив, чтобы искать нож для бумаг.

– Оставьте их у себя, – сказала Ди. – Мисс Джулия хотела, чтобы вы их прочли.

Передав коробку матери, я взяла верхний конверт и осторожно его открыла. Почерк был мелкий и четкий, а сам текст написан заглавными буквами и определенно мужской рукой. Я быстро посмотрела на нижнюю часть страницы в поисках подписи и обнаружила только инициалы Дж. К.У. Кто же это такой, задумалась я, и встречалось ли мне имя, которое подходит к этим инициалам?

– Джонатан Крайслер Уоттс, – предложила Нола, заглядывая мне через плечо. – Эти буквы были в одной из газетных вырезок, которые нам дала Ивонна в библиотеке Исторического общества.

– Вот что значит молодость. Золотые мозги, – сказала моя мать, кивком указывая на Нолу. – Будь благодарна, что она с нами, и давай читай.

Одарив ее быстрым взглядом, я вернулась к письму и начала читать вслух.

– «Любовь моя, страсть прошлой ночи, ощущение твоей обнаженной кожи, касающейся моей, шелк твоих золотых волос под моими пальцами...» – я умолкла и быстро пробежала глазами оставшуюся часть письма, чувствуя, как горят мои щеки от смеси викторианского романа и эротики.

– Что там дальше? – спросила Нола, потянувшись к письму, которое я после первых же нескольких слов закрыла от ее взгляда.

– Дальше в том же духе, – уклончиво ответила я и, положив письмо обратно в конверт, взяла следующее. Как и первое, оно содержало восторженные охи и вздохи влюбленного Джонатана по поводу шелка светлых волос и невероятные рифмы к словам «желание» и «восторг».

Я прочитала остальные письма и обнаружила, что все они практически одинаковы.

Я закрыла коробку и забрала ее у матери.

– Я не понимаю, – сказала я, повернувшись к Ди. – Почему мисс Джулия хочет, чтобы я прочитала эти письма от ее жениха?

– Потому что мисс Джулия говорит, что никогда их не видела. Она хоть и старая, но в здравом уме и в хорошей памяти. Она бы помнила, если бы их читала.

– Я бы тоже, – пробормотала я и на мгновение задумалась. – Но кто-то их прочел и кто-то спрятал. Вот только кто?

– Бедный пес, – сказала моя мать. – Зачем кому-то понадобилось его убивать?

– Может, он умер в результате несчастного случая, и его похоронили здесь, – предположила Нола.

– Мне бы хотелось так думать, – сказала я. – Но, как мне кажется, должна тут быть некая связь, так как пес обитает в кукольном домике вместе с другими членами семьи. Да и голова собаки тоже была повреждена.

Генерал Ли заснул во сне. Я наклонилась и почесала его за ухом.

– Нола, – сказала я, поднимая на нее глаза, – посмотри на дом и укажи, какое место соответствует тому, где ты нашла фигурки Уильяма и собаки на полу возле кукольного домика.

Она посмотрела на дом и направилась к башне. Казалось, будто весь боковой двор пульсировал энергией. Башню обволакивало черное облако, видимое лишь немногим счастливицам. Я не стала смотреть вверх, зная, что там увижу.

Нола остановилась примерно в десяти футах от башни и футах в пяти от того места, где в земле зияла яма.

– Где-то здесь.

Моя мать скрестила на груди руки.

– Итак, допустим, Уильям упал или его вытолкнули из окна башни. Если пес был снаружи, он залаял. Если предположить, что Уильям оказался на земле не по собственной воле, тот, кто был с ним, хотел заставить пса замолчать, и как можно быстрее.

Я кивнула, едва ли не кожей чувствуя, как сдвинулись фрагменты мозаики, пытаюсь встать на свои места, рядом с другими, которые казались не только двусторонними, но и не имели четких краев. Я

открыла было рот, чтобы что-то сказать, но передумала. В моей голове внезапно возник семейный портрет Маниго – фото, которое я видела в газете.

Я повернулась к Ди:

– Где была найдена коробка с письмами?

Она указала туда, где был найден скелет собаки. Я посмотрела на мать:

– Разве не здесь, по словам Джека, он постоянно находит фигурку Энн?

Мать кивнула:

– Похоже на то. Возможно, именно она закопала письма.

Я покачала головой:

– Нет, это полная бессмыслица. – Я снова повернулась к Ди: – Вы уверены, что Джулия сказала, что никогда не видела этих писем раньше и не знает, кто и когда закопал их во дворе?

Ди кивнула:

– Уверена. Но зачем кому-то было прятать письма к Джулии от ее жениха?

Я глубоко вздохнула и подняла глаза к башне. Внезапно на меня снизошло озарение, такое же ясное, как образ человека с пустыми глазами, наблюдавшего за нами из окна.

– Потому что это письма Джонатана. Но они предназначались не Джулии.

Глава 28

Я положила в багажник машины кирку и мотыгу, которые одолжила у отца. Кстати, он наверняка поехал бы с нами, попроси я его, но я также знала, что, несмотря на всю его непредвзятость, было у него и немало сомнений, способных ослабить энергию, так остро необходимую мне и моей матери. Нет, конечно, дополнительная мускульная сила была бы нам очень кстати, однако я не собиралась просить Джека, а моей матери хватило здравого смысла этого не предлагать.

– Где Нола? – спросила я, увидев, что ко мне идет мать – в спортивных шортах и кроссовках, чего я на ней отродясь не видела и даже не предполагала, что они у нее есть. Интересно, она надела их нарочно, так сказать, в знак солидарности со мной, чтобы избавить меня от комплексов по поводу моего собственного наряда. Или же наоборот, подумала я, глядя на затрапезные джинсы и свободную футболку с логотипом «Гринписа», которую дала мне Софи. Это был предел падения. Принять от Софи тряпки, да еще купленные в секонд-хенде, – это потребовало серьезных мировоззренческих корректировок. Впрочем, менее серьезных, чем я ожидала. Или же у меня вообще не осталось собственного мировоззрения.

– Я рано утром отвезла ее к Джеку. Похоже, у них была запланирована вылазка на природу, и Нола не смогла составить нам компанию.

Сама я проспала до десяти часов, чего не делала с младенчества, и, очевидно, пропустила отъезд Нола.

– Понятно. Тогда нам не нужна третья лопата. – Моя досада по поводу злосчастной лишней лопаты была подозрительно сильной, но в мои планы не входило копаться в собственных чувствах из-за боязни разреветься. Мать же странно посмотрела на меня.

– Запас никогда не помешает, – сказала она, открывая пассажирскую дверь, и села в машину.

Следующие полтора часа мы провели в поездке в Джорджтаун, сражаясь за кнопки радио – я все время норовила включить станцию с репертуаром семидесятых, чтобы послушать мою любимую «АББА»,

мать ловила те, что исполняли классическую музыку. В результате я даже пожалела, что установила спутниковое радио. Дело кончилось тем, что я подключила к стереосистеме айпод, и мы были вдвоем вынуждены слушать мой плей-лист, состоявший из большого количества «аббовских» хитов и прочей танцевальной музыки восьмидесятых. Я не стала извиняться, понимая, что моих извинений будет недостаточно для моей воспитанной на классических операх матери.

Шоссе № 17 – это одинокий участок автострады, пересекающей Чарльстон и далее бегущей вдоль океанского побережья. Мимо промелькнули знакомые названия – Остров Салливана и Макклелланвилль. В обоих городках я с моими подругами по колледжу проводила летние и другие каникулы. Пока я училась в Университете Южной Каролины, отец продолжал колесить по стране с одной военной базы на другую, поэтому на каникулы и праздники я «брала напрокат» первый подвернувшийся мне дом и семью. Мне и в голову не приходило навестить отца, потому что давно уже не испытывала потребности быть его сиделкой.

На подъезде к историческому городку Джорджтаун мать развернула большую, изрядно помятую карту образца этак 1989 года.

– Съезд должен быть справа.

– Мама, у меня есть GPS. Все, что нужно сделать, – это ввести адрес...

– Эти вещи вечно врут. К тому же я сомневаюсь, что любой GPS может найти это место. Это заброшенная усадьба, где десятилетиями никто не жил. Даже Ивонна не смогла дать нам точный адрес.

– Мама, навигатор работает через спутник. Все, что существует, можно увидеть...

– Ну-ну, – сказала она с легким смешком. – По-моему, нет ничего надежнее старой доброй карты, которая всегда поможет вам добраться туда, куда нужно.

– Отказ от технологий просто означает, что ты стареешь, – назидательно изрекла я, сворачивая на грунтовую дорогу. После этих слов мать замолчала.

Пыль облаком летела из-под колес, проглатывая дорогу позади нас. Машина то и дело подскакивала на камнях, задевала корни и ветки. Я даже пожалела, что не взяла отцовский грузовик. Над нами, закрывая

солнечный свет, густо нависал свод векового соснового бора, отчего казалось, будто я нахожусь внутри церкви. Увы, ничто из этого не успокоило мои натянутые как струна нервы. Впрочем, если учесть, что мне предстояло рыть могилу, удивляться было нечему.

– А если кто-нибудь нас увидит? – спросила мать.

Еще дома мне пришло в голову захватить лыжные маски и что-нибудь еще, чтобы закрыть наш номерной знак, но я отмела эти идеи как продукты просмотра слишком большого количества серий «Макгайвера» по ночному телеканалу, ставшему мне во время моей недавней бессонницы загадочным другом. Тем не менее, если меня застукают за раскапыванием могилы, это будет выглядеть очень плохо, особенно на страницах чарльстонских газет. И уж тем более если они поместят мое фото в затрапезных джинсах.

– Вряд ли нам есть о чем беспокоиться, – сказала я. – Ивонна проверила документы и убедилась, что дом и земля заброшены с 1950-х годов, когда умерли родители Джонатана. Участок унаследовал один из его братьев с севера Джорджии, но с тех пор здесь никто не жил.

– Значит, мы вторглись в частную собственность, – заключила мать.

– Да. Но это будет наименьшее из обвинений, если нас поймают. – Я притормозила. – Если хочешь повернуть назад, говори сейчас.

Мать, а следом за ней и я, обернулась и посмотрела в заднее окно машины, где по-прежнему висели клубы рыжей пыли, а затем по обе стороны узкой дороги, от которой в лес тянулись канавы. Она посмотрела на меня:

– Боюсь, возвращаться уже поздно. Как ты считаешь?

Я кивнула, зная, что она права, и во многих отношениях. И нажала на педаль газа. Машина устремилась вперед. Меня же охватила странная радость, оттого что пути назад нет.

Викторианская ферма посреди поляны, когда мы наконец подъехали к ней, похоже, вела свое последнее сражение с наступающим лесом. Она оказалась именно такой, какой я ее себе представляла, – с остроконечной крышей, просторным крыльцом и прямыми линиями опор, прямиком со страниц книги по американской истории. Такой стиль, вероятно, существовал в самых разных частях страны, вызывая в голове образы многодетных семей и кур на переднем дворе, а не убийств и пустых могил. Единственная разница между моей мысленной картинкой и тем, что предстало моему взору,

заклучалась в том, что дом казался еще более заброшенным и одиноким, чем я себе его представляла.

В окнах не было стекол, и в зияющие отверстия были видны рухнувшие потолки и обвалившиеся стены. Сквозь крышу пробивалось наружу массивное дерево, сорванная черепица наполовину выросла в землю там, где упала, как будто в подтверждение силы бури, сбросившей ее вниз.

Я остановила машину и выключила зажигание.

– Предполагаю, что семейное кладбище за домом.

– Так сказала и Ивонна. – Моя мать повернулась ко мне: – Ты ведь не любишь кладбища.

Это был не вопрос.

– На них ничего хорошего не происходит.

Мать взяла мою руку и сжала:

– Помни, вместе мы сильнее. Не забывай об этом.

Пожав в ответ ее руку, я вышла из машины. Мы стояли посреди оглушительной тишины, наполненной лишь фоновым гулом тысяч невидимых насекомых. Я ощущала запах близлежащего болота и вездесущей чавкающей грязи, который приятно щекотал мне нос. Говорят, именно так можно узнать истинного уроженца Южной Каролины – если человек не морщит нос от ни с чем не сравнимого запаха лесной гнильцы.

– Ты что-нибудь чувствуешь? – спросила мать. Мы стояли, глядя на заброшенный дом, на который неумолимо, проглатывая его целиком, наступал двор с его сорняками, росшими уже сквозь доски веранды.

– Нет. Во всяком случае, пока. Может, им нет причин здесь быть.

Мать пристально посмотрела на меня:

– Или же мы еще не дали им причину.

Я тяжело сглотнула, пытаюсь сосредоточиться на предстоящей задаче. Открыв багажник, я передала матери лопату, затем достала кирку и вторую лопату, для меня. Мы уже завернули за дом, когда я отчетливо услышала звук хлопнувшей двери машины.

Я вздрогнула и остановилась.

– О нет, здесь кто-то есть! – Я быстро прикинула, сколько времени нам нужно, чтобы добежать до машины, а потом выехать по длинной гравийной дороге. Но затем я посмотрела на мать, но не заметила на ее лице ни тревоги, ни даже удивления. Скорее она как будто извинялась.

На смену страху тотчас пришел гнев.

– Ты кого-то ждешь? – спросила я, медленно шагнув вперед. Мои подозрения усилились, а потом и подтвердились, так как я услышала голос Нолы.

– Они здесь, – объявила она, когда мы с матерью завернули за угол дома.

Джек и Нола стояли возле его пикапа, в руках у обоих было по лопате. Чтобы провести средневековую охоту на ведьм, нам нужна была только пара вил.

– Что ты здесь делаешь? – спросили в унисон мы с Джеком и посмотрели на Нолу и мою мать. Обе внезапно виновато потупили глаза.

– Мама! О чем вы думали?

Мать с невозмутимым видом подошла к нам.

– Я подумала, что нам пригодится помощь Джека. Нола со мной согласилась.

Нола встала между Джеком и мной:

– И было бы хорошо, если бы вы двое помирились. Я совсем как тот чувак в «Холостяке», который пытается выбрать между вами двумя. Это неправильно.

Джек в замешательстве уставился на меня:

– Что это с тобой?

Ты, чуть не вырвалось у меня, но мне не хотелось давать ему больше власти надо мной. Я не могла посмотреть ему в глаза, так как тотчас вспомнила унижение нашей последней встречи. Я гордо выпятила подбородок:

– Я в отпуске. Это то, что люди носят в отпуске.

Уголок его рта приподнялся в знакомой усмешке:

– В круизе пенсионеров в Канкун, может быть. Где ты взяла этот прикид?

Я пыталась оскорбиться, но не смогла. Даже если Джек и не был моим, было приятно видеть, что это по-прежнему Джек. Тем не менее я не рискнула ответить, мол, «у Софи» или «в комиссионке». Вместо этого, собрав последние осколки самоуважения, я снова спросила:

– Почему ты здесь?

– Думаю, по той же причине, что и ты. – Он посмотрел на дочь: – Нола рассказала мне о письмах Джулии. Она услышала достаточно,

чтобы сообщить мне о том, что в них говорится. Но, как человек умный, вместо того чтобы рассказать мне то, что она уже знала, моя дочь позволила мне самому прийти к такому же выводу, что, очевидно, и вы – второе тело, похороненное вместе с Уильямом, принадлежит Джонатану.

Любопытство взяло верх, заставив меня забыть мое унижение и острую боль в области сердца, напоминавшую о себе всякий раз, когда я смотрела на него.

Достаточное любопытство, чтобы забыть о моем унижении и колющей боли в области моего сердца, которая возникала каждый раз, когда я смотрел на него.

– Почему ты так думаешь? – спросила я.

Джек почесал затылок.

– Его смерть от гриппа в 1938 году была слишком большим совпадением. Сначала Уильям, потом пожар в доме, затем Джонатан – все в одном и том же году. В тот год не было эпидемии гриппа, что вовсе не означает, что он не мог умереть от него. Просто его смерть была... слишком кстати.

– А, как известно, совпадений не бывает, – сказала Нола, сияя довольной улыбкой.

– Молодец. Схватываешь на лету, – сказал Джек и даже погладил ее по головке, словно она была маленьким ребенком. Нахмутив брови, как будто пытался скрыть интерес, он повернулся ко мне: – А ты? Как ты догадалась?

– Письма были полны поэтических излиятий о прекрасных белокурых волосах адресата письма. Судя по семейным фотографиям Маниго, которые я видела, у Джулии были темно-каштановые волосы. Уильям был блондином.

– Понятно, – кивнул он. – В любом случае, когда я поделился с ней своим умозаключением, а также как бы невзначай обмолвился, что, если найти могилу Джонатана и та окажется пустой, мы получим довольно убедительное подтверждение тому, кто был похоронен рядом с Уильямом Маниго. Нола изобразила удивление. Предполагаю, она даже убедила Ивонну, с которой я встретился вчера, не говорить мне, что она уже сообщила тебе информацию о том, где искать могилу Джонатана.

Нола сделала вид, что сосредоточенно разглядывает лежавший на земле камень.

Мы с Джеком стояли лицом друг к другу, избегая при этом встречаться взглядами.

– Что ж, – сказала я, – я рада, что мои выводы подтвердились. Но я думаю, что дальше Нола, моя мать и я можем справиться сами. В конце концов, все это тебя не касается.

Моя мать шагнула вперед:

– Давай не будем торопиться, Мелли. Джек уже здесь, и мы действительно могли бы воспользоваться его мускулами, чтобы помочь нам копать. Так дело пойдет в два раза быстрее.

Как бы мне ни хотелось ей возразить, я знала: мать права. Еще одна пара рук ускорит процесс – даже если это руки Джека. Я даже подумала, что смогу работать спиной к нему, чтобы лишний раз не смотреть на него. Или слышать, как он дышит, что вернуло бы слишком много воспоминаний.

– Как скажешь, – с тяжелым вздохом на манер Нолы сказала я.

– Нет.

Мы все трое как по команде посмотрели на Джека.

Он скрестил на груди руки.

– Нет, – повторил он. – Пусть Мелли попросит меня как следует. Как она только что заметила, это не мое дело. Если же ей нужна моя мышечная сила, ей придется меня попросить.

У меня в буквальном смысле отвалилась челюсть.

– Ни за что на свете...

– Мой ишиас дает о себе знать, Мелли, – перебила меня мать. – Вряд ли от меня будет большая польза. Значит, остаетесь лишь ты и Нола. Но какой из нее землекоп, с ее воробьиным весом? Поэтому, прежде чем принимать поспешные решения, хорошенько подумай.

Я попыталась представить себе, как я энергично орудую лопатой, но дальше первых попыток снять верхний слой земли дело не пошло. Одна только мысль об этом истощила мои запасы энергии, не говоря уже о том, сколько это займет времени. Да и неизвестно, что будет потом.

Я набрала полную грудь воздуха и, глядя куда-то за спину Джека, сказала:

– Не могли бы вы остаться и помочь нам копать?

– Ну, поскольку вы так вежливо попросили, – сказал он с тенью улыбки в голосе.

Я отважилась посмотреть Джеку в глаза, отметив в очередной раз, какие они пронзительно-голубые. Более того, я не заметила в них насмешки, казалось, он пытался что-то увидеть в моих. Я отвела взгляд, впервые не сумев догадаться, что у него на уме.

– Тогда вперед, – сказала я и, взяв лопату и кирку, решительно шагнула мимо Джека.

– Симпатичные джинсы, – прокомментировал он, когда я прошла мимо. У меня тотчас возникла пара идей на тот счет, какое применение я могла бы найти кирке и лопате помимо копания.

Как и описала Ивонна, за домом лежало небольшое семейное кладбище. К нему вела каменистая тропинка, почти незаметная за зарослями сорняков. Заржавевшая кованая ограда окружала поляну с несколькими покосившимися надгробиями. Их закругленный верх был виден, лишь когда ветер колыхал траву.

– Что там существует между вами, женщинами по фамилии Миддлтон, и семейными кладбищами? – спросил Джек.

Моя мать выразительно подняла брови. Я поняла: она тоже вспомнила, когда мы последний раз были на кладбище вместе, пытаюсь уgomонить дух Розы Приоло. Тогда все едва не закончилось катастрофой.

– Я ничего не чувствую, – сказала я. – Как будто все духи здесь пребывают в покое.

– Или их вообще нет здесь, – добавил Нола.

Мне очень хотелось надеяться, что она права.

Мы разбрелись по заросшему сорняками кладбищу, читая едва заметные надписи на старых могильных плитах. Их было всего около дюжины, и у Джека заняло не слишком много времени, чтобы найти нужную.

– Здесь! – крикнул он, указывая на белый мраморный памятник в форме креста. – Одно лишь имя... ни даты рождения, ни смерти. Похоже, родители Джонатана не рискнули осквернить крест ложью.

Мы стояли перед памятником и смотрели на толстый слой земли и заросли травы на могиле. Джек потянулся за киркой. Я вручила ее ему, благодарная в душе за то, что он с нами, даже если не спешила это признать, и не только по причине дополнительной рабочей силы. И все

же я не отваживалась смотреть на него, а каждый случайный взгляд был сравним с медленным снятием лейкопластыря с незаживающей раны.

– Отойдите, – велел он нам. – Я начну, и потом мы можем по очереди вынимать грунт. Тут нужно выкопать около шести футов в длину и шесть в глубину, и если будем работать быстро, то управимся за пару часов.

– А нельзя ли быстрее? – поинтересовалась Нола. – У меня на сегодняшний вечер свои планы. С Олстон, – добавила она.

Мы отступили. Джек сделал первый взмах киркой. И в этот момент я затылком ощутила первый приступ страха. Я покосилась на мать. Похоже, та тоже это почувствовала.

– Тебе лучше поторопиться, Джек, – сказала она. – Вряд ли в нашем распоряжении будет два часа.

Джек посмотрел сначала на нее, затем на меня, и я поняла: он тоже помнит, как мы в последний раз копали на кладбище. Подняв кирку над головой, он с силой вогнал ее в землю. Та слегка дрогнула подо мной, как будто мы потревожили нечто такое, что не следовало будить.

Пока Джек убирал сорняки и траву, густо росшие на могиле, разрыхляя почву, чтобы мы тоже могли начать копать, мы молча наблюдали.

– Я первая, – сказала я, беря лопату. – Чем быстрее мы будем копать, тем меньше времени нам будет мешать боль.

По причине тесного пространства мы все трое по очереди переходили на противоположный конец от Джека. Он продолжал копать, время от времени меняясь с нами местами, чтобы выровнять глубину ямы.

Солнце нещадно палило, и я мысленно отругала себя за то, что забыла захватить воду. В моей прежней жизни я бы ничего не оставила на волю случая. В моей новой жизни я едва могла вспомнить, что мне делать в следующие полчаса.

– Тебе дурно? – спросила мать.

Я моргнула, глядя на нее. Мои глаза щипало от пота. Я поймала себя на том, что у меня двоится в глазах.

– Просто... слегка перегрелась, – ответила я.

Она взяла у меня лопату.

– Иди посиди в теньке рядом с Нолой и остудись немного. Я могу покопать за тебя.

– Но ведь сейчас моя очередь... – Я умолкла, зная, что если я сейчас не сяду, то просто завалюсь лицом в яму.

Я устроилась рядом с потной Нолой. Ее лицо и руки были перепачканы грязью. Вероятно, и мои тоже. Застукай нас кто-нибудь сейчас и потребуай ответа, что мы здесь делаем, мы вряд ли бы смогли доказать нашу невиновность. Я просидела не очень долго, когда из могилы донесся стук металла о дерево. Моя мать и Джек остановились.

– Мы откопали всего четыре фута земли, но похоже, что это гроб, – объявил Джек. Его рубашка была мокра от пота, но он ее не снял. Подозреваю, что подобную скромность он проявил ради моей матери и Нолы, тем не менее я была ему крайне благодарна. Если я не упаду в обморок от жары, то от лицемерия его голого торса – это точно.

– Я могу закончить за вас, – сказал он и помог моей матери вылезти из могилы. Она подошла и села рядом с нами в тени высокой сосны. Теперь мы наблюдали за Джеком втроем.

С помощью лопаты он удалил с крышки гроба грязь, а затем, отбросив лопату, взял в руки кирку.

– На всякий случай, если он не пустой, вы трое оставайтесь там, где вы сейчас сидите.

Я было запротестовала, хотя вряд ли смогла бы принять вертикальное положение, даже если бы очень захотела. Он вновь замахнулся киркой и резко опустил ее на гроб. Раздался оглушительный треск. Затем Джек отступил на шаг и еще дважды с силой опустил кирку широким концом вниз, чтобы убрать то, что еще осталось от крышки. После чего повернулся к нам лицом:

– Думаю, вам будет интересно взглянуть.

Нола и моя мать встали. Я немного подождала, собираясь с силами, чтобы вновь принять вертикальное положение. Хватаясь для опоры за ствол дерева, я встала и кое-как подошла к остальным.

Мы втроем медленно наклонились над краем зияющей ямы, глядя на разнесенный вдребезги сосновый гроб. От его крышки практически ничего не осталось, и нашим взглядам предстали несколько крупных камней и плотно утрамбованная земля, заполнявшая узкое пространство гроба. Все трое одновременно ахнули.

Моя мать покачала головой:

– Ничего не понимаю. Почему родители Джонатана скрыли убийство сына и даже соорудили ложную могилу?

Джек вытер о джинсы руки.

– Готов поспорить на кучу денег, они не знали, что он мертв. Их просто заставили поверить, что он сбежал с Уильямом.

Я кивнула.

– Из того, что мне известно про Гарольда Маниго, предположу, что он ждал, желая убедиться, что Джулия права насчет Уильяма. Он наверняка знал, что Джулия завидовала наследству Уильяма, да и у самого явно имелись на этот счет свои сомнения. Думаю, Уильям намеревался уйти из дома, но на прощание хотел увидеть своего любовника еще раз. Он даже переоделся в женское платье, и в таком виде его застукал отец. Ссора явно была короткой – если вообще была. Тот факт, что на Уильяме было платье его матери, говорил сам за себя, и Гарольд в порыве гнева выбросил Уильяма из башни и тем самым убил его, умышленно или нет.

– Я не совсем уверена, как все закончилось, но каким-то образом Гарольд выяснил, где Уильям встречался со своим возлюбленным, и поймал Джонатана. Надеюсь, вы представляете себе, как он был потрясен, когда узнал, кем был его будущий зять? Сомневаюсь, что смерть Джонатана была случайностью.

– Определенно нет, – согласился Джек. – Думаю, он бросил оба тела в свой грузовик и поехал на семейную плантацию, где и закопал их, а затем сжег дом, чтобы никто не вернулся и случайно не обнаружил могилу. Чтобы успокоить родителей Джонатана, предполагаю, что он сказал им, что Уильям и Джонатан сбежали вместе, что по тем временам было позорным клеймом и, по сути, заставило их молчать. Чтобы спасти лицо, они подделали смерть Джонатана и даже устроили фальшивые похороны. В любом случае, он ушел от них навсегда.

– Бедная Джулия, – сказала мать, качая головой. – Все эти годы винить себя в том, что Уильям уехал.

Нола нахмурила лоб:

– Но тогда почему призрак Уильяма пытался остановить Джулию, чтобы та не обнаружила эти могилы? Разве он не хочет отомстить за свою смерть?

Я смотрела на гроб, слушала их разговор, но вместо этого видела темную ночь насилия и утраты. А также ощущала присутствие Уильяма, причем совсем рядом. И оно не несло в себе угрозы. Прежде чем я смогла спросить его почему, до меня дошло. *Останови ее. Если она этого не сделает, будет только хуже.*

– Он пытался защитить Джулию, – сказала я. – Он хотел, чтобы она и дальше верила, что Джонатан умер, любя ее, хотел уберечь ее от боли наихудшего из предательств.

Нола кинула в гроб комок грязи.

– Мисс Джулия говорила, что ее мать и Уильям были очень близки. Бьюсь об заклад, после исчезновения Уильяма Энн спрятала письма, чтобы Гарольд не уничтожил их. А еще она наверняка видела, как Гарольд убил сына – иначе с какой стати ее вскоре после его смерти упекли в психушку?

Я повернулась к матери:

– Что мы скажем Джулии? – Скажу честно, опыта по этой части у меня не было и я не горела желанием им обзавестись. – Она при смерти. Возможно, ей лучше знать правду, чтобы она могла упокоиться с миром.

Нола закатила глаза:

– Не хватало очередной куклы, преследующей меня по всему дому. Голосую за то, чтобы ей сказать.

Внезапно тяжелое серое облако закрыло солнце, отбрасывающее на нас всех свою свинцовую тень. Мы подняли глаза. Странно. Не считая его, небо было чистым и голубым. Но насекомые умолкли, и в этой жутковатой тишине на нас с силой налетел ветер.

– Пора уходить, – сказал Джек твердо, но спокойно ради Нолы. Мы с матерью помнили еще одно кладбище, на котором мы были не так давно, когда злой дух пытался отомстить тем из нас, кто пытался устранить старое зло.

– Да, – сказала я и наклонилась, чтобы взять пару лопат. – Похоже, приближается гроза. – Перед моими глазами поплыли круги, и я споткнулась.

Мать схватила меня за руку:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Немного перегрелась. Ты не против сесть за руль?

– Ничуть. Просто сядь в машину и включи двигатель, чтобы заработал кондиционер. А я пока соберу лопаты.

– Только побыстрее. – Я не стала с ней спорить и лишь сжала ее руку. Мой взгляд был прикован к черной туче над нами. Казалось, та опустилась еще ниже, вытесняя из воздуха кислород. – Похоже, мы рассердили Гарольда. По словам Джулии, внешние приличия были для него всем на свете. Даже сейчас, спустя долгие годы, вряд ли он придет в восторг от того, что мир увидит грязное белье их семьи.

Мать ответно сжала мою руку:

– Мы сильнее его. Просто повторяй это себе, и я буду рядом с тобой, – сказала она и зашагала туда, где Джек и Нола засыпали яму.

Я кивнула, хотя и не поверила ей, и проводила ее взглядом. Если честно, я чувствовала себя неважнецки. Все мои силы как будто ушли в песок. Скорее всего, это была естественная реакция моего разбитого сердца, но я бы не взялась это утверждать, так как такое было со мной впервые.

Я села в машину и протянула руку, чтобы включить зажигание и подставить лицо струе холодного воздуха из кондиционера. И в этот момент заметила в подстаканнике бутылку с водой. И хотя та нагрелась на солнце и вовсе не была ледяной, я потянулась к ней, а когда подняла голову, чтобы сделать глоток, мой взгляд остановился на зеркале заднего вида.

Бутылка мгновенно застыла в воздухе на полпути к моим губам, и вода пролилась мне на колени. С заднего сиденья на меня смотрело безглазое лицо Гарольда Маниго. Меня едва не вырвало от тошнотворного запаха смерти и тлена. *Я сильнее тебя*, – пыталась сказать я, но ложь застряла у меня в горле. Мне было нечем дать ему отпор. Моя мать была вне поля зрения. Я сидела в машине, и, даже если закричать, мои крики вряд ли будут услышаны. И он это знал.

Я предупреждал тебя, чтобы ты держалась подальше, но ты не послушалась.

Я потянулась к дверной ручке и нажала ее, но ее как будто заклинило. Объятая ужасом, я нащупала дверной замок, даже в своем паническом состоянии понимая, что тот разблокирован. Холодные, мертвые пальцы сжали мою шею, от смердящего запаха мертвой плоти меня затошнило. Я задыхалась, и что-то со всей силой сдавило мне горло.

Я не надеялась выиграть эту битву, даже если бы моя мать каким-то чудом вернулась. Да и бороться тоже было не за что, никаких причин стоять до конца. Я знала, что сдаюсь слишком легко, но мне было все равно. Жадно хватая ртом воздух, я повалилась на водительское сиденье. У меня перед глазами, застилая собой все вокруг, вспыхнул звездный фейерверк.

На мгновение мне показалось, будто я слышу музыку – песню Бонни. Должно быть, это и есть смерть, подумала я, когда играет музыка и царит полный покой. Я больше не чувствовала боли. Мое тело и кости таяли и становились невесомыми, а я слушала пение Бонни, причем сегодня ее голос звучал громче обычного. Как будто она пела мне на ухо, чтобы я наверняка ее услышала.

Затем внезапно я выплыла за пределы своего тела и посмотрела сверху на крышу машины. Такого умиротворения я еще никогда не испытывала. Музыка продолжала звучать, делаясь все громче и громче, но она была так прекрасна, что я не возражала. Я повернула голову, пытаюсь различить слова, которые раньше не могла разобрать.

Моя мать закричала, и я увидела, что она смотрит вверх, что она видит, как я, крутясь, воспаряю все выше и выше над машиной. Я хотела сказать ей, что все в порядке, что я согласна перенестись туда, куда я лечу, что это красиво и умиротворяюще и что мое сердце наконец обрело покой. Мать бросилась к машине и попыталась открыть поочередно все двери, и я неким внутренним слухом услышала, как она сказала: «Я сильнее тебя» – и расплакалась. Она была одна, без моей помощи, и, как и я, она знала, что одних только ее сил будет недостаточно.

Потом я увидела, что к машине бегут Джек и Нола и что у Джека в руке кирка. Замахнувшись, он с силой ударил ею по окну заднего пассажирского сиденья. Острые осколки, словно слезы, усыпали сиденье автомобиля и землю снаружи.

Запустив внутрь руку возле водительского сиденья, он попытался открыть дверь изнутри. Музыка теперь звучала так громко, что я почти не слышала голос Бонни. *Ты нужна Ноле. Как и Джек. И он тоже нужен тебе, причем даже больше, чем ты догадываешься. Возвращайся. Вернись и найди глаза моей дочери.*

Я посмотрела на мою плачущую мать, на Нолу и на Джека. Тот отчаянно пытался добраться до меня и вытащить из машины. Я на миг

снова включила чувства, и боль в моем сердце взорвалась с новой силой, пронзая мне грудь, напоминая мне, что я еще жива. Да, прошептала я, уже неуверенная в том, что отсутствие боли – это веская причина перестать цепляться за жизнь. *И он тоже нужен тебе, причем даже больше, чем ты догадываешься.* Мне нужно было получить ответ на этот вопрос, а получить я его могла, лишь вернувшись к нему. И к моей матери, и к Ноле и всей остальной моей жизни.

Давление на мое дыхательное горло тотчас прекратилось. Я начала падать. Холодный воздух бил мне в лицо, и вскоре я упала обратно в машину, в тело женщины на переднем сиденье. Дверь пассажирского сиденья была распахнута, и я услышал, как Джек зовет меня по имени. Я попыталась дотянуться до него и даже прошептать его имя, но мой мозг прекратил общение с телом.

– Мелли! – хрипло крикнул он. – Кто-нибудь, позвоните девять-один-один. Побыстрее!

Почувствовав на лбу что-то теплое и влажное, я поняла: это был его поцелуй и теперь все будет хорошо. Я снова услышала, как поет Бонни, каждое слово звучало ясно, как звон колокольчика, и мне захотелось рассмеяться.

– Джек, – наконец пролепетала я.

– Ну, слава богу, – услышала я его голос. – Ничего не говори, береги силы. «Скорая» уже в пути.

– Джек, – пробормотала я, едва ворочая сонным языком. – Я знаю...

– Тссс, – прошептал он, крепко обнимая меня.

Мне наконец удалось открыть глаза.

– Послушай, – сказала я, не уверенная, слышит ли он эту музыку, и, слегка подняв голову, прошептала: – Я знаю, где найти «глаза моей дочери».

Уверенная, что я сказала все, что могла, и что Бонни защитит меня, я отключила сознание и провалилась в глубокий, без сновидений, сон.

Глава 29

Я проснулась с именем Джека на губах и, как только вспомнила все, что произошло, открыла глаза. Свет ярких флуоресцентных ламп и запах антисептика тотчас бы подсказали большинству людей, что они в больнице. Я же поняла это по потерянному душам, жавшимся к стенам комнаты и заглядывающим в стеклянное окошко двери. Я ненавижу больницы.

– Она не спит.

Я повернула голову на голос матери и увидела, как она отпустила руку моего отца. Они оба стояли возле кровати.

– Мелли, дорогая, – прохладная рука матери коснулась моей щеки. – Как ты себя чувствуешь?

Я на мгновение задумалась, пошевелила пальцами рук и ног, затем подвигала руками и ногами.

– Вообще-то, я в полном порядке. Я прекрасно себя чувствую. И впервые по-настоящему выпалась за последнее время. – Мой желудок заурчал. – Кстати, который час?

– Уже начало шестого. Ты была без сознания с того момента, как Джек этим утром вытащил тебя из машины.

Я покачала головой:

– Мне кажется, будто это было несколько недель назад. И сейчас, как бы странно это ни звучало, мне безумно хочется съесть пирога с кокосовым кремом из булочной Джестин.

Отец взял меня за руку:

– Я его тебе принесу. Все, что ты хочешь, проси что угодно. – Мне показалось, что я увидела в его глазах слезы, но он быстро принял невозмутимый вид.

Я сжала его руку, радуясь, что со мной мои родители, но с болью осознавая, что одного человека здесь все-таки нет.

– Спасибо, пап. И посмотри, может, удастся купить целый пирог.

Хорошо меня зная, он, услышав это, даже не моргнул глазом.

– Понял, – сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в лоб. – Я доставлю его в дом твоей матери, поскольку тебя вряд ли продержат здесь до утра. Я вернусь, чтобы помочь ей отвезти тебя домой.

Я улыбнулась в знак благодарности, и мой желудок снова заурчал. Я посмотрела ему вслед и повернулась к матери:

– Кто-нибудь рассказал Джулии, что мы нашли?

Мать покачала головой:

– Как только я поместила тебя сюда, я позвонила Ди, чтобы сообщить ей. Но сегодня утром Джулия впала в кому – примерно в то же время, когда мы копали могилу Джонатана. Врачи сомневаются, что она из нее выйдет.

Меня охватила необъяснимая печаль.

– Получается, все было впустую? – Я огорченно покачала головой, стараясь не думать о том, что случилось сегодняшним утром.

– Пока еще рано судить, но вряд ли это было впустую.

Я закрыла глаза, пытаюсь осознать все то, что говорила мне мать, но, вспомнив, что нахожусь в больнице, открыла их снова.

– Почему я здесь? – удивилась я, впервые заметив иглу в моей руке и капельницу с лекарством у кровати.

На лице матери появилось странное выражение.

– У тебя было сильное обезвоживание. По крайней мере, врачи утверждают, что это из-за него ты потеряла сознание. Но я увидела в машине рядом с тобой Гарольда Маниго, а потом увидела тебя... – Ее голос дрогнул. – Ты не боролась, Мелли. Ты даже не пыталась. – По ее щеке скатилась крупная слеза.

– Прости, мама. Я... не могла. Мне было нечем бороться, и... не за что. – Я отвернулась, чтобы не видеть ее лица, когда я прошептала все остальное: – Было гораздо проще просто... отказаться от всего.

Она подвинула к краю кровати стул и взяла обе мои руки в свои.

– Это все происки Гарольда, это он отравлял твой разум. – Она закрыла глаза. – Обещай мне, что больше никогда так не поступишь. Что ты всегда будешь бороться. Ты сильнее их. Даже без меня, хотя на то, что силы сегодня покинули тебя, имелась своя причина. Но все равно ты всегда должна бороться. Особенно сейчас... – Она умокла, не договорив.

– Что за причина?

Она посмотрела на меня, и на ее лице вновь возникло странное выражение.

– Ты что-то хочешь мне сказать?

И я вспомнила Бонни, ее музыку. Ее слова. *Возвращайся. Вернись и найди глаза моей дочери.*

– Да, – ответила я. – Бонни спасла меня. Именно она помогла мне вернуться. – Я расплакалась, и на то имелось множество причин, которые я даже не могла назвать. – Прости, – прошептала я, промокнув глаза краем простыни. – Сама не понимаю, почему в последнее время у меня глаза на мокром месте.

И снова мать окинула меня таким взглядом, как будто ждала от меня какого-то признания.

– Иногда, когда мы их меньше всего ожидаем, к нам приходят ангелы, – сказала она, так и не дождавшись моего ответа. – И это не первый случай, когда Бонни встала на твою защиту.

Я покачала головой:

– Это да. Она спасла меня на кладбище Круглой церкви, хотя я сама не понимаю, зачем ей за меня заступаться. Может, из-за Нолы, ведь теперь я ей что-то вроде суррогатной матери.

Моя мать откинулась на спинку стула и закатила глаза:

– Мелли, я всегда считала тебя разумной женщиной. Ты наверняка понимаешь, почему Бонни чувствует потребность тебя защищать. Или почему у тебя, как ты выразилась, в последнее время глаза на мокром месте?

Я недоуменно посмотрела на нее:

– Не считая того, что мое сердце жестоко вырвали из моей груди, нет, я даже не представляю почему.

Она сокрушенно вздохнула:

– Мелли, твои ноги отекают. Ты постоянно плачешь. Твои брюки и юбки стали тебе тесны. Ты быстро устаешь, но страдаешь бессонницей. Тебе очень хочется пирога с кокосовым кремом. Что-то из этого тебе о чем-нибудь говорит?

В моей голове вспыхнули крошечные точки света. Я бессмысленно уставилась на нее, не в силах осознать, что мой мозг пытается до меня донести. Моя мать снова закатила глаза, а затем, пристально глядя мне в лицо, наклонилась ко мне:

– Тебе случайно не приходило в голову, что ты беременна?

Я продолжала тупо смотреть на нее, пока мой разум медленно перелистывал мой мысленный календарь, высчитывая количество дней, прошедших с моего дня рождения, упорно сопротивляясь

неизбежному выводу, к которому я приходила, невзирая на множество разных путей, которые пытался выбрать мой мозг. По крайней мере, даже всю жизнь страдая нерегулярными месячными, я не могла не понять это – пожалуй, самое важное из всех биологических изменений в организме женщины. И все это время мой мозг орал на меня: нет! Нет! Нет! Нет!

Приняв мое оцепенелое молчание как повод для дальнейшего разговора, мать продолжила гнуть свою линию:

– Прежде чем назначать лечение женщине детородного возраста, находящейся без сознания, положено сделать тест на беременность. – Она многозначительно умолкла, а я задержала дыхание. – Этот тест оказался положительным.

Я продолжала растерянно моргать, не в силах выдать из себя даже слово. И язык, и губы отказывались меня слушаться.

– Беременна? Но как такое могло произойти? – наконец пролепетала я.

Мать закрыла глаза и глубоко вздохнула:

– Дорогая, я знаю, что не была с тобой в годы твоего взросления, чтобы вовремя поговорить о птичках и пчелках. Но тебе уже сорок лет. Я искренне надеюсь, что даже без моего присутствия тебе каким-то образом удалось выяснить, откуда берутся дети.

Я почувствовала, что краснею.

– Но мне сорок. Я не могу иметь ребенка в сорок лет! И я не замужем. – Эту последнюю фразу я почти прошипела.

Она взяла обе мои руки в свои:

– Мелли, в наше время женщины даже более старшего возраста рожают детей. Мы позаботимся о том, чтобы ты получила наилучшую родовую помощь. И я уверена, что, как только Джек узнает...

Я покачала головой. Слезы текли ручьями, я уже даже не утруждалась вытирать их простыней.

– Нет. Я не хочу, чтобы он знал. Он вообще отказывается меня видеть.

– Неправда. И это поможет вам помириться. – Она сжала мои руки и широко улыбнулась: – Я стану бабушкой! И я знаю, что твой отец и родители Джека тоже будут счастливы. Мы все любим Нолу и по мере возможностей балуем ее, а теперь у нас будет еще один внук или

внучка, которых мы будем баловать с самого рождения! То есть у нас будут два счастливых внука, и это все, что я думаю по этому поводу.

– Но я ничего не знаю о том, что такое быть матерью!

Мать терпеливо улыбнулась:

– Большинство беременных женщин говорят то же самое. Но ты, Мелли, просто образцовая мама. Взять, к примеру, Нолу. С первого же момента, как только она появилась у твоего порога, ты точно определила точную пропорцию строгости и ласки по отношению к ней. В первую очередь это твоя заслуга, что она довольно быстро приспособилась к новой жизни. Конечно, не все было гладко, но отношения между матерью и ребенком никогда не бывают идеальными. Это и делает их такими особенными, – она снова сжала мои руки, и когда я подняла глаза, то увидела, что она тоже плачет.

У меня появился крошечный проблеск надежды, что, возможно, она ошибается.

– Когда Бонни спасла меня на кладбище Круглой церкви, я не... Джек и я... в общем, у нее не было повода защищать меня.

Мать вновь терпеливо улыбнулась мне:

– Хотя у нас обеих довольно богатый опыт общения с мертвыми, думаю, ты уже поняла, что на самом деле мы знаем гораздо меньше, чем нам кажется. Возможно, она заранее знала, куда эта дорога заведет вас с Джеком. Или же из-за Нолы и твоей заботы о ней. Мы можем только догадываться.

Я резко села в кровати.

– О господи! Нола! Где она? Я должна сказать ей. Я не переживу, если она узнает об этом от кого-то другого или догадается сама, прежде чем я сама ей расскажу. Но сначала я скажу Джеку. Обещаю.

Я уже собралась нажать на кнопку вызова медсестры, чтобы попросить ее отсоединить от меня капельницу и отпустить домой, но мать взяла меня за руку:

– Тебе лучше остаться здесь и отдохнуть, Мелли. Все остальное подождет.

Мне в ее голосе послышались тревожные нотки. Я оставила попытки встать с кровати и посмотрела на нее.

– Где Нола? – спросила я.

– Все в порядке, Мелли. У Джека все под контролем.

– Что именно у него под контролем? Что не так?

Я отстранилась от нее и потянула капельницу за собой к двери. Видя, что я серьезно настроена уйти, она поспешила преградить мне дорогу.

– Нола пропала. Джек высадил ее и миссис Хулихан возле моего дома, а сам поехал в больницу, чтобы проведать тебя. Миссис Хулихан говорит, что Нола поужинала рано, затем поднялась наверх, чтобы взять гитару своей матери, и ушла, не попрощавшись. Однако она оставила для Джека записку, в которой сказала, что ее не будет какое-то время, потому что она должна что-то сделать для своей матери. Из хороших новостей: она оставила свой рюкзак, а это заставляет нас думать, что она не солгала. Джек разбирается с этой ситуацией и не хочет, чтобы ты беспокоилась.

Вернись и найди глаза моей дочери. Я уже пыталась стащить с себя больничную ночную рубашку.

– Я должна его найти. Я могу помочь. И я должна сказать ему одну важную вещь.

Вместо ответа мать выразительно нахмурилась.

– Хорошо, – сказала я. – Две вещи, хотя, пока я точно не узнаю о второй – известно, что тесты на беременность иногда показывают ложный результат, – пока не скажу. И если ты позовешь медсестру, чтобы ускорить процесс выписки, обещаю по пути домой заскочить в аптеку и купить еще один тест на беременность, чтобы, прежде чем огоршить Джека, быть в этом абсолютно уверенной.

Она недовольно поджала губы, однако кивнула:

– И по крайней мере одну бутылку воды. Обещай мне. Тебе нужно больше пить.

Я начала отдирать пластырь, которым капельница была приклеена к руке.

– Прекрати, – глядя на меня, сказала мать, – иначе ты себя поранишь. Я пойду позову медсестру.

– Поскорее! – крикнула я ей вслед и шагнула к стулу, на котором аккуратной стопкой была сложена моя одежда. С содроганием взяв из стопки мешковатые джинсы, я начала их надевать и, на всякий случай потрогав живот, поняла правду, которую была еще не готова принять. Бонни спасла меня и моего ребенка. Самое меньшее, что я могла сделать, это воздать ей добром за добро.

* * *

Я позволила матери сесть за руль, хотя, если честно, предпочла бы видеть на ее месте Амелию. Вот кто воспринимал бы дорожные знаки, в том числе и знак «стоп», просто как некие намеки и доставил бы нас к дому Олстон в два раза быстрее. По моей просьбе мать позвонила Джеку, чтобы тот в свою очередь позвонил Олстон и узнал от нее как можно больше о недавней активности Нола на Фейсбуке. Я хотела, чтобы он думал, будто я все еще в больнице. С меня хватило того, что родная мать пыталась удержать меня на больничной койке. Да и вообще, я была не уверена, что Джек захочет видеть меня рядом с собой.

Мы подъехали к дому Олстон одновременно с Джеком. Меня так и подмывало подбежать к нему, обнять его и заверить, что все будет хорошо. Но он даже не взглянул в мою сторону, и я сделала вид, будто роюсь в сумочке.

– Разве она не должна быть в больнице? – спросил Джек, обращаясь к моей матери.

– Она решила помочь. Она очень переживает из-за Нола и просто не находит себе места. Не привези я ее сама, она бы нашла способ сбежать из больницы и приехать сюда.

– Если только Нола не сказала ей, куда направляется, вряд ли она может нам чем-то помочь.

– Она говорит, что...

– Прекрати, – оборвала я ее. – Я ведь все слышу.

По крайней мере, моя мать смутилась. А вот Джек был просто сердит, вернее, не просто сердит, но и не похож на себя. На нем все еще были заляпанные грязью джинсы и рубашка, волосы растрепаны, как будто он постоянно проводил по ним пятерней.

– Тебе следовало остаться в больнице, – сказал он. Интересно, догадался он о моем секрете? – Я должен убедиться, что по крайней мере одна из вас в безопасности.

Мое сердце слегка оттаяло, и мне стоило немалых трудов не броситься ему на шею.

– Со мной все в порядке. – Я показала бутылку с водой, которую мать заставила меня купить в аптеке вместе с тестом на беременность. Но его я показывать не стала. – Обещаю как можно больше пить. Я просто не могла оставаться в кровати, зная, что Нола исчезла и, возможно, нуждается во мне.

Он глубоко вздохнул, чтобы что-то возразить, но я ему помешала:

– Не знаю, поможет ли это, но я поняла, что Бонни пыталась сказать нам, говоря о «глазах моей дочери». Это песня – та самая, которую я постоянно слышу с тех пор, как Нола вошла в мой дом. Она просит нас найти ноты. Должно быть, она написала ее, а потом по какой-то причине спрятала.

Мы зашагали к парадной двери Равенелей.

– С какой стати ей было их прятать? – спросила моя мать. – Разве авторы песен не хотят, чтобы их музыку слушали все?

– Только если им за это заплатят, – буркнул Джек.

Я хотела спросить его, что он имел в виду, но в этот момент Олстон открыла нам дверь.

– Привет, – сказала она и, закрыв за нами дверь, уточнила: – Разве моя мама ожидала вас? Это вечер свидания моих родителей, поэтому их нет дома.

Джек улыбнулся, но я заметила, как его рот при этом нервно дернулся.

– Вообще-то мы все еще ищем Нолу. Когда я разговаривал с тобой чуть раньше, ты сказала, что не видела ее, но вдруг после этого она тебе звонила.

Олстон растерялась, но лишь на мгновение:

– Я пыталась дозвониться до нее раз тридцать. Думала, что она ответит на звонок, если он от меня. Наконец она перезвонила мне около часа назад.

Джек судорожно втянул в себя воздух:

– Я же просил тебя сразу же позвонить мне, если она даст о себе знать.

Нижняя губа Олстон задрожала:

– Я знаю. Но она сказала, что она здесь, в Чарльстоне, и что для беспокойства нет причин. Просто у нее какие-то дела, и сегодня вечером она вернется домой. Она просила меня не говорить вам, потому что вы можете ей помешать. Я решила, что подожду и скажу вам позже, потому что с ней все в порядке.

Джек закрыл глаза. Было видно, что он готов лопнуть от злости.

– У тебя есть какие-нибудь мысли по поводу того, какие у нее там дела?

И вновь Олстон замялась. Я шагнула вперед:

– Пожалуйста, Олстон. Мы все переживаем из-за Нолы. Мы должны найти ее и убедиться, что она в безопасности. Она в последнее время пользовалась твоим компьютером?

Она расплакалась:

– Пожалуйста, только не говорите моей маме. Она меня убьет. Я обещала ей, что не нарушу свое слово и не позволю Ноле пользоваться моим компьютером. Но когда Нола была у меня вчера, я оставила ее одну в своей комнате, потому что мама попросила меня отнести вниз стопку белья. Когда я вернулась, мой ноутбук стоял в другом месте. И когда я позже включила его, то увидела домашнюю страницу Фейсбука и поняла, что в последний раз эту страницу открывала не я.

– Нола ничего тебе не сказала? – уточнил Джек.

– Нет. Но я и не спрашивала. Мы обе как будто хранили один и тот же секрет, чтобы не создавать друг другу проблем.

– Все в порядке, Олстон, – сказала моя мать, обнимая ее. – Мы понимаем, что ты пытаешься защитить свою подругу. Но сейчас нам нужна твоя помощь. Ты можешь принести свой ноутбук, чтобы мы посмотрели? Вдруг мы сможем что-нибудь выяснить?

Олстон энергично кивнула:

– Я знаю ее пароль от Фейсбука, если это поможет. – И она побежала наверх.

Вернувшись, она повела нас в кухню, где поставила ноутбук на стол. Тот уже был включен на домашней странице Фейсбука. Сев перед компьютером, она быстро ввела пароль, и на экране появилась страничка Нолы. Ее профиль удивил меня; на фотографии была она, Джек и я на вечеринке по случаю моего дня рождения. Это фото Олстон сделала на айфон Нолы. Ощувив в глазах ставшие уже привычными слезы, я быстро сморгнула их.

– А можно посмотреть сообщения? – спросил Джек.

Олстон кивнула. Один щелчок – и высветилось одно-единственное имя: Рик Чейз. Олстон нажала на него, и по экрану потянулась вереница сообщений. Последнее было получено несколько часов назад.

Чертыхнувшись себе под нос, Джек подался вперед, чтобы их прочесть. Олстон встала, уступая ему место за компьютером:

– Садитесь сюда, мистер Тренхольм. Так вам будет удобнее читать.

Джек сел и начал просматривать сообщения.

– Похоже, что, с тех пор как я ей это запретил, она не заходила на Фейсбук, по крайней мере, до прошлой недели, – сказал он Олстон, не отрывая глаз от экрана. – Думаю, именно поэтому ты знаешь ее пароль... чтобы ты всегда могла сказать, что ей пришло новое сообщение?

Олстон медленно кивнула и, пристально глядя куда-то в пол, добавила:

– В последний раз, когда они говорили по телефону, она сказала ему, чтобы он отправлял ей сообщения в Фейсбук, потому что там вы их не прочтаете.

– Но о чем они говорили? – спросила я и, прищурившись, подалась вперед, но все равно так ничего и не прочла.

– Бонни, – сказал Джек. – И песня без названия, над которой она работала перед смертью. – Он наклонился вперед и принялся с силой нажимать на кнопку со стрелкой. – Судя по его сообщениям, эта песня у Рика и он хочет передать ее Ноле. Но сначала он хочет послушать, как она сыграет ее для него на гитаре Бонни. Для чего готов приехать в Чарльстон.

Джек снова умолк и продолжил читать.

– Черт, – выругался он и, резко отодвинув стул, посмотрел на часы. – Они должны были встретиться у статуи Джона Кэлхауна на площади Марион полчаса назад. – Он встал и повернулся к Олстон: – Позвони мне, если она с тобой свяжется, понимаешь? Что бы она ни сказала, позвони мне.

– Да, сэр. Обещаю, на этот раз позвоню. – Олстон быстро заморгала, но не настолько быстро, чтобы остановить слезы, которые ручьем потекли по ее щекам. – С Нолой все будет в порядке?

Я сжала ее руку и ободряюще улыбнулась, после чего быстро вышла вслед за Джеком. Тот уже шагал к своей машине. Я поспешила за ним, а вот моя мать застыла в нерешительности.

– Я поеду домой и буду ждать там, на тот случай, если она вернется! – крикнула она Джеку. – Дайте мне знать, если вам понадобится помощь, и я пришлю Джеймса.

Джек кивнул и сердито посмотрел на меня:

– Поезжай с ней, Мелли.

– Щас тебе, – сказала я, употребив мое любимое выражение Нолы, открыла пассажирскую дверь его машины и уселась рядом.

Глава 30

Первый приступ тошноты настиг меня, когда машина Джека пересекла Брод-стрит. Не знаю, что было тому причиной – головокружительная скорость и лихие повороты, когда он погнал машину по Митинг-стрит, или два сладких батончика, которые я купила в аптеке, потому что проголодалась. В любом случае, я сидела с закрытыми глазами и молила небеса, чтобы меня не вырвало в салоне «Порше».

Я тяжело сглотнула и повернулась к Джеку:

– Что ты имел в виду, сказав, что авторы хотят, чтобы люди слушали их песни, только если им за это платят?

– Я кое-что узнал про мистера Чейза. На прошлой неделе я летал в Нью-Йорк, чтобы поговорить с моим агентом, прежде чем отказаться от его услуг. В качестве прощального подарка он связал меня со своим старым приятелем, агентом в музыкальном бизнесе, который, оказывается, знаком с агентом Джимми Гордона. По моей просьбе он сделал несколько звонков, и я три минуты разговаривал по телефону с самим Джимми.

Я пару секунд сидела неподвижно, пытаюсь одновременно переварить и шоколадные батончики, и его слова.

– Что он сказал?

– Что он встретился с Бонни и Риком только потому, что она была известным автором песни «Я только начинаю». Только она. Никакого соавтора или типа того. Джимми даже не знал, что после того, как песня была записана, Бонни не упоминалась как ее автор.

– Тогда как получилось, что эту песню приписывают Риду Чейзу?

Джек устремился на красный свет, едва не сбив при этом группу возвращающихся с шопинга женщин.

– Подумай сама. Бонни сидела на веществах. Рик снабжал ее наркотиками до тех пор, пока она вообще перестала что-либо соображать. После чего, вполне вероятно, заставил ее подписать документы, согласно которым она передавала ему свои права на песню. Думаю, именно так он и украл эту песню у нее. И у Нолы. – Джек нахмурился. – Возможно, он же ее и убил. В известном смысле.

Представляю, каково ей было услышать свою песню по радио и знать, что ее автором считается кто-то другой, она же будет и дальше прозябать в неизвестности. Предательство Рика наверняка стало для нее тяжелым ударом.

Я сглотнула комок тошноты.

– Бедная Бонни, – сказала я. – И бедная Нола. Все это время думать, что это Джимми Гордон украл песню ее матери. Похоже, этот Рик навешал Ноле на уши лапши и она поверила его словам... чтобы найти автора песни, достаточно залезть в интернет. Но Рику, вероятно, стало стыдно. Тебе не кажется, что именно поэтому он хочет подарить Ноле новую песню, чтобы искупить свою вину перед ней?

Джек хмуро покосился на меня:

– Этот тип – гадкий слизняк, Мелли. Думаю, песни у него нет, но он считает, что она есть у Нолы. Он солгал ей про песню, просто хотел заманить ее на встречу с ним. Готов поспорить, этот мерзавец решил ее украсть.

– Но у нее нет этой песни, или, по крайней мере, она об этом не знает. – Я на мгновение задумалась: – Он приехал сюда из Калифорнии. Что, по-твоему, он сделает, когда узнает, что у нее этой песни нет? Может, нам следует позвонить в полицию?

Джек ответил тем, что вдавил в пол педаль акселератора.

– Я доберусь туда быстрее.

Я зажмурилась, чтобы не видеть, на какой скорости мы несемся.

– Почему Рик попросил ее взять с собой гитару?

– Судя по тому, что я знаю о нем, он, вероятно, хочет, чтобы она пела, пока он будет снимать ее на свой телефон или что-то в этом роде, чтобы потом эту песню обработать. Если она, конечно, эту песню знает.

Я, разинув рот, уставилась на него:

– Она знает, по крайней мере, частично. Я слышала, как она пела ее в душе, когда ей казалось, будто никто не слушает. Но она все время поет одну и ту же часть, словно не знает, что там дальше. – Я на мгновение умолкла, вспоминая. – Песня такая красивая и печальная. Вроде песен Джоан Баэз в ее лучшие годы. Бонни тоже ее поет.

Джек покосился на меня, но тут на Кэлхаун-стрит загорелся красный свет. Вместо того чтобы затормозить, он пулей проскочил перекресток, чудом избежав столкновения с грузовиком. Увидев, что

напротив отеля «Фрэнсис Марион» освободилось парковочное место, он тотчас юркнул туда. Выскочив из машины, мы оба со всех ног помчались к статуе посередине площади.

Сквер был почти безлюден, фигура государственного деятеля на колонне резко выделялась на фоне сиреневого закатного неба. Мы подбежали к квадратному основанию из белого гранита, но никого не увидели. Замедлив шаг, мы посмотрели на другие дорожки, на тот случай, если Рик и Нола шли в противоположную сторону от памятника.

Сначала я услышала тихий плач и в тревоге потянулась к руке Джека.

– Сюда, – сказала я и потащила его к другой стороне постамента. Мы тотчас застыли как вкопанные, отказываясь поверить представшей нашим глазам картине.

Подтянув колени к груди и опустив голову, Нола сидела на траве. Она прижималась спиной к белому граниту, и ее плечи вздрагивали от каждого рыдания. Футляр для гитары лежал рядом, раскрытый. По земле, словно кучки конфетти, перед плачущей девушкой были разбросаны остатки гитары. Гриф был разломан, деки раздавлены в лепешку, как будто их со всей силы растоптала чья-то тяжелая нога. Как будто вырвавшись в приступе безумия на свободу, разорванные струны скрутились кольцами поверх треснувшего светлого дерева, словно лепестки умирающего цветка.

– Нола! – Джек бросился к ней и опустился перед ней на колени. – С тобой все в порядке? Он сделал тебе больно?

Не осмеливаясь посмотреть ему в глаза, Нола покачала головой. Джек осторожно положил руку ей на макушку.

– Скажи мне, что случилось. Я обещаю, что не буду злиться, я просто хочу знать правду.

Нола всхлипнула и подняла голову:

– Он мне ничего не сделал. Но... посмотрите, что он сделал с маминой гитарой. Он сломал ее! – Она снова разрыдалась, как будто ее жизнь развалилась на множество мелких частей, как и инструмент ее матери.

Джек обнял ее, и она не стала вырываться.

– Все хорошо, Нола, раз с тобой все в порядке. Мы купим тебе другую гитару. Да, это будет другая гитара, но, в конце концов, это

всего лишь вещь. А вот тебя не заменишь ничем.

Она уткнулась лицом ему в шею, обняла и расплакалась еще сильнее. Джек погладил ее по спине так, как будто он утешал ее с самого рождения. Я была вынуждена отвернуться, чтобы тоже не разреветься.

– Куда он делся? – спросил Джек.

Нола подняла голову, вытерла глаза тыльной стороной ладони, и я заметила, что она не накрасшена.

– Не знаю, – покачала она головой. – Он разбил гитару и ушел.

Джек провел рукой по волосам и повертел головой, словно пытался определить, в каком направлении исчез Рик Чейз. Мне показалось, что он хочет догнать его. Но затем оглянулся на Нолу, и его лицо смягчилось.

– Не бери в голову, этот негодяй от меня никуда не уйдет. Разберусь с ним позже. Но зачем он сюда приехал?

– Он постоянно спрашивал меня, над какой музыкой мы с мамой работали, когда она умерла, – ответила она, всхлипнув. – Когда я сказала ему, что не знаю и что мы даже не закончили, он мне не поверил. Все, что я знаю, это первые несколько тактов, но я не сказала ему об этом. Я не такая глупая. Особенно после того, как он признался мне, что это он продал «Я только начинаю» Джимми Гордону.

– Он это признал? – спросила я.

Нола кивнула:

– Он гордится этим. Сказал, что моя мама просила дать ей на песню больше времени, чтобы довести ее до блеска. Но он знал, что эта песня может стать хитом, поэтому он уговорил маму передать права ему, долбан... тупой придурок. Он сказал мне, что маму все равно не интересовали деньги, поэтому никакого преступления он не совершил. Что она должна была быть счастлива, что благодаря ему песня стала такой популярной.

Нола вновь разревелась, и Джек еще крепче ее обнял.

– Я просто идиотка. Он пришел ко мне в ту ночь, когда умерла мама, и сказал, что она боялась, что ее из-за наркотиков посадят в тюрьму и что она якобы попросила переписать песню на его имя, чтобы все деньги, которые та принесет, не были конфискованы. Этот придурок даже сказал, что собирается дать мне каждый заработанный цент. Но потом он сказал, что Джимми Гордон нас обманул и сделал

все для того, чтобы нам не заплатили. И я поверила ему. Какая же я дура! – И она вновь зарыдала, уткнувшись лицом в шею Джека.

Джек пригладил ей волосы на затылке.

– Нет, Нола. Ты просто юная и наивная, а мерзавец Рик Чейз этим воспользовался. Но единственный идиот – это он, потому что возомнил, будто ему это сойдет с рук.

Пытаясь подавить накатившую волну тошноты, я наклонилась, чтобы поднять обломок гитары.

– Зачем ему было это делать?

– Наверно, пытался найти ноты, – всхлипнув, ответила Нола, – думал, что мама спрятала их там, так как я сказала, что не знаю, где они, и что гитара – единственная ее вещь, которую я взяла с собой. Но он так ничего не и нашел. Он просто... – Нола громко икнула. – Он взял ее и разбил об колонну, просто чтобы убедиться. – Ее лицо являло собой маску отчаяния, по щекам в два ручья текли слезы.

Сев рядом с Нолой и Джеком, я прижалась спиной к граниту, надеясь, что прохладный камень поможет мне справиться с очередным приступом тошноты.

– Песня называется «Глаза моей дочери». Ты знала об этом?

Нола повернула ко мне заплаканное лицо и кивнула.

– Откуда ты знаешь?

Я мягко улыбнулась и прижала руку к животу.

– Бонни все время просила меня найти «Глаза моей дочери». И только сегодня до меня дошло, что речь идет о песне. Она даже напевала ее мне. – Я закрыла глаза и сглотнула. – И я слышала, как ты поешь часть этой песни. Она такая красивая... особенно когда ее исполняешь ты. Мне бы очень хотелось услышать, как ты поешь ее полностью.

Нола снова заплакала.

– Я не знаю песню целиком. Мы работали с ней только над первым куплетом и мелодией. Если она закончила ее без меня, значит, работала над ней, пока я была в школе или типа того.

– Но когда ты собирала вещи, чтобы приехать в Чарльстон, ты нашла какую-то ее часть? – спросил Джек.

– Нет. Помню, как я ее искала, и когда не нашла, то подумала, что она признала ее отстойной и выбросила. – Нола крепко зажмурилась,

словно пыталась остановить поток слез. – Как и всю нашу жизнь, – тихо добавила она.

Джек притянул ее ближе и снова поцеловал в макушку.

– Ни за что не поверю, что это правда, Нола. Я знал твою маму и знаю тебя. Может существовать тысяча причин, почему она сделала то, что сделала, но я знаю, что это не одна из них.

Я прижала руку ко лбу, кожа была липкой и потной. Я закрыла глаза, вспомнив ту ночь, когда Джек привел ко мне напуганную, но дерзкую Нолу со всем, что у нее было в небольшом рюкзаке, и гитарой ее матери. Бонни явно была там, следя за тем, чтобы с Нолой все было хорошо.

Я повернулась к ним, радуясь тусклому свету сумерек, скрывавшему зеленоватый оттенок моей кожи.

– Я с самого начала знала, что твоя мама любит тебя. Она не выбросила эту песню. Я знаю, что она закончила ее. И я знаю, что эта песня даже лучше, чем та, которую украл Рик. Я слышала ее десятки раз, и она с каждым разом, когда я ее слышу, становится все красивее. Твоя мама назвала ее «Глаза моей дочери», потому что это твое наследство. Она спрятала ее от Рика там, где, как она знала, ты могла ее найти. Там, где нам даже не пришлось бы в голову искать.

Мы молчали, перебирая в уме варианты. Тишину нарушал лишь шум машин на соседней улице. Первой заговорила Нола:

– Пап? Как ты узнал, как меня найти?

Я заметила, как Джек медленно сглотнул, из чего сделала вывод, что он тоже услышал это самое «пап».

– Спасибо Фейсбуку, – сурово ответил он.

Нола простионала:

– И теперь у меня большие проблемы?

– Можно сказать, и так. При желании я мог бы на всю жизнь посадить тебя на привязь. Но я еще не решил. – Он крепко обнял ее и поцеловал в макушку. – Я места себе не находил. Обещай мне, что ты больше не совершишь подобной глупости. Что сначала поговоришь со мной, и мы вместе разработаем план действий.

Она кивнула, затем посмотрела на меня:

– Почему Мелли с тобой? Я думала, вы не разговариваете друг с другом.

Джек посмотрел в мою сторону:

– Ты же знаешь, какая она, без меня никак. Совесть не позволила мне бросить ее. С ее грустным щенячьим лицом она хуже Генерала Ли. Видеть это было выше моих сил.

Нола хихикнула. Я же еще сильнее прижалась спиной к камню в поисках остатков прохлады. От очередного испепеляющего взгляда Джека спасла лишь новая волна тошноты.

– Он лишь хотел сказать, что ты мне не безразлична, Нола, – сказала я, подавив тошноту, – и я хотела убедиться, что с тобой все хорошо.

Я закрыла глаза, пытаюсь представить парящие, невесомые облака и прохладный ручей. Вместо этого я снова увидела Нолу в ту ночь, когда Джек привел ее к моей двери, с гитарой и рюкзаком, из расстегнутой молнии которого торчала мордочка плюшевого мишки.

Я резко села прямо. Перед глазами тотчас все поплыло.

– Как давно у тебя этот плюшевый мишка?

Нола нахмурилась:

– С самого рождения. Мама купила его, когда была беременна мной, и он каждую ночь спал со мной. Она назвала его Вольфгангом, но для меня он всегда был Вольфи. – Она потерла глаза: – А почему ты спрашиваешь?

– То есть, если вы куда-то отправлялись или переезжали на новое место, – ушла я от прямого ответа, – ты всегда брала Вольфи с собой? И твоя мама это знала?

Нола кивнула:

– Никто не знал, кроме моей мамы. Другие дети меня засмеяли бы, если бы узнали.

– И новая надпись на майке – когда она ее пришила?

– Примерно за месяц до смерти, – ответила Нола, задумчиво прищурившись, – но она не сказала мне почему.

Я посмотрела на Джека, но он уже вставал.

– Давай, – сказал он, протягивая Ноле руку и помогая ей подняться.

– Куда мы идем? – спросила Нола.

Они оба повернулись ко мне, пока я неуклюже пыталась встать, тяжело опираясь на основание статуи.

– Кажется, я знаю, где твоя мама спрятала песню. – С этими словами я отвернулась и под зорким оком старого Джона С. Кэлхауна извергла в траву содержимое желудка.

* * *

Не считая быстрых звонков Джека по мобильнику его и моим родителям, когда он сообщил им, что мы нашли Нолу и у нас все в порядке, было подозрительно тихо. После того как меня вырвало, мне стало намного лучше, и теперь я сидела, откинувшись на спинку переднего сиденья «Порше», насколько то было возможно в тесном салоне. Нола свернулась калачиком на маленьком заднем сиденье. Мне стоило немалых трудов убедить Джека не везти меня обратно в больницу. Я сказала ему, что я просто переела сладкого и ничего более.

Мои родители встретили нас на крыльце дома моей матери. Пока они помогали Джеку вытащить с заднего сиденья Нолу, я вбежала внутрь, быстро поднялась по лестнице и встала рядом с комнатой Нолы. Мои руки тотчас покрылись гусиной кожей, волосы на затылке зашевелились. За моей спиной скрипнула лестница. Я обернулась и увидела перед собой Джека и Нолу. Оба пристально смотрели на меня.

– Она здесь? – спросила Нола.

Я кивнула и кивком указала на комнату Нолы – мол, давайте за мной. Не успела я толкнуть дверь, как мне в лицо ударил порыв холодного воздуха. Уличный свет тускло проникал внутрь сквозь запотевшие стекла. Зато угол комнаты мерцал пульсирующим светом сильнее, чем раньше, как будто наше взаимопонимание придавало Бонни сил. Я повернулась к ней, и она не исчезла, а пристально посмотрела на меня.

– Спасибо, – прошептала я. – За то, что спасла меня... дважды.

Она улыбнулась, ее свет сделался еще ярче. *Ты знаешь почему.*

Джек застыл в дверях, не решаясь войти внутрь, и удерживал Нолу.

– Все в порядке, – сказал я. – Бонни нас ждет.

Они медленно вошли. Джек подошел к кровати, где Нола оставила рюкзак. Молния на нем была расстегнута и наружу торчала макушка медведя. Наклонившись, Джек вытащил Вольфи из его тюрьмы и протянул Ноле и мне.

– Не переживай, дорогая, – сказал он, заметив на ее лице испуг. – Я аккуратно разрежу шов и обещаю зашить его обратно.

Насупив брови, Нола кивнула. Джек полез в передний карман брюк и вытащил швейцарский армейский нож. Аккуратно задрав на медведе футболку, он положил Вольфи мордочкой вниз и с поразительной точностью вонзил ему в затылок нож. Я тотчас вспомнила о том, что в

свое время Джек служил в армии, и была вынуждена признать, что почти ничего не знаю об этом периоде его жизни.

Джек поднял голову и встретился со мной взглядом:

– Эти швы определенно сделаны вручную, и они не совпадают с машинными швами на остальной части медведя. Думаю, Бонни поэтому сменила номер на футболке, чтобы привлечь наше внимание к медведю.

Нола шумно всхлипнула и отвернулась. Джек провел ножом по шву, от шеи до медвежьей попы. Закончив, он положил медведя на кровать. В плюшевом теле зияла огромная рана, из которой торчала ватная набивка. Нола медленно оглянулась на место преступления и вытаращила глаза.

– Можно мне? – спросила она.

Джек кивнул. Нола шагнула к кровати и начала осторожно вытягивать из разрезанного шва клочки ваты, аккуратно кладя каждый такой белый комочек на покрывало. В четвертый раз сунув руку в медведя, она застыла в неподвижности.

– Кажется, здесь что-то есть, в голове. – С этими словами она вытасила очередной маленький комочек, затем в последний раз запустила руку и извлекла нечто похожее на несколько листов бумаги, сложенных в крошечный, пухлый квадрат.

На наших глазах она медленно развернула три листа линованной бумаги с черными отметками нот и паутиным почерком – почерком Бонни, подумала я, – под каждой нотной строкой. Нола начала напевать первые такты песни, уже хорошо мне знакомые, но внезапно остановилась.

– Это не те слова, которые мы написали вместе. – Ее голос дрогнул. – Я не могу...

Она протянула листок Джеку. Тот прокашлялся и начал читать:

В глазах моей дочери я вижу лучшую часть себя,
Ту, у кого есть мужество, сила и возможности.
Без шрамов на сердце, без ран и оков,
Ту, какой я всегда хотела быть,
В глазах моей дочери.

Джек поднял взгляд. В его глазах стояли слезы, прохладный ветерок теребил листок бумаги в его руке.

– Это... потрясающе. И это все о тебе, Нола. О том, что она чувствовала к тебе, как сильно она тебя любила.

Между тем Бонни приблизилась к Джеку, наклонилась к нему и коснулась губами его щеки. Он машинально потрогал лицо.

– Я лишь... – он не договорил. На его губах заиграла легкая улыбка. – Она действительно здесь, – сказал он.

Я изумленно подняла глаза и снова повернулась к Бонни:

– Ты готова уйти сейчас?

На миг ее силуэт стал ярче и четче, и я увидела, какая она красивая. Нола, несмотря на сходство с отцом, унаследовала также чистый, высокий лоб матери и ее маленький острый подбородок. Я скажу Ноле об этом позже, ведь ей непременно нужно это услышать, помнить об этом, когда у нее будут свои дети.

Прости меня.

Я знала, что ее слова предназначались не мне. Я протянула руку и вывела Нолу вперед.

– Она просит у тебя прощения. Прости ее, чтобы она могла двигаться дальше.

Нола посмотрела в угол комнаты, откуда Бонни наблюдала за нами:

– Я чувствую ее. Не вижу, но чувствую.

Бонни подошла ближе и поцеловала Нолу в макушку, как только что на моих глазах это сделал Джек.

Нола подняла глаза. На ее губах возникла легкая улыбка. К ее мокрой, зареванной щеке прилипла прядь темных волос, и я осторожно ее убрала. Мой живот как будто слегка вздулся. На меня накатила волна уверенности, и мне подумалось, что, возможно, это грядущее материнство прояснило все превратности судьбы.

Я обняла Нолу.

– Ты чувствуешь ее любовь – любовь матери. Она никогда не умрет. Даже когда она уйдет насовсем, ты всегда будешь чувствовать ее рядом с собой. Но здесь дел у нее больше нет. Она знает, что тебя любят, что о тебе заботятся и, самое главное, что ты нашла то, что она оставила тебе в наследство. Пришло время ее отпустить.

Нола продолжала смотреть прямо перед собой, как будто она действительно видела Бонни.

– Она меня слышит?

Я кивнула. Она снова повернулась к углу, где стояла Бонни:

– Я была так зла на тебя. Но теперь я все понимаю. Только зря ты мне не рассказала сама. Я бы что-нибудь придумала для нас обеих, но ты не дала мне такого шанса.

Прости меня, если я сделала тебе больно. Не сомневайся, что я любила тебя и всегда буду любить.

Я притянула Нолу к себе и обняла. Свет Бонни укутал нас обеих, как мерцающий кокон.

– Она просит у тебя прощения и говорит, что всегда будет тебя любить.

– Я тоже тебя люблю, мама. Всегда любила. – Нола крепко зажмурилась. – И я прощаю тебя. Честное слово. Даже если я еще долго буду на тебя злиться, я все равно прощаю тебя.

Свет сделался ярче, отделяясь от Бонни и превращаясь в высокий, от пола до потолка, столб, как будто где-то, в царстве ослепительного света, приоткрылась дверь. Бонни посмотрела на меня. В ее глазах застыл вопрос.

– Шагни в свет, Бонни. Теперь тебе можно уйти. С Нолой все будет хорошо, я обещаю.

На прощание взглянув на Джека и Нолу, она шагнула к столбу света, затем обернулась и посмотрела на меня.

Ты будешь хорошей матерью. Но будь бдительна. Не все бродящие по земле духи потеряны, и они ищут тех из вас, кто может отнять их силу.

Полными любви глазами она посмотрела на Нолу, а затем снова на меня. *Спасибо, Мелани.* Она слегка повернула голову, как будто слышала что-то, чего не могла слышать я. Затем, улыбаясь чему-то, что знала только она, Бонни сказала «прощай» и, вновь повернувшись к свету, вошла в него.

Свет тотчас превратился в крошечную точку, а затем и вообще погас.

Глава 31

Меня разбудил телефонный звонок. Я открыла глаза, пытаюсь понять, где я. Я вынырнула из очередного сна, в котором сидела, ожидая, когда тест на беременность покажет голубую полоску. Опять. За последние два дня я сделала их уже пять и даже составила электронную таблицу, в которой было указано, встряхивала ли я его, переворачивала, а также в какое время дня я сделала тест. Но, несмотря на хитроумную таблицу, результат был всегда один и тот же.

Сегодня, в день свадьбы Софи, я скажу Джеку. Или же скажет моя мать. Я пыталась объяснить ей, что просто хочу быть на все сто уверенной. Мне ни к чему лишний раз портить отношения с Джеком, если вдруг я ошибаюсь. Мне также не хочется признаться Ноле, что ее отец и я – не самый лучший пример для подражания. И все же я была вынуждена признать: тянуть дальше нельзя. Если я должна доказать Джеку, что вынесла для себя из моих прошлых ошибок урок, ждать дальше я не могла.

Я села в постели, прислушиваясь. Телефон между тем продолжал звенеть, а я натужно пыталась вспомнить, был ли он в комнате вообще. Генерал Ли спрыгнул с кровати, бросился через всю комнату к антикварному туалетному столику и положил передние лапы на маленький стул, стоящий перед ним.

– Спасибо, приятель, – сказала я, потирая глаза. – Может, ты заодно и ответишь?

Даже в темноте я поймала уклончивый собачий взгляд. Что делать? Прошаркав к туалетному столику, я нащупала трубку и, лишь поднеся ее к уху, запоздало вспомнила, что мать по моей просьбе выдернула шнур. Единственные телефонные звонки, которые будили меня ночью, были из разряда тех, на которые у меня не было желания отвечать.

В трубке слышались треск и щелчки, как когда-то при международных звонках во времена, предшествовавшие появлению спутниковой связи. Волосы на моем затылке тотчас встали дыбом. Все ясно: звонок этот исходит не просто из другой стороны, а из очень-очень далекого места.

– Бабушка? – тихо проговорила я в трубку. Раздавшийся в ответ голос налетел подобно порыву ледяного ветра, внутри завихрений которого затерялась крошечная звуковая точка. *Сожги кукольный домик. Они больше не будут тебя беспокоить.*

Мои глаза в буквальном смысле полезли на лоб.

– Джулия? – Если я разговаривала с Джулией по телефону, который не был даже подключен к линии, это означало одно: мы с ней больше не существовали по одну сторону жизни и смерти. На меня тотчас накатилась волна печали по поводу смерти женщины, которую я едва знала.

Он думает, что его секрет умер со мной и его драгоценное имя ничем не запятнано. Но Уильям и Джонатан нуждаются в справедливости. Правду должны узнать все. Мир должен знать, что они оба – жертвы убийства, и знать имя того, кто его совершил.

Я кивнула в телефон. Все тотчас стало на свои места, и я почти улыбнулась:

– Да. Обязательно. Я об этом позабочусь.

И Эммалин. Скажи ей, чтобы она ни в коем случае не забрасывала музыку.

– Непременно скажу. Не думаю, что с этим возникнут большие проблемы, тем более сейчас.

Какое-то время в трубке царило молчание, и я подумала, что она уже ушла. Затем так тихо, что мне пришлось плотно прижать трубку к уху, я услышала:

Скажи Ди, что я написала новое завещание и спрятала его за зеркалом в зале. Я оставила кое-что для тебя. И Эммалин.

Стоило мне представить себе реставрацию еще одного старого дома, как меня тотчас охватила паника. Я было открыла рот, чтобы возразить, но ее голос прозвучал снова, на этот раз еле слышно.

Ты сильнее, чем думаешь. У тебя скоро будет повод это вспомнить.

Помехи в трубке смолкли, и я осталась наедине с мертвым телефоном. Внезапно внизу моего живота шевельнулось что-то крошечное и слабое. У меня тотчас перехватило дыхание, и я подумала, как жизнь и смерть сосуществуют в бесконечном континууме. Я закрыла глаза и долго стояла в темноте, думая о смерти Джулии и ее последних словах ко мне. После чего потянулась к

мобильнику и нажала кнопку быстрого набора, чтобы позвонить Джеку.

* * *

Я стояла рядом с Софи, поправляя цветы в ее волосах. Ее мать, более пожилая версия Софи, включая изношенные «биркенстоки», отправилась в цветочный магазин, чтобы выговорить флористу за то, что там используют срезанные цветы. У меня никак не получалось выбросить из головы смешную картинку: Софи, вся в стеблях и корнях растений, раздает гостям крошечные лопаты, чтобы пересадить их в землю.

Я отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой, и в этот неподходящий момент ощутила в глазах хорошо знакомое жжение: подлые слезы угрожали пролиться и испортить мой тщательно нанесенный макияж. По моей рекомендации Софи впервые в жизни сходила в парикмахерскую, чтобы распрямить и пригладить волосы, и теперь они ниспадали густыми роскошными волнами ниже лопаток. Она выглядела потрясающе, особенно в винтажном свадебном платье. И даже если, увидев ее прямые волосы, гости могли не сразу ее узнать, то, увидев босые ноги невесты, они бы сразу поняли, что попали туда, куда надо.

Нащупав резинку сразу двух эластичных трусов, которые я надела, чтобы втянуть живот, я подтянула их выше. Облегающее трико и похожая на тогу простыня, выполнявшая роль платья подружки невесты, создавали ощущение, будто я голая, и две пары эластичных трусов были единственным выходом из этого пикантного положения. У меня в животе заурчало. Софи с Нолой обернулись на меня, но я продолжила возиться с белыми цветами в волосах Софи, как будто ничего не услышала.

– Ты выглядишь просто сногшибательно, – сказала я Софи, сопротивляясь очередному всплеску эмоций. Мне стоило немалых трудов не обнять ее и вновь не расплакаться. Она и так уже вздрагивала каждый раз, когда я что-то говорила, и я была вынуждена постоянно следить за собственными руками, чтобы те оставались в поле зрения.

– Спасибо, – сказала она, придиричиво разглядывая себя в высоком, в полный рост, зеркале в спальне дома одной своей знакомой на Фолли

Бич. Свадьба босиком, да еще на пляже, казалась идеальным местом для жениха и невесты, любителей ходить босиком. И гостей. – Прическа мне нравится. А вот насчет макияжа я не уверена.

– Можешь снять его после церемонии. Но ведь тебе наверняка хочется, чтобы мы увидели твои глаза и губы на всех фотографиях. Знаю, у тебя свое мнение на этот счет, но поверь, макияж выглядит очень даже естественно. Ты просто потому ощущаешь его, что никогда раньше не пользовались косметикой.

– Что не укладывается в голове, – сказала Нола, подходя ко мне. Мы были одинаково одеты, но на почти четырнадцатилетней барышне такой наряд выглядел особенно мило. Я же скорее была похожа на мишленовского человечка, пытающегося выдать себя за девушку, или вытекающее из кастрюли тесто для печенья. Стоило мне подумать о печенье и веганском соусе, которые ожидали гостей на столах, как я вновь чуть не разревелась.

– Ты тоже сегодня просто красавица, – сказала я Ноле. Сегодня на ее губах был лишь прозрачный розовый блеск и один слой туши на ресницах. С темными волосами и бледной кожей, в белом трико и тоге, она напоминала ангела, но я бы никогда не сказала этого вслух, потому что, несмотря на недавние события, она все еще оставалась подростком. Удивительно, но после того, как ее мать наконец перешла черту, на нее снизошло новое спокойствие. Думаю, причиной было прощение и прощание. Это все равно как если из тяжелого чемодана, который вы таскали в течение долгого времени, наконец выбросить все камни.

Нола пожала плечами, но я заметила, что щеки ее порозовели. Но тут загудел ее телефон. Как оказалось, ей пришло текстовое сообщение.

– Это от папы. Он и полковник покончили с костром и будут здесь через пять минут, – объявила Нола, прочтя его.

Софи вопросительно подняла брови.

– Джулия Маниго умерла прошлой ночью. Ди Давенпорт это подтвердила, – объяснила я. – Но рано утром я разговаривала с Джулией. Она велела мне сжечь кукольный домик. Я позвонила Джеку, поскольку кукольный дом стоял в его квартире.

Нола расправила плечи. Когда я сказала ей, что мы намерены сделать с кукольным домом, я думала, что она начнет возражать, но

она приняла это решение и даже была полна энтузиазма. Вот что может сделать с человеком кукольный дом с привидениями и злыми куклами.

– Джек не мог сделать это сам, – продолжила я, – поэтому он позвонил моему отцу. Он хотел позвонить Чэду, но я отговорила его. Согласись, ты вряд ли бы пришла в восторг, если бы твой жених, да еще в день свадьбы, провонял дымом и гарью.

– Пожалуй, ты права, – согласилась Софи. – Куда они его отнесли?

– У Джека здесь, на Фолли Бич, есть знакомый, а у того на заднем дворе – костровая яма. Они сожгли все, включая кукол. – Я покосилась на Нолу: – За исключением собаки, которая снова куда-то пропала.

Нола впилась глазами в дисплей, как будто читала сообщение, хотя я не слышала, чтобы ей пришло хотя бы одно новое. Софи нахмурила лоб:

– Но если ты не отправила их навстречу свету, куда они пойдут?

– Вряд ли Гарольд отправится навстречу свету, если ты понимаешь, о чем я. Но остальные – вполне. Их секрет больше не держит их здесь.

Софи приподняла длинную юбку и сошла с табурета, установленного перед зеркалом.

– Жаль, что правду так никогда и не узнают.

Я улыбнулась:

– А вот и нет. Может, и узнают. Я буду держать тебя в курсе.

В дверь снова постучали, и Нола пошла ее открыть.

– Можно входить, – сказала она, распахивая ее шире.

Джек просунул внутрь голову, но входить не стал. Увидев Софи, он тихо присвистнул.

– Такой красивой невесты я еще ни разу не видел, – сказал он и, шагнув вперед, поцеловал ее в щеку. Даже Софи не устояла перед его обаянием. Я заметила, как ее щеки стали пунцовыми.

– Держу пари, что я не первая это слышу, – сказала она и легонько его шлепнула.

Джек подмигнул, и она покраснела еще больше. Змей-искуситель повернулся ко мне:

– Ты сказала, что хотела видеть меня прямо сейчас. Что ты якобы должна сообщить мне что-то важное.

Я кивнула и посмотрела на Софи. Та вопросительно подняла брови. Я не делилась с ней своим секретом, но вовсе не потому, чтобы

отомстить ей за то, что она умолчала о своей помолвке. Первым должен узнать Джек, затем Нола. Я же пока ничего им не сказала.

– Я сейчас вернусь, – сказала я Софи и Ноле и направилась к двери. Джек увязался за мной.

Софи посмотрела на часы на тумбочке:

– Даю тебе не больше пяти минут, так что побыстрее. Если что, я отправлю за тобой Нолу.

Стараясь не прикасаться к Джеку, я повела его к двери и вышла в маленький безлюдный коридор, который вел в другие спальни. Сначала я хотела сказать ему после свадьбы. Мне требовалось больше времени или, как подобает столь важному объявлению, немного песка и океана в качестве фона вместо безликого белого гипсокартона. Или, по крайней мере, что-то мягкое, во что можно упасть, если возникнет такая необходимость. Но даже я знала: пора. Тянуть больше нельзя.

Я посмотрела Джеку в лицо, в его невероятно голубые глаза с лучиками морщин в уголках, а он в свою очередь одарил меня своей сногшибательной улыбкой. События прошедшей недели стерли большую часть враждебности, возникшей между нами после моего признания о том, что я знала про книгу Марка, однако он так и не положил руки мне на плечи, и было видно, что он следит за своими словами. Тогда я сказал ему, что люблю его, и он ответил, что ему очень жаль. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, и запнулась, услышав, как с моих губ сорвался вопрос:

– Что будет с Риком Чейзом?

Вообще-то я хотела сказать совсем другое. Джек подозрительно посмотрел на меня:

– В полиции Лос-Анджелеса у меня есть пара армейских приятелей, и они в ближайшее время устроят ему райскую жизнь. Ни один неоплаченный парковочный талон, ни езда на красный свет не сойдут ему с рук. Но это только до тех пор, пока нанятый мной частный детектив не закончит копаться в грязи, которую мистер Чейз оставил после себя в Миссури. Домашнее насилие, уклонение от уплаты алиментов, обвинения в попытке расплатиться фальшивым чеком. Недалек тот час, когда он загремит в тюрьму. Не за то, что должен, но, по крайней мере, за что-то. И когда он услышит по радио «Глаза моей дочери», я надеюсь, что ему будет очень-очень больно.

– Я тоже надеюсь.

Джек выжидающе посмотрел на меня. Как назло, у меня начали подкашиваться колени.

Я вновь принялась тянуть резину:

– Джулия Маниго хочет, чтобы ее историю все узнали, чтобы для Уильяма и Джонатана наконец восторжествовала справедливость. Думаю, она хотела, чтобы ты рассказал об этом в своей следующей книге.

Он смотрел на меня так, как будто не совсем понимал, о чем речь.

– Но ведь она мертва. Как ты?.. – Он запнулся, и его плечи расслабились. – Если честно, я не ожидал. Даже не знаю, что сказать. Спасибо, думаю, это было бы хорошим началом.

Я кивнула, почти наяву слыша тиканье невидимых часов.

– Я уже поговорила с Ди Давенпорт, и как только нотариусы засвидетельствуют имущество Джулии, она предоставит тебе доступ к любым семейным бумагам, чтобы помочь в работе... – Я умолкла и, раскрыв рот, уставилась на Джека.

– Что такое, Мелли? Ты хотела сказать что-то еще?

Я хотела, чтобы он прикоснулся ко мне, чтобы я знала, что он все еще чувствует... что-то. Но хотя мы стояли на расстоянии менее фута друг от друга – так близко, что чувствовала на его коже запах древесного дыма, казалось, что нас разделяют многие мили.

Но тут Нола открыла дверь:

– Мелли, Софи говорит, что пора. Ее отец уже ждет на улице.

Я в панике посмотрела на нее:

– Попроси Софи подождать еще одну минутку.

Я не стала ждать, когда она вернется внутрь. Обернувшись к Джеку, я глубоко вздохнула и прошептала:

– Я беременна.

Возникла короткая пауза, затем Джек наклонился ко мне, как будто внезапно потерял слух.

– Я сказала, что я беременна.

Наверно, так было при строительстве Вавилонской башни, когда люди пытались разговаривать друг с другом, но никто друг друга не понимал.

– У меня будет ребенок, – сказала я на тот случай, если ему непонятно слово «беременна».

Джек несколько раз моргнул, причем каждый раз его глаза были полны разными эмоциями, ни одну из которых я так и не смогла истолковать, потому что мои глаза застилала слезы. Джек продолжал смотреть на меня и моргать:

– Но как ты можешь быть беременна?

– Беременна? – Голос Нола вернул нас на грешную землю.

Мы как по команде повернули головы. Нола и Софи стояли в дверях, на лицах обеих растерянность, почти такая же, как и на лице Джека. Нола даже закрыла ладонями глаза, как будто пыталась заблокировать мысленную картинку.

– Папа! Как ты мог? Ты что, не знаешь, как нужно предохраняться?

Софи взяла Нолу за руку и повела по коридору к лестнице.

– Как бы мне ни хотелось услышать остальную часть этого разговора, Мелани, у меня свадьба, и я не могу ее пропустить. Я буду снаружи с моим отцом и Нолой, жду тебя. У тебя есть две минуты.

Когда я повернулась к Джеку, он больше не был похож на человека, привязанного к железнодорожным рельсам, на которого летит поезд. Вместо этого передо мной был старый Джек с хитрющими глазами и не менее хитрой усмешкой, тот самый, в которого я влюбилась, несмотря на все мои усилия этого не делать. Он нежно положил руки мне на плечи.

– Ребенок. Ничего себе! – Его большие пальцы коснулись моей голой кожи, и от этого прикосновения кровь галопом понеслась по моим жилам. – Даже не знаю, что сказать.

«Я люблю тебя», хотела я подсказать ему, но вместо этого молчала, моргая, чтобы не разреветься. Постояв в ожидании еще мгновение, я отступила, почувствовав, как его руки неохотно соскользнули с моих плеч.

– Мне пора, – сказала я, пятясь, затем повернулась и зашагала в том же направлении, что и Нола и Софи.

– Выходи за меня замуж, Мелли.

Я резко застыла на месте. Так резко, что у меня закружилась голова. Из всех ответов Джека, которые я могла себе представить, этот даже не всплывал на поверхность.

Я повернулась к нему, любуясь лицом, которое я обожала, улыбкой, которая появлялась в моих снах чаще, чем я была готова признать. Но моя главная мысль была о Бонни, о том, как она оставила его будучи

беременна Нолой, уверенная в том, что ввевшееся в его характер чувство долга опутает их обоих, вынудив его, независимо от его истинных чувств, поступить так, как он считал единственно правильным. У меня перехватило дыхание:

– Нет, Джек. Я не могу.

Он шагнул вперед и остановился:

– Это как понимать, «я не могу»? Мне казалось, ты сказала, что любишь меня.

Я пристально посмотрела на него, ожидая, что он заполнит пустое пространство теми единственными тремя словами, которые заставили бы меня передумать. Я проглотила мое разочарование.

– Да, Джек. Я люблю и буду любить всегда. Но я не могу выйти за тебя замуж.

Не дожидаясь, когда я снова разревусь, я повернулась, бросилась по коридору и выбежала на яркое солнце августовского чарльстонского утра.

Карен Уайт – многократный лауреат премии «The Best Romance Writer of America».

Ее романы издаются во всем мире, в них гармонично сочетаются романтика и загадка. Цикл романов «Tradd Street» – о приключениях медиума Мелани Миддлтон – стал культовым, сегодня вышло 7 книг, тираж которых превысил 1 000 000 экземпляров.

1

Линия Мэйсон-Диксон – граница между штатами Мэриленд и Пенсильвания, условно разделяющая север и юг США. – *Прим. переводчика.*

2

75 градусов по Фаренгейту – приблизительно 24 градуса по Цельсию. – *Прим. переводчика.*

3

«Крысиная стая» – команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х годов. Наиболее известные из них – певцы и актеры Фрэнк Синатра, Дин Мартин и Сэмми Дэвис. – *Прим. переводчика.*